

KB 15598 – 4070 P
ISSN № 2076-6211

№ 7 - 8 (129 - 130) / 2021

№ 7-8 (129/130) / 2021

Номер государственной
регистрации:

КВ 15598 – 4070 Р

ISSN 2076 – 6211

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор:

Лариса Деминская

Литературные
редакторы:

Виктор Кнейб

Ангелина Панаева

Технический редактор:

Алексей Деминский

Художественное
оформление:

Алина Васильева

Сайт:

<http://lit-avtograf.com>

E-mail:

gr-avtograf@mail.ru

Поддержка

развития журнала:

Яндекс - кошелек

41 00 14 87 96 48 025

Торговая марка:

№ 169734

Запрещается использование
материалов, размещенных в
журнале, без письменного
согласия Авторы и редакции.
Авторские права
охраняются национальным
законодательством.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ	4
ВЕДРУСА	
(ИРИНА ШИДЛОВСКАЯ)	18
НИКОЛАЙ ИЛЬИН	26
ИГОРЬ ЛЫСЫЙ	33
ВАЛЕРИЙ МАЗМАНЯН	36
РУСТАМ МУСУРМОН	40
СЕРГЕЙ ЯНТАРЁВ	45

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

ЕЖИ КИМ	52
<i>Дудочка Братца Черепахи</i>	

ЭССЕ

АРСЕНИЙ БОГАТЫРЁВ	
<i>История двух стран под</i>	
<i>крыльшками божьей коровки</i>	55
ИБРАГИМ ЮЛДАШЕВ	
<i>Слонёнок</i>	59

РОМАН

ИГОРЬ АЛЬМЕЧИТОВ	63
<i>Синопис к роману</i>	64
<i>Почтарский мост</i>	
<i>(продолжение)</i>	66

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

ФУРКАТ АЛИМАРДОН	139
<i>Моё Я</i>	140
ВАЛЕРИЙ БОХОВ	
<i>Прорвёмся</i>	145
ЛУКМАН БУРИХАН	
<i>Молочник</i>	148
МАРТА ВОХЕЧ	
<i>Молния для соседей</i>	154
<i>Скаут и предприниматели</i>	155
ХУРШИД ДУСТМУХАММАД	
<i>Ты мой единственный</i>	158
ИРИНА КАРНАУХОВА	
<i>Ты кто?</i>	174
<i>Прощание</i>	175
<i>Сказка</i>	176
ВИТАЛИЙ ЛОЗОВИЧ	
<i>За духов неба и тундры</i>	178
ПАВЕЛ ЛОМОВЦЕВ	
<i>Безмятежность</i>	197

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

САЛТАНАТ РАХИМБЕКОВА

Жертвы "Железной Девы" 223

ВАЛЕРИЙ РУМЯНЦЕВ 235

Кома 236

Пуховый платок 241

Сухари 244

ЕВГЕНИЙ ТАТАРНИКОВ

*Подари мне билет,
лучше на балет* 249

НАЗАР ШОХИН

Кровная месть 258

Ласточкино гнездо 260

Право дочери 262

ФАРХАД ЭШАНОВ

Блондинка и брюнетка 265

СКАЗКА

ЕВА ПЕТРОПУЛУ

Мастер и цветок 270

МУХАББАТ ЮЛДАШЕВА 273

Летающая звезда и светлячок 274

Обиженная зима 277

Приключения орешка 279

Утёнок богатырь 286

ФАНТАСТИКА

НИКОЛАЙ ВИНОГРАДОВ

Гравицапа 288

ВИКТОР КНЕЙБ

Солнечный дождь 303

САТИРИКО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ДЖОНАТАН СВИФТ..... 325

*Путешествия в некоторые одален-
ные страны мира в 4-х частях:
сочинение Лемюэля Гулливера.
Часть 2.*

Путешествие в Броббингнег..... 328

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ

ПРИГЛАШЕНИЕ

К СОТРУДНИЧЕСТВУ..... 352

Поэзия

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ

г. Калининград, Российская Федерация

*Александр Богданов
окончил Калининградский
государственный
технический университет.
Кандидат экономических наук.
Автор четырех сборников
стихотворений,
среди которых:
"Музыка, которая... ",
"С весной... ", "Вот бы
встретиться нам с тобой",
"Предпосылки
высокого чувства".*

НЯНЕ

Ты спишь не в горнице у зимнего окна...
В том состояньи, в тайной сени сна,
Без чёток, – обвораживанья вроде,
Твоя душа вздыхает и мельчит
По ходикам, что тикают в ночи.
На шёпот половиц – Морфей свой мак изводит.

Я чуткостью по юности сорил.
С причудой нрав ли нас с тобой мирил
Заботой кровной обо мне. Прости,
Что был далёк, когда ты оставалась
В немом краю. Свиданий наших малость
Служила светочем на всём моём пути.

Спи, няня, чистая подруга прежних дней.
Пусть тьма морозная под стать томит длинней,
Чтобы сошёл угар нестихшего накала:
Обид, разлук, сомнений и тревог;
А утро б засветло (увидит только Бог!)
Твоим глазам вполсилы потакало.

И масленичной суматохе впредь
Открыла б память... поварскую клеть,
Готовясь угощать блинами с чаем,
Что будет возвещать имбирный дух...
И в честь твою прочту с грустинкой вслух,
Как я люблю и без тебя вовек скучаю.

Пенаты милые, ухоженность полей,
Река с молвой о здешней Лорелей...
Сплелось незримо, Муза, между нами –
Сродством прикормленное и без суеты,
Простой и гениальной красоты
(Из сказок добрых в ширь твоей мечты!),
Теперь граничащее с райскими стенами.

МОЙ ГОРОД (КАЛИНИНГРАДУ)

"Мой город перестраивают турки,
Весь, Боже мой, в затейных кренделях,
Бурлит Сарай, там, где цвёл полис. Гулкий
Опаранджёван "новых римлян" шлях.
И новодела высится громада,
У берегов снимаются мосты,
Из древнего зелёного фасада
Останутся, боюсь, одни кусты.
Наверно, и религии подтексты
Имеют основание ломать.
Молитвенные наши с ними жесты
Расходятся, сулят перенимать.
Софию словно мыслят в тень Серая
Поставить, не от зодчих лезет прыть.
Без боя мы взирали, как карали –
Жилищам плебса при базаре быть.
Молюсь тебе, Андрей, апостол истин,
Чтоб первый камень оказался сбит,
И просвещённый град с небес очистил
Насущный дождь, прервав срамной гамбит..."

Из строчек восемнадцатого века
Для третьего тысячелетия весть.
Роман такой-то пишет имяреку,
Оплакивая Византии честь.

...Мой город перестраивают реже.
Не суховеи трепят мыс Таран.
Генпланом роста штадт "в умах" подвержен
Страдать, терпя эклектику и кран.

И Кантова тропа пересекалась,
Латалась, перекраивалась в хлам,
Немного из спасённого осталось,
Прошу: шабаша, не "залесьте" Храм.
Другой Андрей, по-светски избран даже,
Но не меняется строителей размах.
Квартирные с маржой цветут продажи,
А пядь газонов выдрал рынок-шах.

Эолова арфа дрожать не устанет,
В назначенный срок дождь на флейте споёт.
Весна наступает, и чувства не ранит
Оркестрик стихийною силою тот:

Сзывает всю живность из-под покрывала,
Перины зимы улетучив в ручьях.
Созвучного нежности в жизни немало,
Как зайчиков солнечных в беглых лучах.

Синички растенькают, повод сорваться –
Погода природе даёт бенефис.
И будням придётся с искусством считаться,
Идя с цветомузыкой на компромисс.

Под грохот раскатного, зычного неба,
От слякоти тёплой, упавшей на твердь, –
В грудь ударит озоном и запахом хлеба,
Что будет в колосьях по лету звенеть.

Добро, в такт вложившись из божьего слова,
По вещим мотивам земных берегинь
С людским придыханием грянуть готово
На отпуск и, как колокольчик, – "динь-динь".

Игру ароматов, цикад и напевов
Эолова арфа разбавят с дождём:
И встретится парню заветная дева,
И дева узнает того, кого ждёт.

Всему своё время: и шуму, и тиши;
Черёд наслаждения сменит покой.
Нашёптывать любящий выберет вирши
Любимой над чуткой к поэзе щекой.

Сбаюкает месяц истому и трепет,
От ночи и страха – за чудо внутри.
А знающий ветер с губ мамы есть лепет,
Что душу под сердцем смирит до зари.

Сигналы мирские и вечные – в связке,
В содружестве, к благу, под стать селяви.
Танцуют осенние тени, как в сказке,
Звучит (по-шопеновски ль?!) вальс о любви.

Чу, рыжая медь под багряным закатом
Спадёт, разбиваясь о птичий косяк.
Морозом трескучим в хрустальные латы
Оденется тусклый декабрьский голяк.

<Каминные тайны издревле уютны,
Блеск новой звезды зреет в окна сойти.
В Сочельник, Бог даст, огорошит на лютне
Муж спутницу фугой "На Млечном Пути".

А в общем: зима по иронии века;
На круги своя возвращается год,
Проверить на стойкость к судьбе человека
И сколь на антрактах протянет народ.>

...Не тронет "флейтист" кожух струнных Эола,
Притихнет концерт до весенней поры,
Чтоб с криком близняшек обоего пола
Вручила супруга супругу дары.

Какой природы женщина в миру?!
Из пены Афродита выходила...
А наша баба – лихо, по добру,
Тянула хату, пела и чудила.

Так в нынешнее время, как и встарь,
Когда ей подносились мадригалы,
В сан "император" возводился царь,
Респект интеллигенция слагала.

И барышня, крестьянка ли мадам,
Завуалированная как есть Татьяна,
Премудрая уже не по годам,
Любила и воображала рьяно.

Ты русская – и сердцем, и умом,
Сплетаешь косу, как дорожку к тайне,
В себе бы стимул вывести самом –
Быть ближе и не стать вполне случайным.

Затейница, прелестная едва ль,
Вторичны оба свойства, пусть в довесок.
Я благодарен за твою печаль,
Я каюсь, что бываю чувством резок.

На плечи запрокинь, о Муза, шаль.
То не каприз, стоическая дива,
Смотрящая из окон в бездны даль,
С молитвой за весь мир и без надрыва.

Молчи же просто, верная, молчи,
Пронзительная манна декабристов,
И будущих героев свет в ночи,
И звёздочка для вовсе не артистов.

Всё про тебя, воистину, всяк прав,
Поэт и гражданин: с конём, про избу.
Во имя грозный Зевс свой сонм поправ,
До лебеда сходил от эротизма.

Да, ты доводишь — на укус с грехом,
Для оправдания лучших побуждений.
Избегнув рая с первоженихом,
Беду несла и благо всем рожденьям.

Не вопреки и ради жив, люблю,
Тебе и эти ниточки подвластны.
Сводящая сомнения к нулю,
Что прожитое пресное напрасно.

Чаруй с душою, в чём способна ты,
Раба молвы — до глянца наводиться,
Ведь гений прост — от чистой красоты,
Раз чудное мгновенье снова длится.

И потому, читатель, не могу,
Да и не волен разглашать секреты;
Лишь небу ведомо: вдруг та, что берегу,
Причина и конец земного света.

СТАНЦИЯ "ОСЕНЬ"

*Летят вниз листья, с неба дождь летит,
...
Летят вдаль грезы, с ними грусть летит,
...
Любовь. Дальние грезы.
Близкое — вдали. И лишь
Горизонт проходит твой сквозь сердце.*

Э. М. Ремарк

С этой станции — ждать по-ремарковски серо:
Норд-вест в мышцах прохладцей готов засвербить;
Медь с багрянцем дорожку настелят без меры,
Чтоб к подножью "отправочной" хлябью прибить.

Повернут с юга клин на мирок свой туристы.
Из мирка в лучший мир косяки уплывут:
Там, наверное, птицам спокойней и чисто;
Люд с собой, до весны распрощавшись, зовут.

В грустном кличе зазывность почти без ответа,
Осень... Время оттенков, намёков, теней:
Нуар-студии съёмка в сгущении света,
Ретушируя диву, расстроит сильнее;

Костерок на опушке – постой для индейца,
Возжена с лесом трубка из листной крови,
Золотая ль пора на (из прошлого) дельца
Воздыханий от неразделённой любви.

Не объявят о рейсе, то просто – тревога,
Чай в руке из стаканчика теплит мечты,
Осень – мост, на котором я знаю дорогу,
Ту, что в дымке твои воскурят черты.

Осень – скверик в размах фестивальной аллеи,
Закутки красоты – у Карпо бриллиант.
Здесь пытались когда-то с тобой быть смелее...
С этой станции я отправляться жалею
В зимний мир, где на спячку потрачу талант.

Паук в искусстве своём знает сроки,
На стыке двух миров сплетая нить:
Что дух промозглый обещал казнить,
Голубит воздух лета в поволоке.

Хмарь назревает. Тонкостью даров,
Проворством секреторным и по звёздам
Рисунок паутины внове создан –
Вскрыть ветру неслучайное таро.

Колоду листьев перебором ост
Снимает к принимающим былинкам,
Паучье кружево (и шалость, и нарост)

Изводит: отлетают с паутинкой
На осени отгулянной погост
Несклеенные чувства-половинки.

В моей голове седины, как на грядке,
Заплодоносило же вдруг с белизной.
Какие-то строить про "перхоть" догадки
Попробую вечером с верной женой.

Растил и надеялся облагородить.
А в мой огород понаваялось росно:
Невзрачным, но крепким растениям вроде
Мучнистость налётом пришлась, как и в космы.

Сосед покивает на красок примету,
Лечить надо лучше (ну ту, что напасть).
И даже ромашки заметят про это,
Склоняясь и пряча цветочную часть.

А я, оборвав всю унылость побегов,
Подкормку устроив из книжек про сад,
Занялся собой, чтобы к первому снегу
Уменьшить старенье в мужских волосах.

Жена мне об утре напомнила мудрость,
Наверно, не стала про жизнь утомлять.
Ведь ночью приснилась коробочка с пудрой,
Меня кто-то вздумал шутя забелять.

Не верю я снам, в символизмы и знаки.
И осень с дубов отвлекала, желтя.
Да только, как из дому вышел, собака:
Нездешний шпиц белый облаял – тьяв-тяв.

"Посланец богов", как ещё его кличут,
"Виновник" (конечно в кавычках) всех бед.
С ним новый сосед, кто на кнопки тычет
В мобильном, да я улыбаюсь им вслед.

Местами сильней шевелюра седа,
И пёс, повстречавшись, добрее зальётся,
Посадки как дети, беда – лебеда.
Мы зреем, белея в век белого солнца.

*— А в голос, все-таки не читай.
Вечеру воздух сырой тут,
плотный, а зори здесь тихие,
и потому слышно аж за пять верст...*

Б. Васильев

Есть тишина, от которой обидно.
Память, она и такое разбудит.
Тихо ведь так, что увидеть стыдно.
Тихо, как будто молчание судит.

Пятеро,
пять их,
зенитчиц пятёрка,
Трудно мужские прилаживать числа.
Родине долг – и по дому уборка,
Ставит война
на расход
даже мысли.

Там есть болото, нет времени только.
Там есть задание, смертным двужильное,
Там и награда есть, данная стойким...
Девушкам тонким
и хрупким... сильным.

Рита Осянина, Сонечка, Женя,
Лиза. При Галке. Васков – их мастак.
Честно друг друга меняя в смене,
Любили

и верили в Четвертак.
Доля горячая, страшная, громкая,
Если стон местной прослышать зари.
Рванный он, искренний,
преданный,
скомканный.

Небо ли вправду от слёз горит.

"Взяли, да?
Нет. Не прошли вы,
здесь сдохнете".

Только девчонок уже
не вернуть.
Не заживая,
 свыкаются,
глохнут те
Зарева мести о грешную нудь.

Жизнь перемелется, мать-земля выстоит,
Боль тишины
 в трепет липок сойдёт,
В воды озёр очевидного чистые,
В каждый по капельке будущий плод.

Память не может смолчать по-быстрому.
В мире опять о недобром слыхивать.
Кровные зори там и здесь
вы-с т р а да-ны –
Здесь настоящие тихие,
тихие.

Вечные истины
с нотками новыми:
Дети детей,
голос Родины,
честь –
Той тишиной миротворно-суровою
Длится о павших нестихшая весть.

Есть тишина, что и леса душа слышна,
Мерно ветра д ы х а н и е
 будит кроны.

Миру тихо, когда
ни гугу война, –
Не спуская как в тишь, так и в жизнь
патронов.

Mundus universus exercet histrionam.
(Весь мир занимается лицедейством.)
Гай Петроний, строка на фронтоне здания,
где размещался шекспировский театр «Глобус»

Жить – не страшная пьеса до актности в смерть,
Потому что невзгоды,
 болезни и скука,
Вся вселенско-заштатная
с жизнь
круговерть –
Без намёка на костно-молчащую твердь,
Если чувствуешь,
 мыслишь,
отнюдь и не мука.

Хоть герои уже зачастую сошли –
Из эпохи, костюмов
и (словом) со сцены,
Театр ставит, вися на сценарной мели:
Задыхаясь от зла
в слой партерной пыли;
Жаль, актёрам великим не выйдет замены.

Ищут в памяти,
требуется новых имён, –
Как и хлеба, –
 народ, хочет зрелищ,
от Бога ль.
Мессианством ли брэнностью
 труд заклеимён –
Поиск истины,
 душ монологи,
 прогон.
К тайне близок,
бог знает,
был мнительный Гоголь.

Те же слёзы и радость достойной игры,
Жизнь – театр, удел и отсрочка до тризны.
Время дарит
 богатые внешне дары
(Не гнушаясь в минуту чумы на пиры),

По нутру ль – это как уж оценит Отчизна.
На беззубый мотив дым-машиной поддать,
Воскурив фимиам на двусмысленность ям.
Мы – актёры,
не в бездну ступаем, как тать.
В вечный путь выдающийся
долг свой отдать –
Артистично по жизни прошёлся Вильям.

Что до Германа,
кто уступил
без борьбы,
По наитью, но карты вертя наудачу:
Смысл
иронию вновь лицезреть от судьбы
И уроков истории с праздным "кабы"?!
В лицедействе – овации искренность значат.

Каждый сам выбирает себе
échafaud,
Паперть, поприще,
спутников и
обстановку,
Жизнь – запретная тема, не наоборот,
Позади когда век,
пролетевший за год,
Если к смерти в ней творческой
нет подготовки.

ЗВЕЗДОПАД-2061, АПРЕЛЬ

Задолго яркий дождь засобирался,
Совсем не как
заспавший в тучах ливень;
По меркам звёздным – светогод старался.
В апреле космос
(данность!)
импульсивен.
От Солнца ветер получив в награду
Поток частиц, что был кометой сброшен,
Курс на весну взял, будто так и надо,
В земную атмосферу всплеском крошев.
Откуда у Вселенной столько знаний,

Наверно, потому,
что мы как дети,
На планетарном братском воспитаньи,
Перед Землёй за многое в ответе.
А Время помнит по законам Планка,
И из чудных иных соображений,
Что космонавту мы задали планку,
В великое отправив приключение.
И он сказал с улыбочивостью доброй,
Пока все фокусы
всех камер "понаехали",
Подтянут,
 в форме,
 по уставу собран,
Не без волнения трудное:
"Поехали!"
Махнул рукой, и
с этого мгновения
Стал загущаться звёздный дождь активнее,
По нашу душу или
в честь служения
Готовился ворваться в небо синее.
Прошли полвека с пилотажа первого,
Апрель нам дорог по причине важности.
Меняет лихолетье время нервное,
Не та уже, конечно, к слову,
праздничность.
Вот у звезды к открытиям "память" броская,
У той, что зародилась для "падений":
Прольётся
на зелёную неплоскую
Спустя столетье звездопад весенний.
И внуки внуков обратятся к прошлому,
Отважному,
 достойному,
 заветному.
Не гаджетное же оно,
не пошлое –
Далёкое,
 красивое,
 несметное.
Мелькнут в пространстве "капли"
звездокрылые,
Метнутся, помигают,
чуть задержатся.
И если грянут будни
 вдруг
унылые,

Проверите:
в апреле космос нежится.
Для звёзд с натяжкой, впрочем,
про дождливое,
Как у погоды нашей из характера.
Галактика
почти весь год счастливая,
Дождит и светится,
без повода,
бесфакторно.

Крылом разбила зеркало пруда,
Метнувшись в поднебесья омут, чайка.
Синички беспокойные в трудах
Протенькали по партии из стайки.

Стряхнула ива с думок шелухи
В осколочность сходящейся водицы.
А мы с тобой обидами глухи
По маю и из гордости, не-птицы.

Воспрянул клён (рос рядом с ивняком)
По трепетности стана ивы-дамы,
Созвучным предзакатным ветерком
Коснувшись... И макушки нашей драмы.

В прогулочном стихании тревог
Я замечаю большее в столь малом:
Как неустанно чуток с каждым Бог,
В душевном (с виду!) даже пятипалом.

<Деревья от природы лишены
Предчувствовать в общении иного.
Невольные реакцией вольны –
Эволюционировать основы...>

Ворчанье уток с разметаньем брызг –
Минутный перекосяк в строю сюжета,
Импровизация природы, скетч, изыск,
Всплеск в притирании птичьего дуэта.

Пускай на счастье бьётся лик воды
С небесным отражением без хмари:
Как знак конца разлучной череды
И всякой твари – отклик сердца в паре.

ВЕДРУСА (ИРИНА ШИДЛОВСКАЯ)
с. Янжуловка, Черниговская область, Украина

*Ирина Шидловская,
в литературном мире — Ведруса.
Стихи начала писать в 2000 году
после прочтения книг
В. Мегре про Анастасию.
По некоторым причинам, я
перестала писать поэзию, и
вернулась к поэтическому
творчеству в 2016 году.
Позже попробовала силы и в
прозе. Пишу на разные темы.
Вдохновение черпаю в природе,
в общении с интересными
людьми и в мудрых книгах.*

НАВСТРЕЧУ ЧУДУ

Давно посеребрили волосы лета,
Оставив след в душе, промчались зимы...
Но знаю: в дни тоски невыносимой
Спасает от унынья доброта.

Всех растерял: любимых и друзей.
Один как перст. Брожу средь улиц гулких...
И знаю, скоро мира переулки
Согреются звездой души моей.

И пусть у жизни, стоя на краю,
Я ничего не попрошу — неловко,
Всё ж подойду к двери и в полночь робко
Её в большой надежде отворю.

Волшебный свет рассеет тотчас мрак,
И, замирая, маленький ребёнок,
Во мне который — ласков, нежен, звонок -
Тихонько к чуду сделает свой шаг!

ЛЮБИМОМУ В ДЕНЬ ЕГО РОЖДЕНИЯ

Признаюсь, не любила я февраль —
Последний месяц сильных вьюг, морозов.
Не радовал на речках лёд-хрусталь,
Душа весенних жаждала прогнозов.

По солнышку скучала — редкий гость
Оно в февральском вечно-сером небе.
С собакою, у ног что грызла кость,
Сидела я, укрывшись тёплым пледом,

И о тебе мечтала, о любви,
И о весне, о вечном жарком лете.
И вот в тиши слышались шаги...
Так в нелюбимом феврале — он, Ветер,

Любовь нам подарил холодным днём
И повенчал... И песни тихо пели,
Как раньше, при рождении твоём,
Теперь и мной желанные метели...

ЕЩЁ НЕ ВРЕМЯ...

"Ещё не время", — думал с грустью он.
"Пусть наряжается и выберет любую
Из царских драгоценнейших корон —
Хоть изумрудную, хоть золотую.

Она в любом наряде хороша —
Величественна и проста до боли,
А если обнажится не спеша —
Я над собою более не волен:

Помчусь и обниму, укутав в мех,
Забыв про осторожность в одночасье!"
... На землю падал первый мягкий Снег
И Осень целовал в порыве счастья.

ПРИТЧА О СЧАСТЬЕ

С покоса братья шли домой через сосновый бор,
О жизни молодой вели неспешный разговор.
Сияло солнце в вышине и пели птицы звонко,
И в небе ветер облака расчёсывал гребёнкой.
Стоял у тропки старый дуб - разложист и космат,
И о мечте своей заветной молвил старший брат:
— Найти бы злата, серебра и больше не работать.
А как и где потратить их — одна была б забота.
Родной деревни избы уж виднелись вдалеке,
И лебедь белая плыла по голубой реке.
— О чём мечтаешь, средний брат? — и эхо повторило,
— О девице-красавице, для сердца самой милой.
А младший братец и не знал, что хочется ему...
Ну, разве, что на гусях старых заменить струну.
Да чтобы долго батя жил и мамка не болела...
А главное, чтобы душа всегда от счастья пела!
— Спасите, люди, помогите! - донеслись слова.
— Там яма, братья, хоть в траве видна она едва.
— Ты чьих-то будешь, мужичок? Совсем тебя не знаем.
— Всегда желаем я людьми, но редко узнаваем.
Я Счастье и наградить хотело б очень вас -
Одно желание могу исполнить хоть сейчас.
И в ожидании чудес умолк и лес, и ветер,
А в грязной яме мужичок сидел лучист и светел.
В котомке брата старшего полно золотых монет...
Через минуту от него простыл в лесу и след.
А по тропинке дева шла, красивей не бывает...
И средний брат невесту в ней, конечно же, узнает.
Исчезли братья, не сказав "спасибо" и "прощай",
Счастливые, что обрели земной свой дивный рай.
На корабельной на сосне, на самой на верхушке
Сидел сибирский дрозд-певец и подпевал кукушке.
Тут младший к яме подошёл и глянул с высоты:
— Скажи мне, Счастье, может быть, чего-то хочешь ты?
— Мне б с ямы выбраться сырой, уж очень я устало.
Малиновка на солнышке сверкнула грудкой алой.
Раз-два! Готово! Крепко Счастье на ногах стоит,
А в небе жаркое светило летнее горит.
— Бывай! Пока! А мне пора, — спаситель руку подал
И ничего не попросил у Счастья. И у Бога...
Шёл быстро, кудри русые спадали на чело,
А Счастье за младшим братом следом побрело...

ЛУНА-ТКАЧИХА (ПЕСНЯ)

Там, в вышине, где звёзды Медведицей пролиты,
Плела Луна-ткачиха серебряные нити.
Лишь становилось ночью здесь, на земле, темно,
Сплетала эти нити искусно в полотно.

Припев:

Кружевное, ажурное полотно это лунное
накрывает тихонечко горы, лес и моря.
Под мелодию звёздную в пору тёмную, позднюю
Сновиденья волшебные смотрит с нами Земля.

А утром ранним Солнце достанет чудо-краски,
Закроется страница ночной прекрасной сказки.
Но лишь уйдёт светило на запад на покой,
Вновь полотно сплетётся ткачихою-Луной.

БАБОЧКА-ДУША

Острый приступ любви,
И вырастают крылья
У бабочки-души!
Они способны
Охватить весь мир,
И стоит лишь взмахнуть —
Под звуки нежных арф и лир
Все изменяется вокруг.
От взмаха крыльев нежных
Кому-то станет вдруг легко
И посреди сугробов снежных
Окутает любви тепло.
Ах, бабочка-душа!
Вот — чудо из чудес.
И не видна она,
Ничтожен ее вес...
Душа спала, и вот проснулась...
Ее любовь коснулась.
Что ж, бабочка-душа, лети,
Не на огонь —
На свет любви!

ОБЫЧНЫЙ ГОРОД

В тяжёлых снах я вижу город...
Все площади его сковал
Безумный, дикий, страшный холод,
И каждый к небесам взывал:

- Пошли нам, Боже, избавленье
От вероломного врага.
Но кары нет. Нет утешенья.
Куда ни глянь - снега... снега.

Подробно помню я тот город -
И улицы. И все дома,
Они пустели очень скоро,
Когда входила в них чума.

Я помню в городе все камни
На мостовых... на дне реки.
Как закрывал в сиесту ставни
И ночью зажигал огни.

Как часто снится этот город...
В миг оборвалась тишина,
Снарядов рой и мир был вспорот -
Так в каждый дом пришла война.

И сапоги нещадно били
Тот город, в прахе и пыли,
Но отступили, обессилив.
И вновь вернулись журавли.

Подумаешь, приснился город!
Но что так трогает меня?
И почему он мне так дорог?
А этим городом был... я!

Поэзия • Ведруса (Ирина Шидловская)

ПОД РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Разнообразнейшие зелья
В чулан на полочку поставлю:
Засахарённые везен
И засолённые страдания;
Из капель радости настои
От всех недугов и напастей;
Для чая – листики историй;
Для кофе – гранулы из счастья.
Нанизанные в бусы слезы,
Что собрала в минуты грусти;
В пучках - засушенные грёзы -
Моя душа их все отпустит...
Лишь раз в году чулан открою –
В канун святого Рождества я,
Ведь очень хочется порою
Нам насладиться волшебствами.
Сухие веточки мечтаний
Я оживлю водой целебной,
Любви ушедшей очертанья –
Святой молитвою волшебной.
И заиграют краски жизни
Досель неведомой красою:
Мне самый дальний станет ближним,
И осветится путь звездою!

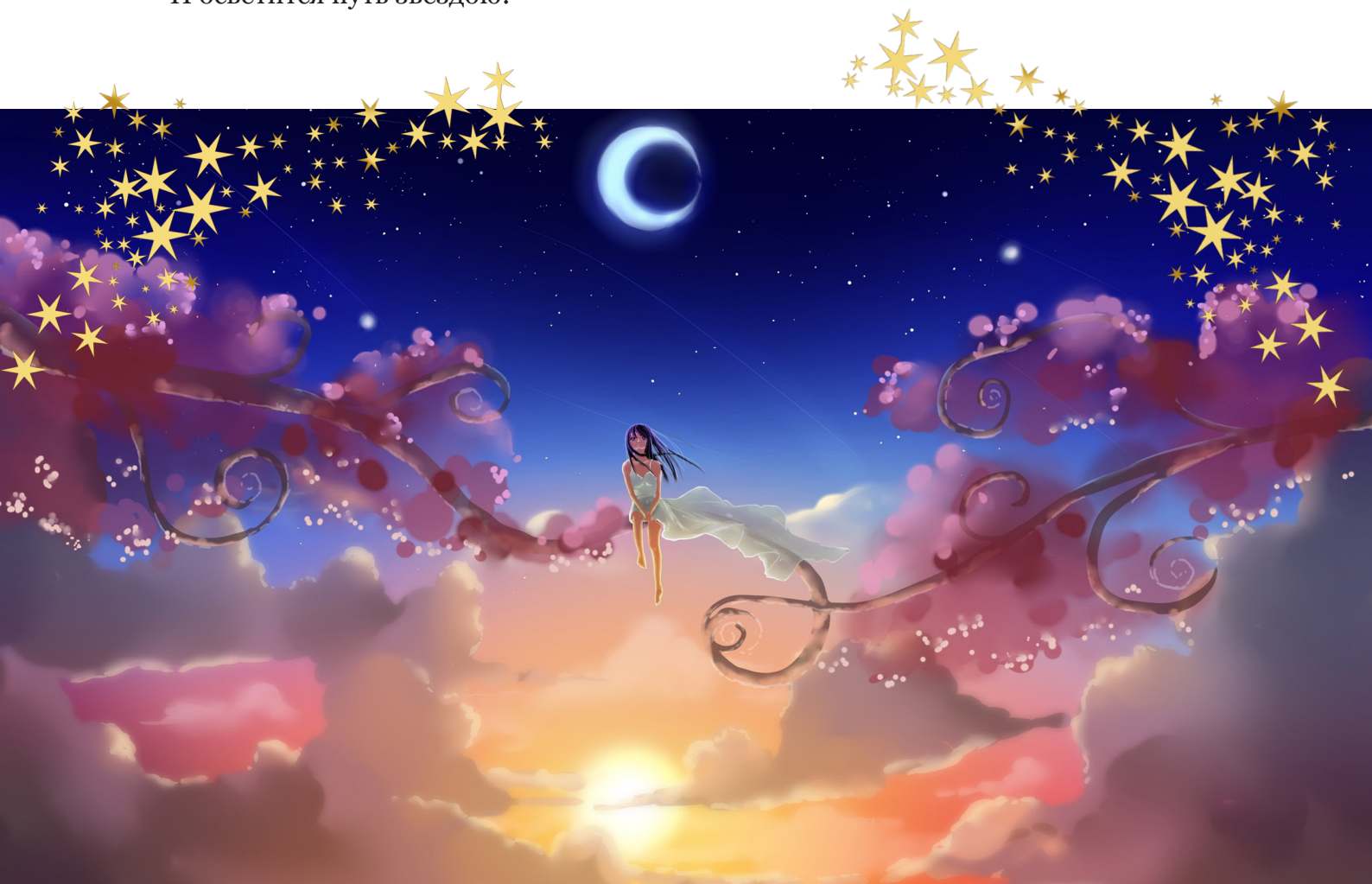
КОГДА-ТО НАДО МНОЙ ПОСТАВЯТ КРЕСТ

Когда-то надо мной поставят крест
И без меня взойдет и сядет солнце...
И принесут не мне благую весть,
Не для меня засветят свет в оконце...

Но не съедает грусть, молчит тоска,
И многое уж больше не печалит.
Из вечности напьётся родника
Душа, и обогреется лучами...

И "я" не затеряется моё,
Земля мне силы новые подарит.
Пусть кружит над могилой вороньё,
Да только душу время не состарит.

И верю, есть запас, и стрелки пусть
Ещё бегут, спеша, по циферблату...
Я знаю, что когда-нибудь вернусь.
Прошу лишь только, крест на мне не ставьте!

Спешили все на ярмарку в Аду,
Где Дьявол собственной персоной
Товар на полки выставлял в ряду,
Людские слабости взяв за основу.

Вот Молот Гнева, Ревности Кинжал,
Орудия Гордыни, Страха, Злости.
А вот в Капкане Жадности — металл.
Особенный. И из него же Гвозди

Для Ярости и Стрел туманной Лжи.
Печаль и Зависть — в радужных флаконах.
Вот — Лестью перемазаны Коржи
И Лозунги на дьявольских Знаменах.

Но был один невзрачный инструмент,
Что стоил всех дороже, вместе взятых,
Унынье заслужило постамент
И пользовалось спросом у богатых.

"Секрет до неприличия простой," —
Гостей своих Дьявол просвещал, —
"Унынье — ключ, им дверь души людской
Легко для всех грехов я открывал!"

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ (ПЕСНЯ)

Тихий вечер... Нежный голос про волчка поёт.
Руки мамы пахнут сладко — как цветочный мёд.
Вот за пеленой я слышу: "Баюшки, баю..."
Видимо, поют похоже ангелы в раю.
По подушке разметались волосы мои.
Детство рядом засыпает, нежась от любви.
Скрип пружины тише... тише... засыпаю я.
Укрывает покрывалом счастье там меня.
Нежный голос — голос детства снится иногда,
Хоть горит давно на небе мамина звезда.
Помолясь, спою тихонько: "Баюшки, баю..." -
Для родителей своих колыбельную...

В ПОЛНОЧЬ ВСЕЛЕННАЯ ПАХНЕТ...

*В полночь вселенная пахнет звездами.
Эрих Мария Ремарк*

Утром Вселенная пахнет росой
И перламутровой алой зарёю.
Солнечный ветер имеет свой запах —
Ели лесной, в чьих запутался лапах.

Есть аромат свой у Солнца-Ярилы —
Запах тепла и струящейся силы...
Как же Земля, что для нас словно мать? —
Нежною силой может нас наполнять.

Днём же Вселенная пахнет грозой
И омывает хрустальной слезой
Верного сердца фиалковый пыл,
Запах любви чтобы он не забыл.

Чувствуешь радуги семь ароматов,
Амбре несравненных и разных закатов?..
Бризы дурманят в цветочных морях.
Изумрудные горы - в драгих жемчугах.

К вечеру пахнет Вселенная речкой
И на оконце — крестьянскою свечкой,
А от Луны, что запряталась в тучи
Льётся с небес аромат благозвучий.

Полночь заполнена духом любви.
Падают звёзды... Любую лови!!!

© Ведруса (Ирина Шидловская), 2021

НИКОЛАЙ ИЛЬИН

г. Ташкент, Республика Узбекистан

Ильин Николай Дмитриевич - поэт, литературовед, переводчик. Родился в городе Златоусте Челябинской области России. Семья переехала в Ташкент, где он окончил среднюю школу и филологический факультет Ташкентского Государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека). Профессиональный филолог, преподаватель и методист Ильин Н.Д. более двадцати лет преподавал русскую литературу

в Ташкентском Республиканском педагогическом институте русского языка и литературы и Узбекском Государственном Университете мировых языков. Кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 70 научных публикаций по истории и теории литературы и методике ее преподавания. Работал заместителем главного редактора журнала «Звезда Востока», редактором научно-методического журнала «Преподавание языка и литературы», а с 2018 является членом Союза Писателей Узбекистана, старшим сотрудником отдела по работе с творческими объединениями. Николай Ильин автор восьми поэтических сборников: «Первая тетрадь» (2004 г.), «По клавишам души» (2005 г.), «На кочевьях времен» (2006), «Обетованная память» (2008 г.), «По стопам листопада» (2010), «Листва и корни» (2015), «Если окно открыто...» (2017), «Архивариус осени» (2020). Стихотворения Н. Ильина публиковались в журналах «Звезда Востока», «Восток Свыше», «Дружба народов», альманахах «Под знакомы осени» (Ташкент), «Малый шелковый путь» (Ташкент), «Признание» (Ташкент), «Кронос» (Латвия), «Книголюб» (Казахстан), «Эдита» (Германия), «И помнит мир спасенный...» (Москва) и другие.

Поэт активно занимается переводческой деятельностью. Им переведены на русский язык стихотворения Алишера Навои, Бабура, Пахлавана Махмуда, Абдуллы Арипова, Эркина Вахидова и других классических и современных поэтов Узбекистана. Публикации сопровождались литературоведческими статьями о переведенных авторах и их произведениях. Литературно-критическая и переводческая деятельность поэта отмечена званием лауреата и премией литературного конкурса 2011 года «Ватан учун яшайлик» (Жить во благо Отечества), званием лауреата международного конкурса «Страницы античности» (Москва, 2016). По итогам 2020 года, признан «Литератором года» Узбекистана. Николай Ильин член жюри международного литературного конкурса «Сорок пятый калибр» (Россия), а также жюри международных фестивалей песни и поэзии «Чимганское эхо» и «Осенний аккорд» (Узбекистан), член Общественного совета журнала «Звезда Востока». Поэт постоянно выступает перед публикой в различных учреждениях г. Ташкента, а также за его пределами в составе поэтической группы «Литера». Активно пропагандирует творчество узбекских авторов в литературных радиопрограммах канала «Узбекистан 24». Является организатором регулярных поэтических вечеров в Государственном музее Сергея Есенина («Вечера в пятницу»).

Я СТАНУ ТВОИМ ДРУГОМ

Понятно, что мы уж не дети,
Понятно,
но Боже мой:
Один Ви Ай Пи с юной леди
Зашел вдруг ко мне домой.

Держался он как-то надменно
И все надо мною шутил,
А я между тем незаметно
За юною пери следил.

Ее красота – чудных форм явление,
Ее красота – тонкой моды веянье,
Созвучье пленительных сил;
Здесь внешность, здесь сущность, здесь стиль.
Возвышенное произведение
Всевышний для нас сотворил.

И взгляд ее был горделив и светел,
Он всех своим равнодушием метил,
Как холод ночных светил,
И волосы – кольца тяжелой меди,
И губы, персидских страстей наследие, -
Все это я вмиг оценил.

Мой гость мои взгляды, конечно, заметил
И ручку – писать попросил.
И он написал: «Встреча с нею – радость,
Ее красота – обольщенья сладость,
Бальзам для осенних дней.
Ее красота вызывает зависть,
Ее красота – нежной страсти завязь,
Ты пленник ее сетей». –
Такую шайтан мне оставил запись
В книге почетных гостей.

ХАДЖ

О сколько веры в человеке
Рождаёт путь к святым местам:
Я обращаюсь к тебе, как к Мекке,
Я обращаюсь к тебе, как к Мекке,
И в честь тебя воздвигну храм.
Моей души звенящий купол
Тебе молитву станет петь,
Чтоб каждый веровал и слушал,
Кто посетил твою мечеть.
Моей груди живому сердцу
Немолчным колоколом звать,
Чтоб потянуло иноверца
Из иноверца верным стать.
И над михрабом¹ глаз оконца,
Смогли бы взор твой рассмотреть –
Неиссякаемое солнце,
Испепеляющее смерть.
Застывшим храмом на дороге
Мне ждать с мечтой наедине,
И пусть твой храм пребудет в Боге,
И пусть твой храм пребудет в Боге,
Как пребываешь ты во мне.
Огнем божественного слога
Мой стих окрасится звеня:
О как уверую я в Бога,
О как уверую я в Бога,
Когда поверишь ты в меня!

Поцелуй – это переход границы
между моим миром и новым,
в котором нет границ.
Поцелуй – это сосредоточение жизни
на одном мгновении –
твоём дыхании.
Поцелуй – это сосредоточение мира
на одной точке –
точке твоих губ.
Поцелуй – это свобода,
потому что пространство и время
становятся в нём моими.

¹ Михраб – сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.

Я стану твоим другом,
дерзким и обаятельным,
и я добьюсь жить в круге,
очерченном твоими объятиями.
Я буду искать касания
губ моих к твоему лицу, и
я буду дышать дыханием
твоих поцелуев.
Я буду томим, как жжением,
желанием постижения
каждого твоего движения
и глаз твоих выражений.
Для мысли почти незримо,
инстинктом единоверца,
я буду жить ритмом
твоего сердца;
желанной близости манией
и страхом, что мы так разные...
Я буду жить пониманием
того, как ты прекрасна!

ТРИЛИСТНИК ОСЕНИ

Листья деревьев такие разные,
И в каждой история моей жизни,
Одна и та же.

Зеленые – они принадлежат весне,
Желтые – осени,
И никогда не бывают моими.

Есть стихии земли и солнца,
Есть стихии воды и ветра,
И есть ещё жёлтые листья.

Осмысли эту листву:
Осенние листья – атомы,
Из которых построен мир.

Осень даёт листве имена,
Но не зови лист по имени:
Окликнешь – опадёт.

Время лишь зритель осени:
Её измеряют днями,
Но постигают в листьях.

Когда листок опадает наземь,
Куда уходит его душа? –
В ничто или в весну?

Учись у листвы жить сейчас:
Она живёт только раз,
И нет у неё другой жизни.

Листве откладывать жизнь некуда:
Только мёртвые листья
Висят над землёй ещё год.

Взгляни на ладонь листа:
Как ни хитры эти линии,
Но осень – его судьба.

Увянувший лист опадает не сразу:
Ему даруется время
Подумать над смыслом жизни.

Разгладь морщины листа,
Пойми его увядание –
Кто лучше листьев поймет тебя?

Цени благодатность осени:
Ведь в небе кружащийся лист –
Пароль для вхождения в вечность.

Не уходи в листопад надолго:
Так просто в нём потеряться
И поглотиться осенью.

Ищи откровений времени,
Но бойся осенних истин:
Так просто утратить разум.

В МИРЕ МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Сиди спокойно на берегу реки,
и мимо проплывет труп твоего врага.*

Конфуций

Китайская мудрость бывает строга,
За что ее ценят иные вожди:
На берег садись и спокойно жди,
Как труп поплывет твоего врага.

Но я без движенья сидеть ненавижу,
Зовет онемевшее тело река.
Плыву я вдоль берега и вдруг вижу
Заждавшийся труп моего врага.

*Умная обезьяна сидит на вершине
холма и наблюдает, как в долине
дерутся два тигра.*

Мао Цзэдун

Два тигра под холмом жестоко бились,
Я на холме сидел, на них смотря:
Я ликовал: идеи Мао сбылись!
Но вдруг, не знаю, как так получилось:
Те хищники внезапно помирились –
И дружно посмотрели на меня!..

*Дайте мне точку опоры –
и я переверну весь мир.*

Архимед

Дочь мне читала про древние споры,
Будто сказал Архимед:
Дайте, мол, только мне точку опоры –
Переверну я весь свет.
Очень занятная мысль это, дочка –
Прав был античный кумир:
Дайте мне только торговую точку –
И распродам я весь мир!

СУДЬБА И ВРЕМЯ

Есть вещи, недоступные для мысли:
Любовь, бессмертье, красота.
Я верю в то, что они есть,
Но как их объяснить – не знаю.

Есть вещи, недоступные для веры:
Жестокость, подлость и бесстыдство.
Я знаю то, что они есть,
Но всякий раз опять не верю.

Не из дому взгляд на природу,
Но в поле, в лесу, во дворе.
Осень – национальное время года,
Живущее в нашем нутре.

Осень с ее дождями
В кровь нам занесена,
Она остается с нами,
Даже когда весна.

Осень – не ожидание,
Это, что есть всегда –
Вневременное свидание,
Возвышенная пустота.

Может, не очень выгодно,
Но так уж велит природа –
Нет ведь другого выхода,
Кроме, увы, ухода:
Стоит забыть себя,
Созданного лжепамятью...
Осень, листву теребя
Желтой косматой лапою,
Дождиком мелким капает.
Утром, лишь чуть заря,
Чищу тропу асфальтовую
И, на дожди несмотря,
Землю метлой царапаю:
В залежах октября
Я сам себя раскапываю.

Он крикнул:
"Кто-то должен умирать -
А кто-то должен выжить, -
безусловно!"

В. Высоцкий. Люди середины

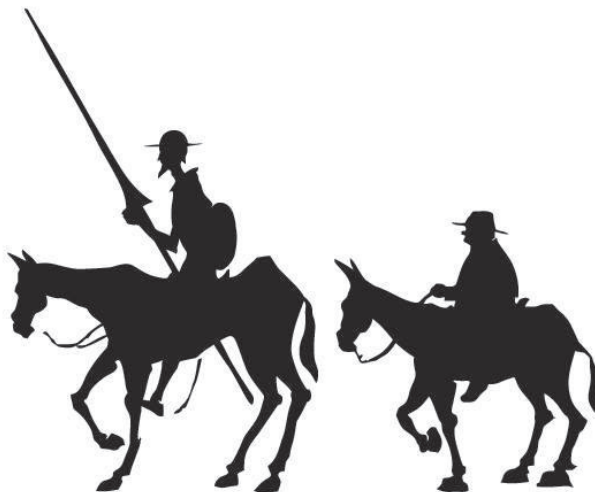
Худощавый Дон Кихот,
Коренастый Санчо Панса...
Подвиг первого влечет,
А второй хранит припасы.

Рыцарь тянется вперед
На убогом Росинанте,
Санчо все чего-то ждет,
То ль аванса, то ль «Avante!»¹

Так всегда и так везде
В дни сражений и ненастья:
Кто-то медлит в суеде,
Кто-то в битве ищет счастья.

В фильме важен эпилог,
Где все сладится как будто
И наказанное зло
«Больше делать так не будет».

Только верно судит тот,
Кто постиг финал сеанса,
Где к итогу все придет:
Умирает Дон Кихот,
Остается Санчо Панса.

1 Avante! – (исп.) клич «Вперед!»

Так нелепо: вне миров
Оказаться без причала,
Без домов и городов,
Без историй и веков,
Без конца и без начала...
Бесконечное свое,
Но оно слабо и мало.
Где-то выход – огонек
В безднах зрительного зала.

Красота спасет мир.
Ф.М. Достоевский

Когда мои слабели силы
И подступала пустота,
И мысли немощные стыли,
Меня спасала Красота:

Волны прозрачное скольжение,
Полет листвы и шум лесов,
Упругих струн соединенье,
Согласье звуков, красок, слов.

И, снова возвращаясь к жизни,
К труду и света полноте,
Я воздавал за силы те
Не только лишь друзьям и ближним,
Но и целебной красоте.

И, от беды меня спасая,
От лжи, бессмыслицы и зла,
Она являлась, как святая...

Спасет ли мир она? – не знаю,
Но жизнь мою она спасла.

*Жизнь принадлежит тому,
кто спешит.*
Бабур

Нельзя опаздывать, мой друг:
Пустяк – к застолью опоздание,
Но неуместно на свиданье
И так обидно для подруг.

Нельзя опаздывать к труду,
К стихам и музыке, к таланту –
Природа отбирает гранты
И погружает в немоту.

Нельзя опаздывать в судьбу –
Она останется судьбою,
Но очень значимо – какою:

За промедление иное
Накличешь на себя беду.

Нельзя опаздывать к себе:
Себя упустишь – не воротишь,
И будет все обычно вроде,
Но ты – как в некой пустоте,
Где ставни, как пустой избе,
Глухое время заколотит.

Есть то, что не зависит от желанья,
В чем наша воля, как и мысль, слаба,
Что не подвластно силе осознанья –
И это называется судьба.

Но есть и то, что нам дано природой,
Что как свое осознаете вы,
Что в нас живет натурой и породой –
И это не зависит от судьбы.

© Николай Ильин, 2021

Игорь Лысый

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

БИОГРАФИЯ

*Родился, учился, служил и женился.
Работал в театре при малой зарплате.
Затем в девяностых по-новой учился
Как выжить достойно
в шестой той палате.
На Польшу мотался, с бандитами знался,
Потом ГСМом чуть-чуть занимался.
Но вот подвернулась работа в рекламе,
Спасибо за это хорошенькой даме.
И я вновь вернулся к искусству и драме,
Ведь, всяко бывает с работой в рекламе.
Стихи сочинять заставляла работа
В рекламе шубеек с лисы и енота,
Компьютеров, факсов, пельменей и шин.
С тех пор я сменил, ну, с десятков машин.
Работа расти над собой позволяла,
Фортуна внимание мне уделяла.
Затем я в свободное плавание вышел
И флаг для компании собственной вышил.
И мне захотелось чего-то большого,
Как в фильме великом актёра Меньшова.
Я понял, что мне до Москвы не добратся
И надо в Донецке всего добиваться.
Я стал потихоньку чего-то писать,
Когда мне вдруг стукнуло лет сорок пять.
До селе не знаю, кого же обидел,
Что жизнь я свою под углом ТАК увидел?
Поэтому, люди, меня не судите,
По мере возможности труд мой простите.
Ведь я не со зла это всё написал,
А будто бы вызревший плод вдруг упал.*

ВСЁ БУДЕТ

Всё будет хорошо!
Быть может не сейчас, не с нами.
Война умрёт, останется лишь эхом, снами,
И небо, и земля воспрянет, будто дождь прошёл.
Всё будет хорошо!

Всё будет, как всегда!
Весною возвратятся птицы
И разнесут благую весть во все столицы,
Что снег – теперь вода и то, что горе — ни беда.
Всё будет, как всегда!

У мира будет всё.
Пусть лишь войн в миру не будет!
Без этого, поверь, от мира не убудет.
Свершений будет тьма и планов будет громадьё.
У мира будет всё!

Лишь нас с тобой не будет.

ПОЛНАЯ СВОБОДА

Хотел ты полную свободу? Ну что ж, дерзай!
Но только полная свобода у всех. Ты знай!
И нет теперь ограничений, и нет границ.
Ни перед кем теперь не надо вам падать ниц.

Ты убеждал: свобода – сила, а стены прочь!
Но ты бежал к другим мессиям – из дня, да в ночь.
Порвав все цепи, что крепили твой дух и плоть,
Спалив ковчег, ты снова строишь убогий плот.

Теперь для всех мои заветы – лишь звук пустой.
Но отчего же, как блаженный, кричишь: постой?!
Но отчего? Ведь я позволил всё, что просил.
А ты, как прежде без дороги, без прав, без сил.

ГОРЯТ ЗАКАТЫ

На ветках повисло небо,
Запутались звёзды в них.
Сегодняшний вечер мне бы
Делить лишь на нас двоих —
Глядеть на закатный сполох
И нежно шептать: люблю...
Но снова жестокий Молох
Обстрелом грозит: убью!
Горят канонадой закаты,
Сердца зажимая в тиски.
Войны глухие раскаты
Ломают наш мир на куски.

Сквозь ветки я вижу небо,
Пробито шрапнелью оно,
И звёзды мерцают нервно
В заклеенное окно.

ЖИТЬ НА ЦЕПИ

Жить на цепи проще нам,
Это не лес, а рощица.
Пусть под кнутом, но с пряником.
Это не то что странником...

Ну-ка, побей ноженьки
(Не приведи, Боженька!)
Да без угла треклятого...
Пусть будет, как у всякого!

Пусть лебеда с мятою
Или хлеб чёрствый с тюлькою.
Всё ж со своей хатою,
Пусть и с супругой Юлькою.

Жить без цепи боязно —
Страшно принять решение.
Жить, как по рельсам поезду,
Или искать прозрения?

ВАЛЕРИЙ МАЗМАНЯН

г. Москва, Российская Федерация

**Валерий Мазманян
в 1975 году закончил
Пятигорский
государственный
педагогический институт
иностранных языков.
Живёт в Москве.
Работает в системе
образования.
Автор книги
«Не спросишь
серых журавлей».**

ВРЕМЯ ЛИЛОВЫХ ТУМАНОВ СИРЕНИ

Время лиловых туманов сирени,
смеха, улыбок и откровений,
синих ночей и метелей акаций,
время, в котором нельзя нам остаться.

Звёзды слетятся к окну мотыльками,
если захочешь, лови их руками,
солнечный день или пасмурный вечер -
радость такой же осталась при встрече.

Пух одуванчиков с бабочкой кружит,
яблони цвет льдинкой плавают в луже,
время - река без истока и устья,
дважды войдёшь - не расстанешься с грустью.

Следом за зноем - шумные грозы,
ангелы трав - голубые стрекозы...
время, которое ловим мы снами,
знает, что будет по осени с нами.

ДОПОЗДНА В МЕТЕЛЬ НЕ СПИТСЯ

На дома, на тополь голый
снегопад обрушил небо,
воробьи и сизый голубь
не дождались крошек хлеба.

За судьбой не доглядели,
допоздна в метель не спится,
за петлёй петля - недели
на твои ложатся спицы.

Никого с тобой не судим,
что в душе печали кокон,
и берёза с белой грудью
зазвенит серьгой у окон.

И ручья подхватят голос
поутру хоры капли...
и простишь за белый волос,
и за то, что не допели.

ХУДЫЕ ЛОДЫЖКИ РЯБИНЫ ЗАБОТЛИВО МОЕТ РУЧЕЙ

Стареем - никак без таблеток,
без вздохов и глупых обид,
в фонтанах берёзовых веток
апрельское небо рябит.

Не сетуй - судьба не скупая,
и дней не так много пустых,
тепло воробьи покупают
за медь прошлогодней листвы.

И нечем особо хвалиться,
и плакаться повода нет,
на грудке у каждой синицы
блестит золотой амулет.

Запомнило сердце - любили
и радости лучше врачей...
худые лодыжки рябины
заботливо моет ручей.

ПОРА УЧИТЬ ЯЗЫК ГРАЧЕЙ

Над тенью ветер посмеётся,
взъерошит волосы рябин,
а в лужице монетку солнца
нашли и делят воробьи.

На волю из ледовой клетки
подснежник рвётся и ручей,
и шепчутся худые ветки -
пора учить язык грачей.

Мотивы нудные метели
сменило пение синиц,
не хочет слышать звон капли
седой сугроб, упавший ниц.

И что вчера казалось важным -
ненужный лист черновика -
плывёт корабликом бумажным
по синей луже в облака.

ПОДОЙДЁШЬ К ОКНУ БОСАЯ

Ждём - разбудит гомон грачий
лес и лёд замёрзших рек,
о метелях белых плачет
только ноздреватый снег.

От зимы осталось долгой -
вздох, неделя до тепла,
месяц - золотой заколкой -
вденет в волосы ветла.

У нагих берёз истома,
вместе с ними подожди -
и большой сугроб у дома
ночью расклюют дожди.

Пробежал февраль короткий,
подойдёшь к окну босая...
золотые самородки
солнце в лужицы бросает.

ВЧЕРАШНИЙ СНЕГ - ПОЛОСКОЙ БЕЛОЙ

Стоим с тобой на перепутье,
а осень в рубище берёз
сшивает серых туч лоскутья
стежками веток вкривь и вкось.

Вчерашний снег - полоской белой,
на ивах мокрое рваньё,
тревожат дремлющее небо
и голуби, и вороньё.

Немного у судьбы просили,
а жизнь, гадай, как повернёт,
и бьётся сердцем лист осины,
вмерзая в первый тонкий лёд.

И где ему тепло и место,
живое чувствует нутром...
зима вся в белом, как невеста,
не помнит осень в золотом.

УХОДИТ ПОРА ЗОЛОТАЯ

Уходит пора золотая,
поплачься, себя пожалей,
берёза обноски латает
цыганской иглой дождей.

А клёны не прячут нагие
узлы выступающих вен,
и мучает нас ностальгия,
и просит душа перемен.

Ты рядом, к чему торопиться
с утра в суматоху недель,
зонты, словно чёрные птицы,
куда-то уносят людей.

С намокшей травы не поднимешь
осины цветастый платок...
что там - за туманами - финиш,
а может быть, новый виток.

БАГРЯНЫМ СЕРДЦЕМ БЬЁТСЯ ОСИНОВЫЙ ЛИСТОК

Багряным сердцем бьётся
осиновый листок,
сосна целует солнце
в оранжевый висок.

Тепло в душе от мысли,
что я в тебя влюблён,
пылают жаром листья -
обжёт ладони клён.

С берёзой в тихой роще
давным-давно знаком,
поманит жизнь хорошим -
пойдёшь и босиком.

Что многое нам поздно -
дождя ночного бред...
а осень льёт из бронзы
воспоминанья лет.

ОСИНЫ КРАСЯТСЯ РУМЯНАМИ

К утру измученный бессонницей
вздохнёшь - не тех, наверно, ждал,
трепещет бабочкой-лимонницей
листочек на игле дождя.

Осины красятся румянами,
а тучи набирают вес,
притих укутанный туманами
простуженный осенний лес.

От свиста ветра лужа морщится,
а ты всё предаёшь суду,
и желтизной больная рощица
неделю мечется в бреду.

Кленовый лист ладонью скрюченной
взъерошил волосы куста...
и кем-то осени поручено
всё ставить на свои места.

А МЫ, КАК ПОЗДНИЕ ЦВЕТЫ

У зеркала притихла ты -
морщинки и седая прядь,
а мы, как поздние цветы,
не верим - время увядать.

А в памяти ночной грозы
весенний день и майский гром,
какая осень без слезы,
без сожалений о былом.

И будь ты грешен, будь святой,
за птичьей стаей не взлететь...
и дождь серебряной метлой
метёт берёзовую медь.

ВЕТЛА ГРУСТИЛА О БЫЛОМ

Ветла грустила о былом,
дремала тёмная вода,
метнулась чайка и крылом
разбила зеркало пруда.

Затеял рой стрекоз игру,
и ласточка грозу звала,
и ты шептала - не к добру,
к печали бьются зеркала.

И свет дневной во мгле пропал,
и росчерк птичьего крыла,
петляя, нас с тобой тропа
по судьбам разным развела.

Мы друг от друга далеки...
а там, где встретили весну,
сидят на зорьке рыбаки
и ловят звёзды на блесну.

СОТРЁТ КАРАКУЛИ ТЕНЕЙ ПОД УТРО БЕЛАЯ ПОРОША

Года войдут тихонько в сны,
недели пролетят аллюром,
из рамок окон до весны
не снимешь зимние гравюры.

И знает сгорбленный фонарь,
что в сумраке душе противно,
и выкормыш зимы - февраль
загонит в душные квартиры.

К чужим привяжешься сильнее -
с чужими легче быть хорошим,
сотрёт каракули теней
под утро белая пороша.

Вздохнёшь, что нет былой любви,
смолчу - нельзя всё мерить прошлым...
запомнят в стужу воробьи -
спасёшься, подбирая крошки.

© Валерий Мазманян, 2021

РУСТАМ МУСУРМОН

г. Ташкент, Республика Узбекистан

*Рустам Мусурмон —
поэт, член Союза Писателей
Узбекистана, Народный поэт
Республики Каракалпакстан.
Рустам Мусурмон родился в селе
Яккатут Китабского района
Кашкадарьинской области
Республики Узбекистан.
В 1989 году окончил факультет
узбекской филологии Ташкентского
Государственного университета.
Является автором поэтических
сборников «Голос души», «Напев»,
победителем республиканских
конкурсов.*

*В 1999 году за добросовестный труд в развитии экономики,
науки и культуры республики, воспитания подрастающего
поколения в духе патриотизма и преданности идеям
национальной независимости и социального прогресса,
Рустам Мусурмон награжден медалью «Шухрат».*

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО

Моя зима уже не за горами.
Вдали осталась юная весна.
И на меня, печально догорая,
с ветвей родимых падает листва.

Мне чудится — ступаю не по листьям.
С того и слёз сдержать я не сумел,
что чувствую — ступаю я по лицам
тех, кто навек отцвёл и отшумел.

Что ж, листопад мой? Поздно или рано
я знаю — всех нас примут небеса.
Но как в глаза я братьям своим гляну?
Как сестрам своим гляну я в глаза?

Вчера поспешно улетело лето.
Грустна долина, как пустынный дом.
Дыхание зимы летит по свету,
все разметая на пути своём.

Ветра, листву осеннюю развеяв,
по голым склонам катят снежный ком.
Как будто чьи-то запертые двери
хозяин новый вышиб сапогом.

И тучи, как рубахи, отжимая,
он кроет мглою светлый мой простор.
И по утрам на небо речка сая
чуть поднимает замутненный взор.

МОЛИТВА

Любовь и Вечность в музыке мы слышим.
Мелодия, звучи, не умолкай.
О дай мне стать, молю тебя, Всевышний,
тем воздухом, которым дышит най.

С лучами солнца роза расцветает.
Всевышний, я молю среди весны —
биенью сердца дай звучанье тара,
душе дай дрожь натянутой струны.

Пускай во мне звон бубна не смолкает.
Мне не нужна другая благодать.
Не морем, не горой, не облаками тс
дай мне, Всевышний, музыкою стать.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

*«Лето сражалось с зимой»
Махмуд Кашгарский*

Зима бороться за себя устала.
Зима слабеет. В панике она.
Несёт цветы урючин ветер талый.
Всё предвещает: Двигается весна.

Зима с вершин в атаку шлёт лавины.
Она весне дает последний бой.
Но вновь на штурм идут цветы долины,
на бастион ледово-снеговой.

Поземками зализывая раны,
зима ещё не зрит исход войны.
Но кровью уже вспыхнули тюльпаны —
знамёна побеждающей весны.

ДОМ

Я, друг мой, глинобитная лачуга.
Когда-то, помню, я была крепка.
Но все ж хочу того иль не хочу я,
меня ломают годы и века.

Сквозь трещины жарою стены дышат.
А в декабре морозы все больней.
Как с головы, я снег сгребаю с крыши,
но седина с годами всё белей.

Когда дожди, тазы ты на пол ставишь.
Но до чего ж печален капель звук.
В нём сквозь обиду, горечь и усталость
мне слышится больного сердца стук.

Когда, взяв глину и саман в ладони,
поможешь ты и крыше, и стене,
лачуга старая, я стану молодою.
И снова маки зацветут на мне.

А если нет. И лень неодолима,
то значит близок мой последний миг.
Но где искать ты будешь дом родимый,
когда осыплюсь я у ног твоих?

БОЗБАРАК

Милая бумажная игрушка,
мой кораблик голубых высот,
бозбарак — волшебная вертушка —
мне — мальчишке — дарит свой полёт.

Мне с земли руками машут дети,
смотрят снизу, как в моих руках
бозбарак мой ловит встречный ветер
и, крутясь, гуляет в облаках.

Я лечу всё выше, выше, выше.
С неба, где просторней и вольней,
Вижу наши маленькие крыши
и квадраты маленьких полей.

Шар земной! Родной не вечный берег,
он мечту мечтателю простит.
Тот, кто с детства в бозбарак не верит,
никогда на небо не взлетит.

Только детство песню свою спело,
Унесло счастливые года.
Над рекою жизни пролетело,
в облаках пропало навсегда.

Я люблю рассветных гор вершины
и тебя, закатная заря,
крылья стрекозы над камышинкой,
над арыком скрипы чигиря.

Но когда приходят неудачи
И когда на сердце всё не так,
Я тайком о бозбараке плачу.
Бозбарак мой... Где ты, бозбарак?

ПУГАЛО

Прочь, стая! Прочь! Прочь, птицы! Хой гала-а-а!
Я черных ваших крыльев не приемлю.
Лозу, что виноградом зацвела,
не вы, не вы сажали в эту землю.
Прочь, клювы хищные! Прочь, крылья! Хой гала!

Держу я камень сердца, как в праще,
в груди своей меж рёбер деревянных.
В своем зелёном травяном плаще
я винограду сторож постоянный.
Не доводите вы меня до зла.
Прочь, воры! Прочь отсюда! Хой гала!

Пускай я только деревянный крест.
Но нить души концы креста связует.
И лишь затем, чтоб гнать вас с этих мест,
я осенён небесною лазурью.
Я здесь, чтоб для людей лоза жила.
Прочь, крылья черные! Прочь, птицы. Хой гала!

Пусть надо мной шалаш и глух, и слеп.
Но снизу сам его столбы держу я.
Меня в нём отнесут в могильный склеп,
но до зимы я честно отдежурю.
Пусть от меня развеется зола.
Весной другой здесь встанет. Хой гала!

Я в землю эту вкопан не для славы.
Я просто охраняю этот сад.
Я понимаю — виноград вам сладок.
Но ведь не ваш он — этот виноград.
Заботы ваши — не мои дела.
Трещи, моя трещётка ! Хой гала!

Мы — пугалы! Но мы не просто брёвна.
Зной лета не обуглит нам тела.
Сто фениксов из деревянных рёбер
взлетят к лозе, чтоб крикнуть: - Хой гала!
Но только стоит к ночи нам остыть,
Мы думаем: - А как же птицам быть?

Перевод с узбекского Александра Файнберга

© Рустам Мусурмон, 2021

СЕРГЕЙ ЯНТАРЁВ

г. Кишинёв, Республика Молдова

*Сергей Янтарёв -
родился в столице Молдавии -
городе Кишинёв.
Школьные годы провёл в Молдавии и
на Камчатке, где родители
в советское время работали по
договору врачами. Камчатка
славится чудесной природой -
вулканы и гейзеры, покой и
первозданная, нетронутая
красота ... лыжи, коньки, рыбалка,
сенокос, сбор грибов и ягод ...
где еще такое увидишь!
Всё это в любой душе рождает
поэтические настроения -
несомненно, там источник и моих
поэтических устремлений.*

*Вернувшись в Молдавию, поступил в Академию Экономических
Знаний Кишинёва, где получил специальность
экономист-менеджер. Работал как в частных, так и на
государственных предприятиях, в основном по специальности.
В настоящее время, в связи с пандемией, временно не работаю,
что дало мне шанс доработать некоторые
мои литературные начинания.
Писать первые стихи начал еще в школе,
которую успешно с медалью закончил в 1991 году,
но только сейчас увлёкся поэзией более серьезно.
В 2020-2021 гг. написал и зарегистрировал в Молдове свой
первый сборник стихов : "Осенние листья".
Нравится творчество Николая Гумилёва, Сергея Есенина и,
конечно классиков: Пушкина, Тютчева, Бунина.
Основная идея моих стихов - это воспевание светлых сторон, как
самой жизни и природы, так и человеческих мыслей, чувств и
эмоций. Я вижу свое предназначение в отражении разумного,
добротного, вечного ... а также - теплоту, хрупкость, красоту и
многообразие живой и ранимой природы.
В этом пока я вижу свою задачу.*

БЕЛЫЙ ДЫМ

Январь! В морозном небе облака
Плывут, как будто сами изо льда.
На улицах и крышах снег лежит,
Из труб кирпичных белый дым валит.

Притих, оцепенев, весь белый свет,
Как будто бы на сотни тысяч лет.
Застыл в своей небесной красоте
В сверкающей хрустальной чистоте!

Природа дремлет, но не спит народ.
Неумолим времён извечный ход!
Ковёр зимы весь день хрустит-скрипит,
От лиц прохожих к небу пар летит!

Бегу и я, пытаюсь осознать,
Откуда же вся эта благодать?
И почему мне стал таким родным
И этот снег, и пар, и белый дым?

ВРЕМЯ ЧУДЕС

С неувядающей бодростью,
Вихрем частичек пыли,
Мчится с немыслимой скоростью
Древний "корабль" - Земля!

От часа рожденья до старости
Движемся мы вместе с ним,
В счастье, в горе и в радости -
Всю жизнь куда-то летим.

Утром мы видим Солнце,
Травы, сверкание рос.
Ночью – открытый космос,
Море огней и звёзд.

Всю череду мгновений
Время сплетает в года.
Веры и благословений
Ищет и жаждет душа.

Солнце заходит и всходит,
Мчится "корабль" Земля.
Время чудес не проходит!
Время чудес – всегда!

МОРЕ КАЧАЕТ

Под небесами, на солнце сияя,
Море живёт!
Мир красотой своей удивляя,
Море плывёт!

Буйной, грохочущей песней свободы
Море гремит!
Дивной, загадочной, тайной природой
Море манит!

На приключения нас вдохновляет
Море - магнит!
Нас на волнах как младенцев качает,
Море не спит!

Блещет, сверкает, бушует, играет,
Стонет, поёт!
Хлещет, ласкает, страшит, вдохновляет!
Море зовёт!

НАДЕЖДА

Любовь, волнения, надежды и мечты,
Науки, классики, задачи и решенья.
- Ученья годы навсегда запомним мы,
Так же как тысячи грядущих поколений.

Пройдут столетия и молодой Онегин
Вновь подойдёт к возлюбленной Татьяне.
А юный месяц средь деревьев белым мелом
Отметит угол- между двумя ветвями.

Жизнь – путешествие из пункта А в пункт Б,
И хоть в условии дано не так уж много,
Пройди искомый, неизвестный путь к себе
И к счастью своему найди дорогу.

ЛИСТЬЯ ОСЕННИЕ

Как на балу, разноцветно-красивые
Листья осенние в парке кружат.
Непредсказуемо- необъяснимая.
Осень пришла – яркий года закат.

Синее небо и яркое солнце,
Словно бы лето вернулось на миг.
Кот задремал под ажурным оконцем,
Косточки греет на лавке старик.

В парках, у озера, пары влюблённые
За руки держатся, шепчут стихи.
Небом и негою заморожённые
Ловят вечернего солнца лучи.

Вот уж и ливня осеннего слышится
Радостный шум вместе с песней ветров.
Стойко и смело по улицам движутся
Реки прохожих под морем зонтов.

В эту дождливо-сырую погоду
Как-то особенно грустно душе.
Чувствует сердце печаль и тревогу
Знаки судьбы прозревая во мгле.

Листья осенние ветер срывает,
Плавно, легко их, как в вальсе, кружа.
Тихо, с достоинством мир увядает
В шелесте листьев и в каплях дождя.

ПЕРЕХОД

Всего лишь несколько минут назад
Ночное небо источало мрак и холод.
И мир, объятый мглой и тишиной,
Безмолвно спал под тёмной пеленой.

Прошли мгновения, но как всё изменилось!
Стал, будто, легче и прозрачней небосвод,
Запели птицы. Всё живое пробудилось,
Рассвету радуясь, приветствуя восход!

Зари цвета неуловимы, словно грёзы:
То в изумрудах, то в рубинах небеса!
Над горизонтом незаметно гаснут звёзды,
А на траве блестит, горит роса!

Волшебным светом всё вокруг залито,
Сверкает мир, звенит в сиянье дня.
Светило начинает путь к зениту,
От ночи не осталось и следа.

СКРИПКА И СМЫЧОК

Ты узнай её по голосу,
Скрипку с тонкою душой.
Проведи смычковым волосом
По извилистой прямой.

И услышишь звуки нежные,
Что рождаются в тиши.
Звуки яркие, безбрежные –
Голос сердца и любви.

Волшебство и вдохновенье,
Радость, слёзы, штиль и шторм!
От простых прикосновений
Струн скрипичных со смычком.

СНЫ

Полземли накрыло ночи покрывало,
Тихо льётся в окна белый свет луны.
Подоткни подушку, натяни одеяло
И лети скорее в ласковые сны.

Там, в тенистых скверах, розы и тюльпаны,
Море, крики чаек, белые сады.
Там, в конце аллеи, шумные фонтаны,
А вокруг фонтанов стайки детворы.

Там песок горячий и холодный берег,
Занесённый снегом одинокий пляж.
Там Дунай и Волга, и безумный Терек,
Берега другие, или берег наш.

В этих снах счастливых - все что сердцу мило,
Что судьбою стало, или не сбылось.
В этих снах заветных все, что надо было
И о чём мечталось, но не довелось.

© Сергей Янтарёв, 2021

Литературный перевод

Ежи КИМ

г. Москва, Российская Федерация

*Ким Юрий Вячеславович
(литературный псевдоним –
Ежи Ким).*

*Родился в г. Сосновый Бор
Ленинградской области.*

Окончил МИЭТ, г. Зеленоград, Москва.

Кандидат технических наук.

*Работает по специальности –
медицинское оборудование и техника.*

Живет и трудится в Москве.

*Основное творческое направление
– переводы с английского и литера-
турная обработка малоизвестных
сказок зарубежных писателей.*

*В данный момент работает над
пересказом сказок дядюшки*

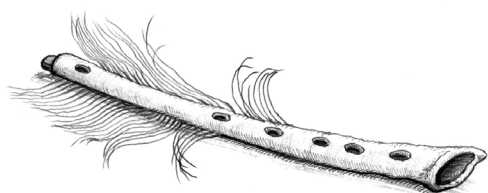
*Римуса американского писателя
Джоэля Чандлера Харриса.*

*С 2020 года является участником ЛИТО «ПарОм».
Качество текстов отмечено дипломами литературных
конкурсов, проводимых Литературным институтом
им. А.М.Горького (2020) и Челябинским государственным
институтом культуры (2021).*

*Произведения опубликованы в различных антологиях и
литературных журналах ("Автограф", "Качели",
"Рассвет", "Чайка").*

*Занимается детской книжной иллюстрацией
(графический рисунок).*

*Следить за творчеством автора можно на страницах
в социальных сетях vk.com/jerzybajka и instagram.com/jerzybajka.*

ДУДОЧКА БРАТЦА ЧЕРЕПАХИ

**(ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕСКАЗ ОДНОИМЁННОЙ СКАЗКИ
ДЖОЭЛЯ ЧАНДЛЕРА ХАРРИСА)**

– Та песенка была очень забавной, – сказал мальчик, припомнив историю, как Братец Черепаха и Братец Сарыч искали мёд.

– Посмеявшись однажды, не значит, что будешь смеяться над этим всегда, – сказал дядюшка Римус. – Поросята, вон, тоже посмеиваются, когда видят угольки в печи, да только, когда из них самих готовят жаркое, им уже не до смеха.

Как бы то ни было, забавно или нет, но Черепаха ходил и наигрывал на дудочке свою песенку:

– Одурачен, одурачен,
Одурачен бедный Сарыч.
Мною ловко одурачен.
Братец Сарыч, ты не хнычь.

Никто не знал, откуда у него такая замечательная дудочка, а Черепаха никому не говорил. Поиграть на ней хотел каждый, ведь только дунь в неё, она, точно по волшебству, пускала звонкую трель. Особенно завидовал Черепахе Братец Лис.

И вот однажды шёл он по дороге, слышит – Братец Черепаха на полянке играет. Черепаха припрятал дудочку и на Лиса глядит, глаз не сводит.

– Послушай, Братец Черепаха, отдай мне свою дудку, – сказал Лис.

– Ни за какие коврижки, Братец Лис, – отвечал Черепаха.

– Ну, продай!

– Ни за что!

– Дай хоть на денёк! Поиграю и верну.

– Не дам! – сказал Черепаха.

– Ну, хоть одним глазком дай взглянуть на неё, Братец Черепаха! – взмолился Лис. – Есть у меня пара гусиных перьев. Я себе такую же вырежу.

– Так и быть, Братец Лис, покажу. Отстань только! – сказал Черепаха и высунул дудочку из рукава.

А Лис только того и ждал: схватил её и убежал вприпрыжку. Кричал ему вслед Черепаха, грозил, да всё попусту, где же ему за Лисом угнаться.

Вот с тех пор с дудочкой стал расхаживать Лис, важный, словно оседлал быка. А завидит Братца Черепаху, так всякий раз дразнится:

– Одурачен, одурачен,
Одурачен бедный Сарыч.

Да и старый Черепаха

Тоже лихо одурачен.

– А Братцу Черепахе не было обидно, дядюшка Римус?

– Ох, и не говори, сынок! Так обидно! Так горевал, словно потерял самое дорогое на всём белом свете. Горевал, но не обронил ни слезинки.

И вот как-то утречком шёл Лис по дороге, глядь – греется на бревне Черепаха. Лис взял дудочку и, распевая свою дразнилку, давай кружить вокруг него. А Черепаха как будто и не видит Лиса, и не слышит.

Лис всё ближе-ближе, а Черепаха, он только глазом мигнул, не шелохнётся.

Лис так близко подобрался, даже на бревно вскочил да всё наигрывает, а Черепаха лежит тихо, ничего не говорит.

Уж почти в самое ухо Черепахе играет на дудочке, а старый Черепаха – ничего.

– Никак Братец Черепаха крепко спит таким чудесным утром, – сказал Лис.

И только сказал это, как Черепаха глаза раскрыл и клювом – щёлк!

Эх, да не тут то было! Увернулся ловкий Лис, и старый Черепаха промахнулся.

Но ты погоди, погоди огорчаться, дружок! Послушай, что дальше было.

Вот вскоре после этого пошёл Черепаха на болото, измазался весь в грязи, выбрался – вылитый земляной комок.

Залез под бревно, что валялось перед домом Братца Лиса, и стал ждать.

Вышел Лис на крыльцо, через бревно перешагнул. Хрясь! – тут старик с размаху как рубанёт ладонью о ладонь. – Это Черепаха вцепился ему в заднюю лапу. А уж если Братец Черепаха хватает, то намертво, и урагану не под силу его оторвать.

Вцепился Черепаха и повис, а Лис прыгает да лапой дрыгает, а скинуть никак.

– Отпусти меня, Братец Черепаха! – крикнул Лис.

А Черепаха, он ещё крепче клюв сжал, цедит:

– Отдай мою дудочку!

– Отпусти меня, и я тебе её принесу.

- Отдай мою дудочку!
- Умоляю, отпусти, и я сразу же её принесу.
- Отдай мою дудочку!
- Вот ты упрямец, Братец Черепаха! – заругался Лис, повернулся и кричит до дому:
 - Жёнушка, жёнушка!
 - Что случилось, дорогой? – Матушка Лисица кричит ему с кухни.
- А Лис ей в ответ:
 - Неси дудку и отдай Братцу Черепахе!
 - Что? Трясти будку и дать зуботычину собаке?
- Лис ей снова:
 - Нет же! Неси дудку и отдай Братцу Черепахе!
 - Что, дорогой? – кричит Лисица. – Караси в пруду затеяли драки?
- А Лис злится:
 - О, нет! Неси дудку и отдай Братцу Черепахе!
 - Что ты говоришь, дорогой? Нарядиться в шубку и всякие рубахи?
- Лис чуть не плачет:
 - О, нет, нет! Неси дудку и отдай Братцу Черепахе!
 - Не слышу! Укусить утку и скакать верхом на раке?
- Лис завыл, допрыгал до дома на одной ножке, распахнул сундук, из сундука выхватил шкатулку, из шкатулки выудил дудочку и сунул её Черепахе в лапы.
- А старина Черепаха дудочку припрятал за пазуху, сказал:
 - Не хворайте! – и был таков.

Иллюстрации Кима Ю.В.

© Ежи Ким, 2021

Эссе

АРСЕНИЙ БОГАТЫРЁВ

г. Тольятти, Российская Федерация

*Арсений Богатырев -
кандидат исторических наук.
Живет и работает
в городе Тольятти (Россия).
Специализируется,
прежде всего,
в области всеобщей истории
Нового и Новейшего времени.
Печатался в российских
изданиях: "Север", "Дон",
"Московский журнал",
"Уральский следопыт"
и других.*

ИСТОРИЯ ДВУХ СТРАН ПОД КРЫЛЫШКАМИ БОЖЬЕЙ КОРОВКИ

Мы, взрослые, частенько недооцениваем контент современных детских передач, предпочитая видеть в нем лишь развлекательную «сердцевину», нечто увеселительное и лишённое какого-либо глубокого «наполнения».

Однако на самом деле за красочными и, быть может, простодушными картинками потешных «мульт-баек» скрыто поистине неизведанное море символов – пестрые нарядные кадры иной раз «щеголяют» потаённым смыслом, который вполне можно вскрыть.

Для этого нужно всего-навсего сменить «очки скептицизма» на строго рациональную оптику. Рассуждая так мы, конечно, не слишком оригинальны. Тем не менее постараемся взглянуть на один из мультсериалов с почти научных позиций.

Наверняка многие вместе со своими ребяташками смотрели британский мультфильм «Маленькое королевство Бена и Холли» (англ. Ben & Holly's Little Kingdom), который транслировался с 2009 по 2014 годы, в России его видели на детско-юношеском канале «Карусель». Сериал собрал поклонников по всему миру, его показ не раз перезапускали.

Сказочные малютки живут в «Маленьком королевстве» припеваючи, возвышается там красивый замок короля и королевы фей, веселятся эльф Бен и фея Холли, их няня Плам-Земляничка, сварливый старичок-эльф и всякие другие необычные человечки.

А вместе с ними поживает симпатичная божья коровка. Эти насекомые, несмотря на «провокационное» название, делятся на мальчиков и девочек. Вот как раз мальчика мы и повстречали – его имя Гастон (англ. Gaston). Он – друг королевской семьи фей, не заметить его, яркого и смешного, трудно. Божья коровка попадает в разные уморительные переделки, захватывающие приключения, иногда малыша обижают и он грустит. Почему так? И почему ему дали такое прозвище?

Гастон – французское имя, которое досталось нам от далекого и захватывающего Средневековья. Многие герои этих отдаленных от нас времен носили это имя: смелые рыцари, отважные люди. Например, много-много лет назад сообразительный Гастон (Жан Батист) Орлеанский был известен как воин, не побоявшийся поспорить с сильными и опасными противниками.

Мультик Гастон ведет себя, точно охотничья собачка, а ведь когда-то у многих любимым чтением об охоте была книга Гастона Феба.

Но у нашего жучка не только французский «паспорт». Таракашки с точечками давным-давно понравились разным народам.

Гастон Жан Батист Орлеанский

Например, жители Германии кличут их пташками волшебницы Фрейи. «Божьими» их прозвали за умение улетать на небо – место, где живет Господь, а «коровками» – за оставляемые ими капельки похожей на молочко жидкости.

Англичане знают «девочек» этих жучков как «Ladybird», «Леди Птичка» – в память о Пресвятой Богородице Деве Марии, матери Иисуса Христа.

Вильгельм Завоеватель

Мы говорили о том, что семья Гастона приехала из Франции. Сам он частенько проказничает и расстраивает своих английских друзей. Французов англичане не очень любят, на них похожи многие злодеи в их историях и сказках. И это не просто так. Однажды с французского берега на земли Британии высадилось недружелюбное войско Вильгельма Завоевателя. Как и Гастон в одной из серий «Маленького королевства», этот полководец-смельчак без разрешения пришел в чужой дом и надолго в нем остался.

Вильгельм подчинил Британию своим мечом, стал править тут как король и качать права.

Говорят, имя «Гастон» значит «гость», а красный цвет божьей коровки – цвет королевского плаща, который носят самые храбрые.

Видите, из шапочки эльфа Бена торчит листок дуба? Это значит, что перед нами храбрец. Кстати, в французских сказках маленький народец часто носил на одежде дубовые листочки, о чем рассказал писатель Анатолий Франс.

Итак, французы задержались на английских берегах, оставив свой след в жизни англичан, к примеру, в их языке. Подружился с британцами и Гастон, брат которого носит вполне себе английское имя Тони.

Наполеон Бонапарт

Между прочим, хотя французские «словечки» попали в английскую речь, товарищей из Франции британцы понимают не слишком хорошо: вот и для общения с Гастоном требуется переводчик – няня Плам-Земляничка.

В конце концов все подружилось, однако дружба эта была не всегда, порой случались даже войны. «Столетняя война» не укрепила дружественные чувства между народами, временно помирились они в «Тридцатилетней войне». Крепко французы и англичане поссорились из-за торговли и денег. В мультике эльф Бен, сидя на Гастоне, дует в трубу-рожок, звуком которой приглашают не только на охоту, но и на войну. Франция секретничала с завистниками Англии, устраивала ей всяческие пакости. Все это злило англичан, которые некрасиво называли французских соседей «вонючками».

Вот и Гастон из сказочного мира Бена и Холли купается в лужах, любит беспорядок, раскидывает повсюду мусор. Таракашке по душе уплетать то, что плохо выглядит и пахнет: вспомним сопливых улиток и вонючий сыр из французских кулинарных книжек.

Озорно блестит улыбка Гастона на его темненьком личике. Это напоминание о еще одной ссоре французов и англичан, которые очень-очень давно разругались друг с другом из-за Африки: кто будет хозяином ее сокровищ? Тогда же чуть раньше французский командир Наполеон еще больше навредил англичанам, по-всякому мешая их задумкам. Помешал и наш Гастон планам Бена, когда в серии «Гастон идет к ветеринару» проглотил ключи семейки эльфов. А в эпизоде о празднике Гастон поучаствовал в желейном потоке: «респект» французскому повару Гастону Ленотру, баловавшему детвору желейными вкусностями.

Но в мультфильме Гастон не только вредничает и создает беспорядок, но и помогает своим «бро». Например в «Уроке няни Плам» жучок совершает настоящий подвиг, а в серии «Гастон спешит на помощь» божья коровка помогает вызволить друзей из подземелья гномов. И в реальности Англия и Франция конечно же не всегда воевали. Так, когда миру угрожала большая опасность, англичане и французы протянули друг-другу руки. Тогда британцы и участники французской организации «Соппротивление» работали сообща. Как и бесстрашные военные летчики-французы, Гастон-герой взлетает к облакам, торопясь на призывы о помощи.

Вот так через придуманную историю крошечной букашки удалось очень кратко и быстро «проскакать» по дорогам прошлого двух стран – Франции и Англии. Оказывается, под броскими надкрыльями ветреной божьей коровки пряталась самая настоящая историческая летопись! Внимательно смотрим мультфильмы, ведь за выдумками может притаиться большая тайна.

© Арсений Богатырёв, 2021

ИБРАГИМ ЮЛДАШЕВ

г. Учкурган, Республика Узбекистан

Юлдашев Ибрагим. Родился в городе Учкургане Наманганской области Республики Узбекистан. Окончил факультет Прикладной математики и механики Ташкентского Государственного Университета. Работал программистом, администратором базы данных. После выхода на пенсию работает учителем математики в школе. Пишет на узбекском и на русском языках статьи, эссе, фельетоны, публицистику и стихи. Занимается литературным переводом. Печатался в местных СМИ и в интернет изданиях.

СЛОНЁНОК

Прежде чем начать рассказ о стихотворении - шедевре Н.С Гумилева «Слоненок» я предлагаю Вам, читатель (если Вы раньше не читали его) внимательно прочитать следующий фрагмент из него:

Слонёнок
Родившийся в Берлине иль Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.
Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных,
Он может съесть лишь дольку мандарина,
Кусочек сахара или конфету.
Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он сделается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мишинеток.
Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи
И побежит по улицам и будет,
Как автобус, давить людей воющих.
Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

О чем эти стихи? Да, они о печальной судьбе животного рожденного и обреченного жить в заточении.

На первой строфе кратко и сжато рассказано о самом начале жизни слоненка. Как начало любой жизни оно прекрасно: детеныш зверя - любимец хозяина, как живая экзотика, он украшает собой дом хозяина зверинца, его показывают гостям, кормят сладостями.

На второй строфе поэт обращается к знакомой ему женщине, рассказывает ей о слоненке, просит обходиться с ним осторожно: не предлагать ему даже французских булок и кочней капусты - он настолько мал, что может съесть только дольку мандарина и кусочек сахара или конфету.

Но дальше, с третьей строфы в судьбе зверя происходят печальные перемены: он уже в тесной клетке, его выставляют для показа уже не почетным гостям, а «черни» за деньги. Для последних он - не чудо природы и предмет для восхищения, а только цель для пошлой забавы. Поэт метко характеризует «чернь» - приказчиков и мидинеток через их поступки. Первые издеваются над бедным животным, вторые хохочут над ним. Им противопоставляется женщина, к которой снова обращается поэт, она плачет видя как страдает слоненок в клетке, она чувствует, как ему тяжело в тесной клетке.

А в следующей строфе поэт продолжает следить за мыслями и чувствами своей нежной знакомой. Он развивает ее мысли, в ярких образах изображает ее чувства. Он понимает ее опасения и грусть, но пытается уговорить ее, чтобы она об этом не думала. Как и его знакомая, поэт ясно знает, что жизнь в заточении часто заканчивается плачевно: слон не вынесет жизни в тесной клетке, взбесится и разорвав цепи убежит. И тогда горе тому, кто окажется на его пути ... он будет давить их «как автобус» (по-видимому, тогда только что появившиеся автобусы имели громоздкий и устрашающий вид). Это - грустная и горькая действительность, которую поэт предвидит вместе с его знакомой. Но, кроме действительности есть еще мир грез. Туда и приглашает отправляться поэт женщину - в мир мечтаний, в мир снов. Он вспоминает яркую и торжественную картину из мировой истории: захват карфагенянами Рима. Известно, что в армии Карфагенян под предводительством Ганнибала были задействованы в большом количестве слоны. И самый главный слон который «понес Ганнибала» представляется поэту «в парче и в меди и в страусовых перьях». Поэт хочет, чтобы именно в таком одеянии приснился героине слон.

Вот мы и просмотрели с Вами все строфы стихотворения и пытались определить их содержание.

Но, внимание, читатель! Это все не так! Вовсе не о жизни обреченного на заточение животного это стихотворение. Оно ... о любви, точнее об истории любви, истории человеческого чувства. Простите, что я ввел Вас в заблуждение, но я говорил в начале, что это фрагмент, а не всё стихотворение. Я из него убрал только четыре слова и один предлог. Теперь их ставлю на место - на самое начало: «Моя любовь к тебе сейчас ...».

А теперь давайте прочтем стихотворение еще раз: теперь попытаемся провести аналогию между слоненком в заточении, и любовью к женщине. Вдумаемся. Турецкий поэт-классик Назым Хикмет как-то определял поэзию

как «сравнение несравнимого». Что общего может быть между слоненком и любовью? Конечно, это не тривиальное, плоское сравнение бровей девушки с тетивой лука или лица ее с полной луной. Тут сравниваются не цвета, не формы, не звуки, и не запахи. Сравниваются два процесса - развитие слона и развитие человеческого чувства. Другими словами, здесь проводятся параллели между двумя судьбами - судьбою слоненка и судьбой чувства. А параллели эти лежат на заоблачной высоте поэтического космоса.

И так первая строфа. Она повествует о рождении любви. Любви не-свободной, необычной и обреченной, но (!) красивой и трогательной. Она родилась не в природных условиях (наверное между неравными, не свободными людьми), но, несмотря на это, она обладает всеми прекрасными свойствами высокого и чистого чувства. Волей - неволей ею любят окружающие, позволяют ей проявляться везде и всегда. Но тут поэт предупреждает свою возлюбленную, чтобы она обращалась с любовью осторожно, не предлагать на первых порах ей слишком многого. Мысль важная. В самом деле, представьте себе, что между мужчиной и женщиной только начинает возникать теплое чувство, пора первого интереса, узнавания. И вдруг она начинает осыпать его щедрыми знаками внимания, утомлять постоянным присутствием, бесконечными разговорами – конечно, любовь от этого быстро угасает. В первых порах любви нужны только мимолетные жгучие взгляды, внезапные легкие прикосновения, парочка ласковых слов на записке... - это и есть долька мандарина и кусочек сахара. (Как начинающийся костер загорается от мелких щепок, а гаснет от больших полениц).

А дальше происходит вот что. Чем больше чувства, тем оно заметно. Начинаются кривотолки, сплетни, насмешки. А для возрастающего чувства весь мир как тесная клетка - оно требует свободу, пространства, но оно вынуждено затаится, соблюдать правила приличия. И тут рядом появятся пошлые, циничные приятели, знакомые, та самая «чернь», которой не было дано испытать волшебство настоящей любви. И они, от зависти, от безделья начинают издеваться над тем, что им не доступно

Но так долго не может продолжаться. Чувство растет и в клетке, и превращается в огромного, неукротимого зверя. И настанет день...

Настанет день и могучее, бурлящее чувство вырывается из души как страшный вулкан из недр земли. Теперь никакая сила не может остановить его.словно ветер из пустыни (образ самого поэта), который «рушит стены, засыпает сады», страсть опустошает все вокруг. Это Отелло, который во гневе ревности душил Дездемону. Это Андрий Бульба, идущий против отечества и родного отца. Предвидя так точно и ярко этот трагический финал, поэт советует своей возлюбленной найти утешение от страшной действительности в мире грез и снов. Он хочет, чтобы его любовь возвышенная и одухотворенная им, жила в ее снах, представлялась ей во всей красе и величии, как разукрашенный, огромный и красивый слон, несший в себе самого знаменитого героя.

Повторяя стихи вновь и вновь, почувствуешь щемящую боль за обреченное чувство. А в воображении возникает цельная картина его рождения, развития и печального конца.

Сравнение несравнимого... Только великим мастерам доступно это искусство. Можно вспомнить «Нищий» Лермонтова, где поэт в двух строфах сравнил страдания нищего и влюбленного. Можно приводить бессмертный газель Навои, где он в одной (!) строке сумел рассказать о владыке, который послал своих служителей в горы, чтобы они вырыли глубокую яму и спрятали в ней сокровища для черного дня, а после предавал их казни, чтобы скрыть следы. А во второй строке поэт обвиняет свою возлюбленную, которая вложив свою любовь в душу поэта затем умертвила его тело.

Тема стихотворения Николая Гумилева напоминало мне стихи еще одного грусского классика. Вот как об этом написал Николай Некрасов:

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!
Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

Совсем другая форма, другие слова, а смысл тот же - не все красиво и сладко в любви. Следует забыть страдания и боль, которые она причиняет и сохранить в душе возвышенное и прекрасное, подаренное ею.

© Ибрагим Юлдашев, 2021

Роман

ИГОРЬ АЛЬМЕЧИТОВ

г. Воронеж, Российская Федерация

*Альмечитов Игорь Сергеевич.
Окончил факультет
Романо-Германской
филологии Воронежского
Государственного Университета.
Публиковался в русскоязычных
журналах и русскоязычной
периодике России, США,
Германии, Австрии,
Беларуси, ДНР, Израиля,
Украины, Новой Зеландии,
Бельгии, Узбекистана.
Победитель международного
литературного конкурса
русскоязычных авторов
«Литературная Вена»
(Австрия) в номинации
«Малая проза» (2013 г.).*

*Лауреат Международного литературного конкурса
русскоязычных авторов «Лучшая книга года» (Германия)
в номинации «Крупная проза» (2021 г.).
В 2020 г. отдельным изданием опубликован
роман «Почтарский мост»
(издательство «Перископ-Волга», г. Волгоград).
В 2021 г. отдельным изданием опубликован
роман «Апологетика пустоты, или
тернистый путь героя нашего времени»
(издательство «Перископ-Волга», г. Волгоград).*

СИНОПСИС К РОМАНУ «ПОЧТАРСКИЙ МОСТ»

Основное действие романа происходит в 2009-2010 гг.

Главный герой по имени Матвей узнает из семейных преданий, что его прадед якобы служил под началом генерала Деникина во время Гражданской войны в 1919-1920 гг., будучи ординарцем или телохранителем последнего Верховного Правителя агонизирующей царской России. Неожиданная информация о собственном предке заставляет Матвея начать искать следы собственного прадеда в мемуарах генерала Деникина, а также в архивах Франции и Мальты, где по косвенным свидетельствам жил его прадед в первой половине 20-го века.

И в одной, и в другой стране, во время поисков информации о собственном прадеде, волею судеб Матвей становится невольным участником различных событий, включая события криминальные, которые непосредственно влияют на судьбу главного героя и открывают перед ним все новые и новые возможности поисков следов прадеда.

Вторая часть повествования отсылает читателя в первую половину 20-го века, стилистически и структурно, делая повествование романом в романе. Прадед главного героя, Федор Шуткин, в силу обстоятельств и морального долга, осенью 1919 года вступает в Добровольческую Армию генерала Деникина. Наступление Добровольческой армии на Москву и Петроград захлебывается осенью того же года. Отступая вместе с армией, Федор попадает в госпиталь в Ростове-на-Дону, после чего, после цепи событий, включая службу личным ординарцем генерала Деникина, в 1920-м году, из Севастополя навсегда эмигрирует из России вместе с последними кораблями Русского Флота и остатками Русской Армии барона Врангеля.

Параллельно, ретроспективой Федор Шуткин, рожденный в последней четверти 19-го века в Воронежской губернии, вспоминает о своем прошлом, которое, одновременно, является основными вехами истории Российской Империи начала-первой четверти 20-го века: обязательная армейская повинность, из-за которой службу в армии ему приходится начать в Оренбурге во время первой Русской революции 1905-1907 гг.; добровольное вступление в армию с начала Великой, она же Первая Мировая война; ранения и награждение Георгиевскими крестами; первые встречи с генералом Деникиным в Галиции в 1914 г., политическая и моральная обстановка на фронтах Первой Мировой войны, революционные веяния на фронтах, постепенное разложение армии, отказ от престола Императора Николая II и многое другое.

В эмиграцию Федор Шуткин отплывает на кораблях Русской Эскадры из Севастополя осенью 1920 года. Сначала Федор попадает в Константинополь и, отказавшись, как и многие в то время двигаться в Галлиполи с остатками регулярной армии, становится гражданским беженцем и решает самостоятельно с товарищами добираться до Франции. Понимая,

что в Россию в ближайшие годы, вернуться он не сможет, уже в эмиграции он пытается с нуля построить собственную жизнь.

Во Франции, в Марселе Федор и его товарищи ждут решения их судьбы от центра Русской Эмиграции, пока, отчаявшись и уже не веря в положительное решение их судьбы сторонними организациями, они перебираются в Париж. В Париже, недели ожидания получения постоянной работы, отчаяние и голод, заставляют их совершить ограбление торговой лавки. Федора ловит французская полиция и единственным решением, чтобы избежать тюремного заключения, остается подписание контракта на службу в Иностранном Легионе французской армии. Содействие в этом Федору оказывает приемный сын Максима Горького, он же майор Французского Иностранного Легиона – Зиновий Пешков.

Несмотря на все тяготы службы в Легионе в Северной Африке, участии в военных кампаниях Франции во Французском Марокко и в Гражданской войне в Сирии в 1926-1927 гг., Федор встречает единственного близкого друга в своей жизни – гражданина Франции Огюста Лекомта, который, помогает сформироваться Федору, как полноценной личности, выучить французский язык и получить французское гражданство.

По окончании пятнадцатилетнего срока службы в Иностранном Легионе в 1936 году, Федор переселяется на Мальту, тогда еще британскую колонию. Вторую мировую войну он встречается в 1940 году на Мальте, становясь очевидцем первых бомбежек острова и переживает на острове Великую Осаду Мальты 1940-1943 гг. Там же, на Мальте, он ведет свою персональную войну с немецкой и итальянской авиацией, бомбящей остров. После трех лет полной блокады острова, с окончанием войны, уже немолодой Федор, по примеру многих русских эмигрантов первой и второй волны размышляет о том, чтобы переселиться за океан, в Соединенные Штаты, планируя встретить старость в стране, находящейся на пике экономического подъема и которая избежала войны на своей территории во время обеих мировых войн.

Структурно главы романа идут поочередно. Одна глава о Матвее, следующая глава о Федоре, в «шахматном порядке», постоянно переключая внимание читателя с одного героя на другого.

Роман будет интересен всем, интересующимся психологической прозой, русской историей, судьбой русских эмигрантов первой волны. Кроме того, частично в романе есть детективный сюжет.

Основные исторические события и все исторические персонажи, как в одной сюжетной линии, так и в другой являются реальными. Лишь оба главных героя романа и их связь с вышеуказанными событиями являются вымыслом автора.

ПОЧТАРСКИЙ МОСТ

Продолжение. Начало в номерах 1-2, 3-4, 5-6

Глава 9

Матвей. Сент-Женевьев-де-Буа

Матвей ехал на поезде в сторону Сент-Женевьев-де-Буа и улыбался городским и сельским пейзажам за окном. Утро было таким же ярким и солнечным, как и накануне. Он вдруг подумал о том, что это был уже шестой полный день, как он прилетел во Францию и что в предыдущие пять уже исходил весь Париж вдоль и поперек, но до сих пор не насытился впечатлениями.

Воспоминание о драке в районе Порт де Клиши казалось каким-то нереальным, словно все это произошло не с ним, несмотря на то, что с того момента прошло чуть больше полутора суток. Как всегда случалось с ним в стрессовых ситуациях, сознание само стирало границы реальности и надуманного. И уже неясно было произошла ли неприятная или пугающая ситуация в действительности или всего лишь в воображении Матвея.

Он никогда не мог понять мотивов своих поступков, но, судя по всему, это был один из его подсознательных способов бороться с проблемами – переводя их в разряд вымышленных и постепенно забывая о них. Как о просмотренных когда-то фильмах, от которых в памяти оставалась лишь общая сюжетная линия. Да, и та уже не рождала никаких эмоций за ушедшим сроком давности переживаний.

Сознание, то ли блокируя тяжелое воспоминание, то ли уже из-за отсутствия эмоций по отношению ко всему произошедшему в Порт де Клиши, зацепилось за самый яркий образ вчерашнего дня. Матвей вспомнил, как стоял на площади Трокадеро и смотрел на Эйфелеву башню – тысячетонную и, казалось, воздушную конструкцию, словно парящую в осеннем воздухе. Глядя на башню в ярких лучах ноябрьского полуденного солнца, трудно было поверить, что она сделана из стали.

Матвей улыбнулся воспоминанию, но тут же осек себя: мысли, возвращенные на сомнениях и подсознательных страхах, привычно продолжали цепляться за неприятные воспоминания. Вспомнились образы ночного Порт де Клиши, полутемные улицы, торговец, который ногтем нарисовал ему дорогу на карте. Матвей вдруг подумал, что вероятно, именно торговец и указал тем двоим на него, как на потенциальную жертву ограбления. Внутри неожиданно начала закипать ярость. На мгновение захотелось вернуться в район Порт де Клиши, найти того торговца и переломать ему несколько костей.

Перед мысленным взором встали воображаемые картины избиения торговца. Ощущение кулака, с силой врезающегося в челюсть и ребра. Собственная ступня, ломающая чужую голень. Короткий удар головой, превращающий в кровавое месиво губы и нос торговца...

Матвей вдруг почувствовал, как непроизвольно сжались кулаки и его начало захлестывать бешенство. Он с силой зажмурил глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Он хотел было засмеяться над своим состоянием, но даже улыбка

вышла вымученной. В этом он тоже был весь – от приступов аутизма до неожиданной ярости, которая волнами накатывала на него, и готовности ломать на своем пути все, что не вписывалось в его понятие справедливой реальности.

Матвей вдруг подумал о своих снах. Обо всех страхах и глубинах отчаяния в них. И попытках по пробуждении доказать себе, что он может преодолеть все, чего боялся во сне и что тормозило любые усилия воли сомнениями, что каждое его начинание может оказаться заведомо провальным.

Все ночные ужасы были отражениями дневных подсознательных страхов, загоняемых глубоко внутрь ежедневной суетой. Боязнь не соответствовать ожиданиям окружающих, боязнь потерять источники постоянных доходов, боязнь не успеть реализовать свой потенциал. И еще бесконечным шлейфом страхов, которые тянулись за ним каждый день. И только смерть, мысли о которой пугали в детстве, теперь вызвала теплую и спокойную улыбку. словно это было конечное пристанище, к которому он шел все эти годы и до которого он когда-нибудь, наконец, дойдет. Туда, где больше не будет никаких страхов. И будет только бесконечный покой...

Воспоминание о смерти еще раз вызвало спокойную и теплую улыбку. По сравнению с мыслью о собственной смерти все остальное казалось уже не важным и не стоящим тех сил и нервов, которые он затрачивал на сомнения и решение якобы важных проблем. Уже облегченно Матвей вздохнул и прикрыл глаза. Собственная смерть, как последнее пристанище, ждала где-то впереди. Но пока он был жив, необходимо было реализовывать все то, что он запланировал ранее.

Матвей смотрел на пейзажи, проносящиеся за окном. Зеленые, несмотря на позднюю осень поля, облетевшие деревья с остатками пожухшей листвы, строения с кирпично-красными или серо-бурыми черепичными крышами, покрытыми мхом и налетом времени. Виды успокаивали, как и монотонный перестук колес. Пожалуй, именно это ему сейчас и было нужно – внутреннее спокойствие в постоянном движении.

Он вдруг вспомнил о приступе бешенства на торговца и опять удивился, что полностью забыл о нем всего через пару минут монотонного перестука колес.

Периодически поезд останавливался на станциях. Люди больше выходили и вагон заметно опустел. Но даже уменьшение людей вокруг несло заметное облегчение. Уже успокоенно Матвей откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. По сути, сейчас впервые с прилета во Францию, он ехал на поиски следов прадеда. Все, что произошло до этого, было эмоциями, зачарованного встречей с мечтой, путешественника.

События в районе Порт де Клиши напомнили ему об ограниченности его пребывания во Франции и отрезвили его. Но был во всем том, что случилось накануне ночью, и положительный момент: ночная шоковая терапия вернула его к изначальной цели приезда в Париж.

...Матвей вышел из поезда в Сент-Женевьев-де-Буа и, собравшись с духом, обратился к первому встреченному им прохожему, который показался ему местным жителем, с непривычки коверкая заранее подготовленные французские слова: "Bonjour. Excusez-moi, où est le cimetière russe?" Здраваясь, Матвей

вежливо кивнул головой, давая понять, что в его обращении не будет ничего неприятного.

Француз, немолодой уже человек, улыбнулся и размеренно произнес: "Bonjour. Ici la route" и указал рукой направление движения. После чего добавил еще пару фраз, смысла которых Матвей не понял. В голову пришла заученная для поездки фраза: "Je suis désolé. Je ne parle pas français". Но француз, видя его затруднение, еще раз улыбнулся, показал направление движения и вдруг произнес по-русски, но с сильным акцентом: "Туда".

Очевидно, Матвей был далеко не первым, кто интересовался дорогой к русскому кладбищу. Тем не менее, француз чуть приподнял манжету сорочки, обнажая часы, показал указательным пальцем на циферблат и покачал головой, словно говоря, что путь не близкий. Палец его очертил половину круга на стекле часов, давая понять, что идти придется около получаса. И затем указал на автобусную остановку.

Матвей улыбнулся в ответ и кивнул головой, показывая, что полчаса пешком для него не такое большое расстояние.

- Merci. Au revoir.

- Au revoir, - француз еще раз покачал головой, словно удивляясь причудам русских, и улыбнулся на прощание...

Матвей не спеша шел в направлении кладбища. Листья с деревьев полнотью облетели, и была во всей природе какая-то мягкая умиротворенность. Изредка, сквозь облака пробивалось солнце и окрашивало сероватые тона контрастными и яркими красками. Тени от деревьев вытягивались поперек дороги, так, что он начал даже в шутку переступать через них.

Неожиданно он подумал о Татьяне. Появилось спонтанное и неуправляемое желание идти сейчас с ней по этой дороге, улыбаться друг другу и держаться за руки. Но в ту же секунду, Матвей вспомнил, что он не видел ее уже несколько недель, и что-то вдруг нестерпимо сжалось внутри от тоски по ней. Он вспомнил ощущение от касания ее ладони и подумал, что тело и тактильные воспоминания намного честнее и искреннее его упрямства и привычных, но надуманных стереотипов собственного поведения и собственных чувств, с которыми он никогда не мог справиться. Избавляясь от очередного наваждения, он посмотрел по сторонам, сделал несколько глубоких вдохов и постарался переключиться на мысли о прадеде.

Не раз Матвей ловил себя на том, что хотел бы просто посидеть с ним за одним столом. Просто помолчать. Как молчат хорошо знакомые люди за чашкой кофе или чая, расслабленно и не думая о том, что молчание нависает над столом тяжелым бременем. Или поговорить. Без конкретных тем, без вечной и обязательной спешки и экономии времени. Просто кидать отдельные, не связанные между собой фразы в пространство или реплики в ответ, зная, что они будут поняты или, что их пропустят мимо ушей, не оценивая придирчиво собеседника, что бы тот ни сказал и какую бы тему ни затронул.

Но они жили в разных эпохах и, Матвей даже не знал, был ли еще жив его прадед в тот день, когда Матвей родился. Отчего-то это казалось важным, но почему именно, Матвей не мог сформулировать даже для себя самого. Словно, прадед передавал ему некую эстафету памяти поколений. А, возможно, это было не более, чем воображение Матвея и просто желание верить в какую-то

непостижимую связь между ними обоими.

И, хотя их встреча была невозможна в реальности, он не раз ловил себя на мысли, что ведет внутренний диалог с прадедом, часто не отслеживая ни темы, ни направления беседы. Важно было лишь ощущение причастности к диалогу и понимания друг друга с полуслова...

Уже подходя к кладбищу, Матвей почувствовал, что не найдет там могилу прадеда. Он прочитал массу источников о кладбище, и ни в одном не упоминалась фамилия Шуткин. Но источники были одним делом, а собственный опыт совершенно другим. Необходимо было лично убедиться в отсутствии такой могилы. Судя по количеству захоронений, при неспешном осмотре, на обход кладбища мог уйти не один день, но Матвей готов был приезжать сюда до тех пор, пока не обойдет все захоронения...

Матвей остановился посреди широкой аллеи. Впереди возвышались небольшая церковь Успения Божьей Матери и совсем маленькая часовня. Произвольно ли были посажены деревья вокруг или изначально были непременной атрибутикой этой местности, но за редким исключением его окружала типичная природа средней полосы России. Облетевшие уже березы и клены, высокие и массивные ели, кустарники почти совсем без листвы. И спокойное умиротворение ухоженного кладбища с тысячами русских могил, словно застывшего в безвременье.

Матвей прикрыл глаза и неожиданно в голове заиграл известный романс, и рвущий душу голос Розембаума сковал все чувства: "... уже не так изысканны манеры, осталась только выправка, да честь... осталась только выправка, да честь..."

Из глаз потекли слезы. Непроизвольные и оттого еще более тяжелые. Слезы, которые не требовали ни поиска очевидной причины, ни ответа. Слезы просто текли из глаз. И вслед за слезами заболело сердце. А романс все так же рвал душу: "... не привыкать до первой крови драться, когда пробьют в последний раз часы... но, господи, как хочется стреляться среди березок средней полосы..."

Захотелось отомолить прощения у всех них, похороненных здесь десятки лет назад. Отмолить непонятно за что. Просто вымолить уже ненужное ни им, ни ему самому прощение. Чтобы ушла вся боль, и пришло, наконец, спокойствие.

Но мысли и чувства мешались еще сильнее, а физическая боль в сердце стала совсем нестерпимой. Матвей стоял, почти не двигаясь, и боялся дышать слишком глубоко, опасаясь, что сердце действительно не выдержит и остановится. Из глаз текли слезы, но он лишь приподнял лицо к небу, дыша совсем осторожно, опасаясь делать слишком резкие движения.

Очень медленно Матвей вытер слезы обеими ладонями и посмотрел по сторонам. Кладбище, насколько хватало взгляда, было все таким же пустым. В очередной раз он вздохнул очень осторожно, наполняя легкие свежим осенним воздухом, пытаясь успокоить боль в сердце. Но слезы продолжали течь, словно живя отдельной от него жизнью. Он еще раз вытер их и несколько раз уже отчаянно и глубоко вздохнул, прислушиваясь к сердцу.

Но в сердце стояла все такая же тупая и тяжелая боль. Осторожно Матвей помассировал грудь, и попытался было засмеяться, словно извиняясь перед со-

бой за нелепую шутку и якобы неуместное поведение. Но и смех, и стыд за свои чувства отдавали фальшью. А слезы все не останавливались.

Матвей сделал несколько глубоких вдохов и опять посмотрел по сторонам. На кладбище все так же не было видно ни одного человека. Он еще раз положил руку на сердце, массируя грудь, и недоверчиво улыбнулся себе же и произнес вслух, словно опять пытаясь перевести в шутку последние минуты своей жизни: "Господи, да, что ж это такое..."

Но слезы все так же продолжали течь и жгли глаза. Неожиданно для себя самого, он сжал кулаки до боли в суставах, поднял заплаканное лицо к небу и тихо завыл от давно похороненных несправедливости и обид, надежд и сомнений, то ли генетической памятью, то ли надуманными образами рвущихся из него.

Но воли хватило, чтобы пересилить себя и начать успокаиваться. Матвей сделал шаг к первому кресту и, удерживая собственное равновесие, положил на него руку. Осторожно, даже не смотря на имя, погребенного под крестом, он провел пальцами по холодной каменной поверхности. На несколько мгновений пришло успокоение. Но вслед за кратким облегчением, опять стало тяжело дышать. И все так же тупо ныло сердце. "Так когда-нибудь и остановится". Он тихо, сквозь слезы произнес вслух и еще раз все так же жалко улыбнулся самому себе.

Матвей закрыл лицо ладонями и долго тер глаза, пытаясь собраться и перейти к детальному осмотру кладбища. Он убрал руки от лица и вдохнул полные легкие воздуха. Сердце, наконец, начало успокаиваться и слезы прекратились.

Перед мысленным взором опять пронеслись картины недавней ночи в районе Порт де Клиши. Два тела, лежащие на тротуаре... лужа крови... темная и пустая в обе стороны улица... Вслед за этим представилась отчего-то площадь Бастилии и переломившийся пополам от смеха официант. Вспомнился духовой оркестр на мосту через Сену и гармоничные и грациозные движения мима...

Картинки сменяли друг друга калейдоскопом, но сейчас они были вырваны из какого-то другого, совсем не относящегося к нему контекста, словно эпизоды просмотренной когда-то программы по ТВ или кинофильма. Все, что пронеслось перед глазами, казалось незначительным по сравнению с тишиной и спокойствием пустых и застывших в вечности, кладбищенских аллей. И только фоновые звуки ветра и слабое покачивание ветвей чуть рассеивали ощущение безвременья.

Матвей еще раз вздохнул, чувствуя, как что-то отпустило, и на сердце перестала давить тупая и пугающая боль. Он еще раз окинул взглядом длинные ряды могил, голубое небо, затянутое еле заметной пеленой облаков, остатки облетевшей листвы на дорожках и пошел по ближайшей аллее, рассматривая имена и надписи на крестах и надгробных камнях...

Через два с половиной часа он остановился у каменного кургана, посвященного участникам галиполийского сидения. Матвей обошел, казалось, несколько тысяч могил, но фамилию, которую надеялся найти, так и не увидел. Он подумал, что, похоже, одного дня ему вполне хватит, чтобы обойти все кладбище и приезжать сюда второй раз не потребуется. По крайней мере, ради поисков могилы прадеда.

Поначалу Матвей вчитывался в имена, даты, посвящения и эпитафии. Десятки известных и знакомых имен и сотни имен, не говорящих ему ничего.

Но даты рождения и смерти у многих были схожими, и все они были частью истории его страны и, вполне вероятно, кто-то из них даже сталкивался с его прадедом.

Иногда ему попадались фамилии, начинавшиеся с буквы "ш", и Матвей чувствовал, как на долю секунды дыхание перехватывало и в сердце что-то непроизвольно ёкало. Но каждая фамилия неизменно оказывалась не той, что он искал и, каждый раз сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и восстановить дыхание, Матвей шел дальше...

Ни на одной из могил не было живых цветов. Сначала Матвей не обратил внимания на сосновые и еловые шишки, которые лежали на могилах даже в тех местах, где поблизости не было ни одного хвойного дерева. Но через некоторое время он понял, что вспоминали и поминали покойных здесь именно таким образом – кладя на могилы шишки. Даже не вдумываясь в непривычную атрибутику, Матвей сразу согласился с ней – главным здесь были память и уважение к истории. И неважно каким образом они выражались – шишками или букетами цветов, которые засохнув, смотрелись бы на могилах совсем неопрятно...

После первого часа осмотра могил внимание начало рассеиваться, и Матвей просто скользил глазами по именам и датам. Пару раз его посещала мысль, что он уже проходил по той или иной аллее: имен было столько, что появлялось смутное ощущение дежа вю, словно он уже был здесь и вглядывался в уже читанные надписи.

Он вдруг подумал о том, что за личными трагедиями, во всей первой волне русской эмиграции было, как минимум, одно несомненное преимущество. Русская культура, после относительной местечковости до обеих революций и Гражданской войны, с миллионами эмигрантов, расселившихся по всему свету, пришла в различные страны и, смешавшись с национальными культурами, дала им свежую кровь, свежие образы и новый виток развития. И сама трагедия эмиграции стала питательной почвой и толчком для развития русской литературы, искусства и наук во всем мире. Как во всем и всегда в истории, из пепелища всеобщей катастрофы, появлялись ростки новой жизни.

Вслед за обобщенной мыслью о культуре, пришла мысль о том, что когда-нибудь эмоциональные всплески, что он испытал больше часа назад, окончательно уничтожат его... или сожгут его изнутри. Если прежде этого не сделают грабители, вроде двоих убитых им арабов в районе Порт де Клиши, к которым в силу своего упрямства, Матвей всегда шел навстречу. Никогда не сворачивая и готовый, скорее, умереть, чем дать им сломать себя.

Он вдруг вспомнил, как голодный и замерзший ехал в армейском грузовике на своей собственной войне, то и дело, кляня носом от недосыпания. Кузов "Урала" был затянут брезентом и забит солдатами до отказа и, чтобы поместиться всем, приходилось стоять. Но глаза постоянно закрывались и подкашивались колени. Сон был коротким – всего по несколько секунд и его было недостаточно, чтобы хоть немного восстановить силы и душевное равновесие.

Стояла сырая зима 1995 года, и они заняли позиции на окраине Грозного после нескольких сумбурных и истеричных боев возле площади Минутка. Взять Грозный с наскока не получилось, и было ясно, что война в городе затянется надолго. Но приказы о продолжении штурмов позиций боевиков приходили один за другим и все, окружавшее его тогда напоминало какое-то фантазмагорическое безумие. Тем более, учитывая нездоровое воображение Матвея.

На третий день боев у площади Минутка, без сна и нормального питания, Матвей уже не понимал, где находится, единственно, кожей чувствуя опасность и готовый стрелять в любое движения вне привычного ему окружения...

Все, что осталось в памяти от того времени, были серая и сырая погода, ощущение безысходности и потребность стрелять во все непонятное, что появлялось из-за пределов, сузившегося до границ расположения роты, смутно знакомого мира...

Матвей опять ощутил, что в очередной раз не смог совладать с памятью, отпустив ее свободно бродить по всем ужасам своей личной истории...

Он вдруг вспомнил, как Роман Романов, сорвавшись от нервного стресса, пьяный почти до беспамятства, но все еще в состоянии стоять на ногах, без приказа и без предупреждения, один сел в БТР, выехал в центр площади Минутка и разрядил весь боекомплект БТР в предположительные позиции боевиков. Поступок был настолько бессмысленный, что в сторону одиноко стоящего БТР за несколько минут не раздалось не единого ответного выстрела...

Романова вытащили из БТР настолько пьяным, что он уже ничего не соображал. Но поступок его был отражением общего безумия, охватившего тогда всех...

И через несколько дней после штурма Минутки, Матвей ехал в кузове грузовика, затянутого брезентом и сквозь сон смотрел на разъезженные колеи, серый морозящий дождь и, неожиданно почувствовал себя бесконечно счастливым. Он все еще дышал и мог смотреть на мир вокруг, в отличие от многих, уже мертвых сослуживцев, и Господь для чего-то сохранял ему жизнь и оберегал его...

Матвей смотрел на грязную и разбитую дорогу, серый пейзаж за пределами армейского брезента, сонные и серые лица товарищей и вдруг понял, как он рад видеть все это и как любит даже такую погоду. Это было время, отпущенное ему на жизнь. Его единственную жизнь, возможности изменить которую, или повторить, у него уже не будет никогда. Как-то разом проснувшись, он еще раз внимательно посмотрел на серый пейзаж за прорванными местами брезентом и вдруг почувствовал, как тяжело ему стало дышать от нахлынувшего знания и что по щекам текут слезы радости и благодарности...

После тех минут в грузовике, Матвей никогда не жаловался на погоду и всегда в одиночестве радовался каждому дню своей жизни. Не считая тех состояний, когда он погружался в привычный аутизм, не в силах сконцентрироваться на чем-либо, с единственным желанием спрятаться под одеяло ото всего мира и начать молиться...

...Матвей механически просматривал надписи на могильных плитах и крестах, отдавшись на волю образам и воспоминаниям, которые захлестнули его с новой силой. Его никогда не хватало на долгую концентрацию на одном деле, потому, для себя Матвей придумал иной способ доводить все дела до конца: когда внимание начинало рассеиваться, он переходил к новому делу, за которое брался с той же энергией, как и за предыдущее. А к тому, что не закончил, возвращался позднее...

Казалось, Матвей обошел уже большую часть кладбища и то, что поначалу казалось неподъемным трудом, постепенно подходило к концу. Он посмотрел по сторонам. Возле часовни появились двое пожилых человек – мужчина

и женщина. Мужчина был с тростью и шел с трудом. Женщина то ли поддерживала его под руку, то ли сама опиралась на него. Те, казалось, пошли в противоположном от Матвея направлении.

Матвей вздохнул и повернулся к могилам. И оцепенел. Прямо перед ним на могильном камне было выбито: "...и сказал Господь: "Бойся слез обиженного тобой человека, ведь он будет просить меня о помощи, и я помогу".

Матвей смотрел на надпись, не в силах сделать ни одного движения. Могильная плита лежала под высокой елью. Верхняя часть надписи с фамилией и годами жизни была сильно испорчена временем и непогодой. Фамилия была незнакомой и ничего ему не говорила. Та часть, которую прочитал Матвей, также была в плачевном состоянии, но сразу бросалась в глаза и читалась вполне отчетливо. Находилась надпись в нижней части плиты и от непогоды ее скрывали низко нависающие ветви ели.

Сколько он стоял в оцепенении, Матвей не помнил. Что могла значить эта фраза для него лично, он также не мог понять. Так же, как не мог отдать себе отчета в ее глубинном смысле. Но она определенно что-то затронула в нем, хотя, пока Матвей и не понимал, что именно.

Его социальный аутизм вернулся с удвоенной силой. Он находился под Парижем, на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа перед последним веком уходящей в небытие истории русской эмиграции и пытался понять, о чем говорила ему найденная надпись. И в то же время все старые страхи и сомнения опять захлестнули его, размывая ощущение французской реальности вокруг.

Сомнения перемешались с верой в то, что фраза была найдена не случайно и должна была что-то значить в его нынешней ситуации. Но что именно, он не понимал, как ни старался уловить хотя бы периферийные отголоски связей надгробной надписи со своей жизнью.

Время шло, а он все смотрел на надпись и пытался разгадать ее значение...

Почти над ухом прозвучала фраза на французском. От неожиданности Матвей испуганно и резко обернулся. Рядом с ним стояла пожилая пара. Мужчина, еще раз произнес незнакомую фразу. Но, не видя понимания в глазах Матвея, тактично улыбнулся, еле заметно кивнул головой и вежливо произнес по-русски, но с сильным акцентом человека, давно не говорившего на родном языке.

- Извините за беспокойство. Здесь похоронены ваши предки?

Матвей отрицательно покачал головой.

- Нет...- после чего сразу поправился и добавил, - я не знаю. Я ищу могилу прадеда... информацию о нем... Хожу среди могил... не знаю...- от неожиданности, Матвей не мог собраться с мыслями и говорил сумбурно. Он не привык, что люди обращались к нему первыми и не знал, как вести себя в таких случаях. Оттого всегда терялся в подобных ситуациях и не знал, что сказать.

Но собеседник спокойно, непринужденно и, в то же время, тактично взял инициативу на себя.

- Сергей Петрович Белинский. Это моя супруга – Зинаида Андреевна.

- Матвей... - Матвей тактично кивнул, не зная, что еще добавить. Обмениваться формальными любезностями он не умел и боялся сфальшивить.

- Позвольте узнать, как фамилия вашего прадеда?

- Унтер-офицер Шуткин... Федор Петрович. Он эмигрировал после Гражданской войны... – Матвей опять замолчал, но в душе отчего-то появилось ощу-

щение, что собеседник утвердительно качнет головой и скажет, что знает, где находится могила с таким именем. Или на худой конец, произнесет, что где-то слышал эту фамилию, и будет напряженно вспоминать, где именно.

Но Белинский, помолчав несколько секунд, отрицательно покачал головой.

- К сожалению, не слышал. И могилы такой здесь, кажется, нет.

Матвей еле заметно кивнул головой. Что еще спросить или о чем сказать, он не знал. Но социальные условности были выше его. Заканчивать разговор на полуслове казалось неприличным. Матвей вдруг подумал о том, что через несколько минут уже расстанется с пожилой парой и, вероятно, никогда их больше не увидит. Он этой мысли стало легче.

- Я не очень рассчитывал найти его могилу. Просто решил проверить...

Старики молча и сочувственно смотрели на него. И опять волна сомнений и неуверенности начала захлестывать Матвея, словно его застали за чем-то непристойным. На долю секунды появилось желание развернуться и быстро уйти, чтобы не видеть двух прямых и открытых взглядов. Но он еще раз пересилил себя, хотя и отвел по привычке глаза в сторону.

На несколько секунд в воздухе повисло молчание. Белинские очевидно ждали, что Матвей продолжит фразу, но, что еще добавить, Матвей не знал. Но долго молчать казалось неприличным. И Матвей задал первый пришедший в голову вопрос:

- У вас здесь тоже похоронены родственники? – ответ Матвею был неинтересен, но он все еще не знал как быстрее и лаконичнее завершить разговор. Просто надеялся, что возможность избавиться от постороннего присутствия в своем личном пространстве сможет представиться в любой момент.

- Да, у нас с Зинаидой Андреевной здесь похоронены родители. Мы часто приходим сюда, - Белинский, казалось, почувствовал неуверенность Матвея и добавил, - извините, Матвей, что побеспокоили вас.

- Ничего страшного. Вы меня не беспокоили.

- Думаю, нам пора, - Белинский тактично улыбнулся и повернулся вполборота к супруге, словно советуясь с ней. Та, так же молча, кивнула и улыбнулась, прощаясь.

- Всего хорошего, Матвей. Надеюсь, вы найдете следы прадеда.

- До свидания, - Матвей вежливо и осторожно кивнул, прощаясь.

Как только пара повернулась к нему спинами, он тихо и облегченно вздохнул. Но отойдя буквально десяток шагов, Белинские остановились и еще раз повернулись к Матвею.

- Вы знаете, Матвей. Если вы ищете информацию о вашем прадеде, вам лучше всего справиться об этом у графини Софьи Петровны Афанасьевой. У нее обширные архивы об эмиграции после Гражданской войны. И о Белом Движении также. Она живет в Париже, на острове Сен-Луи. Думаю, точный адрес вам не составит труда найти. Если вы увидите ее, кланяйтесь ей от нас.

- Спасибо. Я попробую ее найти.

Белинские вежливо улыбнулись и еще раз кивнули головами, прощаясь. Матвей также смущенно кивнул головой и еще раз добавил: "До свидания... и большое спасибо за помощь".

Матвей украдкой смотрел им вслед, готовый каждую секунду сделать вид, что смотрит в другом направлении. Про себя он несколько раз повторил: "Гра-

финя Софья Петровна Афанасьева, остров Сен-Луи... Сергей Петрович Белинский... Зинаида Андреевна...", чтобы имена не забылись и не исковеркались при дальнейших воспоминаниях.

Белинские больше не обернулись. Матвей посмотрел на небо. День клонился к раннему осеннему вечеру, и пора было возвращаться в Париж. Он вздохнул и еще раз повернулся к могильной плите, пытаясь найти какой-то глубокий, символический смысл во фразе. Но сейчас в голову ничего не приходило.

Тихо, еле слыша свой голос, он прочитал фразу вслух, отпечатывая ее в своей памяти: "...и сказал Господь: \"Бойся слез обиженного тобой человека, ведь он будет просить меня о помощи, и я помогу\"".

Собственный шепот неприятно резанул слух и словно обесценил глубину эпитафии. Матвей еще раз внимательно и на этот раз молча прочитал фразу, вдохнул полные легкие воздуха и осторожно выдохнул его. За последние часы на кладбище, он забыл о том, что произошло с ним в Париже два дня назад. Но после разговора с Белинскими, страхи, что его поймают, отошли на второй план перед ушедшим веком русской истории и одними из последних ее представителей. Матвей еще раз посмотрел на надпись на могильной плите, развернулся и пошел к выходу с кладбища. Пора было возвращаться в отель...

В отель Матвей вернулся затемно. Могилу прадеда он не нашел, но встретил чету Белинских, которые дали ему совет относительно дальнейших поисков. Но, чтобы договориться о встрече с незнакомым человеком, Матвею нужно было собраться с духом и пересилить самого себя. Потому посещение графини Афанасьевой Матвей решил оставить напоследок. Когда и если исчерпаются все остальные возможности.

Отчего-то посещать графиню Афанасьеву не хотелось. По крайней мере, в ближайшее время. Матвей вдруг подумал о причине, но ничего конкретного в голову не пришло. Возможно, такой вариант казался слишком простым, либо его смутил дворянский титул давно ушедшей эпохи. А, может, он просто хотел затянуть процесс поисков на неопределенное время. Сколько Матвей не думал об этом, точный ответ не находился. Все опять упиралось в смутные, размытые ощущения и интуицию. Ощущения, которым он, тем не менее, всегда доверял...

Всю жизнь его сопровождали неожиданные встречи и короткие знакомства, которые, почти не оставаясь в памяти, давали толчок к чему-то новому и большему. Так и сейчас, вспоминая чету Белинских, Матвей подумал о том, что те приоткрыли для него еще одну возможность поисков следов прадеда.

И все же начать поиски он решил не с приоткрытой возможности. И теперь первое, что приходило в голову, был системный поиск в архивах. Но основной проблемой становилось то, что он не знал французского. После долгих размышлений по дороге с кладбища и в поезде, единственное, что пришло Матвею в голову, не считая французских архивов и визита к графине Афанасьевой, была возможность разыскать в Париже или во Франции, в целом, потомков российских эмигрантов первой волны. Ради информации о местонахождении могилы прадеда, он был готов съездить в другой город и даже в одну из соседних стран. Но и эти поиски возвращали его к архивам. Но на этот раз к архивам эмигрантской среды и эмигрантской печати девяностолетней давности. По крайней мере, надежда была на то, что большая часть этой информации будет

на русском. Более того, и в этом случае, ему пришлось бы системно общаться с вполне конкретными людьми. Задавать вопросы и проводить в обществе незнакомых людей большое количество времени.

Матвей вздохнул и покачал головой. Найденное решение было вымученным и ненадежным, но привычка идти к цели кружным путем и сначала исчерпать все неочевидные варианты, чтобы вернуться, наконец, к очевидному, возымела свое. Этот вариант был ничем не лучше, а, скорее, во много раз хуже прямого обращения к графине Афанасьевой и попытки найти информацию о прадеде в ее архивах.

Поиск непонятно кого и где из потомков первой волны русских эмигрантов казался полностью абстрактным. В голову не приходило даже, с каких источников ему следует начать такой поиск. Но, на данный момент, это было единственным, на чем заиклилась мысль Матвея. Нужно было, используя все возможности и комбинации поиска в интернете, попытаться найти хоть какую-то информацию о русских эмигрантских архивах в Париже.

Он вдруг улыбнулся своему нетерпению, смотря на собственное отражение в вагонном окне. Была информация о конкретном человеке, с которого можно было начать поиски, но желание посетить первой именно ее, перечеркивалось какими-то смутными сомнениями, что делать этого сейчас не стоило. К тому же, что-то подсознательное заставляло Матвея привычно выбирать более сложный путь, словно затягивая поиск.

И опять Матвей подумал о том, что эмоции, которые он испытал на кладбище, настолько поглотили его, что на весь день он совершенно забыл о том, что произошло всего двое суток назад в районе Порт де Клиши. Как часто случалось с ним – основная мысль или идея поглощали его настолько, что он забывал обо всем, что происходило вокруг. Разве что, лишь формально фиксируя то, на что падал его взгляд.

Только подходя к отелю, Матвей вспомнил о грабителях и о том, что его могут искать, как друзья убитых им арабов, так и полиция. И еще неизвестно, что было для него хуже в этом смысле.

Но куда идти, кроме как в отель, Матвей не знал. Как невозможно было проверить ищет его кто-то или нет. Потому все, что ему оставалось – просто быть настороже и идти ночевать в собственный номер. Матвей прислушался к своему чувству опасности. Но сейчас оно молчало и, как он ни пытался уловить хоть что-то, что выходило за рамки, казалось, обычного, тихого и прохладного парижского вечера, Матвей ничего не почувствовал.

Ночным портье оказалась та самая женщина, с которой он столкнулся в свой первый вечер в Париже. Она улыбнулась ему, как хорошо знакомому человеку и еле заметно кивнула, приветствуя Матвея.

- Bonsoir, – но тут же поправилась, и перешла на английский, - Good evening.

Матвей также вежливо кивнул головой.

- Good evening, - и, не останавливаясь, прошел к лифту.

Портье, не дожидаясь от Матвея дополнительных любезностей, склонилась над стойкой, на которой лежало несколько бумаг.

Уже на своем этаже Матвей остановился и долго прислушивался к звукам и своим ощущениям. Но и здесь чувство опасности не находило ни одного пово-

да дать знать о себе.

Матвей подошел к своей двери и осторожно открыл ее. Отголоски слабого уличного света пробивались в номер сквозь неплотно задернутые шторы. Еле слышно доносились фоновые шумы с улицы, но, в остальном, в помещении стояла тишина. Матвей потянул носом воздух, но не почувствовал ни одного постороннего запаха. Он замер еще на несколько секунд, проверяя свои ощущения, но и спустя эти недолгие мгновения вокруг ничего не изменилось. В конце концов, Матвей облегченно вздохнул и вошел в номер...

Глава 10 Федор. Иностраннный Легион

До последнего момента они не знали, куда их отправят. Кто-то говорил про Алжир, кто-то доказывал, что их отправят в Сирию. Общались между собой, в основном, франкоговорящие новобранцы. Федор старался ни с кем не контактировать, но судя по тому, что за два дня он ни разу не слышал родной речи, русских среди новобранцев его призыва не было. Хотя, многие, как и Федор, просто молчали. Так что определить из какой точно они страны, также было невозможно. Уровня знаний французского Федора едва хватало, чтобы понимать отдельные слова или редкие короткие фразы.

И только при погрузке на корабль выяснилось, что посылают их все-таки в Африку.

Из Марселя корабль отправился в Тунис. Лишь только они отплыли, сержант, сопровождавший новобранцев, выдал всем по листовке с "Кодексом Чести Легионера" и приказал заучить его наизусть. Текст был напечатан на французском. Приблизительный смысл был понятен Федору, но многие слова были неизвестными. Не зная, чем еще заняться, и не желая ничем выделяться, пока не наступит полная ясность в отношении порядков в Легионе, Федор погладил все еще ноющее остаточной болью колено, и полез в сидор за русско-французским словарем.

Через полчаса он полностью перевел текст. А, переведя, уже успокоенно откинулся на релинги на палубе корабля. "Кодекс" был стандартным набором громких и патриотичных слов, к которым Федор привык еще в Российской Императорской Армии. Слова были высокопарными, но то, что он уже успел увидеть и узнать об Иностранном Легионе, было далеко от принципов "Кодекса", а подчас прямо противоречило его постулатам. Не однажды еще в Марселе Федор видел пьяных легионеров в совершенно непотребном виде. Впрочем, это была армия, и он был в ней далеко не новичок. Ожидать идеальных условий просто потому, что в этой армии говорили на другом языке, было, по меньшей мере, глупо.

Федор грустно усмехнулся, но тут же вспомнил, что несколько дней назад у него было всего два выхода – армия или тюрьма. Он выбрал наиболее привычный и во многом наиболее достойный вариант. В конце концов, подписание контракта на службу в Иностранном Легионе, было гораздо лучше, чем голодная или насильственная смерть для его товарищей в беднейших или преступных кругах Парижа. Либо возможность провести ближайшие годы на каторжных работах во французских колониях.

Он вдруг вспомнил жест Ивана при прощании. Тот положил ему в карман восемьсот франков. Сколько Федор украл денег в лавке ростовщика, он до сих пор не знал. Скорее всего, Иван разделил сумму на три равных части. Впрочем, сейчас это было уже неважно.

Федор вспомнил, как тяжело хромая, он дошел с сержантом до призывного пункта. Колено болело настолько, что сержант несколько раз поддерживал его, чтобы Федор не упал. Два дня он провел на призывном пункте, отлеживаясь в казарме и ожидая сигнала к отъезду. Русских, кроме него, в казарме не было. На французском Федор не говорил, потому больше отмалчивался. Впрочем, никто к нему и не навязывался в собеседники. К концу второго дня, опухоль начала спадать и боль в колене стала уже не такой ноющей, как раньше.

Рану на руке ему перевязали только один раз наутро после того, как сержант привел его в казарму. Заспанный медик в лазарете измерил все физические параметры Федора и удивленно покачал головой осмотрев все его тело: ссадины, распухшее колено и глубокую рану в ладони. Медик произносил все параметры вслух и потом записывал их в карту Федора.

С удивлением, Федор узнал, что его точный рост сто семьдесят семь сантиметров и потом долго в уме переводил сантиметры в привычные аршины и вершки. После того, как врач записал в карту его вес, Федор понял, что похудел со времени отплытия из Крыма почти на пуд. Он грустно вздохнул – только пару месяцев назад он весил около пяти пудов. Все остальное было понятно без пересчетов: серые глаза, светлый шатен... Особые приметы – шрам на бедре и шрам на правой ладони...

В лазарет больше Федора не вызывали и не перевязывали, потому он старался держать бинты в чистоте, как можно дольше. Кормили их в казарме скудно, но все же системно, по три раза в день.

Наконец, на третий день, им дали сигнал к выдвижению. Весь призыв построили в колонны, и пешком они двинулись к Лионскому вокзалу. Колено болело уже не так сильно, и все же Федор еле дошел до вокзала самостоятельно. Затем их посадили в поезд до Марселя.

В поезде Федор проспал большую часть пути, набираясь сил. Когда их привезли с железнодорожного вокзала в порт, корабля еще не было. Их напоили кофе и согнали на целый день в пустой барак...

Федор подумал, что у него неоднократно была возможность бежать, как с призывного пункта, так и во время стоянок поезда. У него было достаточно денег, которые отдал ему Иван, и Федор вполне мог добраться до Марселя, где у него были счета в банках. Но в этом случае, его бы начали искать не только как дезертира из французской армии, но и как преступника, ограбившего торговую лавку. Более того, он опасался, что начали бы искать и его товарищей и вполне вероятно, предъявили бы им обвинения, как пособникам в ограблении. Кроме того, Федор дал слово Пешкову, что больше с ним не будет никаких проблем и курьезов...

Федор вздыхал и старался больше не думать о возможности бежать. Слишком многое было бы против него в этом случае. Но старания были делом одним, а мысли то и дело возвращались к побегу.

Постоянно он вспоминал о товарищах, оставленных в Париже. По крайней мере, благодаря украденным у ростовщика деньгам, оба будут сыты, и у них будет крыша над головой. То, что они, в конце концов, найдут работу и устроят-

ся во Франции, Федор не сомневался. Люди они были простые, ответственные и работающие.

Он грустно улыбнулся. Отчего-то именно сейчас решенная им судьба его товарищей не радовала, а вгоняла в хандру и тоску. В каком-то смысле он пожертвовал собой, чтобы спасти товарищей.

Федор вздохнул и прикрыл глаза, пытаясь отвлечься от тяжелых мыслей и задремать. Через пару минут он почувствовал несильный пинок мыском ботинка по подошве своего сапога. Удар сразу отозвался болью в колене. Федор приоткрыл глаза. Перед ним стоял сержант Легиона.

Тот что-то быстро произнес и показал пальцем на лист с "Кодексом". Тон был формальный и не злой. Федор кивнул головой, показывая, что понял.

Чувствуя, что задремать уже не удастся, он еще раз вчитался в "Кодекс", тихо проговаривая непривычные французские слова и пытаясь придать им более глубокий смысл, чем просто обобщенным лозунгам. Особенно, с учетом того, что в ближайшие пять лет жизнь легионера станет его единственной реальностью.

Но сейчас и слова, и сам смысл ускользали от него. Сосредоточиться не получалось. Он просидел еще несколько минут неподвижно, глядя на напечатанный текст, но никак не мог сконцентрироваться на нем. Мысли калейдоскопом перескакивали от семьи, оставшейся в Цуцехах до образов последних недель и дней. Но остановиться на чем-то одном не получалось. Да, и не хотелось. Наконец, Федор вдохнул полные легкие воздуха, резко выдохнул его и сосредоточился на тексте листовки.

"Кодекс чести легионера"

"Легионер!

Ты добровольно вызвался служить Франции верой и правдой.

Все легионеры – братья по оружию, независимо от национальности, расы или вероисповедания. Демонстрацией этого будет ваша полная солидарность и взаимоподдержка, которая всегда объединяет членов одной семьи.

Уважение к традициям Легиона, подчинение начальникам, дисциплина и сплоченность, являются вашей силой и доблестью.

Вы всегда будете демонстрировать гордость за свое положение своим безукоризненным внешним видом, своим сдержанным и достойным поведением, чистотой и аккуратностью своего жилища.

Как элитный солдат, ты будешь тренироваться упорно и настойчиво, ты будешь обращаться с оружием так, словно это твое самое дорогое имущество, ты будешь поддерживать свое тело в идеальной физической форме.

Приказ для тебя – священен, ты будешь добиваться его выполнения во что бы то ни стало и любой ценой.

В бою ты будешь действовать хладнокровно, не позволяя ненависти ослеплять тебя; ты будешь уважать поверженного врага и никогда не бросишь раненого или погибшего товарища, а также никогда не позволишь другому завладеть твоим оружием".

Федор прочитал текст несколько раз и опять почувствовал тоску и безысходность. Рука его с зажатой в ладони листовкой, устало опустилась на палубу. Ближайшие пять лет он, возможно, не увидит ни своих товарищей, ни Франции.

Более того, вряд ли он даже сможет с кем-то поговорить на родном языке.

Федор вздохнул и посмотрел на бесконечный морской горизонт. Сейчас нужно было просто смириться и принять свою судьбу. И уже потом думать, что делать дальше. Он еще раз закрыл глаза и начал молиться, прося Господа дать ему сил выдержать и это испытание...

Почти через двое суток, они причалили в порту Бизерты. Федор смотрел с палубы на приближающийся африканский берег и не верил своим глазам. Перед ним на рейде стоял Севастопольский флот. С поднятыми флагами и, казалось, в полной боевой готовности. Федор вдруг почувствовал, как в горле застыл ком и слезы выступили на глазах. Осторожно он посмотрел по сторонам, но на него никто не обращал внимания. Федор облизал пересохшие губы и незаметно вытер выступившие на глазах слезы.

Оказалось, что французское правительство, опасаясь вооруженной эскадры в своих европейских портах, предоставило возможность встать на рейд российскому флоту только в своей африканской колонии. Достаточно близко от материковой Франции и, в то же время достаточно далеко непосредственно от портов и берегов метрополии.

Но ни поговорить с русскими моряками, ни даже приблизиться к ним не удалось. Новобранцев согнали на берег и быстрым маршем погнали в пригород Бизерты, в казармы Легиона.

Под конец их короткого путешествия по морю, отношение к ним резко изменилось. На следующий день после высадки в Африке, весь призыв, словно скот, погрузили в грузовики и повезли в Сиди-Бель-Аббес. То, что понял из отдельных фраз Федор – что городок этот маленький и грязный и находится вдали от моря. Но у Иностранного Легиона там была постоянная база...

Сиди-Бель-Аббес оказался небольшим городком, окруженным старинными крепостными стенами. По окраинам города паслись овечьи стада, архитектура была в основном арабской. Зданий, к которым Федор привык во Франции, было мало. Большинство дорог были просто грунтовыми – покрытыми пылью и песком. В городе явно преобладало арабское население. Люди были одеты то ли в белые туники, то ли белые балахоны, которые покрывали, в том числе, и головы от палящего солнца. Черт лиц арабских женщин рассмотреть было невозможно – фигуры были настолько укутаны в балахоны, что в узкую щель виднелись только глаза. Днем зимой на солнце было жарко, ночью температура опускалась до отметок близких к нулевым. Но, в целом, городок оказался не таким ужасным, как уже представлялось Федору из отдельных недовольных реплик окружающих...

Периметр расположения Иностранного Легиона состоял из казарм и штабного здания, в остальных местах был огорожен решетками. Территория была полностью закрыта. Плац занимал всю внутреннюю площадь. Вдоль зданий росло несколько деревьев, которые хоть немного раскрашивали зеленью желто-коричневые цвета всего вокруг.

В день приезда у всех новобранцев забрали гражданскую одежду и выдали им форму легионеров. Оставили лишь личные вещи, и распределили весь призыв по взводам и ротам...

В соседних ротах было несколько русских легионеров, но близко Федор ни

с кем из них так и не сошелся, несмотря на то, что сильно страдал от отсутствия возможности часто говорить на русском...

В первую ночь Федор долго молился, накрывшись одеялом, прося Бога лишь дать ему сил выдержать ближайшие пять лет своей жизни и не сгинуть безвестно в песках Африки. И вернуться во Францию, а затем, возможно, и в Россию, живым и здоровым...

В один из вечеров, Федор сидел в казарме и, как обычно, в свободное время, читал. Неожиданно перед ним возник незнакомый капрал и потребовал, чтобы Федор встал по стойке смирно. Капрал был сильно пьян и вел себя, как обычно унтер-офицерские чины вели себя с арабами в Легионе: грубо и вызывающе. Из его несвязной речи, скорее, по смыслу жестов и претензий, Федор понял, что капрал требует от него выправки и, чтобы Федор был одет прямо сейчас словно на парадное построение. Что было у него на уме и хотел ли он чего-то конкретно, Федор так и не узнал.

Федор еще не до конца свыкся с порядками в Легионе и отнес заносчивость капрала на счет нетрезвого состояния. Жестами Федор попытался показать, что у него свободное время. Объяснений капрал слушать не стал, толкнул Федора в грудь и попытался ударить. Но капрал был сильно пьян. Федор успел увернуться и кулак пролетел мимо его лица. Инстинктивно и, не отдавая себе отчета в своих действиях, Федор замахнулся и с силой, открытой ладонью вцепил капралу оплеуху. Не удержавшись на ногах, тот упал и с силой ударился головой о солдатскую койку. Из его разбитой брови потекла кровь. Капрал поднялся и начал что-то кричать. На его крик сбегались солдаты арабы и скрутили Федора.

Как не знающего порядки в Легионе, и, учитывая, что капрал был пьян, а у Федора было свободное время, Федора, как провинившегося в первый раз, отправили в гарнизонную тюрьму всего на восемь суток...

Тюрьма произвела на Федора гнетущее впечатление. Начиная с ощущения, что он является заключенным, заканчивая физическими неудобствами буквально во всем. Спали они в камере на соломе, на каменном полу. Днем было душно от количества заключенных, несвежей одежды и по несколько дней невымытых тел. Ночью было очень холодно.

Первые две ночи Федор так и не смог заснуть надолго, постоянно пытаясь принять положение поудобнее, чтобы согреться. Единственным плюсом было то, что в тюрьме не заставляли маршировать и выполнять массу работ, не требующих никакой квалификации, вроде поливки кустов и уборки территории. Но уже через пару дней нахождения в камере, Федор с удовольствием променял бы тюремное заключение на любые хозяйственные работы.

Суточное содержание было уменьшено почти вдвое – в тюрьме все заключенные откровенно голодали. Обращалась охрана с ними, как с арабами – игнорируя любые просьбы и не считая за людей. Но все же охрана понимала, что они солдаты и заключение их краткосрочное, потому ни до мордобития, как с арабским населением, ни до откровенных издевательств не доходило. Более того, как понял Федор из объяснений окружающих – время, проведенное в тюрьме или в карцере, не шло в зачет общего срока службы и в это время французское правительство получало бесплатную рабочую силу, а фактически – рабов. Осо-

бенно это касалось тех заключенных, которые попадали в тюрьму на несколько месяцев или даже лет...

В гарнизонной тюрьме Федор встретил троих русских дезертиров, которые и рассказали ему об условиях службы и реальном отношении начальства к legionерам. Дезертиры были из удаленного гарнизона в пустыне, и в тюрьму их поместили временно, чтобы потом отправить с ближайшим конвоем под трибунал в Оран. Часть из рассказанного была ими услышана от других солдат, часть была уже из собственного опыта службы в Легионе.

Те сразу посоветовали Федору забыть о постоянном жалованье. Обещанные сто франков в месяц превращались в реальные семь-восемь франков ежемесячных выплат. Сумма была достаточной, чтобы напиться раз в месяц в дешевых арабских кабаках и не более того. Командование даже не считало нужным никак обосновывать подобный обман. Из обещанных пятисот франков за подписание контракта, большинство новобранцев получали только половину. Но все же дезертиры слышали истории о том, что некоторым новобранцам после долгих требований выплачивали вторую половину. Пусть и спустя длительное время.

Легион до сих пор жил понятиями десятилетней давности, когда с началом Великой войны в него набирали всех, кого только можно было поставить под ружье. Соответственно, и уровень подготовки и моральный дух в Иностранном Легионе в последние годы были крайне низкими.

С огромным количеством солдат и офицеров из бывшей российской регулярной армии, поступивших на службу после вынужденной эмиграции, качественный состав Легиона значительно вырос. Но привычку офицерского состава воспринимать рядовой состав, как отребье общества, переломить было сложно.

Французы, культурные и учтивые в своей стране, в африканских и азиатских колониях вели себя вызывающе. И к населению они часто относились как к скоту. Многие солдаты вне зависимости от своих национальностей, также, по цепочке перенимали эстафету от предыдущих поколений legionеров и за все прошлые обиды отыгрывались на местном населении. Говорили, что в дни, когда legionерам в Сиди-Бель-Аббес выдавали их скудное солдатское жалованье и выпускали в город в увольнительные, местные буквально баррикадировали свои двери и дома, закрывали лавки и не показывались на улицах, пока пьяные legionеры не возвращались в казармы.

От русских дезертиров Федор узнал, что во время маршей внутри страны, бывали случаи, когда офицеры Легиона занимались самоуправством и чинили самосуд, а имущество казненных забирали себе или пускали на нужды Легиона. Однажды офицеру в арабском селении захотелось забрать на нужды Легиона стадо овец. Пастуха обвинили в помощи повстанцам и застрелили. Местных жителей, которые пытались прийти ему на помощь, избили и даже изнасиловали нескольких женщин в селении. Жалобы местных ни к чему не привели – овец забрали на нужды Легиона, а жалобы заставили отозвать, пригрозив, что в противном случае всю деревню сожгут вместе с ее обитателями.

С приходом русских в Легион, ситуация изменилась. Местные стали больше доверять солдатам и даже угощали их и приглашали к себе домой на семейные обеды, что невозможно было даже представить пару лет назад.

Но троих русских забрали из камеры уже на следующее утро, и Федор

опять остался наедине с собственными мыслями и несколькими сокамерниками в ожидании решения своей дальнейшей судьбы...

Впервые за всю жизнь, побывав в тюрьме, не считая нескольких часов в одиночной камере в Париже, Федор вынес оттуда сразу несколько уроков. Первый и основной из них был тем, что возвращаться туда он не хочет ни при каких обстоятельствах. А, кроме того, всегда надо смирять свою гордыню и перед любым действием думать о последствиях.

На третий день заключения Федора, в камеру привели молодого француза. Было ему около тридцати лет, и звали его Огюст Лекомт. Охрана относилась к нему с откровенной опаской. Почему именно, Федор долго не мог понять – парень был молодой и молчаливый. Более того, как показалось Федору, спокойный и вежливый.

Негласные законы Легиона, которые Федор прочувствовал сразу, как только поступил на службу, запрещали интересоваться прошлым legionеров. А, учитывая, что прошлое у многих было зачастую криминальным, большинство не желало рассказывать о себе вообще ничего. Но и без того, никто не лез в душу другому человеку, если тот сам не начинал говорить о себе. Кроме того, Федору мешал еще и языковой барьер. Отдельными словами и простейшими фразами, которые он успел выучить, начиная с Константинополя и за время пребывания во Франции, а также жестами, подкрепляющими сказанное, весь французский Федора пока и ограничивался.

Только через несколько дней, уже после выхода из тюрьмы, Федор, узнал, что Лекомт перед отправкой в камеру, получил письмо из дома и страшно напился в городе. Патруль из трех человек, который пытался скрутить Лекомта, был жестоко им избит, после чего вызвали еще два патруля и только несколько человек сразу смогли справиться с пьяным Лекомтом. Причем у нескольких были сломаны челюсти, носы и ребра. Самого Лекомта доставили в тюрьму, и теперь ему грозил трибунал. Но говорили и о том, что поскольку Огюст Лекомт этнический француз, дело может обойтись моральным внушением и ссылкой на несколько месяцев в один из отдаленных постов Легиона на границе с пустыней Сахара. Наказание достаточно мягкое, по сравнению с тем, что было бы с ним, будь он иностранец, более того, араб или сенегалец...

Сам Лекомт старался не говорить о том, за что попал в гарнизонную тюрьму и сразу менял тему, едва кто-то в камере пытался заговорить об этом.

Все детали о драке Лекомта с патрулем Федор понял из несвязных объяснений legionеров, многие из которых, как и он сам, не будучи французами, говорили на такой же дикой смеси отдельных французских слов, жестов и фраз на родных языках. Причем о значении некоторых слов Федор лишь догадывался по созвучию с русским.

Даже по выходу Федора из гарнизонной тюрьмы, многие вокруг все еще обсуждали невероятное избиевание трех патрулей одним человеком, и Федор поневоле становился слушателем таких разговоров.

Как впоследствии выяснилось, Лекомт всю жизнь занимался французским боксом – саватом, знание о котором передавалось у него в семье из поколения в поколение. Мнения о способностях и умениях Лекомта ходили разные, обрастали домыслами и легендами, но в итоге большинство считало, что будь Огюст в тот вечер трезвым и три патруля вряд ли справились бы с ним без при-

менения оружия.

Но когда Лекомта привели в общую камеру, ничего этого Федор еще не знал, и даже не мог предполагать насколько переплетутся их судьбы.

На четвертый вечер пребывания в общей камере, уже под вечер Федор понуро сидел на каменном полу, прикрыв глаза и откинувшись спиной на стену. Неожиданно, над африканскими холмами раздалась протяжная, полная страсти и тоски песня на русском. Песню подхватили другие голоса и через несколько мгновений уже несколько голосов, полных такой же страсти и тоски, сплелись в единый хор.

Федор быстро поднялся с пола и вцепился руками в прутья оконной решетки. Песня рассказывала о судьбе молодого казака, который увидел дурной сон, предвещавший ему беду...

Без единого движения Федор слушал слова незнакомой песни и чувствовал, как все переворачивается у него в душе от собственных тоски и боли, и как по щекам произвольные и оттого еще более горькие, текут слезы...

Он так и не узнал, кто пел эту песню. Говорили, что несколько казаков, обманутые обещаниями, данными им при подписании контрактов в Легион, пытались дезертировать, но их поймали посреди пустыни, избили за сопротивление и собирались отдать под полевой суд. К моменту, когда Федор вышел из тюрьмы, казаков уже отправили в Оран – то ли под суд, то ли, чтобы переправить на службу в другие регионы, где дислоцировались части Иностранного Легиона.

После того, как затихла песня, Федор еще долго стоял у решетки, приходя в себя. Когда он, наконец, повернулся, чувствуя чье-то присутствие рядом, то увидел, что Огюст Лекомт стоит рядом с ним с грустью в глазах и смотрит вдаль, сквозь прутья решетки. Туда, откуда доносилась казацкая песня. Огюст повернул лицо к Федору, растерянно посмотрел на него и еле заметно кивнул. Кадык его нервно дернулся. После чего Лекомт отвел глаза в сторону и отошел от окна...

Этим же вечером Лекомт сам подошел к Федору и сел рядом на пол. Федор сидел молча и закрыв глаза, все еще придавленный тоской и безысходностью, рожденными казацкой песней, чувствуя, как его неудержимо тянет на родину. Лекомт сидел молча, думая о чем-то своем, устремив взгляд в пространство, и неосознанно сжимал в руках солдатское кепи. Кожа на костяшках его кулаков была содрана и несколько суставов распухли.

Наконец, Федор открыл глаза и повернул голову. Лекомт также повернул голову и спокойно посмотрел на Федора. Спустя несколько мгновений он протянул Федору руку.

- Auguste, - голос был мягкий, спокойный и тихий.

Федор удивленно посмотрел на протянутую руку, затем еще раз в глаза Лекомту, помедлил секунду и протянул свою в ответ. И также тихо ответил:

- Федор.

Они пожали руки друг другу и продолжили сидеть рядом. Больше сказать было нечего. Но взглядов и сказанного было достаточно, чтобы почувствовать, что между ними словно протянулась незримая нить дружбы.

Оставшиеся дни в гарнизонной тюрьме Федор и Огюст осторожно, словно боясь разрушить первое впечатление, присматривались друг к другу и вели разговоры на той смеси жестов и отдельных французских слов, которые понимал Федор. Иногда Федор забывался и, не считаясь с грамматикой и правилами произношения, выпаливал по несколько коротких предложений сразу. Но потом чувствовал, что наделал массу ошибок, и ощущение знания чужого языка пропадало в одно мгновение. Но Лекомт оказался очень способным и терпеливым учителем. Он не перебивал Федора, лишь изредка помогая подобрать нужные выражения, чтобы произнести то, что хотел сказать Федор.

Все на той же смеси жестов и отдельных слов, Федор вкратце рассказал о том, как и почему он эмигрировал из России, как попал во Францию и затем в Африку, в Иностраннный Легион. В отдельные детали о том, что он служил в личной охране Деникина, что открыл счета в банках Марселя, почему срочно подписал контракт на службу в Легионе, вдаваться Федор не стал...

Лекомт слушал внимательно, почти не перебивая, лишь изредка поправляя неуклюжую грамматику Федора. В свою очередь, про себя он говорил немного, но у Федора сразу возникло ощущение, что Огюст сказал ему много больше, чем он говорил о себе вообще кому-либо в Легионе.

Под Бордо у Огюста осталась невеста. Из-за нее он и попал в Легион. Что именно произошло, Федор так и не понял. Лекомт в эти моменты забывался, говорил быстро и эмоционально, больше выплескивая собственные эмоции, нежели желая рассказать, что случилось. Но из того, что Федор понял, а частью домыслил, оказалось, что за невестой, кроме Огюста, пытался ухаживать еще кто-то. Но Лекомт, не сдержавшись, однажды избил соперника едва не до полу-смерти, и единственным доступным выходом избежать уголовного наказания и тюрьмы, было вступить в ряды Иностранного Легиона и уехать на несколько лет в Африку.

О том, что Лекомт несколько дней назад получил известие из дома, что та, которую он считал невестой, вышла замуж за его соперника, Федор узнал от Огюста уже после выхода из тюрьмы. Именно после этого, в принципе, мало пьющий Лекомт, напился почти до беспамятства, пытаясь вином залить тоску и обиду и жестоко избил нескольких патрульных, которые пытались задержать его. Впрочем, о количестве избитых патрульных Федор узнал из общих разговоров легионеров, а не от самого Огюста. Поначалу Федору показалось, что он ослышался с количеством, потому, чтобы не ошибиться и больше от изумления, он тихо, шепотом посчитал на французском до девяти, загибая для надежности пальцы на обеих руках...

Сам же Огюст просто сказал Федору, что подрался пьяный с несколькими патрульными, оттого и угодил в гарнизонную тюрьму.

Впоследствии Федор не однажды украдкой и с удивлением рассматривал худощавого, среднего роста Огюста. Рассматривал и не мог поверить, что тот в одиночку справился почти с десятком патрульных и, если бы не несколько бутылок вина, влитые им до того в себя, вероятно, покалечил бы еще большее количество человек, которые пытались скрутить его.

Лекомт с улыбкой рассказал ему о савате – французском боксе, где дрались и руками, и ногами, и даже головой и пообещал, что покажет Федору несколько приемов после того, как они выйдут из тюрьмы. Огюст рассказал, что искусство рукопашного боя передавалось у них в семье из поколения в поколе-

ние, и, когда отец был занят, его вместе с младшим братом тренировал их дед.

В семье ходили легенды, что один из их предков почти сто тридцать лет назад, во время Великой Французской революции, в одиночку дрался с ротой солдат, которые пришли с реквизициями к ним в дом. Ярости в нем было столько, что нескольких человек он убил голыми руками и солдатам, в конце концов, пришлось ретироваться ни с чем. Как и чем закончилась история с предком Лекомта, семейная легенда умалчивала, но Лекомт, несмотря на то, что сам мог голыми руками перебить десяток человек, все с той же смущенной улыбкой сказал, что, по его мнению, семейные легенды были сильно преувеличены.

О своей жизни Огюст рассказывал Федору неторопливо. Иногда повторял незнакомые Федору слова и фразы, подкрепляя их жестами. Никогда раньше Федор не общался ни с кем там просто и открыто, не ожидая ни подвохов, ни обязательности ответной откровенности. Несмотря на заполненную камеру в тюрьме, большую часть времени оставшегося тюремного заключения Федора, они провели вдвоем. Хотя, Федор был старше Огюста почти на шесть лет, он не чувствовал ни разницы в возрасте, ни отношения к себе Огюста, как к старшему по возрасту. Тем более, как к человеку второго сорта из-за того, что Федор фактически стал отбросом общества и человеком без гражданства.

Под Бордо у Огюста осталась семья: отец, мать, две сестры и младший брат. Жили они в собственном доме в регионе Грав и занимались сельским хозяйством. Был у них и собственный небольшой виноградник и даже собственный семейный сорт вина, хорошо известный в регионе. О семье и доме Огюст рассказывал с нежностью и еле заметной блуждающей улыбкой.

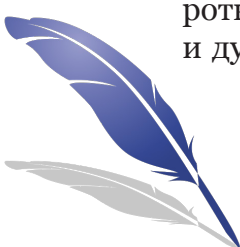
Не раз Федору приходила в голову мысль о том, что не приобщись он к книгам во время Великой войны, останься в родных Цуцпах в 1919-м году и не присоединись к Белому Движению, даже гипотетически у него вряд ли хватило бы моральной подготовки, чтобы понять позицию другого человека. Более того, общаться на равных с Лекомтом.

"Если" было чересчур много, но все они сложились в его судьбу. И все, что произошло с Федором с начала Великой войны и особенно в последние полтора года, подготовило его к более объемному и многомерному восприятию окружающих, чем простое крестьянское отношение ко всему вокруг, присущее жителям его села.

Казалось, такое было возможно только в книгах, которые читал Федор. Чистая и бескорыстная дружба. Настолько честная, что Федор не раз ловил себя на мысли, что в случае опасности готов был прикрыть Лекомта от пули своим телом, без единого сомнения и страха, что собственная жизнь может быть выше и больше жизни друга...

В чувствах Федора не было жертвенности и самолюбования. До смятения и истерии в душе, он боялся за Лекомта. Все это напоминало животный первобытный страх потерять что-то большее и лучшее, чем он сам. Что-то чем он никогда не сможет стать и чего никогда не достигнет. Но то, что уже было рядом. Что-то, что можно было увидеть и ощутить.

С каждым месяцем, проведенным рядом с Огюстом, он понимал, что у него никогда не было и уже не будет такого друга. Жизнь была слишком коротка, чтобы предоставить шанс найти друга равного Огюсту по достоинствам и душевным качествам. Но Федору выпал шанс на миллион, и он вовремя по-

нял это. Подобная дружба давалась только раз в жизни, и Федор особенно явно чувствовал это, когда заходил в церковь и ставил свечи во здравие или за упокой. Или просто, когда был пьян, и в душе алкоголем высвобождались чувства, которые он старался прятать даже от себя самого. Но все эти состояния вели к долгим молитвам. В одиночестве. Наедине с собой.

Когда Федор молился, он полностью отдавал себя на растерзание своим чувствам. Федор молился за свою семью, оставленную в Советской России, молился за всех людей, которые дали ему хоть что-то хорошее. Он молился за них, не зная или не помня их имен. За сестер милосердия во время Гражданской войны, за генерала Деникина и его семью, за докторов, которые спасли его в 1919 году. За товарищей, с которыми он эмигрировал во Францию и прошел через голод и лишения. Но всегда молитвы заканчивались молитвами за Огюста. Федор не до конца понимал почему, но верил тому, что чувствовал. Огюст был для него своего рода альтер эго. Его вторым и лучшим я. Тем, что было выше и больше его самого. И он уже не знал, как будет жить, если потеряет единственного, настоящего друга, которого нашел за всю свою, казалось, долгую и неудачную жизнь.

Огюст словно олицетворял собой все лучшее, что было в самом Федоре. Готовность отдать всего себя за близкого человека, честность и искренность. И молитвы о друге, были единственным, чем он никогда не делился с Огюстом, боясь, что слово, произнесенное вслух, нарушит какой-то баланс в их отношениях. Боясь признаться даже самому себе, что целью большинства молитв была молитва о своем единственном друге...

В их отношениях не было ничего, что касалось физической составляющей. Это было тем, что изначально не несло в себе никаких инородных примесей. Дружбой в чистом виде. Без корысти и недоверия...

Часто в отдаленных гарнизонах, куда их посылали вместе и где у других развивались депрессии и фобии, им было вполне достаточно общества друг друга. Лекомт учил Федора французскому, а Федор, насколько мог, учил Огюста русскому. Учитывая, что жили они, по сути, во французской реальности и кроме Федора у Огюста не было русскоговорящего собеседника, как и никакой возможности говорить по-русски, он, тем не менее, уже через год вполне сносно говорил на русском, хотя и делая часто массу ошибок. Иногда Федор не сдерживался и начинал смеяться над странными словообразованиями и акцентом Огюста. Но и Огюст, понимая состояние друга и то, что сам испытывал при обучении Федора французскому, так же начинал смеяться в ответ.

Не раз Огюст положительно шокировал Федора тем, что он мог проделывать со своим телом. Огюст самостоятельно решил учить Федора савату. Сам он тренировался ежедневно, и, поскольку они почти никогда не расставались, ежедневно тренировал и Федора. Была ли в этом бескорыстная дружба – отдать всего себя другу без остатка – или просто Огюсту было интересно насколько взрослый человек, никогда специально не обучавшийся единоборствам, сможет освоить систему вековой самообороны, Федор так и не смог понять. Но Огюст упорно, каждый день тренировал Федора, показывая иногда такое, что Федор не мог поверить, на что способно человеческое тело.

Чтобы Федор понял, что возможности его тела гораздо шире, Огюст, яко-

бы в шутку голым кулаком или ступней вдребезги разбивал наполненную вином бутылку из толстого стекла. Брызги и осколки разлетались в стороны, Огюст с улыбкой поворачивался к Федору и не однажды говорил, что и Федор вполне сможет сделать то же самое, необходимы лишь тренировки и вера в себя.

В первый раз после такой демонстрации, Федор с испугом взял кисть Огюста в свои ладони и, осторожно поворачивая, осмотрел со всех сторон. Не было ни ссадин, ни разбитых и опухших суставов. Кисть казалась обычной человеческой кистью. Но еще долго Федор не мог свыкнуться с тем, что увидел и приписывал Огюсту нечеловеческие способности.

Иногда Огюст просил поставить яблоко или апельсин на голову Федора, после чего резким обводящим ударом ноги сбивал фрукты, даже не коснувшись волос на голове Федора. Все происходило настолько быстро, что Федор даже не понимал, что на его голове уже ничего нет. Лишь зрение улавливало какую-то периферийную тень и тело Огюста, совершало чуть ли не цирковой кульбит. Но движение было настолько быстрым, что зрение Федора даже не могло зафиксировать, что точно делал Огюст. А поскольку он не мог точно понять, что произошло, он сомневался в том, было ли движение на самом деле, видя, что Огюст стоит перед ним в той же расслабленной позе, в которой стоял всего секунду назад.

Но фрукта на голове уже не было. Федор осторожно поднимал руку и проводил ладонью по голове. Поначалу он даже оборачивался, думая, что кто-то стоящий сзади быстро снял с головы фрукт. Но позади никого не оказывалось. И только после того, как Огюст начинал смеяться, смотря на удивленное и недоверчивое лицо Федора, он понимал, что Огюст опять совершил что-то, что ранее никак не вписывалось в его понимание возможностей человеческого тела.

За годы дружбы Федор лишь единожды видел, как дерется Огюст. Весной 1922 года их двоих и еще шестерых легионеров отправили в Оран встречать пополнение из Франции для их полка. Город казался огромным. Особенно после долгих месяцев пребывания в небольших гарнизонах на краю африканской пустыни. Вполне естественно, что они не смогли удержаться от соблазнов, учитывая, что возвращаться обратно в Сиди-Бель-Аббес с пополнением им нужно было только на следующий день.

Как обычно, они нашли предлог отделиться от остальных легионеров и остались вдвоем. После посещения борделя, они долго купались в еще прохладном после зимы море, соскучившись по большой воде. А потом решили зайти в бар в порту, чтобы выпить вина.

Драки в портовых барах, давно уже стали нездоровой, но привычной многим традицией. Но, когда Федор с Огюстом заходили в один из баров, они об этом даже не думали.

То ли форма французских легионеров родила агрессию у британских матросов, то ли те пришли в бар, заранее надеясь спустить на ком-то пар после долгого пребывания в море, но с чего точно начался конфликт, Федор так и не смог вспомнить впоследствии.

Единственным, что осталось в памяти, было то, что один из матросов отчего-то закричал: "чертовы лягушатники" и кинулся на Огюста с кулаками. Федор не раз впоследствии удивлялся причудам памяти: не зная английского, он, тем не менее, был уверен, что британец кричал на родном для себя языке.

Но почему он помнил эту фразу на французском, он так и не смог понять...

...после того, как Федор пытался подняться с пола с разбитым в кровь лицом, четверо матросов уже лежали на полу. И через несколько секунд Огюст уложил еще троих. Всегда спокойного и улыбчивого Лекомта, казалось, подменили. Словно дьявол во плоти, он в одиночку бил нескольких человек руками и ногами. Огюст бил точно и жестоко, и каждый его удар достигал цели. Огюст бил на поражение. То, чему он учил Федора и то, чего Федор никогда не видел вживую. Огюст бил в самые незащищенные и наиболее уязвимые точки на теле – в пах, горло, голову. А когда не доставал до этих точек, попросту ломал кости...

Матросы, надеясь на численное превосходство и размахивая кулаками, пытались ударить Огюста, но больше мешали друг другу и попросту не успевали за ним. И то, что поначалу казалось дракой, перешло в жестокое избиение Огюстом нескольких человек.

Одному матросу, который кинулся на него с ножом, Огюст сломал запястье, после чего, выхватив нож, пригвоздил кисть матроса его же ножом к деревянному столу.

Не понимая, что происходит, матросы, тем не менее, дрогнули уже спустя полминуты. Семеро лежали на полу либо без сознания, либо корчась от боли. У некоторых были сломаны кости. Один скулил от боли, сидя на полу на коленях, и с ужасом смотрел на свою руку, все еще прибитую к столу ножом. Еще несколько человек, либо вжались в стены, либо отступили насколько могли, чтобы не попасть под удары Лекомта.

Когда бить стало некого, Огюст молча, все еще дрожащей от напряжения и ярости рукой указал на лежащих на полу матросов тем, что еще в состоянии были двигаться и мотнул головой в сторону двери, понятным всем жестом указывая, чтобы те забирали избитых товарищей и выметались из бара.

Второй раз их просить не пришлось. Спустя минуту, в баре остались только они двое и еще несколько случайных посетителей. Несколько столов и стульев были сломаны и раскиданы по полу. Каменный пол был забрызган кровью.

Лекомт, поморщившись от боли, погладил ладонью разбитую кисть своей руки и помог Федору встать с пола. Поднял один из стульев, усадил на него Федора и протянул ему свой платок.

Голова у Федора все еще кружилась от удара. Он автоматически взял протянутый Огюстом платок и вытер им разбитое лицо.

- Федор? – Огюст вопросительно смотрел на него, пытаясь убедиться, что Федор приходит в себя.

Федор поднял на него все еще затуманенные глаза и тяжело выдохнул воздух. После чего, прикрыв веки, устало кивнул головой, давая понять, что он в порядке. Огюст еще раз внимательно посмотрел в глаза Федору и также молча кивнул.

Огюст окинул взглядом бар, подошел к одному из столов, за которым раньше сидели британские матросы и забрал оттуда початую бутылку вина и два стакана. Поднял перевернутый стул, сел напротив Федора и налил им обоим по стакану вина.

Огюст еще раз внимательно посмотрел в глаза Федору и затем кивнул головой еще раз, словно убеждая себя, что теперь все в порядке и залпом осушил свой бокал. В голове у Федора стоял гул от удара в лицо. Он вытер кровь со своих

губ платком Огюста и, вслед за Лекомтом, осушил свой стакан.

Через минуту к ним подошел бармен-француз, удивленно и уважительно посмотрел на Лекомта и поставил на стол перед ними бутылку вина.

- Это за счет заведения, ребята... Такого я еще не видел, - бармен удивленно покачал головой и еще раз задумчиво и уважительно произнес. - Удивительно... такого я еще не видел...

Огюст все также молча кивнул головой. Но спустя пару секунд тихо и вежливо добавил:

- Спасибо, мсье.

Бармен все так же недоверчиво покачал головой, еще раз произнес "удивительно" и вернулся к себе за стойку...

После драки Огюст молчал весь вечер, по-своему, переживая случившееся. Федор, все еще с туманом в голове, не досаждал ему вопросами и разговорами, ожидая пока Огюст сам придет в себя и заговорит первым.

Уже перед сном в казарме в Оране, Огюст сел на кровать Федора.

- Федор, как твоя голова?

- Уже лучше, но пока гудит.

Огюст кивнул и со вздохом произнес:

- Через пару дней пройдет. Я боялся, что тот матрос сломает тебе челюсть.

- Челюсть вроде цела, - Федор осторожно прикоснулся к опухшим губам.

- Хорошо, - Огюст кивнул еще раз.

- С чего все началось? - Федор все еще с трудом двигал разбитыми губами.

- Я не знаю... но начали точно не мы. Я просил их успокоиться... Отчего-то люди привыкли принимать вежливость за слабость... - Огюст помолчал несколько секунд, опустив взгляд в пол, после чего поднял глаза на Федора и тихо произнес:

- Еще я испугался за тебя. Не подставляйся так больше...

Огюст опять опустил взгляд и смущенно произнес:

- Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Федор смотрел на Лекомта молча. Огюст поднял на него глаза и опять смущенно опустил их, непривычный к откровенным и искренним словам. Но спустя несколько секунд поднялся с кровати и кивнул Федору:

- Пора ложиться... Завтра рано вставать... Спокойной ночи, - развернулся и пошел к своей койке.

Федор приподнял от подушки все еще гудящую голову:

- Огюст?

Тот остановился и повернулся к нему.

- Спасибо, - Федор замешкался на секунду, не зная, как еще выразить свои чувства. - Спокойной ночи, Огюст.

Огюст кивнул, глубоко вздохнул и, вдруг, облегченно улыбнувшись, еще раз произнес:

- Спокойной ночи, Федор.

Через два года ежедневных тренировок с Огюстом, Федор уже мог на равных проводить с ним спарринги. И, хотя, в реальной драке он был не соперник Лекомту, но уже нынешней формы Федору вполне бы хватило, чтобы одновременно справиться с двумя-тремя соперниками, даже вооруженными ножами. Тело стало непривычно легким и гибким по сравнению с тем, каким Федор

помнил его несколько лет назад. А вслед за физическим комфортом пришло и состояние моральной стабильности. И, хотя, было оно очень зыбким и подпитывалось больше постоянным присутствием Огюста в его жизни, но и это состояние было новым и непривычным. И неожиданно комфортным.

Огюст улыбался, слушая рассказы Федора о том, что сейчас он чувствует себя физически гораздо лучше, чем чувствовал даже двадцать лет назад в России.

Позиция Огюста была предельно простой. Всегда необходимо было убирать корневую проблему, а не пытаться изменить последствия. Под корневой проблемой понималось отношение ко всему вокруг. Физическое совершенствование и занятие саватом были лишь следствием собственного мировосприятия. Федор соглашался с Огюстом даже когда был не до конца уверен, что тот прав. Но любые последствия любого действия всегда оказывались такими, как их и предсказывал Огюст, каким бы невероятным это не казалось изначально. Поначалу Федор даже приписывал Огюсту провидческие таланты, пока не понял, что любое мнение Огюста всегда сопровождалось только логикой и здравым смыслом. И это заставляло Федора еще больше ценить Огюста и их дружбу.

Французский Федора улучшался день ото дня. Уже через год он бегло говорил на французском, даже не задумываясь какие слова употребляет, лишь изредка запинаясь и подыскивая необходимые выражения. Через пару лет после начала службы в Легионе, Федор понял, что даже во снах он часто разговаривает на французском, а русский все больше становится языком вспомогательным. Более того, понял, что его это уже даже не удивляет.

Во всем хорошем, что происходило с ним, была заслуга Огюста. Как терпеливый учитель, тот всегда был рядом, подсказывая и поправляя Федора, когда это требовалось.

...через две недели после выхода из тюрьмы, их обоих отправили в удаленный гарнизон на краю пустыни Сахара у самого подножия Атласских гор. Было ли в этом какое-то вмешательство провидения или было это простой случайностью, навсегда осталось выше понимания Федора. И впоследствии, не раз возвращаясь едва ли не к самому поворотному моменту своей жизни, Федор всегда боялся додумывать мысль до конца, страшаясь даже теоретической возможности, что их с Огюстом могли отправить служить в разные части Легиона...

Весь состав удаленного гарнизона состоял из трех десятков легионеров. Иногда прибывало пополнение, иногда состав сокращался, но в целом общее количество солдат оставалось почти неизменным. Все постройки гарнизона составляли несколько домиков, служивших казармами, огороженные по периметру где глинобитной стеной, где низкой изгородью из мешков с песком. В случае серьезных боевых действий, укрепления были ненадежными, но, как форпост и временные инженерные сооружения, их вполне хватало для обороны и моральной уверенности в защищенности от пуль противника.

Все начальство гарнизона состояло из одного офицера, одного сержанта и двух капралов. Все остальные были простыми легионерами первого и второго класса.

В нескольких десятках километров от их гарнизона были уже испанские

африканские колонии. Поговаривали, что испанцы планировали установить полный контроль над пока формально контролируемым ими севером Африки и всеми племенами, проживающими там. А, учитывая свободолюбивый и часто кочевой образ жизни некоторых берберских племен, действия испанского правительства могли привести уже к полномасштабной войне с племенами. Но весной 1921 года, все пока еще ограничивалось общей нестабильностью, присущей северу Африки и отдельными, пока еще локальными столкновениями испанских регулярных войск с берберскими племенами.

Во французских колониях стояла относительная тишина, хотя, то и дело с горскими племенами берберов у удаленных форпостов Легиона, происходили перестрелки.

Но все эти сведения доходили до их гарнизона спорадически, вместе с устаревшими газетами, которые лишь изредка завозились в гарнизон вместе с продуктами первой необходимости. Да, и то, если газеты не забывали присылать с каждой новой поставкой. Пока же, помимо основных обязанностей по общему приграничному контролю, их использовали, как инженерные части для строительства новых дорог.

Столкновения с берберами были редкими и в каком-то смысле привычными. Федор относил их, скорее, на беспокойный характер кочевников, чем желание причинить реальный вред легионерам. Ни ему самому, ни Огюсту в таких перестрелках не приходилось участвовать ни разу. Дважды после их приезда в гарнизон, их сослуживцы получали пулевые ранения. Но ранения были легкими, и солдат не пришлось даже отправлять в госпиталь из гарнизона.

Хотя, вокруг них была все та же бесконечная пустыня, но в предгорьях было уже больше растительности по сравнению с голыми песчаными барханами Сахары. Кроме того, рядом с гарнизоном было небольшое соленое озеро и вокруг него маленькая роща чахлах деревьев и кустарников. Все свободное время Федор и Огюст проводили вместе, либо тренируясь в роще у озера, либо просто мечтательно строя совместные планы на послеармейское будущее.

Единственное, что трудно давалось Федору, было отсутствие книг. Но книги на русском найти в Африке было практически невозможно, за исключением букинистических лавок в крупных городах. А уровень французского Федора был пока настолько слабым, что, даже пытаясь читать редкие книги, что ему попадались, он мало что понимал и с первой страницы терял нить повествования. Потому все, что ему оставалось, было бесконечно перечитывать обе поэмы Гомера и давно затрепанный томик Пушкина.

Дни были похожи один на другой. Утренний подъем, обязательная зарядка и далее распределение обязанностей сержантом и капрами на весь день. Трехразовое питание и немного свободного времени по вечерам. Чаще всего, если кого-то не ставили в караул, дневные обязанности составляли выравнивание грунта и строительство новых дорог между городами и селами.

Жизнь в гарнизоне начиналась с рассветом и продолжалась до наступления дневной жары. После чего, снаружи оставался только караул. Большинство прятались в казармы, ожидая наступления вечера. Ночи были пока еще прохладными, но чувствовалось, что через месяц-полтора даже вечера будут неимоверно жаркими и душными.

Ни Федор, ни Огюст не привыкли к такой жаре, но выбирать не приходилось. После недолгого обсуждения, в отличие ото всех остальных в гарнизоне,

они решили использовать время вынужденной ссылки с максимальной пользой – тренируясь каждый день. Кроме того, Федор напряженно учил французский и, одновременно, учил Огюста русскому языку. Зачем Огюсту был нужен русский в африканской пустыне, не понимали ни Федор, ни сам Огюст. Но это, наряду с постоянными тренировками, было тем, что заставляло поддерживать внутреннюю самодисциплину, не поддаваться отчаянию и не совершать никаких опрометчивых поступков.

Больше полутора месяцев прошли в цикличной повторяющейся рутине. Дни были похожи один на другой, как близнецы братья. Не удивительно, что некоторые legionеры находили единственный источник разбавить серое существование в вине.

Пару раз за это время и Федор с Огюстом напивались едва ли не до беспамятства. Не было никакого явного повода пить столько, но состояние апатии и ежедневной рутины словно подталкивали их к бессмысленным действиям.

Но наутро все равно приходилось просыпаться в той же тоскливой реальности и среди той же самой однообразной африканской пустыни. Более того, просыпаться с тяжелой головой и разбитым телом. Именно поэтому, уже после второго такого раза Федор и Огюст решили ограничить себя в алкоголе: ни до чего хорошего пьянки не доводили, и примеров тому даже в их маленьком гарнизоне было масса. Тем более, что уже через месяц знакомства, у них начали появляться совместные планы на жизнь после окончания пятилетнего срока службы в Легионе. А для планов нужна была ясная голова и трезвый ум.

Почти через два месяца после приезда в гарнизон, их, как обычно, с рассветом, задолго до наступления утренней жары, отправили на строительство дороги. Работа была неблагодарной: несколько часов под палящим солнцем – срывать неровности грунта, разравнивать его и превращать фактически в проезжую часть для автомобилей и гужевых повозок. С одной стороны, работа длилась всего до наступления полуденной жары, с другой, условия работы были настолько изнуряющими и рабскими, что, возвращаясь в казармы, большинство legionеров, проглотив наскоро обед, падали замертво в тени зданий или в казармах и отсыпались минимум по два-три три часа в ожидании ужина.

Почвы, где они строили дорогу, были такие же скудные на растительность. Голые, выжженные солнцем холмы, либо такие же голые и наводящие тоску и уныние песчаные барханы. Не считая небольших складок местности, окрестности просматривались на сотни метров, а иногда на километры вдаль.

...это утро было такое же жаркое и безоблачное, как и в предыдущие дни, предвещающая изматывающие, каторжные часы работ на открытом воздухе. В этот день на строительство участка дороги отправили только часть их взвода – дюжину legionеров, включая капрала.

Капрал сидел на обочине, следил за окрестностями и формально контролировал ход работ. Но жара смаривала его, и он постоянно клевал носом. Поначалу legionеры потешались над ним, но с усилением жары работать становилось тяжелее, и каждый все больше концентрировался на расчистке грунта.

В последние недели во всем регионе стояла тишина. Не считая привычных и все более редких перестрелок с арабами, никаких боевых действий в округе не велось. В Легионе не углублялись в детали быта и этноса племен и привычно называли всех местных арабами.

Недели тишины расслабили и солдат гарнизона: винтовки Бертые были сложены в пирамиду возле клюющего носом капрала. Там же лежали и мундиры. Все были раздеты по пояс и лишь на головах солдат, прикрывая их от палящего солнца, были надеты кепи. Периодически то один, то другой легионер, снимал кепи и вытирал пот с лица. Затем, все еще тяжело дыша, закуривал, опираясь на лопату или на кирку. После недолгого отдыха и выкуренной сигареты, он опять принимался за работу.

Расчистив небольшой участок, легионеры переносили винтовки и униформу ближе к тому месту, где планировали продолжать работу. Рядом садился сонный капрал, и все повторялось до следующего перемещения и расчистки очередного участка грунта.

Сил не было ни на жалобы, ни на сожаления. Все работали молча и напряженно, ожидая лишь наступления полудня и сигнала от капрала о прекращении работ и возвращении в казармы...

Кто первый заметил берберов, впоследствии они так и не смогли вспомнить. То ли те поджидали легионеров несколько часов за ближайшими холмами, то ли сумели подкрасться перед самым нападением настолько незаметно, что до последнего мгновения их никто не смог увидеть, но атаку берберы начали буквально с полусотни метров. Лошадей, судя по всему, они оставили далеко позади, чтобы те не выдали хозяев ржанием. Целью нападения, как обычно, были винтовки и боезапас легионеров.

Берберов было более двадцати человек, и все они были пешими. С криками и проклятиями они выбежали из-за ближайшего холма и суматошно начали стрелять в направлении легионеров, пытаясь дикими воплями и устрашающими жестами подавить волю к сопротивлению у последних.

То ли были арабы под воздействием наркотиков, поднимая, таким образом, свой боевой дух, то ли надеялись на неожиданность и численное превосходство, но атака была сумбурной и бестолковой.

И все же первым, кого ранили среди легионеров, был капрал, который вскочил с земли и потянулся к винтовке. Пуля попала ему в живот, и теперь он лежал на боку, поджав под себя ноги, то стоная, то хрипло матерясь на французском и прикрывая рану обеими ладонями.

Вслед за капралом упал еще один легионер, держась за раненое бедро. Инстинктивно Федор рванулся в сторону ружейной пирамиды, до которой было меньше десятка метров, пробежал половину пути, и прыгнул в направлении винтовок. Приземлился плашмя на живот, перекатился к пирамиде и схватил ближайшую винтовку.

Тело, привычное к войне, словно само знало, как вести себя, полностью отключив разум и действуя на одних инстинктах. Федор передернул затвор и выстрелил в ближайшего араба. Пуля ударила того в грудь и отбросила на шаг назад.

Федор сидел возле истекающего кровью капрала, прислонившись спиной к выкопанной груде сухой земли и, словно заведенный, передергивал затвор и стрелял в арабов. Он стрелял на поражение, не думая о том, ранит или убивает противников. Сейчас главным было остудить первый пыл берберов и отбросить их на безопасное для легионеров расстояние, чтобы успеть перегруппироваться самим. Мозг не облакал действия в словесную форму – все делалось на уровне инстинкта.

Несколько пуль ударили в землю рядом с ним, и лишь одна оцарапала плечо. На долю мгновения Федор взглянул на обнаженное плечо с содранной пулей кожей и продолжил стрелять.

Пятеро арабов либо недвижно, либо корчась от ран, валялись всего в нескольких шагах от Федора. Отстреляв в арабов весь магазин в пять патронов, Федор схватил вторую винтовку из пирамиды и продолжил стрелять.

Атака арабов, не ожидающих сопротивления, захлебнулась, едва успев начаться. Всего их боевого духа хватило лишь на яростные крики и беспорядочную стрельбу, которая могла вывести из себя разве что дилетантов, не привычных к боевым действиям. Вид истекающих кровью соплеменников отрезвил их и заставил быстро отступить.

Семеро арабов лежали на земле, застреленные или раненные Федором. Не ожидая, пока остальные арабы соберутся с духом и начнут новую атаку, Федор толкнул оружейную пирамиду, чтобы в винтовки случайно не попала пуля. Пирамида упала в пыль с глухим стуком. Берберы, то ли от страха, то ли перегруппировываясь, прекратили стрелять и залегли в нескольких десятках метров от легионеров. До слуха Федора доносились ругань и яростные крики.

Федор перепрыгнул через кучу грунта, прячась в укрытие, и посмотрел по сторонам. В паре метров от него, укрывшись за небольшой кучей суглинка, лежал Огюст. Тот смотрел на Федора со страхом и удивлением. Видя, что Огюст жив и не ранен, Федор вздохнул с облегчением и кивнул ему головой. Огюст кивнул в ответ. Федор посмотрел по сторонам. Кроме капрала, еще трое легионеров были ранены.

Все остальные лежали за небольшими кучами земли, не зная, что делать. Федор, беря всю ответственность на себя, махнул рукой и на своем плохом французском приказал всем переползать к нему. Легионеры, подчиняясь приказу, по-пластунски поползли к Федору. Жестами и отдельными словами он заставил их затащить раненых товарищей за кучи земли. После чего приказал каждому взять в руки винтовку, рассредоточиться и занять классическую оборону, прикрывая фронтальный и фланговые подступы ко взводу.

Берберы, еще не поняв, что имеют дело уже с вооруженным и обученным взводом регулярной армии и, надеясь на численное превосходство, опять поднялись в атаку. Федор приказал никому не стрелять, пока те не приблизятся на двадцать метров.

Арабы, не видя никакого сопротивления, с криками рванулись им навстречу. Но лишь только они приблизились на нужное расстояние, Федор отдал приказ стрелять. Восемь выстрелов прозвучали единым залпом. Несколько арабов упали. Те, что были не убиты и не ранены, с яростными криками по инерции продолжили бежать вперед.

Федор крикнул еще раз: "Огонь!"

Прозвучал еще один залп, и упали еще несколько арабов. Теперь наступающих осталось не больше десятка. Ни численного превосходства, ни выгодной позиции для атаки у них уже не было. Не сговариваясь, они развернулись и в ужасе рванулись назад, под укрытие холмов. Вслед им прозвучало несколько разрозненных выстрелов. Еще двое арабов упали. Остальные скрылись за холмом.

Федор внимательно осмотрел поле боя. Четверо легионеров были ранены. Двое из них, включая капрала, тяжело. Около двух десятков арабов лежали

в нескольких метрах от них.

Не испытывая больше судьбу, Федор поднялся и приказал собираться. Насколько возможно быстро перевязали раненых. Legionеры накиннули мундиры и приготовились выдвигаться в сторону гарнизона, все еще оглядываясь на холм, за которым скрылись арабы.

Федор показал на лопаты и кирки и приказал взять их с собой. Двоих человек он поставил в арьергарде, следить за отходом. Еще двоим, Федор приказал взять оружие раненых, лопаты и кирки. Сам он, вместе с Огюстом и еще двумя legionерами взвалил на себя раненых и приказал выдвигаться единой группой. Чтобы не терять время и не нарваться на шальную пулю, он решил не собирать оружие убитых и раненых арабов.

На вопрос одного из молодых legionеров, что станет с убитыми и ранеными арабами, Федор, удивляясь своему цинизму и с трудом подбирая французские слова, сказал, что арабов либо подберут свои и похоронят, либо они останутся добычей для животных-падальщиков...

Уже через час, измотанные, грязные и залитые кровью раненых, они были в гарнизоне. Капрал умер по дороге. Остальные трое раненых были живы.

Уже вечером Огюст подошел к Федору и, помолчав несколько секунд, произнес:

- Федор, ты нас всех сегодня спас.

Федор, непривычный к таким откровенным знакам благодарности, смущено отвел глаза и тихо произнес невпопад:

- Капрала убили и много раненых для одного дня, - его словарного запаса едва хватало, чтобы строить простые фразы.

Огюст вздохнул, кивнул головой и потупил взгляд.

- Я знаю... но мы с тобой еще живы. И все остальные спаслись только благодаря тебе.

Федор смущенно кивнул головой:

- Остались живы и слава Богу.

Огюст еще раз посмотрел в глаза Федору и, проглатывая ком в горле, так же тихо произнес:

- Спасибо, Федор.

В течение трех дней, весь гарнизон был в неусыпном ожидании нападения берберов. Но на них никто так и не напал. Через три дня труп капрала, троих раненых и письменный рапорт командира гарнизона о случившемся, с вооруженной охраной отправили в Сиди-бель-Аббес.

Еще через полторы недели, с ближайшей поставкой провианта и пополнением legionеров, на Федора в гарнизон пришло представление его к Военской Медали за героизм во время военной операции и спасение товарищей. И сразу утверждение его в чине капрала Французского Иностранного Легиона.

Глава 11 Матвей. Остров Сен-Луи

На следующее утро после поездки на кладбище Матвей проснулся рано. За окном было темно. Лишь по внутренним ощущениям он понимал, что скоро начнется рассвет.

Матвей вспомнил весь вчерашний день. Опасения, что его будет искать либо полиция, либо какие-то криминальные круги Парижа. Поездка на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Собственные чувства на кладбище. Встреча с Белинскими. Мысли относительно того, что встречу с графиней Афанасьевой нужно оставить на потом и начать искать сведения о прадеде в неких абстрактных пока эмигрантских архивах или в эмигрантской прессе двадцатых годов прошлого века.

Он попытался сосредоточиться на мыслях о прадеде, но размышления о ночных грабителях не отпускали. Матвей почувствовал, как от смутного страха и напряжения у него чуть не свело мышцы живота. Он лежал неподвижно и прислушивался к звукам отеля и улицы. Затем, он повернул голову в сторону входной двери и надолго замер, надеясь и, одновременно, страшась услышать за ней какие-то шорохи. Но в отеле стояла полная тишина. Наконец, Матвей вздохнул и попытался мысленно переключиться на поиски прадеда.

Но воспоминания о грабителях не отпускали. Проблемы нужно было решать последовательно. Если его не нашли до сих пор, был шанс, что его не найдут никогда. Либо, что его даже не искали.

Вопреки своим обоснованным страхам, Матвей прикрыл глаза и еще раз попытался переключиться на поиски прадеда. Но подсознательные страхи, что его ищут, не давали расслабиться. Матвей повернул голову и посмотрел на тумбочку, где стояли две бутылки вина.

Он вспомнил, как его трясло вечером перед самым сном от мыслей о том, что его ищут. Страх был панический. Не выдержав напряжения, Матвей разделся донага и больше часа потратил на гимнастику, пытаясь растворить все свои опасения в физической усталости. Через час, весь в поту, он пошел в душ и обмылся ледяной водой. Еще раз на физическом уровне, пытаясь шоковой терапией избавиться от неприятного чувства. Когда он понял, что и это не подействовало, он оделся и пошел навстречу своим страхам...

Но на улице было тихо и спокойно. Матвей зашел в ночной магазин, купил сыра, три бутылки вина и вернулся в номер. Одну бутылку он выпил залпом, стоя перед окном и глядя на темные парижские крыши. Затем, уже лежа в постели, сделал несколько глотков из второй бутылки. После чего, наконец, погрузился в глубокий и, как обычно, тяжелый и липкий сон.

Сейчас мысли о грабителях опять начали одолевать его, и он, не в силах остановиться, стал накручивать себя еще больше. Чувствуя, что таким образом – безостановочно прогоняя одни и те же страхи у себя в голове – он может дойти до нервного срыва, Матвей протянул руку и взял открытую бутылку.

Он вытащил пробку и в несколько глотков опустошил полбутылки. После чего замер, ожидая наступления опьянения. И оно незамедлило себя ждать. Через несколько минут Матвей почувствовал, что начал пьянеть. Не считая не-

большого куска сыра, он не ел ничего почти сутки, и на пустой желудок вино действовало очень быстро. Матвей приложился к бутылке еще раз, допивая ее до дна.

После выпитого, стало заметно легче. Недавние страхи сразу стали казаться беспочвенными и необоснованными. Никто не знал, что это именно он убил тех арабов или албанцев. Никто не видел его на пустой улице. Никто не видел даже его разбитой руки, так как в людных местах, он постоянно держал руки в карманах, либо одевал легкие кожаные перчатки. Подозрения в его адрес могли быть лишь косвенные, да и то лишь у того торговца, у которого Матвей спрашивал дорогу до рю Лежандр. С другой стороны, он обставил все так, словно грабители подрались между собой и, если у кого-то и могли возникнуть сомнения по поводу их ссоры и драки, сначала нужно было доказать, что рядом с ними присутствовал посторонний. Но таких доказательство ни у кого не было.

Как ни странно, но помимо легкости, вино дало и ясность мышления. Зная себя и свое умение раздувать из мухи слона, Матвей понимал, что страхи его, наверняка, преувеличены. С другой стороны, и легкость от вина и, вытекающая из нее ясность мысли, так же были чрезмерными. Но, по крайней мере, второе состояние нравилось ему гораздо больше.

Не заметив как, Матвей поймал себя на том, что уже обосновал для себя всю ситуацию, сделал выводы и даже перешел мысленно к поискам прадеда. Он посмотрел на оставшуюся бутылку вина, покачал головой и улыбнулся.

Думать о грабителях больше не хотелось, и Матвей совершенно спокойно переключился на поиски данных о своем предке. Вчерашние размышления о том, чтобы попытаться наудачу отыскать хоть какую-то информацию о нем в старых эмигрантских журналах или мемуарах, сейчас казались абсурдными. Если прадед и служил под началом генерала Деникина, у самого Деникина в мемуарах Матвею ни разу не встретилась фамилия Шуткин. Шанс, что никому неизвестный унтер-офицер Добровольческой армии будет упомянут в каких-то журналах или в мемуарах белоэмигрантов, был ничтожным. Да, и что могло дать Матвею упоминание фамилии прадеда? Вероятнее всего, без контекста и данных, где искать следы упомянутого Шуткина. Разве что еще одну нить, которая будет ничем не лучше попытки отыскать следы прадеда в архиве графини Афанасьевой. Шанс найти упоминание об унтер-офицере Федоре Шуткине в архиве графини, был ничуть не меньше, чем поиски непонятно чего и непонятно где. По крайней мере, теперь Матвей надеялся именно на очевидную и вполне допустимую возможность.

Он протянул руку и взял оставшуюся бутылку вина. Поток мыслей был стройным и последовательным. Прерывать его плавное течение не хотелось. Матвей еще раз покачал головой, удивляясь тому, насколько легко он мог оправдать любое свое действие вроде бы рациональными причинами. Он откупорил бутылку и сделал несколько небольших глотков. И прислушался. На этот раз уже к самому себе. Состояние легкости и ясности не проходило. Матвей посмотрел в проем окна. Небо, казалось, чуть изменило цвет от иссиня-черного до едва заметного сероватого оттенка. Матвей улыбнулся еще раз и вернулся к мыслям о прадеде.

Самым оптимальным было начать поиски именно с графини Афанасьевой. Исходя из того, что он узнал от четы Белинских, у графини был обширный эмигрантский архив, как и многолетний опыт пользования им. Кроме того, даже,

если в архиве не обнаружится сведений о его прадеде, графиня, возможно, даст Матвею новые и вполне конкретные нити поиска. Либо в эмигрантской среде, либо в эмигрантских архивах. Тыкаться самостоятельно в неизвестных направлениях, чтобы, в конце концов, его направили за сведениями к графине, либо с многодневным опозданием все равно вернуться к ней, было не рационально, и, одновременно, глупо. Срок его пребывания во Франции был ограничен полугодовой визой, но больше – ограниченными финансами и предоплаченным месячным присутствием в этой стране, и растрачивать время на догадки, когда у него уже была полноценная точка отсчета, казалось, как минимум, опрометчивым.

Матвей покачал головой самому себе, удивляясь своей вчерашней непоследовательности, и сделал еще несколько маленьких глотков вина. Для себя он оставил мысленную заметку, что на вечер нужно будет купить еще вина и немного сыра, чтобы попытаться продлить нынешнее состояние прозрачности мысли.

После того, как следующий этап поисков казался уже очевидным, Матвей решил, что именно сегодня он найдет адрес графини Афанасьевой и напишет ей короткое письмо относительно своих изысканий, с просьбой о помощи. Если графиня отреагирует на его письмо, это значительно облегчит его дальнейшие поиски. Если она не напишет в ответ или не найдет ничего, связанного с фамилией Шуткин в своих архивах, он всегда сможет вернуться к своему изначальному, пусть и бессистемному плану поисков упоминаний прадеда в старых журналах и девяностолетней давности эмигрантской прессе. Где искать эти данные и искать ли их вообще, станет ясно лишь после того, как он свяжется с графиней Афанасьевой.

Удовлетворенный принятым решением, Матвей сделал еще несколько глотков вина и откинулся на подушку. Теперь можно было лечь спать со спокойной душой. Мысль о "спокойной душе" заставила его нервно усмехнуться. Он вспомнил убитых им грабителей и тяжело вздохнул. По крайней мере, хотя бы в одном, он, наконец, принял решение. Если на свежую голову, он не изменит своего мнения, днем он попытается разыскать графиню Афанасьеву. Матвей приподнял голову и допил оставшееся вино. Теперь нужно было хорошо выспаться.

Матвей проснулся в полдень. Во рту стояло неприятное винное послевкусие. Тело казалось ватным. Матвей вспомнил о собственных утренних выводах, принятом решении и на удивление, почувствовал себя морально собранным и даже полным энергии. Захотелось, как можно скорее найти адрес графини Афанасьевой, написать ей письмо со своей просьбой и отнести его на остров Сен-Луи.

Он хотел было сразу вскочить с кровати, несмотря на слабость в теле и приступить к поискам, но сдержал себя, зная по опыту, что чересчур резкие и спонтанные действия ведут к тому, что многое в дальнейшем приходится переделывать. Он улыбнулся собственной то ли несостоятельности, то ли предусмотрительности, плавно поднялся с кровати и пошел в ванную.

По выходу из ванной, Матвей собрался было написать письмо, но опять осек сам себя. Привычка добираться до цели окольными путями дала о себе

знать опять. Он решил, что сначала найдет адрес графини и уже после этого, предварительно обдумав содержание, напишет письмо.

Попытка обмануть в очередной раз себя же, насмешила Матвея. Но он тут же вспомнил о том, что недавно голыми руками убил двух человек и смех захлебнулся, едва успев начаться. Матвей проглотил комок в горле и почувствовал, как его начинает подташнивать. Он сделал несколько глубоких вдохов, избавляясь от тошноты, зашел в ванную комнату и оперся ладонями на раковину.

Лицо в отражении было хмурым, а взгляд уставшим, с нотками безумия в глубине зрачков. Матвей включил кран и долго тер лицо холодной водой. С таким лицом нельзя было идти на встречу с незнакомыми людьми и, тем более, ожидать помощи от кого бы то ни было в поисках.

Он вернулся в комнату, сел на кровать и начал плавно вдыхать воздух, выравнивая дыхание. Выходить из номера прямо сейчас расхотелось. Матвей пересел за стол, подвинул к себе несколько листов чистой бумаги, взял в руку ручку и на мгновение замер, собираясь с мыслями. После чего, на одном дыхании написал короткое письмо для графини Афанасьевой.

"Уважаемая Софья Петровна,

Обратиться к вам мне порекомендовали Сергей Петрович и Зинаида Андреевна Белинские. Мы случайно столкнулись с ними на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Я ищу следы своего прадеда, который по данным нашей семьи эмигрировал из России в 1920-м году вместе с остатками Добровольческой армии генерала Антона Ивановича Деникина. Якобы мой прадед был ординарцем у генерала Деникина, хотя, эти сведения лично мне кажутся больше семейными легендами.

Сергей Петрович Белинский сказал, что у вас есть обширные архивы касательно эмиграции из России после Гражданской войны.

По данным нашей семьи, мой прадед эмигрировал именно во Францию, хотя, и эти сведения больше наши предположения, нежели факт. Его звали Федор Петрович Шуткин. Унтер-офицер Российской Императорской армии.

Буду очень признателен, если Вы ответите мне, а также по возможности, справитесь в ваших архивах относительно возможных данных о моем предке".

Матвей перечитал написанное, задумался на несколько секунд и приписал в каком отеле он сейчас находится, парижский адрес и сколько еще дней планирует оставаться здесь. Поставил текущую дату, написал свое имя и добавил еще несколько вежливых фраз предварительной благодарности за то, что графиня будет тратить свое личное время на неожиданную просьбу.

Он еще раз перечитал весь текст письма. Почерк оставлял желать лучшего, но переписывать письмо не хотелось. Матвей посмотрел на шариковую ручку, зажатую в руке, словно на нее перекладывая вину за неровный почерк, покрутил ее в пальцах несколько секунд и вздохнул. Вероятнее всего, ему придется общаться еще с одним новым человеком в своей жизни. Несмотря на то, что он максимально избегал новых контактов, в этом случае, без знакомства с графиней Афанасьевой ему, похоже, невозможно будет получить необходимые сведения.

Он задумчиво посмотрел на письмо, еще раз медленно перечитал его,

словно ища в последний момент повода не отправлять его. Но все было написано предельно просто, лаконично и вежливо. Он еще раз вздохнул, не понимая, куда заведет его новый виток поисков, свернул лист бумаги и засунул его в конверт.

На удивление, после написания письма, он почувствовал себя намного лучше. Позывы тошноты прошли, и пропало ощущение вялости во всем теле. Воспоминания о драке на ночной улице уже не казались такими ужасными, как несколько минут назад. Матвей облизал пересохшие губы и еще раз попытался найти здравый и объективный повод, чтобы не отправлять письмо. Но ничего конкретного на ум так и не пришло. Было очевидно, что без контакта с графиней, он не сможет быстро найти ни новые точки отсчета, ни контакты, с которых можно будет продолжить поиски, не говоря о том, чтобы выйти на след прадеда. Понимая, что нового знакомства не избежать, Матвей еще раз тяжело вздохнул, поднялся со стула и начал одеваться. Нужно было выйти из отеля, выпить кофе и что-то перекусить. И найти интернет салон, чтобы отыскать адрес графини Афанасьевой на острове Сен-Луи.

Интернет салон Матвей нашел недалеко от парка Монсо. Письмо к графине Афанасьевой лежало в кармане. Про себя он решил, что как только найдет адрес графини, в этот же день бросит письмо в ее почтовый ящик и будет ждать ответа от нее. Намеренно и без предупреждения наносить визит пожилому человеку Матвей не решился.

Через полчаса он вышел из интернет салона. Адрес графини был написан на конверте. Спускаться в метро не хотелось, и Матвей решил добраться до острова Сен-Луи пешком. Долгая прогулка позволяла еще раз убедиться в твердости собственных намерений, а, кроме того, постепенно раствориться среди гуляющих на улице, чтобы как можно меньше оставаться наедине с собой, своими мыслями и сомнениями. Заодно по дороге можно было выпить чашку кофе и перекусить чем-то легким.

Матвей дошел до Триумфальной арки, привычным уже маршрутом обошел площадь де Голля и по авеню Иена двинулся в сторону Трокадеро и Эйфелевой башни.

Графиня жила на набережной Бурбон на острове Сен-Луи и все, что сейчас хотелось Матвею, было долго идти вдоль Сены, рассматривать баржи у набережной и наблюдать за неспешным течением реки. Без мыслей и желаний. Просто ощущать себя частицей все еще непривычной парижской жизни.

Матвей шел не торопясь. Часто останавливался, облокачивался на парапеты набережных и подолгу смотрел на тягучее свинцово-зеленоватое течение Сены. Периодически по реке проплывали прогулочные катера и баржи, и Матвей внимательно и, в то же время, бездумно наслаждался парижскими видами.

Прохожих было немного. День был будний и серый. Изредка Матвей оборачивался. Понимая, что никто за ним не идет, он, тем не менее, подсознательно боялся, что полиция или друзья грабителей выйдут на его след. С одной стороны, мания преследования напоминала паранойю, с другой, он чувствовал, что здравый смысл в его действиях все же был.

Через час неспешной прогулки, он миновал остров Ситэ и через мост Луи-

Филиппа перешел на остров Сен-Луи. И на первом же здании увидел указатель "Quai de Bourbon". Матвей остановился, чувствуя, как от неожиданности сильнее забилося сердце. Казалось бы, не было никаких причин переживать и нервничать, но даже потенциальный контакт с новым человеком в его жизни выбивал Матвея из колеи. Он криво улыбнулся и покачал головой. Подсознание Матвея жило своей, отдельной от него жизнью, тем не менее, постоянно влияя на его поступки и решения.

Где-то поблизости был дом, в котором жила графиня Афанасьева. Нужно было лишь найти необходимый номер. Как он будет опускать письмо в ее почтовый ящик, Матвей пока не знал. Возможно, в подъезде будет консьерж, либо необходимо будет дождаться кого-то, кто будет входить в подъезд и войти следом. Либо, как последний вариант – подсунуть конверт с письмом прямо под дверь подъезда, надеясь, что соседи передадут письмо графине.

Матвей перегнулся через каменную ограду и посмотрел на реку. Под ним была еще одна набережная. Своего рода небольшой променада прямо у воды. Вдоль него росли высокие деревья. Кроны прикрывали окна домов. Сучья, до уровня верхней набережной были аккуратно обрезаны. Через каждые пятнадцать-двадцать метров, под деревьями вдоль променада были установлены каменные лавочки. Несмотря на это, два человека сидели прямо у кромки воды и то ли ловили рыбу, непонятным Матвею способом, то ли просто неподвижно и задумчиво смотрели на плавное течение воды. Длинных удочек ни у них в руках, ни рядом с ними Матвей не заметил.

Он спустился по узкой каменной лестнице к реке и сел на одну из лавочек. От воды заметно несло холодом. По ощущениям, скоро должен был начаться вечер. Из-за серых плотных облаков казалось, уже наступили сумерки.

Матвей дал себе четверть часа, чтоб собраться с духом и выполнить еще одно запланированное на сегодня дело. Он плотнее запахнулся в куртку и прикрыл глаза, прислушиваясь к еле слышному плеску волн. Периодически он открывал глаза и смотрел по сторонам. Но людей на променаде не прибавлялось. Матвей вздыхал и опять закрывал глаза. Сейчас не было ни мыслей, ни желаний. Разве что хотелось побыстрее опустить письмо в почтовый ящик и неспешно вернуться в отель, купив по дороге сыра и несколько бутылок недорогого вина. Но мысль была, скорее, фоновой и не требовала немедленного исполнения.

Матвей улыбнулся. Второй день его ужины будут составлять только вино и сыр. Своего рода в этом также была французская экзотика. Мысль о вине ассоциативно пересеклась с утренним настроением и ощущением, что все, за что бы он ни взялся, обязательно получится. Матвей вспомнил о чете Белинских на кладбище. Подумалось вдруг, что настолько интеллигентные люди вряд ли могли бы общаться и рекомендовать неприятных или тяжелых в общении людей. В конце концов, Матвей почувствовал, что своими воспоминаниями и размышлениями, он просто оттягивает момент, когда нужно будет войти в подъезд и передать письмо консьержу или бросить его в почтовый ящик.

Матвей вздохнул и встал с лавочки. Нужно было найти необходимый дом и уже вслед за этим принимать какие-то новые решения.

Он быстро поднялся по каменной лестнице и двинулся вдоль набережной. На удивление нужный номер дома оказался буквально через тридцать метров. Сбоку от входной двери, на стене располагалась панель с фамилиями и

номерами квартир жильцов. Среди них была и фамилия графини Афанасьевой.

На самой двери в форме льва, держащего в пасти кольцо, была прикручена дверная ручка. Матвей хотел было постучать во входную дверь, надеясь, что откроет консьерж, но в ту же секунду на второй створке двери увидел прорез для писем. Судя по всему, всю корреспонденцию для жильцов подъезда бросали именно в это отверстие и уже дальше либо сами жильцы, либо консьерж сортировали письма.

Неожиданно для себя, Матвей облегченно засмеялся. Как обычно, чем сложнее в моральном или физическом плане казалась проблема, тем элементарнее она решалась. Матвей вытащил конверт из кармана, еще раз внимательно прочитал адрес на французском и русском, дополнительно проверил, не ошибся ли во французском написании фамилии графини и аккуратно протолкнул письмо в отверстие для корреспонденции. Осторожно погладил голову льва на ручке, кивнул ей, словно прощаясь со старым знакомым, развернулся и пошел в сторону отеля.

Ответ пришел через день. Портье остановил его после завтрака и протянул письмо.

- Good morning. There is a letter for you.

Матвей не сразу понял от кого письмо. В голове всплыли недавние события в районе Порт де Клиши, два неподвижных тела, лежащие на мостовой и собственные ночные молитвы с просьбами об искуплении. Он проглотил слюну. Впоследствии это казалось глупым, но первой мыслью в тот момент было, что ему передают повестку явиться в полицию.

- For me?!

Портье вежливо кивнул. В протянутой руке он все так же держал письмо. Но забирать его Матвею не хотелось. На долю мгновения Матвей представил, насколько нелепой будет выглядеть эта ситуация, если он откажется принять конверт.

Секунду поколебавшись, он сделал шаг в направлении портье и взял письмо. Чувствуя на себе, казалось, испытующий взгляд, Матвей опустил глаза на адрес и издал вздох облегчения. Письмо было адресовано именно ему и было оно от графини Афанасьевой.

Матвей поднял глаза на портье, облегченно кивнул в знак благодарности за услугу, развернулся и быстро пошел к себе в номер.

В номере, он положил конверт на кровать и сам лег рядом. Отчего-то сейчас открывать конверт не хотелось. Неясно, что было внутри, и Матвею хотелось хотя бы еще ненадолго сохранить состояние неопределенности на будущее.

В конце концов, Матвей поднял письмо и на свет попытался рассмотреть его содержимое. Но конверт был из плотной бумаги, и было не видно, что находилось внутри. Матвей вздохнул еще раз. Похоже, промежуточную стадию между получением письма и его прочтением, придется миновать. Как не хотелось придумать себе новые оправдания и отсрочить открытие конверта, поводов для этого уже не находилось.

Матвей вдруг вспомнил, как стоял перед дверью в подъезд на острове Сен-Луи и свои мысли в тот момент: чем сложнее казалась изначальная проблема, тем легче она разрешалась по факту.

Решившись, наконец, он подцепил ногтем край клапана конверта и начал

плавно отрывать его.

Внутри находился свернутый втрое лист дорогой бумаги. Матвей развернул его. Красивым каллиграфическим почерком было написано всего несколько предложений.

"Дорогой Матвей,

Очень рада, что Вы интересуетесь историей своей семьи. В наше время это, скорее, редкость.

Если Вам будет удобно, прошу Вас приехать ко мне завтра к пяти часам пополудни.

Я попытаюсь к тому времени найти какие-либо упоминания о Вашем прадеде в моих архивах.

С уважением,

Афанасьева Софья Петровна"

Ниже стояла дата, и дополнительно был приписан уже знакомый Матвею адрес.

Еще раз он облегченно вздохнул. Ничего пугающего в конверте не оказалось. Матвей прикрыл веки, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы благодарности, и проглотил комок в горле. Он не привык к тому, что так спокойно и открыто незнакомые люди готовы были помочь ему по его первому запросу.

Размытыми картинками он представил собирательные образы миллионов людей, вынужденных эмигрировать из России больше девяноста лет назад. Ушла ли с ними целая культурная эпоха из жизни его страны или все зависело от отдельных людей и их качеств, ему было трудно даже предположить. Вероятно, и то, и другое. Но долго размышлять об этом не хотелось. Он знал, что найдет массу аргументов "за" и "против" пришедшей в голову мысли.

Матвей, открыл глаза и устало обвел взглядом свой номер. Ни на чем примечательном взгляд не остановился. Матвей вздохнул, еще раз прикрыл глаза и начал молиться. За всех тех людей, что помогали и помогают ему. За их здоровье и спокойствие.

После недолгой молитвы ему стало намного легче. Он посмотрел в окно. До встречи с графиней было больше тридцати часов. Не зная чем занять себя, Матвей решил, что сегодня самое время бездумно погулять по центру Парижа и посетить все те места, где он еще не был. Или вернуться туда, где бывал уже неоднократно.

Думать о точных планах на день не хотелось. Достаточно было просто неспешно побродить по Парижу. Без сомнений и неприятных воспоминаний. Сегодняшний день не хотелось омрачать ничем тяжелым и надуманным.

С улыбкой он поднялся с кровати, положил бумажник с деньгами и письмом графини в рюкзак и вышел из номера.

Привычка последних дней гасить все подсознательные страхи и мысли о надуманных проблемах алкоголем, дала о себе знать и сейчас. Едва Матвей вышел на улицу, уверенность, которую он испытал в номере, начала рассеиваться. Он зашел в ближайший магазин и купил бутылку недорогого столового вина. До встречи с графиней оставалось почти тридцать часов, и Матвей решил, что

сегодняшний день он не только проведет в прогулках, но и не ляжет спать до утра, чтобы пропустить самое пугающее время суток – раннее утро – спрятавшись от себя во снах.

Алкоголь давал мнимое забвение и мнимую силу духа. Как раз то, что ему сейчас нужно было ощутить, чтобы его страхи не поглотили его полностью. То, что сила духа была мнимой, его особенно не волновало. Важно было достижение определенной степени уверенности в себе, и алкоголь был ничем не хуже любых других средств.

Матвей знал, что до встречи с графиней, ему вполне хватит времени отоспаться и прийти в себя. Что касается подсознательных страхов по пробуждении, тогда ему будет уже не до них – нужно будет спешить на назначенную встречу.

Простота решения успокоила и порадовала его. В ближайшем сквере, Матвей открутил крышку у бутылки вина и, делая вид, что напряженно ищет что-то в рюкзаке, жадными глотками отпил почти половину бутылки. После чего откинулся на спинку лавочки, чуть прикрыл глаза и стал ожидать наступления действия алкоголя.

Первые признаки легкого опьянения он почувствовал уже спустя пару минут. Было ли состояние соматическим или алкоголь действительно начал действовать, стало уже неважно. Тяжелые мысли и ассоциации начали отходить на второй план. Сейчас мысли вернулись к поискам прадеда, и Матвей уже с определенным удовольствием подумал о завтрашней встрече с графиней Афанасьевой. Надеяться на положительный результат поисков в архиве графини было слишком опрометчиво, но надеяться на теоретическую возможность, он вполне мог себе позволить. По крайней мере, сейчас Матвей готов был прожить в позитивном ожидании больше суток. Более того, даже при отрицательном результате, графиня могла дать ему новые нити для поиска. Потому, каким бы ни был краткосрочный эффект его последних действий, они, в любом случае, открывали для Матвея дальнейшие возможности и перспективы.

Обобщенно-абстрактная мысль успокоила его еще больше. Матвей приподнял рюкзак, словно ища что-то внутри, и сделал еще несколько больших глотков. Он усмехнулся над своей сомнительной предусмотрительностью переживания. Поблизости никого не было. Он покачал головой, словно удивляясь своим же привычкам. Но как бы то ни было, многие привычки уже стали его второй натурой, и отделить одно от другого не было никакой возможности. Хотя, теперь было неясно, что в его характере было врожденным, а что благоприобретенным... "Зло-приобретенным", поправил он себя и усмехнулся еще раз. Гораздо чаще его сомнительные привычки мешали, прежде всего, ему самому и тормозили большинство его позывов к действию.

В очередной раз долгое сидение на одном месте возвращало его к самому себе и саморефлексии, вместо того, чтобы думать о том, чем он планировал заниматься. Матвей посмотрел по сторонам, еще раз приподнял рюкзак и в несколько глотков опустошил бутылку. Рядом все так же не было ни одного человека. Он вытащил пустую бутылку и аккуратно сунул ее в урну рядом с лавочкой. Несколько секунд он просидел неподвижно, собираясь с духом и настраиваясь на долгую прогулку. Наконец, Матвей глубоко вдохнул, застегнул молнию рюкзака и поднялся. Сейчас нужно было просто прогуляться по Парижу и отвлечься от воспоминаний о смертях в районе Порт де Клиши и всего тяжелого, что вытекало из мыслей о них.

Весь день он бездумно гулял по Парижу. Периодически в голове всплывали образы недавнего прошлого, но подолгу в сознании они не держались и сразу же замещались окружающими картинами осеннего Парижа.

Несколько раз Матвей ловил себя на том, что думает о Татьяне. Он вспоминал тепло ее тела, и ненадолго в нем просыпалось физическое желание к ней. Но он двигался по Парижу, почти не останавливаясь, и желание постепенно растворялось в накапливающейся от прогулки усталости.

Заходя в парки и скверы, Матвей неосознанно для себя сравнивал их с парком в родном городе. Улавливал еле заметные схожести, и это радовало его даже больше, чем наслаждение самой прогулкой.

Как ни странно, в течение всего оставшегося дня он почти не вспоминал о происшествии в районе Порт де Клиши. Лишь изредка, когда случайные ассоциации наталкивали его на воспоминания о недавней ночи, Матвей удивлялся, что сейчас не испытывает почти никаких эмоций. А с учетом того, что всего несколько часов назад убийство двух человек казалось самой большой проблемой в его жизни, было тем более удивительно, что Матвей почти забыл об этом.

Когда начинало проходить действие алкоголя, Матвей заходил в первый попадавшийся на пути магазин, покупал очередную бутылку вина и неспеша выпивал ее в течение ближайшего получаса, чтобы не терять состояния перманентной легкости и созерцательности.

Казалось, сегодня он проживал едва ли не самый счастливый день в своей жизни. И само ощущение, что он осознавал это, добавляло ему еще больше положительных эмоций и умиротворенности.

В этот день он посетил площадь Бастилии и, вспомнив, как несколько дней назад искал здесь крепостные стены, разрушенные больше двух столетий назад, чуть было не засмеялся вслух. Он прошел мимо кафе, где официант указал Матвею на его ошибку. Даже постоял пару минут на углу дома, но официант так и не появился. Матвей улыбнулся самому себе. Зачем он ожидал появления официанта, он и сам не понимал. Наверно, хотелось просто почувствовать уже ушедшее настроение. Или вернуться эмоционально на несколько дней назад.

Он намеренно не пошел через остров Сен-Луи, оставив прогулку по острову на следующий день, перед посещением графини Афанасьевой.

Долго кружась по Парижу, он прошел по набережным, переходя с берега на берег по мостам. Погулял возле Эйфелевой башни. Дошел до Дома Инвалидов. Затем поднялся на Монмартр и долго сидел у базилики Сакре-Кёр. Однако спускаться по лестнице вниз от базилики не хотелось. На этот раз не было никакого желания сталкиваться с чернокожими торговцами сумками и бижутерией.

В итоге, он заплутал в парижских переулках и вышел к площади де Голля и Триумфальной арке, когда уже начало смеркаться. Матвей выпил за день почти четыре бутылки вина, но пьяным себя не чувствовал. Состояние моральной легкости начало замещаться физической усталостью. Уже второй час от долгой прогулки гудели ступни, и Матвей решил, что пора возвращаться в отель.

Осталось лишь купить себе что-то на ужин, как и докупить еще пару бутылок вина. И уже не выходить из номера до утра. И только на завтраке выпить горячего кофе с круассанами. И затем еще раз попытаться уснуть, чтобы проснуться за пару часов до встречи с графиней, когда нужно будет быстро собираться и уже не останется времени ни на саморефлексию, ни на лишние и тяжелые мысли.

Наконец, перед последним отрезком пути до отеля, Матвей уселся на лавочку в сквере возле Триумфальной арки, незаметно для прохожих допил остатки вина и долго наблюдал за повадками голубей и ритмом парижской жизни вокруг. До встречи с графиней оставалось меньше суток. Сейчас, как нечасто случалось с Матвеем, у него были твердая уверенность и странное предчувствие, что завтрашняя встреча обязательно даст положительный результат и новые нити в поиске следов прадеда...

Матвей пришел на набережную Бурбон за двадцать минут до назначенной встречи. Не зная, как убить оставшееся время, он спустился к реке и сел на ту же лавочку, на которой сидел два дня назад. Плотнее запахнулся в куртку, глубоко вдохнул свежий сырой воздух и стал бездумно смотреть на реку.

Весь предыдущий день и ночь почти до самого утра Матвей провел, как и планировал. Проснулся он около трех часов назад, сделал недолгую зарядку, но до сих пор чувствовал, что не смог окончательно прийти в себя после утреннего и дневного сна.

Он намеренно не подпускал к себе никаких лишних мыслей, боясь до встречи с графиней чем-то испортить себе настроение или затеряться в бесконечных внутренних диалогах. Хотелось просто смотреть на течение реки или наблюдать за движением транспорта на набережной напротив и ни о чем не думать. Сейчас все вокруг выглядело нейтрально-позитивным... все, что не касалось его напрямую. И это более чем устраивало Матвея – созерцание, без прямого контакта с чем бы то ни было.

На набережной он был один. Постепенно сгущались сумерки, и Матвей то и дело смотрел на часы, боясь пропустить назначенное для встречи время. Спокойное состояние ожидания предыдущего дня опять начало замещаться сомнениями и боязнью нового знакомства. Тем больше, чем ближе была встреча с графиней.

В конце концов, уже не в силах неподвижно ожидать наступления пяти часов, Матвей поднялся по лестнице на верхнюю набережную и решил, что перейдет через мост Сен-Луи, ступит на остров Ситэ и пойдет обратно. До встречи оставалось около шести минут, и это время лучше всего было потратить на элементарное движение, которое могло дать заряд необходимой бодрости, и спугнуло бы уже надвигающиеся сомнения. К тому же, Матвею казалось, что такое бессмысленное внешне действие обязательно добавит ему удачи.

...через семь минут, с минимальным опозданием, Матвей нажимал на кнопку звонка на домофоне подъезда.

Несколько секунд раздавались сигналы звонка, пока, наконец, из динамика не раздался несколько надтреснутый, но бодрый старческий голос. Фраза была произнесена на французском.

На мгновение Матвей опешил от неожиданности, но сразу собрался с духом, чуть наклонился к динамику и произнес на русском:

- Добрый вечер. Это Матвей, - он замешкался, быстро облизал разом пересохшие губы и добавил, - к Софье Петровне Афанасьевой.

Спустя секунду раздался щелчок открываемого замка и тот же голос произнес уже на русском с заметным акцентом:

- Проходите, Матвей. Третий этаж.

Матвей вошел в просторный холл. Все было облицовано мрамором или камнем под мрамор. Даже не смотря в сторону лифта, Матвей двинулся к лестнице. Перила были фигурные и кованые. И сам подъезд казался собирательным образом из подъездов в элитных парижских домах, которые Матвей многократно видел во французских фильмах.

Непривычная атмосфера, казалось, должна была разнервировать его, но отчего-то наоборот, успокоила и привела в состояние умиротворения и спокойствия. Появилось ощущение, что сегодня он обязательно узнает что-то про своего прадеда или, как минимум, получит новые и неожиданные варианты поисков. Ощущение было настолько явным, что Матвей остановился на площадке между первым и вторым этажом, зажмурился и улыбнулся, пытаясь унять радостное волнение.

Как и несколько дней назад на Монмартре, он прикоснулся к перилам, чтобы не терять связь с реальностью и вел по ним рукой пока не дошел до третьего этажа. На площадке было только две квартиры. Одна дверь была приоткрыта. Матвей постучал и чуть надавил на дверь, открывая ее.

Откуда-то из глубины квартиры раздался тот же уверенный старческий голос, приглушенный расстоянием:

- Проходите, Матвей, не стесняйтесь.

Матвей вошел внутрь. Коридор был нешироким, но длинным. На стенах, словно в художественной галерее висели картины разных размеров, но все во внушительных рамах. Матвей посмотрел под ноги, не зная, где именно разуться и куда поставить свои туфли. Но, похоже, разуваться, как в российских квартирах здесь было не принято.

Матвей кашлянул, прочищая горло и пытаясь почувствовать себя более уверенно. Из боковой двери вышла женщина средних лет и вежливо кивнула ему: "Bonjour".

Матвей автоматически кивнул в ответ: "Bonjour".

Женщина улыбнулась и показала рукой вглубь коридора, приглашая проходить. В ту же секунду раздался тот же старческий голос, судя по интонации, что-то спросивший. Фраза была произнесена на французском. Женщина повернула голову и что-то ответила. Быстро и вежливо. Матвей ничего не понял.

- Матвей, проходите прямо по коридору. Жду вас, - тот же самый уверенный голос из глубины квартиры.

Не зная, как вести себя в незнакомой обстановке, Матвей вежливо кивнул женщине и двинулся внутрь квартиры.

Он вошел в комнату. Посередине стоял массивный дубовый стол. Над столом висела люстра с непривычным, старомодным абажуром, но свет горел мягко и приглушенно и не резал глаза. Темнота скрадывала очертания предметов в углах. Стены комнаты, так же, как и в коридоре были увешаны картинами в массивных золоченых рамах.

За столом, в инвалидном, как показалось Матвею, кресле сидела очень пожилая женщина. Сколько ей было лет, Матвей затруднился бы сказать, но не удивился бы, если бы ей оказалось далеко за восемьдесят. Все лицо ее было в морщинах, но глаза смотрели спокойно и вдумчиво.

Матвей вежливо наклонил голову и негромко произнес:

- Добрый день.

- Добрый день. Матвей, как я полагаю? - хотя в интонации читался вопрос, фраза была произнесена так, что не требовала ответа.

Матвей вежливо кивнул:

- Да.

- Афанасьева Софья Петровна, - слова произносились четко. В голосе чувствовалась уже знакомая Матвею уверенность и понимание, что каждая фраза не только произносится для того, чтобы быть услышанной, но и произносится не напрасно. В голосе чувствовался заметный акцент человека не часто говорящего на родном языке.

- Я отправлял вам письмо, - не зная, что еще добавить и как вести себя с пожилым человеком, Матвей постарался взять инициативу в свои руки.

- Присаживайтесь, Матвей, - худая и сухая рука грациозно, словно в замедленной съемке приподнялась над столом, развернулась ладонью вверх и указала Матвею на кресло, стоящее у стола. - В моем возрасте уже трудно выходить из дома. Очень рада, что вы написали и что интересуетесь историей своей семьи.

Матвей присел на край кресла и, не зная куда деть руки, положил ладони на свои бедра. Поза была вымученной и неудобной, но он до сих пор чувствовал себя неуверенно и стеснялся принять более расслабленное и комфортное положение.

- Будете чай, Матвей?

- Н-нет, спасибо.

- Ну, что ж. Хорошо. Попьем позже. Итак, - продолжила графиня Афанасьева, - насколько я понимаю, отрекомендовали вам меня Белинские?

- Да, - Матвей вежливо кивнул.

- Вы попали на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа в поисках прадеда, как я понимаю, - название городка было произнесено на французский манер. И Матвей сразу почувствовал, что французский для пожилой графини был гораздо более родным и привычным языком, чем русский.

- Да. Поехал туда наудачу. Я не знаю, где похоронен мой прадед. Даже не уверен, что во Франции. И даже не предполагаю в каких архивах искать сведения о нем. Надеюсь, что случайно натолкнусь на его могилу. - Матвей замолчал на секунду, не зная, что еще добавить к уже сказанному и стараясь не быть чересчур многословным. - Там случайно встретил Белинских. Сергей Петрович сказал, что если где-то и можно найти информацию об эмигрантах после Гражданской войны, то только в ваших архивах.

- Архивы у меня достаточно обширные, но здесь он, конечно, сильно преувеличил. Тем не менее, рада, что они обо мне еще помнят, - графиня Афанасьева улыбнулась, и Матвей впервые почувствовал себя чуть комфортнее.

- Итак, Матвей, - продолжила она, - ваше письмо я прочитала внимательно, но давайте еще раз поговорим о вашем прадеде. Кто он, откуда и когда по вашим сведениям жил во Франции.

Матвей кивнул и чуть выпрямил спину.

- Его звали Шуткин Федор Петрович. Унтер-офицер Императорской армии. А потом еще и Добровольческой армии. Вроде бы кавалер Георгиевских крестов. У нас в семье никто точно не знает, когда он родился. Предполагаем, что около 1885 года. Плюс-минус пять лет. Родился в Воронежской губернии в селе Цуцеры... Или Суцеры. Раньше называли и так, и так. Откуда-то в семье

появилась история о том, что он был ординарцем у генерала Деникина. Верить этому или нет, я не знаю. Точнее, поверить в это сложно. С другой стороны, то, что он был ординарцем у Деникина, я также могу допустить. Якобы с Добровольческой армией в конце 1920 года из Крыма он отплыл во Францию. Возможно, через Турцию... через Константинополь, - поправился Матвей. - Но последнее – это уже мои предположения... или домыслы.

Он замолчал на несколько секунд, собираясь с мыслями.

- Франция... - Матвей задумчиво смотрел в пустоту перед собой, - Франция здесь фигурирует только по одной причине. В 1921 или 1922 году в Цуцены пришло от него письмо вроде бы из Парижа. Моя бабушка рассказывала, что о письме ей говорили взрослые, когда она чуть подросла. Но выкупить письмо на почте почему-то не смогли... Вот... Это вся история, Софья Петровна. - Впервые Матвей обратился к графине по имени отчеству, и это успокоило его еще больше. Словно он преодолел еще один барьер, при мысли о котором ранее его бросало в дрожь.

- Все предельно понятно, Матвей. А помимо моих архивов, как вы собирались искать о нем сведения? Или, если бы не встретили Белинских на кладбище Сен-Женевьев?

Матвей пожал плечами и почувствовал, что краснеет от неудобного вопроса.

- Я не знаю. Я спонтанно решил искать о нем сведения. Надеялся, что приеду во Францию и как-то найду архивы первой волны эмиграции... Сделаю запрос во французскую иммиграционную службу... посету кладбище Сент-Женевьев-де-Буа... - Матвей замолчал на несколько секунд, но, в конце концов, не удержался и честно признался. - Никакого плана не было... Полноценно с архивами я работать не умею... Просто искал на авось...

Матвей хотел добавить что-то еще, словно оправдываясь в чем-то неопределенном, но больше добавлять было нечего. Он проглотил неожиданный комок в горле и поднял глаза на графиню Афанасьеву.

Та смотрела на него с улыбкой и, казалось, даже легкой иронией во взгляде.

- Что же, Матвей. Попробуем помочь, исходя из ваших данных. Для меня здесь главное, что вы не забываете своих предков. Как я уже говорила, в наше время это дорогого стоит.

Слова графиня проговаривала четко, не глотая звуков. Скорее, наоборот, явно выделяя в речи каждый слог. Звук "ч" для Матвея, с непривычки к подобному произношению выделялся особенно внушительно. С уважением и даже робостью Матвей подумал об ушедшей навсегда культуре общения, где фонетика дополняла стилистику и слова-паразиты не столько считались дурным тоном, сколько напрочь отсутствовали в устной речи.

Он вспомнил с какой небрежностью подчас относился к родному языку и от смущения даже поджал пальцы ног в туфлях. И мысленно пообещал себе, что сделает ревизию своим взглядам на лексику и фонетику.

Графиня между тем продолжила:

- Архивы, как вы уже догадались, у меня достаточно обширные. Насколько я помню, вы, Матвей, написали, что планируете оставаться в Париже еще более двух недель, потому предлагаю взять небольшую паузу. - Графиня замолчала, словно подсчитывая сколько времени ей будет необходимо для того, чтобы

отыскать в архивах необходимую информацию.

Матвей все так же молча и напряженно сидел на стуле с выпрямленной спиной. Наконец, графиня, вздохнула и продолжила:

- Вас не затруднит прийти ко мне еще раз?

- Конечно, нет.

- В таком случае, жду вас у себя ровно через пять дней в это же время. Надеюсь, что к тому времени, я смогу что-то найти о вашем прадеде. Если, конечно, о нем хоть где-то упоминается в моих архивах.

- Спасибо, - Матвей кивнул головой и проглотил ком, вставший в горле. Сейчас поиски уже не казались чем-то объемным и пугающим своими масштабами.

- Как вы на этот раз отнесетесь к предложению выпить чай?

- Я... спасибо... я, правда, не хочу, - слова автоматически слетели с языка. В ту же секунду Матвей пожалел о своей спонтанности, но отступать уже было некуда. Тем более, что он до сих пор чувствовал определенную робость в присутствии пожилой графини.

- Хорошо, Матвей. В таком случае, жду вас через пять дней. Мадлен вас проводит, - графиня посмотрела ему за спину и кивнула.

Матвей повернул голову. Все та же женщина средних лет, что встретила его по приходу, неподвижно стояла рядом с дверным проемом. Она вежливо кивнула Матвею. Матвей повернулся к графине, стараясь делать как можно меньше резких движений.

- Спасибо. Я обязательно приду, - Матвей поднялся со стула и вежливо наклонил голову.

- Всего хорошего, Матвей.

- До свидания, Софья Петровна, - Матвей повернулся, еле заметно кивнул Мадлен, символически показывая, что готов уходить, и двинулся к выходу.

Пять дней прошли в ожидании встречи с графиней Афанасьевой. Всякий раз, выходя из отеля или подходя к отелю, Матвей оглядывался и был напряжен, словно сжатая пружина. Каждую минуту он ждал нападения кого-то связанного с ночными грабителями, будь то их друзья или полицейские, каким-то образом сумевшие выйти на него. Но за все эти пять дней, с ним даже никто не заговорил. Хотя, краткие диалоги и случались либо в отеле с портье, либо в магазинах, где Матвей покупал что-либо из продуктов, но состояли они из двух-трех фраз, были нейтрально-функциональными и не вызывали даже приступов подозрительности. Тем более, что всегда именно Матвей был инициатором и первым задавал вопросы.

Каждый день Матвей бродил по Парижу и, как ему казалось, уже неплохо знал географию города и вряд ли бы потерялся здесь. Денег было впритык, потому он редко посещал кафе, покупая все необходимое в больших супермаркетах. Не желая тратить на то, что вряд ли будет ему интересно, Матвей не ездил ни на одну экскурсию. По сути, он не испытывал желания подолгу находиться с незнакомыми людьми ни в двухэтажных автобусах, объезжающих достопримечательности Парижа, ни на кораблях, курсирующих по Сене. Он впитывал Париж не с чужих слов, а так, как ему самому хотелось помнить о нем: через долгие пешие прогулки и без коллективной суеты вымученных экскурсий. Париж был наполнен запахами и ритмом, которые можно было ощутить только

изнутри, оставаясь, в то же время, одиноким сторонним наблюдателем.

Единственное, что Матвей позволил себе из относительно дорогих вещей, была иллюстрированная история Парижа на английском языке. Он долго листал ее в книжном, чувствуя в руках ее увесистую надежность. Наконец, он с сожалением поставил ее на полку.

Книга стоила почти восемьдесят Евро, что при пересчете на рубли показалось ему суммой чрезмерной. Но после целого дня хождений по Парижу, Матвей понял, что постоянно возвращается мыслями к книге и желанию купить ее. Ему хотелось оставить себе память о Париже каким-нибудь осязаемым предметом. Тем, что всегда будет у него дома под рукой. И книга, как ничто другое, казалась наиболее оптимальным подарком самому себе. В конце концов, уже на следующий день, после того, как он увидел книгу, Матвей зашел в книжный и, не давая себе времени на сомнения, расплатился...

Но, уже выйдя на улицу, он стал жалеть, что потратил столько денег на то, что, возможно, никогда полностью не прочтает. Прямо на тротуаре он открыл книгу, вдохнул запах свежей типографской краски и усмехнулся самому себе. Книга уже была куплена, и отступать было некуда.

В течение дня, все еще пытаясь спрятаться от своих мыслей об убитых им грабителях, Матвей садился на лавочки в скверах или на набережных и подолгу сидел, перелистывая страницы книги или вчитываясь в отдельные отрезки многовековой истории Парижа, одновременно, оправдывая в своих же глазах потраченные на покупку деньги.

За все эти дни, Матвей намеренно не предпринимал никаких действий, связанных с поиском следов прадеда. Сейчас ему хотелось просто нагуляться по Парижу, в ожидании встречи с графиней и уже после этого планировать дальнейшие шаги в зависимости от того, что будет найдено в ее архиве. Матвей не обольщался и понимал, что шансы найти хоть какое-то упоминание о Федоре Шуткине, были ничтожно малы, но все равно надеялся. Надеждой же он оправдывал и свое нынешнее формальное безделье.

Ровно через пять дней, за два часа до встречи с графиней, Матвей уже стоял на набережной Сены, напротив острова Сен-Луи и не знал, как убить время до того, как нужно будет позвонить в домофон. День был по-осеннему серый, без каких-либо проблесков солнца. И настроение под стать погоде. Он опять был полон сомнений и неуверенности в себе. Сейчас казалось, что нужно было все же провести эти пять дней с большей пользой. По крайней мере, попытаться найти эмигрантскую прессу девяностолетней давности или надолго засесть в интернете и, используя все возможные комбинации слов, пытаться найти упоминания о прадеде.

Но ничего этого сделано не было. Он знал, что корил себя так всегда, когда нервничал и переживал из-за якобы потерянного времени. Хотя прекрасно понимал, что вернись он на несколько дней назад, вряд ли бы он взялся за дело с таким рвением, как готов был взяться за него сейчас. Опять же якобы. По сути, все это были стандартные самооправдания за не сделанные или недоделанные вовремя дела.

Чувствуя, что краснеет из-за стыда перед собой, Матвей вдохнул полный легкий воздуха, ненадолго задержал его в себе и оперся локтями о парапет набережной. Течение Сены стало еще более монолитным. Вода при сером свете дня

казалась грязно-свинцовой, но все так же спокойно и мерно текла перед ним, как и во все предыдущие дни. На минуту Матвей представил, что, возможно, и его прадед когда-то стоял на парижской набережной, глядя на такую же мутную воду, и не знал, что делать со своей дальнейшей жизнью.

Матвей вздохнул и посмотрел по сторонам. Идти никуда не хотелось, но до встречи оставалось почти два часа и просто стоять на месте и провоцировать себя на мысли об убитых им грабителях или о Татьяне, сейчас не было никакого желания. Он вздохнул еще раз, развернулся и решил дойти до Трокадеро и обратно, чтобы движением и видами Парижа отвлечь себя от ненужных сейчас мыслей.

К пяти часам Матвей вернулся к острову Сен-Луи. Уже успокоенный прогулкой и готовый к встрече с графиней Афанасьевой. Более того, готовый даже к тому, что в архивах графини не найдется ни одного упоминания о его прадеде. Матвей готов был принять и эту новость со смирением и не расстраиваться, что поиски придется начать, по сути, с исходной точки.

И все же в глубине души в нем жила надежда, что графиня сможет отыскать в своих архивах хотя бы косвенные упоминания о его предке. Даже такая скудная и размытая информация порадовала бы его и примирила с якобы упущенным для поисков временем за последние пять дней.

Уже перед подъездной дверью Матвей глубоко вздохнул и, прежде чем нажать на кнопку домофона, посмотрел на часы. Без одной минуты пять. Собственная пунктуальность порадовала и еще раз возродила смутные надежды на положительный исход предстоящей встречи. Чувствуя, что сердце забилося сильнее, и он начинает прерывисто дышать, Матвей еще раз глубоко вздохнул, успокаиваясь, и, уже не давая себе времени на сомнения, нажал на кнопку звонка...

На этот раз Мадлен открыла дверь квартиры сама, вежливо поздоровалась и жестом попросила пройти в уже знакомую Матвею гостиную. Графиня сидела в том же самом кресле за столом. При появлении Матвея она улыбнулась и предложила присаживаться.

Матвей поздоровался, с вежливой улыбкой кивнул головой и присел на то же самое место, где уже сидел несколько дней назад. На этот раз на столе стояли чайные чашки из тонкого фарфора, а, кроме того, несколько пожелтевших, от руки исписанных листов бумаги.

- Надеюсь, на этот вы не откажетесь от чашки чая, Матвей? - голос графини все так же поражал уверенностью и четкостью произношения русских слов.

- Спасибо, Софья Петровна. На этот раз не откажусь, - Матвей улыбнулся и еще раз кивнул.

Графиня повернулась к Мадлен и попросила налить им по чашке чая. Смысл этой фразы был понятен Матвею без перевода.

- Итак, Матвей. Сильно мне вас порадовать нечем, но все же в архиве кое-что нашлось, - графиня чуть разочарованно развела руки и в то же время улыбнулась с легкой гордостью собой, что смогла найти что-то, что, казалось бы, изначально найти было практически невозможно.

Как реагировать на фразу графини и вести себя в подобных слоях общества, Матвей не знал. Нужно ли было графине его одобрение или она ждала от

него некоего вопроса, который требовался по этикету? Матвей молчал, ожидая продолжения.

Мадлен налила им по чашке чая и отошла от стола. В комнате явно запахло чабрецом. Графиня Афанасьева приподняла чашку и сделала пару глотков. На удивление, несмотря на преклонный возраст, руки ее не дрожали и уверенно держали предметы.

Наконец, она поставила чашку на стол и продолжила:

- В переписке моего папы за 1936 год я нашла письмо от некоего господина Рыжкова. Судя по подписи, данное письмо было отправлено из Лиона. Помимо общих фраз о здоровье и тому подобного, с моим папой он делится новостями относительно политической ситуации в России и во Франции. И в эмигрантских кругах в частности. В то время люди все еще жили надеждой на возвращение на родину и развал СССР, как искусственно построенной страны на популистских лозунгах. Увы, Матвей, как вы знаете не хуже меня, СССР оказалась намного более живучей страной. Под "увы" я, естественно, подразумеваю всех тех вынужденных эмигрантов, которые так и не смогли вернуться на родину.

Графиня подняла чашку и сделала еще пару глотков. Матвей автоматически поднял чашку также, но едва пригубил. Графиня продолжила.

- Впрочем, это все контекст и предыстория. В частности, господин Рыжков пишет, что он приезжал в Париж и попал на одно из эмигрантских собраний. Судя по всему, папы в то время не было в Париже, иначе сейчас бы мы не имели даже той информации, которую я дам вам, Матвей. В то время на подобных собраниях социальные границы уже сильно размылись и там встречались бывшие российские подданные из совершенно невообразимых социальных групп. Это я говорю к тому, что в ожидании вас, прочитала массу писем и заметок о том времени.

Графиня посмотрела на Матвея, словно ожидая какой-то реакции, но Матвей уже нашел способ спрятаться от незнания, как реагировать на паузы пожилой графини. Сейчас он постоянно держал в руке чашку чая и периодически делал небольшие глотки. На этот раз Матвей вежливо и заинтересованно кивнул и сделал глоток чая.

- Так, вот, - продолжила графиня, - данный господин Рыжков Эр Эн пишет о том, что посетил одно из таких собраний в конце весны 1936 года. Публика там была разношерстная. В частности, говорили о том, что люди разъезжаются из Франции по всему миру. Многие уехали в Соединенные Штаты. Некоторые люди отправлялись в Южную Америку. Многие наоборот приехали во Францию из Германии из-за сложившейся там политической обстановки и гонений на некоторые нации. Впрочем, надеюсь, вы и сами имеете общее представление, что происходило в то время в Германии, – графиня чуть откашлялась, словно само воспоминание о периоде расцвета Третьего Рейха в Германии, было ей неприятно, и продолжила.

- Приводится масса фамилий. То ли это были их общие знакомые, то ли автор письма привык детально указывать все события и всех с кем он встречался в то время, - Графиня замолчала на несколько секунд, собираясь с мыслями, взяла со стола пожелтевшие листы бумаги и, к удивлению Матвея, начала без очков вчитываться в строки письма.

- Итак, возвращаемся к сути нашего разговора. Господин Рыжков либо лично общался с неким Иваном Громыко, который жил в Париже с конца 1920

года и подумывал о переезде в Соединенные Штаты, либо непосредственно присутствовал при разговоре, который имел тогда место. Этот самый Иван Громыко упомянул о своем хорошем знакомом Федоре Шуткине, который прослужил в *Légion étranger* около пятнадцати лет и уже собирался переехать на Мальту... Тогда это была еще британская колония... Господин Рыжков пишет о том, что удивлен выбором места жительства, поскольку остров маленький, и он впервые слышит, что кто-то из русских эмигрантов пожелал поселиться в подобном месте, - графиня замолчала в очередной раз, подняла чашку с чаем и сделала несколько глотков. - Надеюсь, вы знаете, что такое *Légion étranger*, Матвей? - Графиня осторожно поставила чашку на стол.

- Да, Софья Петровна, знаю. Иностранный Легион французской армии, - Матвей чуть было не добавил, что когда-то и сам думал о том, чтобы подать документы на аттестацию в Иностранный Легион, но вовремя осек себя.

Графиня одобрительно кивнула головой.

- Это, Матвей, все, что я смогла отыскать в своих архивах. Как видите, совсем немного. Даже неясно тот ли этот Федор Шуткин, которого вы ищете или нет. Что касается *Légion étranger*, то это вполне возможно. Очень многие из русских кадровых военных перешли на службу именно туда и сильно повысили уровень стандартов французской армии, насколько я знаю, - название Иностранного Легиона графиня произносила по-французски и, казалось, это ей давалось намного проще, чем произнесение многих русских слов.

- Что скажете, Матвей?

На мгновение Матвей задумался о своих дальнейших шагах в поисках прадеда. Вопрос графини вернул его к реальности. Он поставил чашку на стол, проглотил от неожиданного и чересчур обобщенного вопроса набежавшую слюну и сделал чересчур глубокий вдох.

- Я вам очень благодарен, Софья Петровна. Если бы не ваша информация, у меня совсем бы ничего не было. - Матвей замолчал, подыскивая слова благодарности, но, не зная, что именно сказать, закончил стандартной и банальной фразой. - Если я чем-то могу вам помочь или что-то сделать для вас, с удовольствием это сделаю.

Графиня впервые за весь вечер, казалось, радостно и благодарно улыбнулась.

- Ну, что вы, Матвей! Какая благодарность!? Вы мне уже подарили пять дней прекрасных воспоминаний о моем прошлом, когда я читала архивы моего папы. Давно хотела сделать это, но все отвлекали какие-то мелочи. А теперь нашелся явный повод это сделать.

Матвей облегченно кивнул.

Графиня Афанасьева протянула ему один из пожелтевших листов.

- Вот, Матвей, вы сами можете прочитать то, что написано в письме. Тут все на русском.

Матвей взял протянутый лист. Читать было непривычно. Постоянно ему попадались уже вышедшие из употребления буквы русского алфавита, которые автор письма употреблял вполне привычно. Матвей дважды внимательно перечитал ту часть письма, где говорилось о Федоре Шуткине, но не увидел ничего, что упустила бы графиня Афанасьева.

Пока он читал, графиня хранила молчание. Наконец, он поднял на нее глаза.

- Что вы теперь намерены делать, Матвей?

- Пока не знаю, Софья Петровна, - мысли разбегались и, казалось, единственное, что ему сейчас подошло бы лучше всего, было долгое сидение в своем номере в отеле и попытка осознать, что предпринимать дальше. Сидение наедине с собой и несколькими бутылками недорогого столового вина.

- Не знаю, Матвей, какие шаги вы предпримете в поисках, но я порекомендовала бы вам, прежде всего, обратиться в архив *Légion étrangère*. Это в Обани, недалеко от Марселя. Можно написать им запрос. Не думаю, что они откажут вам. Кроме того, можно обратиться в мальтийские архивы иммиграционной службы. Думаю, что такие на Мальте обязательно должны существовать. Вы говорите на английском, Матвей?

- Да, немного.

- Вот, и славно. Запросы можно отправить во все эти учреждения на английском языке. Не вижу причины, почему они вам не ответят, - графиня, словно подведя подо всем логическую черту, улыбнулась ему и сделала еще несколько глотков чая.

Матвей, не зная, что сказать и мучаясь молчанием, от внутреннего неудобства уже начал размышлять о том, чтобы съездить в Обань и лично навеститься в архив Иностранного Легиона. И в то же время он Прекрекарсно знал, что решения, принятые им во время душевного смятения, обычно ничем положительным не заканчивались.

Графиня Афанасьева, словно чувствуя его неуверенность, поставила чашку с чаем на стол и попыталась подбодрить его.

- Лучше всего, если вы именно напишите им всем официальный запрос, Матвей. Кроме того, вы можете оставить мне свой адрес? Если вдруг что-то еще найдется в моих архивах, я вас обязательно извещу об этом.

Голос графини словно бы вернул его в реальность.

- Да, Софья Петровна, конечно, оставлю адреса. И домашний в России, и электронный адрес.

- Знаете, Матвей, хочу вам сказать, что у вас неплохие шансы найти информацию о вашем прадеде. Если он действительно служил в *Légion étrangère*, то у них должны остаться о нем хотя бы какие-нибудь сведения. Кроме того, если Федор Шуткин действительно уехал на Мальту, то и там могут оказаться данные о нем. В конце концов, если не ошибаюсь, это ваши первые полноценные данные с начала поисков о человеке, которого вы ищете? – словно подбадривая Матвея, графиня в очередной раз повторила то, что уже говорила минуту назад. Сам вопрос в конце короткого монолога был задан формально. Кроме того, в вопросе чувствовалась определенная утвердительность, как и во всех предыдущих вопросах графини.

- Да, Софья Петровна, - Матвей кивнул, - фактически это первые данные. До этого момента, я вообще ничего не находил настолько определенного. Только предположения моих родственников.

- Вот, видите, Матвей, - графиня засмеялась. – Но, судя по вашему лицу, вас, казалось, напугала эта определенность.

Смех ее, хотя и был прерывистым смехом старого человека, но звучал вполне искренне. Матвей сглотнул слюну и улыбнулся в ответ.

- Просто представил сколько сил и времени придется потратить на дальнейшие поиски... точнее, времени, - поправился он.

- Надеюсь, Матвей, что мы отыскиали упоминание именно о вашем предке. В дальнейшем, исходите из этого. Иначе, вам совсем сложно придется с поисками. В конце концов, не думаю, что в то время было много таких совпадений по имени и фамилии, - казалось, графиня была гораздо более уверена в полученном результате, чем он сам.

Матвей вдруг вспомнил, как совсем недавно стоял на набережной, смотря на привычное уже монолитное течение Сены, и думал о том, что в архивах графини, возможно, не найдется вообще никаких упоминаний о его прадеде. Сейчас выходило, что нынешний результат был гораздо большим, чем он изначально надеялся получить. Мимолетная мысль сразу успокоила его. Матвей улыбнулся неожиданно для себя, и поднял глаза на графиню Афанасьеву.

- Софья Петровна, я вам на самом деле очень благодарен. Вы, действительно, правы. Если бы не это письмо вашему папе, у меня сейчас не было бы вообще никаких данных, где искать следы моего прадеда.

Графиня Афанасьева улыбнулась ему в ответ.

- Если вас не затруднит, Матвей, держите меня в курсе ваших поисков. Мне очень интересно было бы узнать найдете ли вы дальнейшие следы Федора Шуткина. Хотя, все же надеюсь, что найдете, раз появилось столько дополнительной информации.

Матвей кивнул.

- Я обязательно напишу вам, как будут продвигаться поиски. По крайней мере, когда будет хоть какой-то определенный результат.

- В моем возрасте, Матвей, это одни из последних ярких эмоций. Тем более, частично связанных и с прошлым моей семьи, в целом, и со мной лично.

Они проговорили еще около двух часов. Матвей рассказал, что ему пришлось соврать на работе о причинах долгого отсутствия, чтобы уехать во Францию. Рассказал он и о том, как читал мемуары генерала Деникина, пытаясь отыскать в них упоминания прадеда, но не нашел там даже намека на то, что Деникин был знаком с Федором Шуткиным. Все разговоры о собственной личной жизни, Матвей тактично заворачивал. Графиня Афанасьева, казалось, поняла, что тема эта была ему неприятна, и после пары обобщенных вопросов, больше об этом Матвея не спрашивала.

Графине Афанасьевой было девяносто шесть лет. Сама она уже девяносто два года жила во Франции. Большую часть непосредственно в Париже. Родилась она в Санкт-Петербурге, в семье столбовых дворян, еще до того, как столицу переименовали в Петроград. Но еще в детском возрасте ей вместе со всей семьей пришлось эмигрировать во Францию, с тех пор, как большевики захватили власть в России и начали классовые чистки.

Уже в Париже, в двадцать один год, она вышла замуж за графа Афанасьева. С тех пор, она почти не выезжала из Парижа, не считая коротких поездок за границу и четырехгодичного нахождения то на юге Франции, то во Французском Алжире во время Второй Мировой войны и оккупации большей части страны Третьим Рейхом.

Графиня показала ему несколько альбомов с фотографиями своей семьи. На удивление, Матвей увлекся старыми изображениями и с неподдельным интересом рассматривал непривычно серьезные лица на фотографиях ушедшей эпохи и слушал рассказы графини о смутном периоде в российской истории во

время обеих русских революций и Гражданской войны. Рассказы эти были, в основном, пересказаны со слов ее родителей и знакомых ее семьи. Своего рода очерки из довоенной жизни Франции и русской эмигрантской среды, графиня рассказывала уже по собственной памяти, собственным эмоциям и ощущениям.

В очередной раз Матвей пожалел, что настолько огромный пласт культуры, интеллигенции и умов, был вычеркнут новой властью из российской жизни и развивался в условиях эмиграции. Стоили ли все социальные бунты и переделы власти, жизней и перечеркнутых судеб отдельных людей? Он считал, что нет. Но история предлагала другой ответ, с которым приходилось считаться и, в конце концов, мириться...

Ушел Матвей от графини около восьми вечера, еще раз пообещав, что обязательно напишет ей, как будут развиваться его поиски.

И лишь только выйдя на улицу, в прохладный осенний парижский вечер, Матвей понял, что последние три часа прожил в совершенно ином измерении. Дома у графини Афанасьевой он ни разу не вспомнил ни об убитых им грабителях, ни о собственных сомнениях и страхах, ни о том, что скоро ему придется возвращаться в Россию и пытаться решать все те же социальные и моральные проблемы, от которых он фактически сбежал во Францию...

Все с тем же чувством внутренней раздвоенности, Матвей двинулся пешком в сторону отеля. Ощущение, словно основные моральные законы строятся по принципам, которые он ощущал все время встречи с графиней Афанасьевой, не отпускало. Но попроси его кто-то выразить вслух, какие именно это были законы, Матвей вряд ли смог бы связать разрозненные мысли в единое целое. Все, что в нем сейчас было, ощущалось на уровне безмолвного знания, не требующего ни слов, ни объяснений.

Та реальность, что окружала Матвея на вечерних парижских улицах, освещенных огнями фонарей, казалось, обтекала его, не касаясь. Или – наоборот – дополняла его внутренние ощущения.

Он вдруг задумался об убитых им грабителях, но воспоминания не принесли ни страха, ни сомнений в себе. В тот вечер он поступил правильно. Хотя, и чересчур жестоко. Но тогда вариантов было всего два – либо он, либо они. Он победил, хотя победа эта не принесла ему ни морального удовлетворения, ни ощущения физического превосходства. Ничего, кроме стыда и того, что косвенно, он нарушил свои же принципы и обещания. Но последнее не касалось никого, кроме него самого и его веры. Потому сейчас мысленно он вернулся к тем, кто может его искать в связи со смертью грабителей.

В тот вечер Матвей не разговаривал ни с кем, кроме уличного торговца. Так же, как его никто не видел, кроме самого торговца и группы то ли арабов, то ли албанцев, стоящей недалеко от закусочной. Вспомнит ли его торговец, как рассмотрел ли его кто-то еще на полутемной улице, было неясно. Вспомнил бы он сам того торговца вне прилавка и привычной атрибутики закусочной, Матвей не взялся бы утверждать. Скорее нет, чем да. Судя по всему, и в воспоминаниях торговца он оставил такой же смутный и мимолетный образ иностранца, ищущего наиболее короткий путь туда, куда он и направлялся.

Мог ли торговец прямо увязать его вопросы о рю Лежандр и двух убитых то ли арабов, то ли албанцев? Также сомнительно. На улицах в районе Порт де Клиши, после того, как он забрал карту с нарисованным ногтем маршрутом,

до столкновения с грабителями, Матвей не видел ни одного человека. Соответственно, связать его напрямую с убийством, вряд ли бы кто-то сумел.

Матвей устало вздохнул, словно констатируя очевидный факт. Но в душе не было ни облегчения, ни тяжести от воспоминаний. Только умиротворенное спокойствие.

Нужно было отложить эти воспоминания в самый дальний уголок памяти и на время совсем забыть про них. Это был просто очередной факт его личной истории, в котором нечем было гордиться. И не более того. Сколько их было в его жизни и сколько их он уже похоронил в собственной памяти?

Размышляя о недавних событиях, Матвей дошел до Трокадеро, свернул к площади де Голля и двинулся в сторону гостиницы. Все необходимое, включая сыр и вино, было в номере. Сейчас ему хотелось просто добраться до кровати с тем же ощущением спокойствия, которое родилось дома у графини Афанасьевой и до сих пор не отпускало его. Лечь в постель, выпить бутылку вина и уснуть, наконец, спокойно. Впервые с той ночи, когда он вернулся в отель из района Порт де Клиши.

Мысль еще раз остановилась на уличном торговце. На фоне его закуской Матвей наверняка вспомнил бы его. Помогла бы торговцу такая же внешняя атрибутика для того, чтобы вспомнить Матвея? Мимика, внешний вид, стиль и цвет одежды, в конце концов? Вполне вероятно. Матвей опустил взгляд. Сейчас на нем не было ничего, что он одевал в ту ночь. Он решил, что по приходу в отель сложит одежду той ночи в отдельные пакеты и выбросит в разных частях Парижа, как можно дальше от района Порт де Клиши. В конце концов, было неясно, какие именно микрочастицы грабителей могли остаться на его одежде. Это могли быть кровь, слюна, и что угодно еще, о чем он, никогда не сталкиваясь с криминалистикой, не имел ни малейшего представления. Почему он не выбросил ту одежду и обувь раньше, Матвей сейчас не понимал и сам.

Но, как ни странно, даже эта мысль не вывела его из состояния внутреннего равновесия и умиротворения. Все, о чем он думал сейчас, казалось никак не связанным с ним самим. Просто список дел, которые необходимо было выполнить сегодня вечером и завтра в течение дня.

Матвей еще раз вернулся к планам на предстоящий вечер. Нужно будет отпороть все этикетки с одежды, в которой он был в районе Порт де Клиши, а затем искупаться в ней под душем с большим количеством шампуня. Смывая все вероятные улики, и, одновременно, сильно намочив одежду. Затем разложить все по отдельным пакетам и выбросить на следующее утро во время своих блужданий по Парижу. Даже если какой-нибудь клошар и найдет эту одежду, одевать на себя что-то мокрое по ноябрьской прохладе, он вряд ли захочет. Соответственно, сырая одежда незаметно сгниет на одной из городских свалок мусора или будет сожжена. Но, если кто-то и высушит его одежду и будет носить в дальнейшем, привязать ее к Матвею уже не будет никакой возможности. И один, и другой варианты ему вполне подходили.

Матвей поймал себя на том, что думает обо всем без эмоций. Словно схематически планируя рутинное ежедневное дело. Отсутствие привычных эмоций, связанных со страхами, удивило его самого. Он еще раз мысленно распланировал все, что нужно будет сделать с одеждой и обувью по приходу в отель и спокойно переключился на написание писем в соответствующие архивы.

В конце концов, ничто не мешало ему сделать первые наброски писем уже

сегодня ночью, а наутро отредактировать и отправить их, как минимум, по двум адресам – в архив Иностранного Легиона и в некие архивы на Мальте. Сейчас он надеялся, что нынешний порыв не пройдет в ближайшие два часа, и он все же займется написанием писем...

Но порыв все же прошел. Матвей спокойно и без происшествий добрался до отеля, оторвал все бирки с одежды и положил их на тумбочку, чтобы на следующий день выбросить их отдельно. Затем искупался прямо в одежде, сильно облив себя шампунем и долго натирая ладонями намокшие, тяжелые ткани, пропитанные водой и пеной. После чего чуть отжал пиджак, рубашку и джинсы, разложил их по отдельным пакетам и оставил на дне душевой кабинки.

Писать письма, казалось, не осталось сил. Как и желания. В конце концов, к написанию писем он мог вернуться и завтра, после того, как закончит все, что уже запланировал.

Матвей лег в кровать, открыл бутылку вина и сделал несколько глотков. Перевел дух и, не отрываясь, допил бутылку до дна, в ожидании наступления опьянения и обманчивой легкости восприятия всего вокруг.

Он вдруг вспомнил, как графиня Афанасьева рассказывала ему о своей семье и улыбнулся. Отношение к своим корням графини было непривычным, но вызывало исключительно уважение. Он не знал ни одного человека с советским прошлым, кто так же трепетно относился бы к своим предкам, памяти о них и истории своей семьи. В этом тоже чувствовалось то, что ушло из его страны, казалось, навсегда. Оставив лишь забвение, забытие и поверхностный формальный патриотизм. И равнодушие к своей истории.

Но думать о чем-то тяжелом сейчас не хотелось. Матвей чуть прикрыл глаза, чтобы не отвлекаться на визуальные образы вокруг себя. Но веки уже налились свинцовой тяжестью. Глаза закрылись полностью. Казалось, справиться с усталостью не осталось никаких сил. Пару раз Матвей попытался приоткрыть глаза, но веки тут же слипались. Еще раз он вспомнил о разговоре с графиней и улыбнулся теплым воспоминаниям. Наконец, не в силах больше бороться со сном, Матвей облегченно вздохнул, повернулся на бок, устраиваясь в постели удобнее и заснул...

Матвей пробыл в Париже еще полторы недели, до изначально запланированного вылета обратно домой. Каждый день он пытался справиться с духом и хотя бы составить черновики запросов в Иностранный Легион и мальтийские архивы, но каждый раз откладывал это дело. Он опять, как уже бывало сотни раз до того, словно бы начал тонуть в апатии. Казалось, той информации, что Матвей получил от графини Афанасьевой, уже было достаточно для полноценного продолжения поисков, но именно теперь, когда у него было хоть что-то, с чего можно начать, он не мог справиться то ли с духом, то ли силами.

Каждый день он гулял по Парижу в одиночестве, пытаясь пропитаться ощущением и ритмом парижской жизни. Прогулки были бесцельными и бессистемными. Как и в предыдущие дни, он выходил утром из отеля и бродил по городу до наступления темноты, словно бы оправдывая свое отсутствие в номере перед служащими отеля некими важными ежедневными делами.

Матвей выходил из отеля и шел туда, куда глядели глаза. Часто он намеренно пытался запутать себя, сворачивая на незнакомые улицы и в незнакомые

переулки. Но каждый день он все с большей легкостью выходил на знакомые проспекты. В конце концов, ощущение, что Париж стал его единственной реальностью, захватило его целиком.

Несколько раз Матвей хотел пойти в сторону района Порт де Клиши. Но каждый раз, он ограничивал свои порывы. Риск быть случайно опознанным и, в конце концов, пойманным, был слишком велик, чтобы относиться настолько небрежно к своей жизни. В итоге, он запретил себе даже думать о том, чтобы выбрать направление, которое привело бы его в район Порт де Клиши.

Не единожды Матвея охватывало нестерпимое желание посетить графиню Афанасьеву и еще раз проверить те чувства, которые он испытал у нее дома во время ее рассказов о жизни русской эмигрантской среды во Франции за последние девяносто лет. Но повода идти к графине сейчас не было никакого. Он не мог даже заставить себя написать в архивы и получить от них хоть какой-то ответ, чтобы найти оправдание для своего визита. Потому идти к графине "с пустыми руками" казалось, как минимум, опрометчивым.

Все, что у него в итоге оставалось, были ежедневные часовые утренние зарядки и долгие и вроде бы не имеющие никакой внятной цели хождения по Парижу.

От мокрой одежды и обуви Матвей избавился уже на следующее утро. Чувствуя какую-то скрытую иронию, первую туфлю он выбросил в урну на Елисейских полях, возле площади Шарля де Голля. Пиджак Матвей выбросил возле Эйфелевой башни. Вторую туфлю – возле моста Александра Третьего. Брюки он засунул в урну гораздо дальше от первых вещей – прямо у входа в Мулен Руж. И только рубашку он носил с собой большую часть дня, совсем забыв о том, что она лежит на дне рюкзака.

Он вышел на совсем небольшую улицу Дарю и, с удивлением обнаружил на ней русскую церковь. И только здесь какая-то неосознанная ассоциация напомнила ему о том, что он не избавился от последней улики. Само слово "улика" вызвало нервную усмешку. Он хотел было войти в церковь, но в последний момент передумал. Остановило его именно то, что в рюкзаке, запечатанная в пакет, лежала сырая рубашка. Матвей хотел было бросить пакет в урну поблизости, но и на этот раз что-то остановило его. Он замер на несколько секунд, окинул взглядом церковь, пытаясь понять, что удержало его от того, чтобы выбросить пакет, но никакой внятной мысли в голову так и не пришло. Возникло явственное ощущение, что делать этого здесь не следует. Он еще раз посмотрел на церковь, затем огляделся по сторонам, развернулся и пошел прочь.

Пакет с рубашкой он выбросил в урну через несколько кварталов от русской церкви, уже на бульваре Османа. Матвей подумал было вернуться назад, но никакой явной причины для этого не обнаружил. Смутное ощущение, что ему нужно хотя бы немного побыть на рю Дарю возле церкви, уже прошло. Матвей вздохнул и двинулся в сторону Сены.

В последующие дни он многократно вспоминал о русской церкви, но отчего-то больше ни разу у него не возникало желания вернуться на рю Дарю...

Зачем он выбрасывал свои вещи именно у знаковых парижских мест, Матвей и сам бы не смог объяснить. Просто чувствовал во всем этом какую-то скрытую подсознательную иронию. Словно вместе с Парижем они иронизировали над внешне комичной, как во французских комедиях, ситуацией. Комичной,

если бы не предыстория всего этого, поправлял себя Матвей. Но на удивление, настроение не портилось даже при воспоминании об убитых им грабителях, и он продолжал бродить по Парижу почти с таким же зачарованным видом, как и в первые дни по приезду сюда.

В последнее утро, Матвей проснулся очень рано и, чтобы оставить исключительно положительные впечатления перед вылетом из Франции, пошел искать уже открытое кафе. Попить кофе на рассвете и посмотреть на только проснувшихся голубей. Кафе он нашел, когда уже рассвело. Пить кофе особенно не хотелось, но он все же заказал одну чашку кофе и пару круассанов просто ради того, чтобы еще раз воплотить в реальность свою давнишнюю мечту.

Часть заказанного круассана Матвей скормил голубям. Кидал им небольшие куски и с улыбкой наблюдал, как голуби, забавно переваливаясь на лапках, спешили подхватить крошки круассана с тротуара...

Ушел он с площади буквально через десять минут после прихода туда, чтобы навсегда запомнить этот короткий момент счастья, не смазанный движением прохожих или звуками проезжающих мимо машин...

Из аэропорта Шарля де Голля Матвей вылетел в Москву во второй половине дня. Чтобы не общаться с соседями в самолете, Матвей сел у иллюминатора на свободный ряд кресел, закрыл глаза и почти сразу же уснул...

Глава 12

Федор. Иностранный Легион. Северная Африка

Они служили в Иностранном Легионе уже больше восьми лет...

Шесть раз за это время их буквально ссылали в отдаленные гарнизоны Легиона. Несколько раз их кидали на самые опасные участки во время Рифской войны, включая бои у реки Уарга, где legionеры фактически остановили крупное наступление рифов на Французское Марокко. Больше года, в 1926—1927 годах, они находились в Сирии, подавляя национальное восстание. Восстание, охватившее всю страну, по сути, было полномасштабной локальной войной.

Из Сирии они вернулись уже в относительно спокойную Северную Африку. Кое-где еще оставались очаги сопротивления берберских племен после Рифской войны, но это была уже агония того, что давно закончилось.

Трижды за время службы в Легионе Федор подолгу лежал в госпитале с пулевыми и осколочными ранениями средней тяжести. Кроме того, несколько раз за эти годы его посекло шрапнелью. Дважды – один раз в Сирии и второй раз в Северной Африке – его чуть не зарубили в рукопашном бою, после чего на его груди и спине остались длинные и рваные шрамы от арабских клинков. Легкие ранения, как и большинство окружающих его legionеров, он переносил на ногах...

Все эти годы они с Огюстом почти никогда не расставались и всегда поддерживали друг друга во всех ситуациях, даже тогда, когда были в чем-то неправы.

Каждый год Федор ездил в короткие отпуска в метрополию и встречался с бывшими сослуживцами, с которыми вместе приехал во Францию много лет

назад. Пару раз за восемь лет по просьбе Огюста, он заезжал к родственникам Огюста под Бордо. Рассказывал им о том, как себя чувствует Огюст, обычно разбавляя рассказы короткими и забавными историями из их совместной кочевой солдатской жизни.

Огюст, за все годы службы, во Францию не ездил ни разу, справедливо рассудив, что не было смысла рисковать впустую и проходить обязательную регистрацию в жандармерии по приезду в метрополию. И, хотя, он был действующим солдатом Иностранного Легиона, никто не был застрахован от ошибок судебной системы.

Все его чувства к бывшей избраннице давно прошли, и периодически в разговоре с Федором, Огюст не раз удивлялся, как мог влюбиться в настолько банальную и пустую девушку и, тем более, страдать по ней...

Три года назад Огюст получил письмо из дома. Отец писал, что справлялся в жандармерии, и дело Огюста все еще было открыто. То ли соперник Огюста оказался настолько злопамятным, что не давал делу закрыться, то ли срок давности преступления до сих пор не вышел. Но факт оставался фактом – отец просил его пока не возвращаться домой, чтобы Огюста не посадили в тюрьму.

После долгого обсуждения, они решили продлить свои контракты на новый пятилетний срок. У Огюста была объективная причина не возвращаться в метрополию. Федору возвращаться было некуда...

Советская Россия давно стала закрытой страной. И, хотя в эмигрантской среде, с которой Федор сталкивался во время редких приездов в отпуска в метрополию, ходили слухи, что Советское правительство приглашает вернуться русских на родину, обещая нормальные условия для жизни и работы, Федор им не верил. Он помнил Гражданскую войну в России и помнил, как свирепствовали там отряды Советов. Он не мог поверить, что меньше, чем за десять лет люди могли измениться настолько, что забыли свое недавнее прошлое и полностью переродились...

Более того, Россия все больше становилась для Федора страной номинальной: полузабытым фактом личной истории и не более, чем местом, где он когда-то родился и прожил большую часть своей жизни. Но все это было много лет назад и казалось уже каким-то размытым и полустершимся воспоминанием.

Все, чем он жил сейчас, было в его новой реальности, и единственным близким для него человеком оставался Огюст. Потому Федора не терзали такие дилеммы, какие терзали Огюста относительно возвращения на родину.

Была еще усталость от войн и армейской службы, но она давно уже стала привычной и даже фоновой, словно рутинная работа, которую каждый день необходимо было выполнять, но которая уже не мешает жить и не отвлекает от основных жизненных приоритетов.

Потому, решение что делать, пока не закроют уголовное дело Огюста в метрополии, напрашивалось само собой – продлить контракт службы в Легионе на новый срок...

Все эти годы они строили совместные планы на будущее. Пока еще в обобщенных дискуссиях они перепробовали десятки идей. Были мысли от-

крыть собственное кафе или ресторан в Бордо или даже в Париже. С обязательной русской и французской кухнями, чтобы привлечь, как можно больше клиентуры. Эти мысли сменялись планами обзавестись собственной конюшней и стать конезаводчиками. Кроме того, у них возникали мысли заняться фермерским хозяйством и разводить редкие виды растений и деревьев для вилл на юге Франции. Неоднократно возникали мысли открыть и букинистическую лавку. Планов было много и даже денег, казалось, на двоих у них было отложено уже достаточно, чтобы начать собственное предприятие. Но до сих пор, даже спустя восемь лет знакомства и планирования, они так и не остановились на чем-то конкретном. Таким, к чему лежала бы душа у обоих и в начинании чего у них не оставалось бы никаких сомнений.

После каждого из обсуждений планов на будущее и взвешивания всех "за" и "против", они неизменно начинали весело хохотать и подтрунивать друг над другом. Оба понимали, что коммерческих талантов даже на двоих у них было не так много и, что они больше надеялись на удачу и везение. И, возможно, провидение. Иногда казалось, само обсуждение уже несло хорошее настроение и давало силы легче переносить тяготы кочевой солдатской жизни.

Огюст считал, что после того, как они окончательно осядут в метрополии и начнут собственное предприятие, они обязательно найдут Федору французскую жену. Каждый раз Федор ждал аргументации в пользу именно французской жены, но Огюст постоянно отшучивался, говоря, что Федор уже стал больше французом, чем многие окружающие Огюста с детства соседи. Кроме того, за французскую жену говорило и новое гражданство Федора, полученное несколько лет назад.

Федор не признавался в этом даже себе, но в глубине души был рад, что обрел новую родину и что даже единственный его друг не видит для него никакой другой альтернативы в жизни.

Теперь им оставалось лишь дожидаться окончания контракта, чтобы уже на месте, в метрополии определяться со своим будущим.

Последним отчаянно болезненным напоминанием о своей прошлой жизни и последним отголоском тоски по родине было посещение Бизерты в марте 1929 года. Федора, со взводом легионеров, отправили в порт Бизерты встречать пополнение из метрополии.

Они добрались до Бизерты быстро, но корабль с новобранцами задерживался...

Федор, словно замороженный стоял на набережной Сиди-Абдаля и смотрел на силуэты давно покинутых кораблей Черноморского флота. Как и восемь лет назад, корабли все так же стояли на рейде, но сейчас казались уже призраками когда-то грозного флота. Безжизненными и покинутыми всеми.

Чувствуя, как у него неожиданно закружилась голова, он вцепился обеими руками в ограду набережной. Один из легионеров сделал шаг в его сторону:

- Капрал, вы в порядке?

- Все в порядке... идите... я вас догоню.

Федор сжал ограду, что было сил, чувствуя, как по щекам потекли слезы. Прямо перед ним в каком-то мистическом безмолвии и неподвижности посреди гавани стояли остовы "Георгия Победоносца" и "Генерала Корнилова". Помимо них, вдоль рейда, в дрожащем от зноя воздухе расположились еще несколько

кораблей ушедшей в небытие Русской Эскадры.

Огюст стоял в нескольких метрах, рассматривая безжизненные силуэты кораблей. Периодически он поворачивался к Федору, но не произносил ни слова, не мешая тому оставаться наедине с собой.

Федор поднял глаза к небу и начал медленно вдыхать воздух, успокаивая боль в сердце...

Как Федор узнал впоследствии, передачи Черноморского флота Советскому Союзу так и не состоялось. Использовать флот в своих целях французы не стали и передать их Советскому правительству были готовы только при условии возврата дореволюционных долгов России. Переговоры с Францией длились годами, но Советское правительство признавать старые долги отказывалось. Платить за содержание кораблей, находящихся в чужом порту и чужой юрисдикции, оно также было не готово...

В результате, один за другим, французское правительство начало продавать корабли на металлический лом, чтобы хоть как-то окупить содержание оставшейся части российского флота...

Федор простоял на набережной больше получаса. Перед мысленным взором пронеслись родное село, полустертые в памяти образы жены и детей, отдельные картины Великой и Гражданской войн, служба у генерала Деникина и последующая эмиграция из Севастополя.

После того, как сердце успокоилось окончательно, начала рассеиваться и тоска по прошлому. В конце концов, судьба Федора была не более, чем малозаметной вехой в общем течении российской истории и глупо было расстраиваться из-за столь незначительного повода, как его не совсем удавшаяся жизнь. Да, и что можно было считать удавшейся жизнью?

Он грустно улыбнулся обобщенному риторическому вопросу и закрыл глаза, молясь за оставшиеся корабли покинутого флота и моряков с них, где бы они сейчас ни находились. Молился Федор до тех пор, пока не почувствовал на своем плече осторожное прикосновение ладони Огюста. Федор открыл глаза. Огюст стоял рядом и внимательно, как много лет назад, во время их первой встречи, еще в тюрьме, смотрел в глаза Федору.

Федор осторожно улыбнулся и кивнул головой, словно говоря, что он в порядке и готов двигаться дальше. Огюст молча кивнул в ответ.

Уже не оборачиваясь, думая каждый о своем, они пошли прочь от набережной...

...уже во второй половине дня стало ясно, что корабль с новобранцами задерживается почти на сутки. Не зная чем заняться, Федор распустил взвод до вечера.

Не считая состояний аффекта в бою, он никогда не повышал голос на легионеров. Потому и сейчас единственным его предупреждением для всех было, что если кого-то поймают пьяным или застанут за чем-то непристойным, он лично проследит, чтобы наказание было не меньше месяца в гарнизонной тюрьме. С занесением в личное дело и без учета этого времени в общий срок выслуги по контракту. Более того, после выхода легионера из тюрьмы, Федор будет настаивать, чтобы провинившегося отправили в отдаленный гарнизон на

несколько месяцев.

Закончил Федор краткое внушение одной фразой:

- ...потому думайте сами, стоит один вечер месяца в тюрьме и ссылки на полгода в пустыню или нет.

Захоти кто-то напиться до беспамятства и попасть в полицию, внушение Федора вряд ли остановило бы такого legionера, но своим внушением Федор добивался двух целей. Во-первых, очищал собственную совесть, случись в дальнейшем применять жесткие меры воздействия к legionерам. Во-вторых, он надеялся, что здравый смысл, а больше страх попасть в тюрьму, остановят солдата от необдуманного поступка.

В большинстве случаев, это срабатывало. В остальных – уже сам Федор, с легкой душой избавлялся от неуправляемого контингента своего взвода.

Legionеры, получив, неожиданную увольнительную до утра, разбрелись по Бизерте. Федор с Огюстом решили для начала зайти в букинистические лавки и дальше просто побродить по городу. После чего, пообедать и выпить кофе в какой-нибудь недорогой кофейне.

Погода стояла солнечная и теплая. Неспешно прогуливаясь, они обошли французские кварталы Бизерты. После месяцев в Сиди-бель-Аббесе и пыльных маленьких селениях французских африканских колоний, они отвыкли от европейской архитектуры. С удивлением, они смотрели по сторонам. Здания, вывески, магазины были словно скопированы с городов континентальной Франции.

Ненадолго они зашли в церковь Нотр-Дам де Франс и поставили свечи во здравие за родных и близких. Не говоря об этом Огюсту, Федор молча помолился за него, прося Господа уберечь его единственного друга от любых бед и напастей. И, если Огюсту были уготовлены какие-то тяготы и лишения, по возможности переложить на плечи Федора, как можно больше из этих бед.

На улицу, после молитвы, они вышли уже умиротворенными и спокойными. Также неспеша они дошли до Площади Франции, и в открытом кафе долго сидели подставив лицо теплым лучам солнца, наслаждаясь кофе и свежими круассанами. Владелец кафе дал им адрес ближайшей букинистической лавки, и на рю де ла Режанс Федор надолго погрузился в полумрак книжного магазина. Огюст с улыбкой покачал головой пристрастия Федора книгам и сел в уличном кафе напротив книжной лавки, все также наслаждаясь теплым и солнечным мартовским днем.

Из книжной лавки Федор вышел еще более умиротворенный и довольный прожитым днем. Под мышкой у него был зажат толстенный том "Анны Карениной" графа Льва Толстого на французском языке, а в руке, первое парижское издание "Сирано де Бержерака" Эдмона Ростана.

Не сдерживая радости от находок, Федор протянул книги Огюсту, довольный и счастливо улыбаясь. Мельком посмотрев на обложку томика героической комедии Ростана, Огюст, на ладони, слово на весах, взвесил том романа графа Толстого и иронично покачал головой. Но тут же не сдержался и захохотал. Вслед за ним захохотал и Федор.

Хотя, и до знакомства с Федором, Огюст читал довольно много, фанатичное увлечение Федора чтением, до определенной степени захватило и его. Но, несмотря на постоянное и уже многолетнее присутствие книг в их жизни, Огюст до сих пор потешался над толщиной книг, которые Федор покупал, едва они попадали в крупные города, где были букинистические лавки, либо количеству

книг, которые Федор обычно привозил из отпусков в метрополии.

Вернувшись на Площадь Франции, Федор с удивлением обнаружил на афишной тумбе объявление на русском о том, что "Русский Клуб" дает представление в Бизерте.

Первую часть представления составляло хоровое исполнение религиозной музыки композиторов Бортнянского, Львова и Архангельского. Во второй части концерта предполагалось выступление солистов с романсами, включая романсы цыганские. Приглашались все желающие посетить концерт. Плата за вход была более, чем умеренной. Огюст, к тому времени, пусть и на бытовом уровне, но уже сносно владеющий русским, вслух прочитал объявление, и с недоумением посмотрел на Федора.

Федор также удивленно пожал плечами и еще раз посмотрел на объявление.

- Русский Клуб. Хоровое исполнение религиозной музыки и романсы на русском... Может, сходим туда?

Огюст неожиданно весело засмеялся.

- Что значит - "может"? Обязательно нужно сходить. Там же все на русском! Ты сам-то когда на русском говорил последний раз?!

Федор засмеялся в ответ, удивленный положительной реакцией Огюста.

- Что значит "когда"? С тобой постоянно говорю!

- Ты знаешь, о чем я!

Федор кивнул в ответ с улыбкой

- Знаю...

Огюст засмеялся, повернулся к афише и еще раз медленно, в отдельных местах по слогам произнося сложные русские фамилии, прочитал объявление вслух, включая адрес зала.

- Ну, тогда пошли искать этот адрес...

...Они вышли из зала в теплую африканскую ночь под впечатлением от услышанного. Федор ждал окончания концерта только с одной целью – спрятаться в ночи от себя самого. Чтобы никто не увидел слез его тоски и ностальгии по давно утерянному прошлому.

...Несколько раз во время концерта, он все же не мог сдержаться. Наклонял голову вниз и вытирал слезы ладонями или рукавом мундира.

Огюст, сидевший в каком-то кататоническом трансе, чуть приоткрыв рот во время выступления хора с церковной музыкой, после выступления солистов с цыганскими романсами, вскочил и аплодировал, казалось, громче всех, безостановочно крича одно и то же слово: "Браво!"

Уже на улице, после концерта, Огюст повернулся к Федору и в глазах его стояли слезы.

- Федор, спасибо ... я и не представлял, что есть такая красивая музыка... Господи, как пел хор! Это же лучше, чем все, что я слышал раньше... Лучше синематографа! - Не зная с чем сравнить свои эмоции, Огюст вспоминал все, что хоть когда-то производило на него впечатление.

После концерта они вернулись на набережную Сиди-Абдаля и, смотря на темные силуэты кораблей Русского флота, почти до самого рассвета делились эмоциями с прошедшего концерта и, как обычно, строили планы на дальнейшую жизнь в метрополии.

В апреле 1929 года их еще раз отправили в предгорья Атласских гор для

контрольных зачисток местности. Полноценных боевых действий не велось уже несколько лет, но периодически то из одного гарнизона Легиона, то из другого приходили рапорты о перестрелках с арабами.

Чтобы окончательно привести к мирному существованию французский север Африки, властями было решено провести зачистки и изъять у населения все излишнее оружие. И, при необходимости, силовыми методами заставить сдать остатки военных формирований армии Абд аль-Крима, которые до сих пор не могли примириться с поражением в Рифской войне. Войне, которая для Федора, после долгой сирийской кампании, уже казалась частью какой-то древней истории.

Но перестрелки с подразделениями Легиона, нападения на гарнизоны и армейские обозы часто оставались безнаказанными. Потому, вполне естественно, для целей зачистки решили использовать именно подразделения Иностранного Легиона.

Их взводу, в числе прочего, было поручено выяснить, была ли какая-то системность за подобными нападениями или нападения были спорадическими. В первом случае, все могло оказаться очень серьезным, поскольку предполагало возможное объединение племен для новой войны. Во втором, нужно было лишь изъять все лишнее оружие и уничтожить бандитов.

В любом случае, легионерам всегда приходилось оставаться начеку – вероятность нападения на них оставалась очень высокой. Кроме того, на свободе осталось немало фанатичных главарей военных подразделений Рифской армии, которые все еще не примирились с поражением и продолжали вести свою персональную войну с французским правительством.

Зачистки в селениях были рутинными и тянулись уже несколько недель. Ежедневно их взвод обыскивал все новые селения, но пока, кроме избыточного оружия они ничего не нашли. Как не нашли доказательств, что кто-то пытается объединить племена для новой войны.

Лишнее и неучтенное оружие изымалось, виновные наказывались и зачистки продолжались. Но еще ни разу им не было оказано полноценное вооруженное сопротивление.

В преддверии лета становилось все жарче, и рутина все больше поглощала их, утомляя и расфокусируя внимание.

Эта деревня, как и все прочие селения в регионе, приютилась на склоне холма и состояла из пары десятков одноэтажных однотипных глинобитных строений. Растительность в самой деревне и вокруг нее состояла из нескольких деревьев и кустарников. В воздухе стоял слабый запах готовящейся пищи со специями. Явно пахло навозом. И еще привычным уже для Федора, неуловимым и фоновым запахом Африки – смесью пыли, запустения, жары и бедности.

...Огюст поймал в объятия пробежавшего мимо босоногого малыша и на своем скудном арабском, которым в минимальной степени владели все легионеры, спросил, где тот живет. Малыш указал грязным пальцем на ближайший дом. Огюст улыбнулся и пошел в ту сторону. Федор с улыбкой махнул ему рукой и повернулся ко взводу.

- Рассредоточиться. Проверить все дома, - французский уже давно стал ему вторым родным языком.

Легионеры, не чувствуя никакого подвоха, с улыбкой и полурасслабленно пошли по пыльным улицам деревни, заходя во дворы и привычно проверяя нет ли в домах повстанцев и оружия.

Раньше, по уже сложившейся за последние десятилетия привычке, при приближении легионеров, мужское население забирало женщин и детей и уходило в горы или в пустыню и в деревнях обычно оставались только старики. Но постепенно и эта привычка все больше оставалась в прошлом: сейчас в Марокко и Алжире стало намного спокойнее, и жизнь начинала возвращаться в давно ожидаемое всеми мирное русло.

Уже несколько недель в регионе стояла непривычная тишина. Даже остаточные боевые действия давно переместились в Атласские горы. Но и там война фактически сошла на нет. Лишь несколько то ли приверженцев Абд аль-Крима, то ли просто бандитов, прикрывающихся идеями об освобождении арабского Магриба, со своими отрядами еще оказывали сопротивление правительственным войскам. Но и они, при всей фанатичности, уже понимали, что большая война давно закончилась и чтобы поднять новое восстание, должно было пройти несколько лет и вырасти новое поколение приверженцев идей Абд аль-Крима и сомнительной независимости арабских племен. Поколение, не будет помнить горечи предыдущих поражений...

Впрочем, север Африки всегда был неспокоен и говорить, что война завершилась окончательно, было бы большим преувеличением, даже несмотря на то, что армию Абд аль-Крима давно разбили, а самого его сослали в пожизненную ссылку на далекий остров Реюнион в Индийском океане...

Федор с улыбкой посмотрел на Огюста, который вошел в ворота дома, держа на руках ребенка. Затем повернулся и махнул рукой троим легионерам, чтобы они проверили улицу, уходящую вниз с холма.

День был очень жаркий, хотя еще и весенний. Федор представил, какая жара будет стоять здесь летом, через пару месяцев, и облизал пересохшие губы. Нужно было всеми правдами и неправдами взять отпуск через месяц-полтора и съездить в метрополию. Увидеть бывших сослуживцев в Париже и полностью отвлечься от мыслей и жизни в Легионе. Скоро должно было подойти окончание его второго пятилетнего срока службы, и необходимо было думать о своем, уже мирном будущем.

Он почувствовал, как устал морально за последние несколько лет. Сначала Рифская война, затем Гражданская война в Сирии, вслед за этим остаточные и спорадические боевые действия в Северной Африке. И даже теперь, в Марокко, несмотря на то, что основные силы рифов были давно разбиты, и явных боевых действий не велось уже больше года, продолжалась скрытая перманентная война.

В голове возникли образы тенистых скверов Марселя и Парижа, и он улыбнулся ожидаемым и вполне достижимым картинам знакомых и близких городов. Нужно было напомнить Огюсту, чтобы тот написал письмо домой и узнал закрылось ли, наконец, его дело в жандармерии. Если дело было закрыто, нужно было выхлопотать отпуск также и для Огюста. И тогда Огюст, впервые за много лет посетил бы Францию. В таком случае, до Марселя они могли добраться вместе. Лекомт навестил бы семью под Бордо. Федор съездил бы в Париж повидаться с бывшими однополчанами и узнать новости про Россию. А уже на

обратном пути из отпуска, они встретились бы в Марселе перед отплытием в Оран.

Федор еще раз улыбнулся ожидаемому отпуску и всему, что тот нес в себе и повернулся в сторону ворот, за которыми скрылся Огюст. Он ожидал увидеть выходящего из ворот Огюста, но неожиданно что-то с холодом и дрожью опустилось внутри желудка. Явное предчувствие опасности. Как уже бывало с ним сотни раз до того. Предчувствие надвигающейся беды, которое его никогда не обманывало.

Он посмотрел по сторонам. Внешне ничего не изменилось. Стояла все такая же полуденная жара, и периодически слышались отдельные слова, переговаривавшихся на французском легионеров, обходящих деревню.

Рука автоматически потянулась к кобуре. По штату Федору, как капралу Легиона не полагался пистолет, но в полевых условиях он всегда носил с собой парабеллум. И всегда один патрон к нему отдельно, во внутреннем кармане мундира на тот случай, чтобы не попасть в плен к арабам живым. К тому же в вещмешке за спиной всегда лежал полностью укомплектованный троммельмагазин. Странная и не особенно удобная задумка немецких инженеров. Но в магазине был один несомненный плюс – всегда заряженный барабан на 32 патрона. В одном из боев больше двух лет назад, еще в Сирии, Федор забрал пистолет у пленного сирийского офицера и с тех пор не расставался с ним.

Федор поправил ремень винтовки на плече и аккуратно вытащил пистолет из кобуры. И еще раз медленно и внимательно посмотрел по сторонам, детально рассматривая каждый дом и угол. Стоящий рядом с Федором молодой легионер, немец из Швабии, почувствовав состояние командира, передернул затвор винтовки и также напряженно начал всматриваться во все места, откуда могла исходить опасность.

Федор обернулся на ворота, куда зашел Огюст и почувствовал, как похолодели пальцы рук. Он еще не понимал, что происходит, но чувство опасности и страха за Огюста заполнило все пространство вокруг. Уже не думая, рефлексивно он рванулся к воротам. Периферийным зрением, он успел заметить, как за ним рванулся молодой немец шваб и еще несколько легионеров, подчиняясь больше инстинктам, чем логике и тому, что видели глаза.

Федор вбежал во двор дома, с пистолетом, который стал словно продолжением руки, готовый стрелять в кого угодно, кто угрожал его солдатам.

Огюст неподвижно стоял посреди пыльного двора, все еще держа на руках ребенка. Сзади него стоял молодой араб с кинжалом в руке и в паре метров перед Лекомтом еще один араб среднего возраста, одетый в шерстяной бурнус, несмотря на жару. В руках у араба была винтовка, и он держал Огюста на прицеле.

Неизвестно чем закончилось бы то, что за долю мгновения успел оценить мозг Федора, но резкое движение ворвавшихся в пыльный двор легионеров, словно привело в движение какой-то неподдающийся логике и здравому смыслу механизм.

Огюст, всегда спокойный и рассудительный, стоял словно замороженный, направленным на него дулом винтовки. Не раз впоследствии, вспоминая те короткие мгновения, Федор дорисовывал какие-то обреченность и смирение Огюста перед судьбой. Словно в те секунды Огюст понял что-то такое, что было выше обычного человеческого понимания.

Огюст, словно боясь за ребенка больше, чем за себя самого, прижал его к себе и прикрыл своим плечом, повернувшись вполоборота к арабу в бурнусе. Молодой араб, стоявший за Огюстом, очевидно, не отдавая себе отчет в том, что делает, инстинктивно размахнувшись, воткнул кинжал в спину Огюста. Араб в бурнусе резко повернулся, стреляя в Федора, но Федор уже жал на курок парабеллума, расстреливая весь магазин в живот и ноги араба.

Пуля попала Федору в левый бок, развернула силой удара и, судя по ощущениям, сломала одно или два ребра, но не вошла в тело, а по касательной срикошетила о кость.

Огюст, вероятно, до сих пор не понимая, что происходит, упал на колени, не выпуская из рук ребенка, и закрыл его своим телом. На лице Огюста словно застыло удивление нелепостью всей ситуации.

Федор, не обращая внимания на ранение, усилием воли, развернулся к арабу и продолжил расстреливать в него остатки магазина. Он стрелял и уже чувствовал каким-то отдаленным уголком сознания, что произошло что-то непоправимое.

Молодой немец-шваб выстрелил из винтовки в араба с кинжалом, и сила, ударившей того пули, отбросила его от Огюста на пару метров. Пуля вошла в грудь и, судя по всему, пробила одно из легких. Араб упал на спину и при каждом вздохе его била судорога. Но он был еще жив. Из рта у него с каждой попыткой откашляться, бил небольшой фонтан крови.

Араб в бурнусе выпустил винтовку из рук и свалился на землю, скрежеща зубами от боли, пытаясь прикрыть отверстия от пуль в животе и бедрах обеими руками.

Федор подбежал к Огюсту и опустился перед ним на колени, удерживая его отпадения и принимая от него ребенка. Огюст улыбнулся уставшей и обреченной улыбкой и плавно привалился плечом к телу Федора. Посмотрел на Федора полными боли глазами и тихо произнес:

- Как глупо... прости... - вздохнул и прикрыл глаза.

Федор испуганно прижал голову Огюста к своей груди.

- Огюст?! Огюст?! – не зная, что спросить, он тихо и испуганно шептал его имя.

Огюст открыл уже затуманенные глаза и, фокусируясь, удивленно посмотрел в лицо Федору.

- Федор... как глупо... прости меня...

- Огюст, не закрывай глаза... слушай меня... Огюст?! - Федор не понимал, что произносит, просто знал, что сейчас нужно говорить, что угодно, чтобы Лекомт не закрывал глаз и не поддавался слабости. Чтобы удерживать в нем остатки жизни любой ценой.

Но сил у Огюста оставалось все меньше. Он прикрыл глаза, но через несколько секунд приоткрыл их еще раз и, уже с трудом фокусируя взгляд на лице Федора, опять произнес ту же фразу.

- Федор... как глупо... прости меня... - но сразу же закрыл глаза и вдруг, как-то нелепо прогнувшись, всхлипнул и затих.

Еще несколько секунд Федор непонимающе смотрел на Огюста, ожидая, что тот откроет глаза и произнесет хоть что-то. Любую, пусть даже самую глупую и ненужную в данный момент фразу. Но голова Огюста неподвижно лежала на груди Федора.

Федор тихо произнес: "Огюст?", словно упрасывая того открыть глаза, уже не понимая, что вокруг стоит дюжина легионеров его взвода, со снятыми кепи в руках.

- Огюст?! - Федор осторожно провел по волосам Лекомта и еще раз, совсем тихо и удивленно повторил, - Огюст?!

Но тот не отзывался.

Боясь сделать хоть одно резкое движение. Федор аккуратно положил Лекомта в пыль под ногами, встал и посмотрел вокруг все еще не понимающим, отсутствующим и обезумевшим взглядом. Немец шваб тихо произнес.

- Капрал?

Федор вопросительно посмотрел на него сквозь пелену слез, уже застилающих глаза. Но, не зная, что сказать, немец потупил взгляд и отвернулся.

Федор перевел непонимающий взгляд на тело Огюста, лежащего у его ног, и опять опустил перед ним на колени.

- Огюст? – осторожно он потряс его за плечо.

- Огюст?! – Федор вопросительно шептал его имя, словно заведенный, не понимая зачем делает это, но, надеясь, что Лекомт все же услышит его и откроет глаза.

- Огюст?! – Федор произносил вслух одно только слово, замирал на несколько секунд, ожидая ответа, и опять повторял имя Лекомта.

- Капрал?! – Федор непонимающе обернулся. Немец шваб испуганно и умоляюще смотрел на него, - Капрал, пожалуйста...

Федор посмотрел внимательно на немца, не понимая, чего тот хочет от него, вытер слезы с лица обеими ладонями и опять повернулся к Лекомту.

- Огюст?! - все еще не веря очевидному, Федор подложил кепи под голову Лекомта и осторожно повернул его голову, укладывая ее удобнее.

- Огюст, так удобно? – каким-то отдаленным уголком сознания Федор понимал, что Лекомт мертв, но упорно не хотел этому верить.

- Огюст, не молчи! – Федор судорожно вдохнул полные легкие воздуха, удерживая рыдания.

- Огюст? – еще раз повторил Федор совсем тихо.

- Огюст? – Федор осторожно потрогал Лекомта за плечо, словно пытаясь пробудить того от глубокого сна.

- Огюст, не молчи... - Федор провел пыльной ладонью по волосам Лекомта, чувствуя, как заболело сердце и что он физически начинает задыхаться от немой боли в груди.

И вдруг, не сдерживаясь больше, он поднял лицо к небу и завыл. Безумным воем, в котором уже не осталось ничего человеческого.

Он все еще не понимал, что больше никогда не увидит Огюста живым. И единственное, что он чувствовал сейчас, была огромная тупая боль в сердце и то, что что-то непоправимо изменилось и в его жизни. Изменилось настолько, что даже, если он пойдет на любую сделку с кем бы то ни было и отдаст все, что у него есть сейчас, мир вокруг него уже никогда не станет прежним.

Он выл, уткнувшись в грудь Огюста, и его слезы впитывались в мундир Лекомта. Но время шло и вся боль, что оставалась в нем рассеивалась и замещалась гулкой пустотой. Пустотой и, одновременно, яростью.

Через несколько минут, Федор приподнял голову и каким-то сторонним, словно не ему принадлежащим зрением, сквозь пелену слез, посмотрел на двух

арабов лежащих от него всего в нескольких метрах. Хрипящих от боли и истекающих кровью, но все еще живых.

Уже не отдавая себе отчет в том, что он делает, Федор повернулся ко взводу и сухим и спокойным голосом приказал:

- Собрать всех жителей деревни.

Подчиняясь приказу и, одновременно, получив, наконец, возможность отойти от обезумевшего командира и от мертвого товарища, несколько легионеров, развернулись и быстро пошли собирать всех, кого могли найти в деревне.

Федор повернулся к ребенку, который все еще стоял в паре метров от него и глупо улыбался детской, застывшей на лице улыбкой, не понимая, как интерпретировать эмоции взрослого европейца, стоящего перед ним.

Федор развернулся и пристально посмотрел на молодого араба, лежащего на спине в утоптанной пыли. Дыхание у того становилось все тише, и кровь почти не текла изо рта. Кинжал все так же был зажат у него в кулаке. Не оборачиваясь на сослуживцев, Федор молча поднялся и шагнул в сторону араба. Араб уже ничего не понимал. Лишь широко открытые глаза смотрели в чистое голубое небо, и еле заметно вздымалась грудь при каждом вздохе.

Федор сел перед ним на колени, аккуратно, вытащил кинжал из сведенных судорогой пальцев и спокойно посмотрел тому в уже пустые глаза, чувствуя, как холодная ярость новой волной захлестывает его. Сжал обеими ладонями кинжал, поднял над головой и со всей силы, до основания воткнул его в сердце арабу. Тот даже не пошевелился.

Все еще не контролируя себя, Федор поднялся с колен, посмотрел на неподвижное тело Огюста и потянулся в карман мундира за новой обоймой с патронами для своего парабеллума. Спокойно перезарядил пистолет, после чего, уже не думая, резко развернулся к ребенку, все также стоящему в паре метров от него с бессмысленной детской улыбкой, и выстрелил тому в лоб.

Периферийным зрением Федор увидел, как несколько солдат рванулись ему навстречу, пытаясь удержать его, но звук выстрела остановил их. Они видели на войне слишком много, чтобы переживать об уже совершенном и том, чего нельзя изменить.

От страшной отдачи, ребенка отбросило к ногам второго араба в бурнусе, который стонал и до сих пор пытался закрыть руками раны в животе и бедрах, изрешеченных пулями Федора.

Федор прицелился ему в лоб, но в последнюю секунду что-то удержало его от выстрела. Взгляд его остановился на колодце в левом углу двора. Федор сделал несколько шагов в сторону араба, и хотел было схватить его за бурнус, но с удивлением обнаружил, что в ладони зажат парабеллум. В состоянии аффекта, сознание, словно отдельными картинками воспринимало все происходящее, не в силах добавить связующие их звенья: Федор уже забыл, что за несколько мгновений до того, стрелял из пистолета.

Аккуратно, он засунул пистолет в кобуру и наклонился над арабом. Тот слабо стонал, обессиленный ранами. Появилось дикое желание медленно, словно барану, ножом вспороть тому горло, но Федор опять сдержал в себе спонтанный порыв. Он уже знал, что сделает и с арабом в бурнусе и со всеми, кого солдаты его взвода найдут в деревне.

Одной рукой Федор вцепился в бурнус, а другой схватил за лодыжку застреленного ребенка и двинулся в сторону колодца, волоча обоих за собой. Он

уже не размышлял о том, был ли ребенок случайным участником драмы или, как бывало не раз, служил наживкой для потерявших бдительность легионеров, когда арабы использовали детей, чтобы завлечь солдат в ловушки, рассчитывая на европейскую сентиментальность.

Он подтащил обоих к колодцу, отпустил лодыжку ребенка и наклонился над арабом, проверяя, осознает ли тот, что происходит. Араб, хотя и обессиленный ранами, смотрел на Федора со страхом и, одновременно, животной неприязнью.

- Сейчас ты у меня получишь свое, сучий потрох, - Федор говорил сам с собой, даже не осознавая, что сейчас говорит на русском.

Он вцепился в бурнус, приподнял араба и перебросил его через край колодца, ногами вперед. Араб всем весом повис на краю колодца и захрипел от боли. Федор сделал шаг назад и замер на долю мгновения, смотря в глаза арабу, убеждаясь, что тот понимает, что его ждет. После чего резким прямым ударом ноги, как учил его Лекомт, ударил в лицо арабу, вкладывая в удар весь свой вес, ярость и боль от потери друга.

Силой удара, тело араба отбросило на противоположную стенку, и он исчез в глубине колодца. Федор наклонился, поднял из пыли под ногами труп ребенка и словно мешок с песком, из которых строили полевые укрепления, бросил тело вглубь колодца.

- Клаус! – Федор показал пальцем немцу-швабу на молодого араба с кинжалом в груди, - в колодец его.

- Капрал, вы ранены, - немец указал на залитый кровью бок Федора.

Федор посмотрел на порванную ткань мундира, пропитанную кровью, где-то на периферии сознания удивившись, что совсем не чувствует боли, но тут же забыл о своем ранении. Посмотрел в глаза немцу и еще раз угрожающе и негромко произнес, сдерживая новый приступ ярости:

- Клаус, я сказал, в колодец его!

Шваб замешкался на долю секунды, словно убеждаясь в том, что рассудок Федора не повредился. Но привычка выполнять приказ возымела свое.

- Да, капрал, - немец шагнул к телу араба, схватил того за обе щиколотки и потащил к колодцу.

Федор повернулся к воротам. В приоткрытые створки просматривалась часть улицы, и было видно, как солдаты его взвода ведут нескольких жителей деревни по направлению ко двору, в котором находился Федор.

Он попытался сглотнуть слюну, но во рту и горле было сухо. Федор провел рукой по лицу, вытирая пот, и посмотрел на тело Огюста, все так же недвижно лежащее в пыли. Еще раз повернулся к воротам, но сейчас все казалось второстепенным, по сравнению со смертью друга.

Федор сделал несколько шагов и опустился перед телом Лекомта на колени. Не зная, что еще сделать, он взял в руки ладонь Огюста, наклонился и поцеловал ее. Глаза опять застлала пелена слез, и Федор начал молиться. Не понимая, зачем делает это, не понимая даже, на каком языке сейчас обращается к Господу. Единственно, прося забрать к себе душу Огюста и простить все его земные грехи...

Не дожидаясь окончания контракта, который истекал только через полтора года, Федор обратился в штаб полка с прошением подписать контракт на третий пятилетний срок. Решение было спонтанным, хотя и вынашиваемым

уже не первую неделю. Он мог сделать это по окончании действующего контракта, но в глубине души боялся, что за полтора года может передумать. И Федор решил, что единственным способом хотя бы немного унять боль от смерти Огюста, было остаться в Легионе на новый срок. В ожидании новой войны, на которой, возможно, Господь, призовет к себе и его душу.

В штабе не стали задавать лишних вопросов. У всех легионеров были свои причины вступать в Легион или оставаться там на новый срок. Разве, что в Легионе было мало тех, кто доживал до третьего срока, как мало было и тех, кто оставался на третий срок сознательно, руководствуясь вполне конкретными и даже прагматичными причинами. Был и еще один разряд легионеров, казалось, навечно связанных с армией – морально опустившихся солдат, которые уже не видели своего будущего в мирной жизни. Но последних в Легионе было совсем немного.

Федор был одним из немногих, кто подписал контракт на третий срок вполне осознанно, движимый понятными ему и прагматичными причинами. Не считая все еще выжигающей его изнутри жажды мести, хотя, неясно уже к кому именно, мысленно Федор принял на себя моральную ответственность за семью Лекомта, живущую под Бордо.

Ни с кем открыто Федор не говорил об этом, но это было единственное, что он мог сделать своими силами. И состояние то затихающих, то выходящих на новый виток противостояния, военных действий, были ему как нельзя на руку: война была самым простым способом обогащения. И Федор здесь не стал исключением, решив в ближайшие пять лет откровенно собирать все ценное в Северной Африке, до чего только могли дотянуться его руки. Единственно, целью, которую он ставил перед собой, было не личное обогащение, а возможность обеспечить родителей, сестер и брата Лекомта. То, по его мнению, немного хорошее, чем, хотя бы в малой степени, он мог отплатить Огюсту за все, что тот сделал для него за годы их дружбы.

В этом также, до определенной степени, был самообман. За внешней целью помощи семье Огюста не было ощутимого содержания. Теперь Федор боялся оставаться наедине с собой надолго и при наличии любого свободного времени углублялся в чтение. Чужие судьбы затягивали и заставляли отвлечься от своей боли. И все же, иногда он ловил себя на мысли, что основной причиной подписания контракта на третий срок, были не обязательства перед Огюстом, а внутренняя пустота. Он не знал, что делать дальше. Все цели, которые он ставил перед собой в последние годы, были их совместными целями. Тем, о чем они мечтали вместе с Огюстом. С потерей Огюста, терялся и смысл их совместных проектов.

В очередной раз, Федор обнаружил себя на распутье. Прошлого вернуть было уже нельзя, а с потерей прошлого, с которым были связаны его планы, терялся весь смысл ранее распланированного будущего. И сейчас, как в России десять лет назад, Федор снова застыл в безвременье и внутренней пустоте. И теперь только Легион становился тем прибежищем, где он мог находиться, не рискуя потерять себя окончательно. Единственным привычным местом. На любые перемены у него сейчас не хватило бы ни сил, ни внутреннего мужества...

...все случившееся в деревне после убийства Огюста, вспоминалось отрывисто и не несло в себе ни моральной оценки, ни душевных переживаний. Просто отдельные, словно в кинематографе сцены, никак не связанные с Федором.

Мысленно, он не раз возвращался к тем минутам, когда его взвод собрал всех жителей деревни. Но даже смерть двух десятков человек, лично убитых им, никак не затрагивала его глубинно. После нескольких попыток разрешить дилемму – отчего он, как верующий человек не испытывает раскаяния – Федор пришел к тому, что иногда боль и ярость от потери близкого человека, выходят за те пределы, которыми ограничиваются человеческая мораль и даже вера. А вне их теряются и прочие привычные ориентиры, которыми руководствуются люди, при принятии решений...

...легионеры смогли найти в селении только девятнадцать человек, включая женщин и детей. Всех их привели во двор дома, где погиб Огюст. Сбившись в кучу, они с испугом смотрели на французского капрала с обезумевшим взглядом, с грязным, в потеках от слез лице и пропитанном кровью мундире.

Не обращая на них внимания, Федор сидел в пыли возле Огюста и держал его за руку. Тело Федора непроизвольно покачивалось взад-вперед, и он шептал все слова молитв, какие только мог вспомнить.

Легионеры стояли молча, не издавая ни звука, ожидая пока Федор сам обратит на них внимание. Наконец, Федор отпустил руку Огюста и аккуратно положил ее вдоль его тела. Еще раз поправил кепи под головой Лекомта, повернулся и посмотрел на солдат своего взвода и сбившихся в кучу жителей селения.

Он приподнялся с колен, вытащил из кобуры парабеллум и встал перед арабами. Те смотрели на него испуганно и неприязненно, как на что-то инородное, но то, с чем приходится считаться и чего необходимо бояться.

Мужчины и женщины были закутаны в джеллабы – длинные традиционные балахоны с капюшонами. Все стояли молча и неподвижно. Двое грязных детей в выстиранных рубашках и штанах испуганно жались к двум женщинам.

Федор стоял перед ними, не говоря ни слова, переводя взгляд с одного лица на другое. Он уже не видел в них людей, только объекты, на которые выплеснется его ярость. Каждый из тех, на кого Федор переводил взгляд, отводил глаза в сторону. И Федор принимал это за признание своей вины.

Федор забыл о времени. Сейчас он занимал какое-то место в пространстве, но не мог понять ни своего состояния, ни вызвать в себе хоть какое-то чувство. Организм, накачанный адреналином, не реагировал даже на боль от раны. Вся группа людей перед ним то уменьшалась, то увеличивалась, и это было единственное, за что он мог уцепиться сейчас, удивляясь визуальному обману и наблюдая за ним, как бы со стороны, не ожидая от себя ни выводов, ни изменения собственных чувств. Он словно застыл во внутреннем безмолвии, которое все больше поглощало его.

Наконец, через несколько минут пожилой араб, очевидно старейшина, сделал осторожный шаг вперед и что-то произнес на арабском, обращаясь к Федору. Федор с удивлением перевел на него взгляд, фокусируясь на неожиданном движении рядом, поднял руку с пистолетом и молча выстрелил тому в сердце. Араб, захлебнувшись на середине фразы, уже бесформенной массой рухнул в пыль, лицом вперед.

Одна из женщин громко вскрикнула. Вся группа попятилась назад. Но цепь полусознанных действий и женский вскрик, словно вывели Федора из сковавшего его оцепенения.

Федор повернулся ко взводу.

- Их обыскали?

Один из легионеров, бельгиец кивнул головой и ответил за всех.

- Да, капрал. Мужчин обыскали.

Традиции не позволяли иностранцам касаться арабских женщин. Как, впрочем, и всем мужчинам, не состоящим с женщинами в родственных отношениях. Что, впрочем, не мешало, как иностранцам, так и арабам насиловать женщин захваченных в плен.

Федор молча кивнул и еще раз повернулся в сторону Огюста. Тот недвижно и, казалось, уже умиротворенно лежал на том же месте. Федор сглотнул ком в горле и тяжело выдохнул.

- Всех к колодцу.

На этот раз не возразил ни один из легионеров. Подталкивая прикладами арабов, несколько легионеров повели их к колодцу.

Федор еще раз повернулся и посмотрел на неподвижное лицо Огюста, чувствуя, как его опять готовы захлестнуть рыдания. Но, через силу, он отвел взгляд в сторону и облизал пересохшие губы.

Арабы стояли у колодца и ожидали решения своей дальнейшей судьбы. Федор шагнул им навстречу и громко произнес, обращаясь к легионерам.

- Всех в колодец!

Один из подростков рванулся к легионеру-бельгийцу, но тот резким ударом приклада, сшиб его с ног. После чего схватил его за шиворот, подтащил к колодцу и бросил внутрь.

Всему взводу словно бы начали передаваться ярость и непримиримость Федора. После бельгийца двое солдат начали толкать арабов к колодцу. Те, понимая, что сопротивляться нет смысла, сами начали спускаться в колодец, передавая детей, в надежде, что этим все закончится, и легионеры, обыскав дома, как, бывало уже не раз, покинут селение.

Через пару минут во дворе остались только легионеры. Федор самостоятельно схватил убитого им араба за капюшон джеллабы, подтащил к колодцу и сбросил вниз. Раздался глухой звук упавшего тела и вслед за ним стоны и вскрики.

Не заглядывая внутрь колодца. Федор повернулся ко взводу

- Всем уйти со двора. Обыскать еще раз все дома в деревне. – Легионеры кивнули и двинулись прочь со двора.

- Клаус! – немец шваб обернулся на оклик Федора, - дай сюда свои гранаты.

Легионер, чуть замешкавшись, молча протянул две гранаты Федору. Федор указал пальцем на дом, во дворе которого они стояли.

- Обыщи этот дом. Все документы, оружие и все ценное забрать с собой.

Клаус хотел было что-то сказать, но лишь вдохнул полные легкие воздуха и кратко ответил:

- Да, капрал, - после чего развернулся и вошел в дом.

Федор подошел к телу Огюста и опять сел перед ним на колени. И только тут впервые почувствовал, как заныли поломанные ребра и распоротая пулей кожа.

Он еще раз взял ладонь Огюста в свои руки, чтобы навсегда запомнить на тактильном уровне эти моменты и вдохнул полные легкие воздуха, сдерживая слезы.

- Прости и ты меня... что не успел... - сил не было ни на молитвы, ни на ярость. Федора все больше поглощали апатия и безысходность. Всех эмоций, что еще оставались в нем, хватало только на слезы. Осталось лишь одно дело, которое ему нужно было завершить в деревне. И уже после этого, быстрым маршем, с телом Огюста добраться до расположения части.

Федор посмотрел по сторонам. Он был один. Опять один и теперь, похоже, уже навсегда. Единственный друг, которого он нашел за всю жизнь, был мертв. Федор наклонился, преодолевая боль в боку, и поцеловал Огюста в лоб, по-христиански, прощаясь с ним.

- Прости, Огюст...

С трудом, морщась от боли в ране и вытирая слезы, новой пеленой застилающие глаза, Федор поднялся с колен, взял две гранаты Клауса и направился к колодцу...

На средства, которыми воспользовался Федор в селении, где убили Огюста, начальство закрыло глаза. Но, судя по документам, которые нашел взвод Федора, араба в бурнусе звали Амин аль-Басир, и был он одним из непримиримых полевых командиров, за поимку которого давно была обещана награда.

Поскольку точно определить был ли он действительно тем, на кого указывали найденные документы и косвенные свидетельства, было уже невозможно, все же официально было объявлено об уничтожении Амина аль-Басира во время полевой операции. Федору была выдана премия в размере пятисот франков, а за успешно проведенную операцию было присвоено звание сержанта Иностранного Легиона. Кроме того, за ранение он получил месячный отпуск. На восстановление здоровья и как поощрение за успешную военную операцию.

...в штабе части Федор, не переодеваясь и не заходя в лазарет, настоял на том, чтобы тело Огюста было отправлено во Францию к родным. Капитан молча выслушал грязного, раненого капрала с обезумевшим, остановившимся взглядом и также молча кивнул, подтверждая, что сделает все так, как требует капрал...

И только после того, как Федор убедился, что тело Огюста отправят домой и похоронят во Франции, а не в Африке, он согласился пойти на осмотр в госпиталь...

Продолжение следует ...

© Игорь Альмечитов, 2021

Современная проза

ФУРКАТ АЛИМАРДОН

г. Ташкент, Республика Узбекистан

*Фуркат Алимардон
родился в махалле Галаба
Кумкурганского района
Сурхандарьинской области
Республики Узбекистан.
В 2014 году окончил факультет
"Народное творчество"
Государственного института
искусств и культуры
Узбекистана.
Со студенческих лет его
рассказы начались
опубликоваться в республикан-
ской периодике и в
зарубежных изданиях.*

*Его рассказы опубликованы в турецком журнале
"Dilimiz ve Edebiyatımız"
("Наш язык и наша литература").*

*В 2017 году Фуркат Алимардон стал победителем
традиционного семинара
молодых писателей "Заамин-2017".*

*В 2019 году вышел на свет его сборник рассказов
"Солнце улыбается".*

*Фуркат Алимардон является исследователем хадисов
великого мыслителя и ученого Абу Муина Насафи.*

*В 2018 году, по заказу Национального агентства "Узбеккино",
он написал сценарий документального фильма "Мечь истины",
посвященного к жизни и деятельности Абу Муина Насафи.*

МОЁ Я

Я писал что-то на компьютере. Вдруг снаружи слышались чьи-то торопливые шаги. Я вскочил с места и выглянул на улицу из окна второго этажа.

Внизу куда-то торопился Я. Увидев это, я содрогнулся. Это Я? Собственно говоря, который из них на самом деле я: спокойный человек, который, хоть и является гостем на этом белом свете, но ведёт себя как хозяин, или этот торопливый, который вечно спешит, суетится, волнуется, будто в любую секунду может лишиться всего, что у него есть?..

Я выскочил на улицу и побежал за собой, торопившимся неизвестно куда. Он шёл примерно в двухстах шагах впереди меня, и его шаги всё ускорялись. Вдруг мне захотелось закурить. Я, пошарив по карманам, нашёл сигарету, закурив. И в этот момент раздался резкий визг тормозов. Я быстро оглянулся в сторону торопливого Я.

На земле лежал кто-то, а над ним собрались несколько человек и что-то бурно обсуждали. Я побежал в их сторону. Ох, это был торопливый Я: бедняга распластался на земле, глаза широко открыты, но сразу было заметно, что он уже не жилец. Жаль, ведь мне нужно было о многом поговорить с ним. Но теперь не удастся этого сделать...

... Я боюсь покойников, кладбища, похорон. Да, знаю, что мне следует бояться живых, но я всё равно боюсь. Что поделаешь, натура такая!

Чтобы привыкнуть, однажды я пошёл на похороны. Да, правда, это было так просто! Человек, который недавно ходил и разговаривал, теперь лежит тихо и спокойно. Может, он избавился от всех своих забот, может, попал в другую беду...

Когда везли покойного на кладбище, вдруг край савана поднялся, и я увидел его лицо. Увидев, что и покойник является мной, я очень даже удивился. Когда же я умер, ведь сейчас стою на ногах?

В моей голове беспорядочно копошились мысли... С этого момента я начал представлять себя частицей. И других людей тоже. В общем, решил, что все вокруг меня являются частицами. В конце концов, мир состоит из разных комбинаций бесчисленного числа частиц. И однажды все в мире распадутся на частицы. Интересно, что же тогда останется от этой бесконечной Вселенной?!

Вот закончилась заупокойная молитва, похоронили покойного. Собравшиеся на похороны люди расходились. По дороге домой я передумал и повернул обратно на кладбище, потому что мне захотелось ещё раз увидеть покойного.

Теперь не осталось и следа от моих прошлых страхов. В сердце чувствовался такой порыв, которого никогда не замечал.

Солнце уже садилось, а жители кишлака, закончив свои повседневные дела, разошлись по домам.

Расстояние около семисот метров до кладбища я прошёл очень быстро. Увидев слова «Добро пожаловать, искренний человек!», мне почему-то стало смешно. Конечно, меня развеселило первое предложение, потому что... Хотя, может быть, для кого-то визит сюда будет «добрым»...

Войдя через ворота кладбища, я увидел велосипед, опирающийся на подпорки. Но вокруг никого не было.

Вот я на кладбище. Стою над могилой, свежая насыпь которой ещё не высохла. Я закатал рукава и начал копать могилу. Через некоторое время чья-то рука мягко коснулась моего плеча. Я медленно поднял голову и оглянулся. Почему-то сейчас я ничего не боялся. Обычно в таких случаях человек вздрагивает, но у меня не было чувства страха. Сзади стоял седой старик и серьёзно смотрел на меня.

— Кто Вы? — угрожающе окрикнул я.

— О, богохульник! Кто ты и почему в сумерках тревожишь могилы чужих людей? — спросил он вместо ответа.

— Я хочу увидеть покойного. Это очень важно для меня, — сказал я задумчиво.

— Нельзя! Это запрещено законом и шариатом, — сказал старик и начал уходить.

Вокруг воцарилась глубокая тишина. Вдруг мне вспомнилась надпись на воротах кладбища, и я решил спросить об этом у старика:

— Почему на воротах написано «Добро пожаловать»? — спросил я.

— Ответ найдёшь в своей душе! Только искренние люди могут понять это! — сказал он.

Я направился в сторону ворот. Слова старика не выходили из головы. Как? Почему? Эти вопросы не покидали меня.

Вдруг сзади раздался голос: «Доброго пути, искренний человек!» И тут меня озарило. «Всё, сейчас спрошу у него обо всём!» - подумал я.

Я решил спросить у него, почему он похож на меня как две капли воды и откуда ему известно, что я искренний человек... Но старика и след пропал...

Я люблю гулять один. Иногда хожу по улицам или на базар. Мне кажется, что в одиночестве есть своя тайна. Словно, когда я буду один, я быстрее найду себя.

Однажды я шёл вдоль большой асфальтированной дороги. Вдруг увидел лежащий на земле белый лист. Я очень любознательный человек, поэтому с интересом поднял лист с земли. А слова, написанные на нём, возбудили во мне ещё больший интерес. И я подумал о том, почему другие не обращали внимания на эту бумажку. Может быть, от того, что все смотрят в небо, а я на землю...

На бумаге было написано: «Эй, искренний человек, буду ждать тебя дома! Знаю, что ты обязательно придёшь!»

Я от души рассмеялся. Должно быть, кто-то написал это от скуки, а когда подошёл тот, кого он ждёт, выбросил бумажку из окна машины. Или

какой-нибудь студент написал это на паре и выбросил по дороге домой. Но с детства меня тянуло к приключениям, поэтому я пошёл по адресу, написанному на листке.

Когда я шёл, почему-то поднялось настроение. «Ведь, нужно попробовать пожить без разных ограничений. Вот тогда станет понятно, насколько важны эти ограничения в нашей жизни», — подумал я.

Вот я подошёл к месту, указанному на бумаге. Но теперь я немного засомневался. Что, если здесь живёт какая-то наглая особа, которая может прицепиться ко мне с разными ложными обвинениями, о каких я даже не слышал?! Или, может быть, это ловушка бандитов?

«Нет», — проговорил я себе тихим голосом.

Я собрал в кулак силу воли и постучал в дверь.

— Войдите, дверь открыта! — послышался женский голос.

Мои сомнения вновь охватили меня. «Влип в историю! Тебе конец!», — подумал я. «Нет», — ответило на это сердце. Я рискнул и вошёл.

Чистый дом. Первое, что бросилось в глаза, это оленьи рога, висящие на стене. Рога были деревянными, но выглядели как настоящие. Я некоторое время стоял на пороге.

— Заходите, что стоите? — раздался голос женщины.

Я разулся и вошёл в комнату, откуда доносился женский голос. Большой стол чуть ли не ломился от расставленных на него яств. Казалось, что здесь расстелили скатерть-самобранку.

— Здравствуйте, — сказал я, чувствуя некоторое облегчение.

Я невольно всмотрелся в женщину. Она была черноглазая, в возрасте около тридцати пяти лет, волосы рассыпались на плечах, лицо спрятано под вуалью. Я, даже не спросив у неё разрешения, присел на стул, ведь, с утра хожу по улице и очень устал.

— Скажите, почему вы закрываете лицо и зачем написали записку, а потом выбросили её на улицу? — спросил я, уставившись на неё.

— Я знала, что ты придёшь! — воскликнула женщина, даже не отвечая на мои вопросы.

«Здесь кроется какая-то тайна или это просто розыгрыш», — подумал я, но виду не подал.

— Как Вы узнали? — спросил я с улыбкой.

— Я знала, потому что ты мой муж! — сказала женщина, не меняя выражение своего лица.

Мне казалось, что кто-то ударил меня по голове железным прутом. «Вот теперь ты влип по-настоящему!» — подумал я.

— Какой я Вам муж? Не нашли другого способа заработать на жизнь? Должно быть, всё это вы получили от своих прежних «мужей»! — сердито воскликнул я, указывая на стол.

Женщина не ответила.

— Я не согласен с Вами! — сказал я и встал со стула.

— Сядь, сядь, куда собрался, искренний человек?! — сказала она.

Я захохотал.

— Слово «искренний» — ваш охотничий пароль?! — спросил я.

Она молча указала на фотографию, стоящую на полке позади неё. На фотографии были изображены очень похожий на меня мужчина и эта женщина.

Я бросился в прихожую, надел туфли и выбежал на улицу. Вошёл в первый попавшийся ресторан. Я собирался сильно напиться. Может быть, я больной... Может быть! Скорее всего, у меня шизофрения. Может, всё это просто галлюцинация? Кстати, в последнее время я страдаю бессонницей...

Я зашёл в ресторан, подошёл к бармену. Пошарил по карманам, но у меня было мало денег. На выпивку не хватит, на них можно купить всего две сигареты. Бармен, увидев моё состояние, спросил:

— Что, приятель, уволили с работы?

— Нет, я просто хотел выпить. Но оказалось, у меня мало денег. Так что дайте мне сигарет!

Сказав так, я вынул из кармана деньги и протянул их бармену. Бармен взял деньги и дал мне две сигареты. Потом философски добавил:

— Да-а, брат, это и называется рыночной экономикой. Если в кармане есть деньги — можно жить, а если нет, уже не проживёшь. Но если ты любитель халявы, то иди в мечеть!

— Да, да, Вы правы! — сказал я с улыбкой.

Я проснулся спозаранку. Из мечети около моего дома муэдзин созывал на утреннюю молитву. Я встал. Сел. Чарующие звуки призыва к молитве прекратились. Я начал думать о религии и молитве.

Потом посмотрел на календарь в телефоне. Оказалось, что сегодня пятница — благословенный день для мусульман. В этот день мусульмане вместе молятся. Точно так же евреи собираются по субботам, а христиане по воскресеньям, чтобы помолиться. Почему все люди не молятся в один день? Ведь Бог-то один!

Значит, сегодня пятница. «Хорошо, сегодня я пойду на пятничную молитву», — подумал я. Потом задумался: «Вчера вечером я не выпивал?» Нет, я уже давно не пью, потому что у меня проблемы с желчным пузырём.

После завтрака я собрался на работу. Но когда сел в машину, вдруг замешкался. Ведь ещё не прошло и трёх дней с тех пор, как я уволился с последнего места работы! И пока не нашёл новую. «Хорошо, до начала пятничной молитвы схожу на базар», — решил я.

Я вышел на автобусной остановке напротив базара. Зашёл на базар. Здесь было очень шумно. Я быстро купил нужные вещи и поспешил выйти из базара, однако, увидел женщину, продающую женские платки. Красочные, яркие платки мне понравились, захотелось купить своей жене один из них. Я подошёл к продавщице.

— Почём? — спросил я, держа в руках синевато-фиолетовый платок.

— Сто пятьдесят тысяч! — ответила женщина.

— Ого-го! — удивленно воскликнул я.

— Это турецкая вещь, качество гарантировано! — сказала женщина, по-своему поняв моё удивление.

Я торговался около пяти минут и купил платок за сто тридцать тысяч. «Жена очень обрадуется!» — подумал я про себя.

Пройдя немного по базару, встретил одного знакомого. Он торговал женским бельём. После приветствия я показал ему только что купленный мной платок и хвастливым тоном сказал:

— Я купил задёшево. Турецкая вещь!

А знакомый, увидев платок, засмеялся:

— Вы попали минимум на семьдесят тысяч!

— Что ты говоришь?! Почему?

— Это не турецкий платок, а местного производства. Вас обманули, — сказал он с сочувствием в голосе. — Если хотите, пройдите ещё десять шагов вон туда. Самые лучшие платки там можно купить за пятьдесят или шестьдесят тысяч.

Я простился со своим знакомым и сел в автобус. По дороге постоянно думал о том, как продавщица платков обманула меня. «Она думает, что меня обманула. Но завтра она попадёт в какое-нибудь несчастье. Затем она потратит полученные обманным путём деньги, может, и больше. Почему люди не понимают, что никто в этом мире не может забрать то, что по праву принадлежит другому».

Я пришёл домой. Передал покупки жене и посмотрел на часы. Осталось сорок минут до молитвы...

Началась пятничная молитва. Когда имам читал суру, я увидел его лицо. Почему-то я был очень похож на имама. «Сон это или явь?» — подумал я и оглянулся на мужчину справа. Боже, и с ним мы были одно лицо. Потом я посмотрел на сидящего слева. Интересно, и с ним мы были похожи как две капли воды. Я волей-неволей закрыл глаза, хотя здесь этого делать было нельзя...

Пятничная молитва закончилась. Даже тогда, когда имам повторял молитву, я не открывал глаза. Наконец, я встал с места и направился к дверям мечети. Потом оглянулся. Что за чудо? Все люди были похожи друг на друга как две капли воды. Не знаю, кому принадлежал истинный облик, но люди вокруг были похожи, как близнецы, и все стремились в одну сторону — к выходу.

Перевод Мухаббат Юлдашевой

© Фуркат Алимардон, 2021

ВАЛЕРИЙ БОХОВ

г. Москва, Российская Федерация

*Я, Бохов Валерий Амурханович.
По образованию
инженер –экономист.
В 1966 г. окончил
Московский инженерно –
экономический институт
им. С.Орджоникидзе,
машиностроительный
факультет.
Работал в различных НИИ.
С 1993 года по 2013 год -
в системе ФНС России.
С 2014 года не работаю,
являюсь пенсионером.
Всю свою зрелую жизнь
писал офисные рассказы.
Читал их коллегам по работе.*

*Писать для широкого круга читателей
начал в 2011 году. Пишу постоянно.*

*Направленность: рассказы для детей; детективы;
фантастика; современная проза; юмористические тексты.*

*Начиная с 2013 года мои работы публикуются в
некоторых периодических изданиях, альманахах и сборниках.*

ПРОРВЁМСЯ

От войны у меня осталось несколько воспоминаний. Вот одно из них.

Мне и моему другу Вовке исполнилось по четырнадцать лет. Мы стали почти взрослыми, мы стали большими. А потому из всей дворовой команды мы вдвоём могли присоединиться к тем, кто по ночам дежурил на крыше наших пятиэтажек и встречал зажигательные бомбы. Мы встречали зажигалки и сбрасывали их вниз, во двор. Каждую бомбу мы сопровождали криками:

- Поберегись! Полундра!

А уже во дворе ребяшня, которой разрешали родители, под руководством взрослых, хватали сброшенные бомбы клещами или совками, бежали с ними к металлическим бочкам с водой и опускали их туда.

Поблизости от наших домов было несколько заводов и я думаю поэтому наш район подвергался бомбёжкам.

Нашей задачей было не допустить возгорания. Электронная оболочка и термитная начинка бомб горели ослепительным бело-голубым пламенем. И нам надо было не мешкать.

В памяти от этих дежурств осталось: тишина звёздного неба до налётов

вражеских самолётов; затем периодический страх от завываний сирен – сигналов воздушной тревоги и тревожных объявлений уличных репродукторов, доносящихся до крыш; рёв моторов вражеских самолетов; свечение осветительных ракет, окрашивающий лица в бледные пятна; лучи прожекторов, шарящих по тёмному небу; вой бомб; искры упавших зажигалок; едкий дым от упавших «гостинцев» и борьба за жизнь, за дом уже без куда-то исчезнувшего страха...

Работа внизу, во дворе, нам с Вовкой была знакома. Мы с ним какое-то время, также, гасили бомбы. Нам, конечно, очень хотелось на крышу. В этом нам долго отказывали. Любимой поговоркой Вовки была:

- Прорвёмся! Не бойсь!

Это выражение помогало нам держаться. Мы и держались. Держались и верили, что скоро исполнится наше желание. Что и случилось.

В форме поощрения дежурящих на крыше, как и других обороняющих город, нам как-то выпало право посетить Большой театр. Это произошло в конце октября 1941 года за несколько дней до того, как в Большой угодила вражеская фугасная бомба. Бомба тогда пробила крышу и причинила много разрушений внутри здания.

Старший над нами – Федосей Иванович распределил всю бригаду на две группы. Одна должна идти первой, а другая группа – в следующий раз. Так вышло, что я попал в первую группу, а Вовка – во вторую. А попасть в Большой хотелось всем и побыстрее. Я предложил своему другу пойти вместо меня. Поменяться местами. На что услышал от него привычное:

- Прорвёмся! Где наша не пропадала! Сейчас или чуть позже – всё равно будет!

Для поездки в Большой нам выделили полуторку. Эта машина и шофёр были нам знакомы. Каждое утро после бомбёжки полуторка объезжала дворы, где к её приезду опрокидывались бочки и из них выкатывались потушенные бомбы. Бомбы загружались в кузов автомашины и отправлялись на переплавку. А мы, ребята, снова заполняли бочки водой.

Театральная площадь была полна людей, автомобилей и трамвайных вагонов. Трамваи издавали много грохота и звонков.

Помню на фасаде театра ещё висела афиша «22 июня 1941 г. Ромео и Джульетта. Опера». И ещё из перечня артистов я запомнил две фамилии, которые я слышал ранее – В.В. Барсова и С.Я. Лемешев.

Впечатления от театра сводились к следующему. Публика во многом состояла из военных и пожарных. Но заметно было несколько кучек гражданских лиц. Гардероб не работал. Было холодно, а потому разрешалось проходить в зал в пальто и калошах. Шапки мы держали в руках. Шорох публики, тихий говор, одиночные крики зрителей... Звуки настройки музыкальных инструментов. Красный плюш кресел и бордюров, постепенно гаснущая огромная люстра, свет отдельных бра – светильников, ярко горящие надписи «Выход».

Как я сейчас представляю, это был сборный концерт. Были отрывки из опер. А ещё оркестр играл Чайковского. Эту захватывающую музыку я, в

основном, и запомнил. Вначале тревога, а затем такой подъём, такое торжество духа... Весь зал был мгновенно заполнен музыкой. Первый фортепьянный концерт П.И. Чайковского. Это ошеломляющее впечатление и такое духоподъёмное... Нет слов, настолько это было к месту. Затенённый город, к которому подходит враг...

Раньше я никогда не слушал классическую музыку.

После, уже на улице, мне хотелось скорее вернуться домой, встретиться с дежурившим Володькой и рассказать ему о могучей, заполняющей зал и каждого из слушателей, музыке.

Когда мы добрались до дома, то нам сообщили:

- Два человека - Максим Петрович и Володя Шмелёв, погибли под бомбами. Тела их увезли в морг.

На следующий день стало известно, что их похоронили. Хоронили тогда тихо и быстро. Тогда хоронили именно так.

На братской могиле, где лежит и Владимир, я побывал. Посещаю могилу и сейчас.

А вот выражение Вовки «Прорвёмся» стало моим девизом. Всю жизнь, во время войны, в Москве, а затем в эвакуации, до самой Победы и после войны, в трудных ситуациях, я говорил себе «Прорвёмся!» И это помогало.

© Валерий Бохов, 2021

ЛУКМАН БУРИХАН

г. Ташкент, Республика Узбекистан

Лукман Бурихан родился в кишлаке Янгиабат Гузарского района Кашкадарьинской области Республики Узбекистан. В 1991 году окончил факультет журналистики Ташкентского Государственного университета. Член Союза Писателей Узбекистана. Его первый рассказ «Бегимкул старший» был опубликован в 1987 году. Изданы его сборники рассказов и повестей «Босоногий» (1991), «Загадочный учитель» (2006), «Увидевший Хизра» (2007). Он является автором романа «Люди на солнцепёке» (2005).

МОЛОЧНИК

— Э-эй, я пришел! Молоко-о, каймааак!

Я просыпаюсь от этого голоса каждое утро. Как солдаты, готовые вскочить с места по приказу командира «Подъё-ё-ём!», я тоже, по зову мальчика, продающего молоко, невольно вскакиваю с постели.

— Эй-й, выходите! Свежее мо-ло-ко-о!

Мне кажется, что от звонкого крика мальчика-молочника даже утренние сумерки рассеиваются. Многоэтажные дома отзываются эхом на его крик. Многочисленные окна одно за другим начинают светиться.

— Молоко, каймак! Эй, сони, выходите быстрее!

Я отлично слышу каждое слово мальчика. Они вонзаются в мой мозг как пуля. Я остаюсь в тисках какой-то непонятной тревоги и испуга. Но сам не знаю причину этого состояния. Резкий голос мальчика, суровые глаза и миниатюрная фигурка, стоящая перед моим взором, обволакивают меня какими-то неприятными, слизистыми чувствами.

Месяц назад мы переехали в этот дом. Мы — молодая семья. По требованию ли своей профессии или из-за того, что причисляю себя к интеллигенции, часто читаю научно-популярные издания. Однажды, незадолго до переезда сюда, просматривая журнал о здоровье, я наткнулся на интересную статью. Несколько раз перечитывал ее. Удивительно! Один ученый доказал пользу молока и молочных продуктов. Все было научно обосновано, значит, можно верить словам ученого. Он особо подчеркнул важную роль молока в нормально росте плода и рождении здорового ребенка. Понятно, как буду-

щего отца меня заинтересовали эти сведения. И я старался кормить свою жену молоком и молочными продуктами. Может быть, поэтому, когда мы переехали на новое место, утренний крик мальчика-молочника показался мне божьей милостью.

— Э-эй, я пришел! Молоко-о, каймак-к!

Я зашел на кухню, взял стеклянную банку и поспешил на улицу.

Было еще темно. Гулял морозный ветер поздней осени. Свет уличных фонарей тускло освещает окрестности многоэтажного дома.

Тогда я впервые увидел этого мальчика. Он стоял на площадке между многоэтажными домами, рядом с искривленным старым деревом. Подросток в возрасте около четырнадцати лет. На нем была короткая безрукавка и шерстяная шапка. Он, хотя был маленький, миниатюрный, но входил в категорию тех, кто не берет в долг гордости. Стоит подбоченившись, зорко смотрит на своих клиентов. Мальчик был похож на искусного охотника. Не проливая ни капли на землю, быстро и ловко разливает молоко из бидона в банки своих клиентов. Протянутые ему деньги кладет в карман, не считая, как будто знает, сколько ему дают. Из разговоров, собравшихся вокруг молочника клиентов, я узнал, что этого мальчика зовут Умид, но все звали его по-разному. Для кого-то он был Умиджон, для других — Умидик, а третьи звали Умидбаем.

В тот день до вечера мальчик-молочник стоял перед глазами. Имя у него красивое — Умид. Означает надежду...

И на работе, и дома я думал только о нем. На следующий день я специально рано спустился вниз и с интересом наблюдал за молочником.

Поступки и слова Умида были как у взрослых. Кажется, какой-то мудрый старец превратился в мальчика и привез бидоны с молоком.

— Гули кенной¹, вид у вас неважный, — заметил он, беря банку из рук молодой женщины с растрепанными волосами и сонным лицом. — Что, муж не давал спать?

Гули ткнула пальцем в плечо мальчика:

— Умидик, не отвлекайся, а-то прольется твое молоко!

Толстая русская старушка, видимо, впервые покупала молоко у этого мальчика, поэтому недоверчиво смотрела на него.

— Мальчик... у тебя как... молоко водой не разбавлено? — спросила она.

— Ой, бабуля, сейчас к чему только воду не добавляют? — сказал Умид, искажая русские слова. — Даже сам человек на восемьдесят процентов состоит из воды.

Услышав дерзкие слова мальчика, старуха немного смутилась, но ее спутница шепотом успокоила ее. Наверное, убедила, что молоко у этого мальчика хорошего качества.

Вскоре вокруг Умида собралось около десяти молодых и старых людей, высокие и низкорослые, толстые и тощие. Мальчик, по очереди наливая молоко, с каждым клиентом по-дружески здоровался, его лицо то серьезно, то появлялась улыбка.

С любопытством наблюдая за мальчиком-молочником, я убедился, что он подружился с этими людьми. Покупатели тоже полюбили этого мальчика, верили в его порядочность и честность.

— Рамиз ака, ну как Ваша спина, уже не болит? — спросил Умид у морщинистого старика, от которого воняло дешевым табаком.

— Ой, Умиджон, даже не спрашивай, — сказал старик таким тоном, будто беседует со своим сверстником. — Что только не испробовал, ничего не помогает!

Умиджон с серьезным видом, как человек, проживший тысячу лет и переболевший тысячью болезней, начинал давать советы:

— Нет, Рамиз ака, Вы не обращаете внимание на свое здоровье. Вы небрежно лечитесь. Вам нужно лежать в постели целый месяц. Вы слышали о поясе из верблюжьей шерсти? Найдите такой пояс и плотно обвяжите поясницу. И не снимайте, даже если вспотеете. Рамиз ака, не шутите с болью в спине, берегите себя...

Собравшиеся вокруг люди тоже поддержали замечания мальчика.

— Умидик, налей мне три литра, — сказала женщина в фланелевом халате, протягивая мальчику свою посуду.

Если буду вот так стоять и слушать эти разговоры, я вовсе могу остаться без молока. Осознав это, я встал в очередь.

— Вы недавно переехали сюда? — спросил у меня Умид, вытирая куском ткани испачканные молоком руки.

— Да.

— Купили квартиру?

— Нет, взяли в аренду.

Обычно, когда допрашивали, это меня раздражало. Это действует мне на нервы, и я отвечаю неясно. Но... сейчас вопросы Умиды почему-то меня совсем не раздражали. Мне нравилось подробно отвечать ему.

— Это очень хорошая махалля, — сказал Умид, открывая второй бидон с молоком. — Здесь живет много больших людей.

— Больших, говоришь?

— Да, это... они работают в важных учреждениях. Многим из них до мой приношу молоко.

— Я не большой человек, — сказал я, смеясь. — Вот, сам спустился к тебе с банкой.

Стоящий за мной мужчина хихикнул. Умид недоверчивым взглядом уставился на меня.

— А Вы где работаете?

— В педагогическом институте.

— Преподаете?

— В общем... можно и так сказать... веду исследования.

Мальчик или не поверил, или не понял и, что-то пробормотав себе под нос, покачал головой.

Но я сказал правду. Я действительно занимаюсь исследованиями. Моя диссертация кандидата наук на тему «Здоровая окружающая среда — залог здорового поколения» уже готова к защите.

Покупатели, дрожа от холода и держа в руках пресное, кислое молоко или сметану, спешили домой. Вскоре клиентов не осталось, и Умид начал складывать свои опустевшие бидоны.

И в это время мы, наконец, смогли поближе познакомиться с ним. Позже даже подружились. Дошло до того, что, когда я опаздывал, он оставлял для меня молоко.

Вот и в тот раз я запоздал. На улице было еще темно. В небе мерцали маленькие звездочки...

Довольные клиенты с молоком расходились по домам. Но почему-то мальчика не было видно. Я оглянулся вокруг и вдруг увидел его.

Умид, устроившись на ветке дерева, пристально смотрел в окно квартиры на третьем или четвертом этаже расположенного напротив дома. Его поза напоминала молодого человека из популярного фильма, который прошел через сад и с тоской смотрел в окно своей любимой девушки.

Я тоже с удивлением посмотрел туда. Но не увидел ничего, что стоило ожидания с надеждой. На задней стороне четырехэтажного дома было тихо и темно. Только кое-где окна спален тускло светились красновато-желтым светом ночных ламп.

Видимо, заметив мое присутствие, Умид прыгнул с дерева на землю. Смутившись, поздоровался со мной. Я кивнул с таким видом, как будто ничего не заметил, и протянул ему банку. Неожиданно наши взгляды на мгновение встретились. Мне показалось, что в зрачках мальчика блестят красновато-желтые лучи ночной лампы. Умид немного растерялся и улыбнулся.

После этой встречи я на пять-шесть дней уехал из города. Нас отправили в командировку в аулы Приаралья для чтения лекций о соляных смерчах и об их угрозе здоровью. Те сведения, которые я прочитал в журналах о здоровье, мнегодились. С увлечением рассказал о важности молока в лечении болезней, проявляющихся из-за воздействия соляных смерчей. Короче, командировка прошла успешно. Но я беспокоился о здоровье жены, поэтому все время ходил с плохим настроением. А когда вернулись в город, мне не хотелось оформлять документы по командировке, и я поспешил домой.

К счастью, мои тревоги были напрасны. Жена встретила меня в отличном настроении.

— Ты пьешь молоко? — спросил я, зайдя домой.

Моя жена с довольным видом кивнула.

— Как, ты сама выходила за молоком? — удивившись, спросил я.

— Нет. Каждое утро один хороший мальчик приносил мне молоко. "Кеннойи, эта Ваша доля", — говорил он. Его зовут Умиджон.

Услышав эту новость, я обрадовался. В душе был признателен мальчику-молочнику. "Завтра нужно подарить ему что-нибудь", — подумал я. Во время поездки я купил дивный будильник, покрытый ажурной резьбой. Будильник был маленький, но очень громко звенел. Я решил подарить его Умиду.

Но права пословица "Тело доведу, а за душу не ручаюсь". Я крепко заснул. А проснувшись, увидел, что уже утро наступает.

Я спешно оделся, положил во внутренний карман приготовленный ночью подарок, взял банку и поспешил на улицу.

Но когда спустился вниз, испугался: «В чем дело?!»

Вокруг кривого старого дерева собралось много людей. Из их обеспокоенных и недовольных разговоров я узнал, что молочник Умид еще не приехал!

— Ждать его уже бесполезно, — сказал Рамиз ака после долгого зевания. — Раз до сих пор не подошел, уже точно не придет!

Услышав его слова, полненькая женщина беспокойно вскрикнула:

— Ой, что мне теперь делать? Сегодня нужно было испечь и пойти на чарлар¹! Мне очень нужен литр молока и банка сметаны. Ой-ёй-ёй, этот мальчик так подвел меня!

— Азизахан, не паникуйте! Вы еще успеете сходить на базар, — посоветовала одна из женщин.

— Ой, пока я схожу на базар полдня пройдет!

Озираясь на главную дорогу, люди постепенно начали расходиться по домам.

— Не случилось ли с ним чего? — пробормотал кто-то.

— Не говорите так, Умидик шустрый мальчик, с ним ничего не случится, — с уверенностью сказал его собеседник.

— А откуда вообще этот мальчик? Откуда он привозит молоко?

Человек, задавший этот вопрос приглушенным, надменным голосом, стоял в стороне и курил. На нем был пушистый шерстяной свитер, а на голове — куполообразная кожаная шапка. Посмотрев на его толстое, гладкое лицо, я понял, что он был одним из тех больших людей, про которых говорил Умид.

— И правда, откуда приезжает этот мальчик? — повторил его вопрос кто-то.

Покупатели посмотрели друг на друга. Кто-то пожал плечами, кто-то едва покачал головой. Так выяснилось, что никто не знает, где живет Умид.

— Что за безобразие? — ворчала знакомая мне старая русская женщина, стоящая рядом с худенькой женщиной.

По словам старушки, если ее внуки не попьют кофе с молоком, то ни за что не станут завтракать. Обидятся на бабушку и уйдут в школу голодными. Ведь, так они могут заболеть! Думая об этом, она очень переживала.

После долгого сетования она вконец разозлилась и начала ворчать о том, что администрация должна осуществлять строгий контроль и безжалостно наказывать безответственных, неаккуратных сотрудников, таких как Умидик.

Между тем утро наступило, и все вокруг окрасилось в молочно-белый цвет.

Кажется, богатому брату было стыдно присоединяться к маленькой группе людей и ждать какого-то бедного мальчика-молочника, поэтому он подошел ко мне и заговорил:

¹ Чарлар — приглашение новобрачных в дом родителей невесты через некоторое время после свадьбы

— У меня печень пошаливает. Врачи прописали молочную диету... — он внезапно замолчал и с тревогой оглянулся вокруг. — Посмотрите-ка, как этот мальчуган подвел столько людей...

В этот момент со стороны главной улицы завернул старый «Москвич». Он, качаясь, подъехал к нам и остановился. Сразу обе передние двери машины широко распахнулись, с одной стороны вышел водитель, с другой — Умид. Мрачный водитель, даже не оглядываясь вокруг, открыл багажник машины, а мальчик с трудом поднял тележку, на которой были устроены бидоны с молоком, и поставил ее на землю. Видимо, он очень спешил.

Умид протянул деньги водителю. Он молча сунул их в карман и поспешно уехал.

Умид потащил в нашу сторону свою телегу. Но неожиданно он остановился. На его лице, в глазах засияла какая-то радость, настроение было приподнятое. Мальчик, сияя от радости, посмотрел на нас и подбоченился. Наверное, он собирался сообщить очень важную, радостную весть. Удивленные его поведением, мы ждали неизбежного чуда.

Умид внезапно развел руками, как крыльями и торжественно выкрикнул:

— Я сегодня проспал!

Потом, довольный собой, он громко рассмеялся. Видимо, он наслаждался тем, что сначала удивил всех нас, а потом разочаровал.

— Что вы стоите? — воскликнул Умид, все еще не в силах сдержать свой смех. — Ну-ка, идите быстрее! Ведь мне надо успеть еще в школу!

Застывшие от удивления клиенты вдруг ожили и толпой нахлынули в сторону мальчика.

— Умиджон, я первый!

— Умидик, мы же старые друзья, сперва заполни мою банку!

— Умидбой, пожалуйста...

Я все еще ошеломленно стоял на месте. Образ радостного, счастливого мальчика стоял перед глазами, а его веселый голос, как чудесная музыка, звучал в ушах. Неожиданно я почувствовал что-то твердое с левой стороны груди. Я руками осторожно нащупывал. Ах, это был тот будильник, который я собирался подарить мальчику-молочнику.

Перевод с узбекского Мухаббат Юлдашевой

© Лукман Бурихан, 2021

МАРТА ВОХЕЧ

г. Краснодар, Российская Федерация

*Сколько себя помню,
писала всегда.
Вначале были детские дневники,
затем размышления о людях,
встречающихся мне по жизни.
Есть истории, которые не
забываются - хочется поделиться с
читателями.
Мои рассказы о небольших
приключениях, смешных и грустных.*

МОЛНИЯ ДЛЯ СОСЕДЕЙ

Эта история произошла лет десять назад. Жила я в пригороде Краснодара в станице всего два года. Уезжала в город на работу рано утром и возвращалась поздно вечером. Поэтому в станичной «жизни» не участвовала и новости узнавала последней. Была для местных жителей «приезжей» и с соседями почти не общалась. Знала немного тех, что были «забор-в-забор» и через дорогу. Соседи мои люди семейные и хозяйственные, примерно одного со мной возраста.

Домик я приобрела далеко не новый, и есть в этом свои достоинства. Фруктовые деревья при прежних хозяевах повзрослели, укрепились: и плоды, и ягоды на них были удивительно сочными, сладкими. А вдоль моего забора со стороны улицы росли три вишневых дерева: огромные, тенистые с пышными кронами. Усыпаны были крупными созревшими ягодами, сияющими на солнце как лакированные! В тот год был особенно богатый урожай на вишни.

Одним из летних вечеров, после работы, уставшая с дороги, добралась до дома, занесла сумку с продуктами, переложила в холодильник масло, кол-

басу. Включила телевизор. Слышу громкий стук в калитку. Выхожу, здороваюсь. Всматриваюсь: соседка, живущая через дорогу, а вид у нее какой-то странный. Я непроизвольно насторожилась.

- Ты что, не знаешь, что у нас тут было?! Что тут творилось!

- Не знаю. Только с работы приехала.

А она уже рассказывает взхлеб, при этом дергая плечами и разводя руками для пущей убедительности. Я слушала эту невероятную историю и в моем воображении предстала такая картина.

Соседка с мужем как-то ранним утром, вероятно, предварительно посоветовавшись, решили, что для меня одной вишен много и надо «помочь справиться со сбором урожая». Погода стояла хорошая, свежий ветерок, солнце еще не припекало. Самое благодатное время наведаться через дорогу за соседскими вишенками. Взяли парочку объёмных посуды, чтоб собрать и на компот и на варенье. Выбрали дерево с самыми крупными ягодами. И вот первые вишни упали на дно ведерок. Вдруг резким порывом ветра опрокинулись ведра, вихрь с пылью и мелким гравием как хлыстом стегнул по лицу и голым рукам... И на-ча-лось!

Черная туча накрыла станицу, ливень хлынул сплошной белой стеной. И для пущей остроты в старую трансформаторную будку, что на перекрестке, жажнула шаровая молния! Все осветилось как на фотоснимке негатива в черно-белом цвете. Бирюзово-золотистые змейки побежали поверх моего металлического забора. Все почернело, загрохотало, небо с землей стали единым целым. Любители дармовой соседской вишенки пали оземь на белы рученьки, мухой метнулись через дорогу и залегли под своим заборчиком в канавку. По всему кварталу в один миг перегорели холодильники и телевизоры. Людей охватила паника: крики, страх, куда бежать - на улицу или по домам? Собаки завывали, куры раскудахтались не своими голосами, вздумавший было кукарекнуть петух, с перепуту поперхнулся. Дети режут, кричат, верующие крестятся на купол церкви...

Я слушала и изо всех сил сдерживалась. Уже с первых ее фраз меня разбирал истерический смех. Перед моим внутренним взором предстало выражение физиономий моих соседей, наполненных благодатью и радостью от возможной помощи «приезжей». Затем мгновенно картинка меняется, - сборщики урожая на четвереньках, спринтерским скоком метнувшиеся к родному домику, с совершенно потерянными лицами... Ведра забрали позже. Горсть собранных вишен оставили под моим деревом.

Но самое интересное то, что в моем доме все электроприборы работали исправно. Ливень также обошел мой двор и дом стороной. Что это было? Загадка.

СКАУТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

*«...станешь взрослым. Будешь видеть и слышать как они,
а значит ничего не увидишь и не услышишь».*
Тове Янссон

Лето. Выходим с внуком Павликом, семи лет, на детскую площадку. Присаживаюсь на скамейку в тени, достаю книгу, приготавливаю читать. Метрах в четырех от меня детский «грибок» со столиком и высоким деревянным бордюриком. Там уже играют две девчущки шестилетки. Между детьми завязывается беседа. Убеждаюсь, что мой Павлик и его новые знакомые в безопасности, погружаюсь в чтение, не теряя из виду детей.

А ребяташки затеяли игру в «кафе». Павлик берет инициативу в свои мужские руки - он теперь хозяин данного заведения с двумя помощницами. На бордюрике - «витрине» стали появляться листики-тарелочки, наполненные песком, украшенные травинками и цветочками. По всей видимости, это бутерброды, салаты, пирожки и прочая снедь. Павлик готовит из сырья, что добывают девчонки. Дети увлеклись игрой, переключаются, обсуждают меню, цены на свои изделия.

«Хозяин» придорожного кафе подбадривает девчонок:

- Официанточки, нам надо все успеть, скоро посетители будут!

Девчонки отвечают звонкими голосами, суетятся, наводят порядок. И не остаются незамеченными. Через какое-то время к ним подъезжают два велосипедиста - мальчики лет по десять. Они спрашивают:

- Что это тут у вас?

«Официантки» наперебой расхваливают свои изделия и предлагают попробовать. Внук изо всех сил трудится на «кухне» - стучит «ножом» - палочкой по подставке, «нарезает» продукты. Ребята хоть и постарше, но принимают правила игры. Уточняют - что и почём. «Покупают», то есть, выбирают бутерброды, салат, «расплачиваются» листиками подорожника. Хозяин выдает еще и чек. Всё законно. Сделка состоялась. Все довольны, кафе начинает приносить доход - игра становится еще интересней.

Подъезжает на самокате другой посетитель. Ненамного старше моего Павлика. Такого мальчика трудно не заметить. Одет в униформу цвета хаки - все новое с иголочки. Пухлый - с красными щечками и уже с животиком, туго стянутым кожаным ремнем. Самокат новый, цвета камуфляжа. Множество разноцветных значков украшают его грудь. Брючки с накладными карманами, рукава, так и хочется сказать гимнастерки, закатаны, на голове пробковый шлем. (Я определила его как «скаута».)

Скаут пристально всматривается в суету вокруг грибка. Тот же вопрос, что и у предыдущих посетителей:

- Что это тут у вас?

Официантки рассказали о своей продукции, предложили «попробовать» и обязательно купить. Мальчик надувает щеки, исподлобья рассматривает изделия и выдает

- А я у вас сейчас тАк заберу!

Сотрудники кафе вместе с хозяином застыли в недоумении. Одна из девочек все же пытается объяснить, что надо покупать:

- Деньги есть?

- Я заберу! - и этот Мальчиш-Плохиш попытался схватить бутерброд.

Да не тут-то было! Официантки вместе с хозяином, раскинув руки, телами накрыли свою продукцию. Скаут пытается пробиться к бутербродам, действуя локтями, но ему мешает самокат, с которым он не желает расстаться. Девчонки ногами отпихивают назойливого посетителя. На всю детскую площадку поднялся крик и гам, как в стае скандальных воробьев! Я закрываю книгу, возможно, придется вмешаться, чтоб не началась потасовка. Скаут осознает, что терпит поражение в неравном бою. Отъезжает на безопасное расстояние, но уступать не собирается.

- А чё это вы тут раскомандовались? Кто вам разрешил своими пирожками торговать, а?

- Иди отсюда! – кричат наперебой хозяева «грибка» - кафе, раскрасневшиеся и растрепанные.

Самое интересное, что и скаут уже весь в игре! Грозит кулаком:

- А я на вас в налоговую заявлю! Сейчас приду с полицией, пусть проверят! И вас кроют. Вы не можете торговать, где хотите.

Ну, надо же мальчишке оправдать статусность своего серьезного костюма. В ответ дружный трехголосный хор:

- Давай, катись колбаской!

И это еще не конец деятельности кафе под грибком. Я уже и забыла про свое чтиво. Какое там чтиво - вот она, жизнь - кипит и влечет.

Опять появляются два первых посетителя:

- Что тут у вас?

- Вот, он... а мы ... а он!..

Звучит не очень складно, но дети понимают друг друга. Велосипедисты рассматривают новый товар, который девчонки после битвы приводят в порядок, опять «покупают» и, немного подумав, предлагают:

- Мы вас охранять будем!

И уезжают. Эдакие «робингуды». Они ж все равно купили, не забрали изделия в счет своего покровительства.

Скаут осознает - тактику надо менять. Напряженно соображает. Играть-то хочется. Но, другому общению со сверстниками никто и не научил. И мальчишка сам, в конце концов, находит мудрое решение. Предлагает:

- А я вам, тогда, лимонад поставлять буду.

Все соглашаются, дружно решают, что лимонад любят все. Новый сотрудник отправляется налаживать поставку напитков.

Я смотрела на эту сцену и думала: вот наша жизнь, наши социальные слои и взаимоотношения. Здесь и труженики общепита, и налоговая с полицией у кормушки, и «крыша» вовремя подросла.

Нам, взрослым, надо учиться у детей. «Крыша» защищает, но бутерброды покупает. Грозный скаут, позавидовав деятельности кафе, решил, что лучше быть поставщиком сладкого лимонада и приобрести новых друзей, чем продолжать войну.

Хуриид Дустмухаммад
г. Ташкент, Республика Узбекистан

*Хуриид Дустмухаммад
(Хуриид Дустмухамедов)
родился в Ташкенте.
Окончив среднюю школу,
учился на факультете
журналистики Ташкентского
Государственного университета.
Кандидат филологических наук.
Член Союза писателей
Республики Узбекистан.
Его первый рассказ
опубликован в 1981 году
в журнале "Гулистан".*

*В 1989 году вышла на свет его первая книга
"Домик в глубине двора".*

*Хуриид Дустмухаммад три раза признан
"Лучшим писателем года" (2000, 2016, 2019). Его рассказы
переведены на русский, арабский, корейский и турецкий языки.*

ТЫ – МОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ

*Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше,
если бы у них были такие жены, как у Достоевского.*

Лев Толстой

1

Какую же девушку стоит выбирать для создания семьи? Моя избранница...

– Конечно же, умную.

– Нет, я бы выбрал заботливую...

У ангельски чистой двадцатилетней Анны защемило сердце. Она устремила по-детски доверчивый взгляд на стоявшего к ней боком Фёдора Михайловича. Невысокого роста писатель держался прямо, и казался намного выше. Он задумался, поглаживая кончиками пальцев коротко остриженную темную русую с рыжим оттенком бороду. И вдруг, будто мелькнуло наконец-то искомое слово, торопливо заговорил:

– Непременно должна быть любовь! Чтобы семья жила счастливо, одного уважения вовсе недостаточно!

У Анны перехватило дыхание. Несколько дней назад она даже предста-

вить себе не могла, что может встретиться с таким человеком, как Достоевский, не говоря уже о беседах наедине в его доме, тем более о любви, о семье. А теперь... вот уж счастливый случай!

Анна была слишком юна, чтобы объяснить случившееся, да и не время сейчас рассуждать о таких вещах – известный писатель диктует ей свой новый роман. Анна прилежно, слово в слово переносит на бумагу все услышанное.

Вот уже больше десяти дней писатель поглощен «Игроком». Когда по утрам девушка спешно появлялась на пороге, он уже размеренно шагал по комнате. Анна едва успевала приготовить карандаш с бумагой, он тут же продолжал диктовать с того места, где остановились накануне. Писатель до того рассеян, что не может запомнить даже имя этой кроткой девушки, которая ежедневно приходит в его дом и целыми днями усердно работает с ним. Он останавливает свое повествование, внезапно поворачивается к ней и спрашивает:

– Как вас величать?

Мастерски стенографирующая переписчица удивленно поднимает голову: такие вопросы повторяются по несколько раз в день, и ей становится смешно. Чтобы не расхохотаться, она прикусывает губу и мысленно жалеет писателя... А писатель не может оторвать глаз от изгиба густых бровей, прямого изящного носа, широкого, чуть выпуклого лба, лунно-белого личика этого милого и очаровательного создания. Ожидая, затаив дыхание, следующего слова девушка, вдруг заливается румянцем, склонив голову, прячет взгляд, но писатель этого не замечает, потому что хоть и смотрит пристально на Анну, не видит ее. Его губы медленно начинают шевелиться – тихий шепот превращается в крик: «...полюбить в пятьдесят пять лет не счастье, а самое что ни на есть несчастье. Да что тут говорить! Этот бедолага генерал влюбился в нее до безумия – такая любовь губит человека, просто губит!.. Ведь девушке-то всего двадцать пять! Вы представляете?! Как ей быть?!»

Анна, сочувствуя той двадцатипятилетней Полине, стала постоянно думать о ней как о близкой подруге. По дороге к дому своей сестры Маши размышляла то о Полине, то о писателе, создающем образ этой воображаемой героини. За чаепитием она красноречиво, с воодушевлением делилась с сестрой и ее мужем своими впечатлениями о Достоевском. Когда прощались, сестра неожиданно отвела ее в сторону:

– Слушай сестрица, перестань болтать всякую чушь. Не увлекайся пустяковыми грезами, – произнесла она участливым тоном и сморщила нос. – Слава богу, твои мечты несбыточны. Сама подумай, моя хорошая, он болен, жена умерла, говоришь, что он по уши погряз в долгах... не подпускай близко к сердцу этого человека, не стоит.

Неуместный намек сестры вывел Анну из себя.

– О чем ты, Маша? – сказала она в сердцах. – Разве я сделала что-то плохое, в чем ты меня обвиняешь?! Прошу, не думай, что я размечталась. Я просто несказанно рада, что мне посчастливилось познакомиться и беседовать с таким мудрым человеком и замечательным писателем, как Достоевский. И вот что, он крайне внимателен ко мне и учтив.

Анна ни капельки не соврала сестре, выложив все как на духу. Беспочинные намеки сестры задели ее. Всякий раз, когда она вспоминала надменно

произнесенные ею слова, она вспыхивала, не находя себе места от острой обиды. Боже, что будет, если эти слова дойдут до Фёдора Михайловича?

От этих мыслей у девушки душа уходила в пятки и, как заклинание, она шептала едва слышно: «Нет, нет! Он не слышал! Совершенно!» Она переставала беспокоиться, но... неужели она полюбила Фёдора Михайловича? Неужели в ее душе расцветают нежные цветы великого чувства, называемого любовью? Нет, никак нет. Что она несет? В голове не укладывается. Это просто безрассудство!

Если так, почему тогда на следующий день после завершения романа – тридцатого октября – она пришла к нему в полном параде? Неужели это сделано, в надежде понравиться человеку похожему на старика? Боже мой!.. Целый месяц ходила в одном и том же черном суконном платье, а в тот день надела сиреневое. Как только вошла, лицо Фёдора Михайловича засияло.

– Прелестно! Очаровательно! – громко воскликнул он. – Вы чудесно выглядите в этом платье, Анюта! Оно весьма и весьма украсило вас!

От восхищений и похвал у Анны чуть ли не закружилась голова. Даже через несколько дней она вспоминала, как была тронута тогда его похвалой. Перед глазами сменялись одна за другой картины: то Фёдор Михайлович увлеченно диктует свой роман, то бросает изумленные реплики, то неожиданно проявляет бесконечную любезность. С чего бы? Почему же Анну так пленит это? Почему не покидают ее эти мысли, почему донимают, изводят ее?

Фёдор Михайлович пришел к Анне домой в знак благодарности за преданность и оказанную услугу. Визит почтенного гостя стал приятным событием в семье. Рассудительность, скромность, незаурядный ум и красноречие гостя вызвали симпатию Анны Николаевны, матери Анны.

После долгой приятной беседы гость собрался домой. Прощаясь, у порога он неожиданно произнес:

– Анна Григорьевна, умоляю вас, давайте доведем до конца последние главы «Преступления и наказания». Если я не сдам их редактору в условленное время...

В эти минуты Фёдор Михайлович напоминал ребенка, который вымаливает у матери разрешение погулять. Разве могла Анна оставить просьбу писателя без внимания? У Фёдора Михайловича волосы, как обычно, гладко зачесаны назад, небольшая прядь падает на лоб, глаза выражают беспредельную смущенность.

Он не осмелился договорить, что клятвенно обещал редактору Любимову в письме «Преступление и наказание» принести до двадцатого декабря. «Однако, мое положение непомерно бедственное – в моем кармане ни гроша. Великодушный Николай Алексеевич, в эти дни мне крайне необходимы пятьсот рублей, прошу Вас, одолжите их, пожалуйста, в этом случае мой долг перед редакцией составит шестьсот рублей...», – писал он.

В ушах Анны эхом раздавались надменные нравоучения старшей сестры: «... говоришь, что он по уши в долгах – не смей подпускать такого человека близко к сердцу...».

Анна Николаевна, не ведая, о чем задумались гость и ее дочь, слегка подтолкнула Анну – мол, ответь же. Девушке стало неловко оттого, что она своими неуместными раздумьями заставила ждать гостя. Покраснев, не под-

нимая ресниц, она произнесла:

– С превеликим удовольствием, я готова вам помочь, Фёдор Михайлович. Но что скажет наш учитель Ольхин? Может быть, он к вам отправит кого-то другого?

Видать гость не ожидал такого ответа.

– Нет-нет, – сказал он впопыхах. – Ну что вы, разве ваш учитель может так поступить? Я ведь привык к вам. Понимаете? С вашими подругами я работать не смогу. И еще ... если вам самой не по душе, тогда – что ж поделаться...

Тихий и решительный голос Фёдора Михайловича звучал сипло. Но этот сиплый голос уже овладел душевным покоем и волей Анны.

Сердце девушки тревожно колотилось, она не успела ответить ни гостю, ни матери. Фёдор Михайлович выскочил на улицу. Если бы он ушел молча, то оставил бы Анну в омуте бесконечных мук. Но, слава богу, сделав несколько шагов в сторону экипажа, писатель внезапно остановился, шагнул обратно и сдержанно сказал:

– Когда пойдете на учебу, передайте мою просьбу своему учителю. Он поймет мое положение...

Проводив гостя, Анна хотела заняться своими делами, будто ничего особенного не случилось, но не смогла – умоляющий голос Фёдора Михайловича, его слова, скрытый намек, вынудили ее запереться в спальне.

Он сказал: «Анна Григорьевна», сказал: «умоляю вас» ... Как он красиво говорит! Человек, из-под пера которого вышли необыкновенные произведения: «Бедные люди», «Белые ночи» – стоит у порога и умоляет! А «Неточка Незванова»! Еще не читала «Записок из подполья»... А «Записки из Мертвого дома»... Девушка вспомнила роман из тюремной жизни и слезы хлынули из глаз. Перед глазами предстал его герой, ей казалось, что он живой человек, ее близкий знакомый:

«Арестант по имени Сироткин глядит на вас, как десятилетний ребенок...». Нет, это не Сироткин, а сам Фёдор Михайлович смотрит с детской доверчивостью и тоской.

Сердце Анны сжалось... наконец, она произнесла шепотом слова, которые терзали ее, стояли комом в горле со вчерашнего дня, с тех пор, как вернулась от сестры и как прославленный гость посетил их дом: «Неужели он тоже полюбил?»

Анна подбежала к кровати, словно опасаясь, что кто-то ворвется в комнату через окно, будто только что произнесенные ею слова остались на подоконнике. Она не смела даже оглянуться – ночную тишину нарушали тревожные удары сердца, казалось, что грудь вот-вот разорвется на части...

Анна не знала, удалось ли ей до рассвета хоть ненадолго сомкнуть глаза. Три дня она страдала не от бессонницы, а от мучительных размышлений, ставших источником этой бессонницы. Она настойчиво боролась со своими мыслями. Утром четвертого дня она собралась куда-то, оделась, приготовилась к выходу, но вдруг невольно оробела. Причиной этого она посчитала тревожнения и мысли, которые в последние дни цепко держали ее в своих тисках. Открыв крышку фортепьяно, она начала играть один из грустных и нежных романсов, соответствующий ее теперешнему настроению... «Не буду думать», – решила она, пытаясь погрузиться в чарующий мир мелодии. «Я ведь к вам

привык» ... Девушка тряхнула головой, будто не желая слышать слов, не покидавших ее, желая утонуть в ласковых волнах дивной мелодии. «Понимаете?» ... Анна покачала головой. Звуки романса наполняли комнату... Анна одна в комнате? Нет-нет! Мелодия и полные мольбы слова Фёдора Михайловича здесь, в этой комнате вместе с Анной! Сколько бы ни старалась девушка отогнать их, они преследовали, не покидали ее. Все сильнее сжимались тиски смутения, из которых она тщетно пыталась вырваться все эти три томительных дня. «И еще... если вам самой не по душе, тогда что ж поделать...» Анна покачала головой, сказав про себя: «Нет», – покачала головой. Мелодия достигала самых высоких нот. Анна вскрикнула: «Нет!» «Передайте мою просьбу своему учителю. Он поймет мое положение...» «Нет! Нет! Нет!» – повторяла Анна, встряхивая головой. Льющаяся мелодия кружила вокруг нее, скользила по тонкой лебединой лилейной шее девушки, сливалась со словами «Нет! Нет!» Уютная комната была озарена этой светлой чистой мелодией. С какой целью произносилось «Нет!», было ли оно отрицанием или признанием чего-то – не понимали не только окружающие, но даже оказавшаяся во власти необъяснимого безумия сама Анна ...

То ли задрожали длинные пальцы, то ли грустный романс подходил к концу, громкое звучание, постепенно утихая, начало растворяться в тиши комнаты... вдруг в коридоре раздались шаги. Анна не в состоянии была услышать их.

Звуки шагов приближались, только-только обретающее умиротворение сердце девушки вновь встрепенулось... Обернувшись, она увидела, что на пороге, не отрывая от нее взгляда, преисполненного боли, мольбы, надежды, тоски, стоял Фёдор Михайлович!..

Увидев незваного гостя, девушка от удивления не могла сдвинуться с места. Было видно, что и гостю не по себе. Не в силах подавить волнение он произнес:

– Анна Григорьевна, а вы знаете, какую глупость я учинил? Хочу вам признаться... я очень тосковал. Если бы я прямо сейчас, сию минуту, не увидел бы вас, от тоски меня разорвало бы в клочья, Анна!.. Я знаю, мне не следовало бы приходить... Мне крайне совестно перед вашей матушкой и перед вами...

– Нет, нет, что вы, Фёдор Михайлович, – наконец заговорила Анна, чтобы развеять неловкость, и устремила навстречу гостю. – Я только собиралась выйти... Если желаете, вместе поедem в экипаже.

«Желаете?!» Что за вздор! В эти мгновения он отдал бы жизнь, чтобы оказаться с кроткой и невинной Анной в одной карете.

Сани, запряженные долгогривой рыжей лошастью, ветром мчались по занесенным ослепительно сверкающим снегом улицам Петербурга, унося совсем не подходящих внешне, но готовых, как капли воды, раствориться друг в друге достаточно зрелого Фёдора Достоевского и ангела во плоти – двадцатилетнюю Анну Сниткину.

Эти два блаженных создания не осознавали о чем вслух, а порой безмолвно беседовали, пока ехали. Лишь одно маленькое событие врезалось в память: отчего-то на повороте в переулок сани внезапно дернулись и накренились. Анна неожиданно потеряв равновесие, непроизвольно, оказалась в руках Фёдора Михайловича, ловко подхвативших ее за талию. Глаза у благос-

питанной Анны блеснули, как молния! Увидев в них отражение то ли гнева, то ли недовольства, Фёдор Михайлович не на шутку растерялся. Он немедленно отпустил ее, словно схватил горящие угли.

– Не беспокойтесь, не упаду, – холодно процедила Анна.

– Ах, если бы упали...

Сконфуженный писатель не решался смотреть девушке в глаза, но был рад пришедшей на ум шутке. Тотчас на обретшем строгое выражение лице девушки появилась улыбка, будто она сердцем почувствовала радость, скрытую в душе спутника.

2

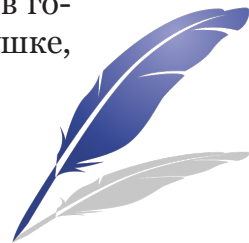
Некоторые свои рукописи, личную переписку Достоевский хранил в изящном деревянном ларце, который подарил ему около десяти лет назад его друг, казах Чокан Валиханов. Опустившись на колени у ларца, он рылся в стопках бумаг. Рукописи, письма... Фёдор Михайлович их не перечитывал, он в томительном ожидании прислушивался к каждому шороху за дверью.

К сожалению, дверь плотно закрыта и, казалось, не откроется в ближайшем будущем. Достоевский взглянул в окно. «Погода солнечная», – подумал он и снова склонился над ларцом. «Как блестит! Аж слепит глаза. Только взял в руки, тут же уронил...» Дрожь прошла по телу Фёдора Михайловича: «Неужто не найду?» Одну за другой он доставал стопки из ларца, расшвыривая бумаги в разные стороны. Посмотрел на часы – три пополудни. Понаблюдав за улицей, посмотрел в небо: хоть день и безоблачный, солнце тусклое... Прислушался: «А вдруг я не заметил?!» Заново начал складывать бумаги. «В последний раз я её нашел вот здесь, в правом углу... Глаза, к сожалению, слабели, кончиками пальцев бережно взял, от сильного сердцебиения задрожали руки. «Ах, лишь бы не уронить. Лишь бы успеть положить на ладонь, тогда не потеряю. Вот! Наконец... Эх-х-х-х...» Только нашел, только достал – снова укатилась с ладони, упала в ларец, исчезла... «Двадцать пять... скоро уже полчас... Она никогда так не опаздывала... Стало быть...» Достоевский посмотрел в окно – день был ясный, светило солнце, но лучи были какие-то блеклые, померкшие!

У Фёдора Михайловича помутнело в глазах. «Не дай бог, еще припадок начнется», – с тревогой подумал он. Всю беду он видел в жемчужине, которую нашел во сне в этом ларце. «Сам виноват! А счастье было так близко. Упустил... Может быть, в тот день мой поступок в санях показался ей оскорбительным? Неужели она восприняла ту шутку как унижение? Ведь я не желал ей упасть, а имел в виду, коли упадете, мне посчастливится поддержать вас... Нет-нет, Анна чуткая девушка, она сообразительная, проникательная. Она...» Когда Фёдор Михайлович уже отчаялся отыскать в ларце жемчужину, вдруг распахнулась дверь, комната озарилась, будто в ней взошло солнце!

– Нашел! Наконец-то нашел! – вскрикнул Достоевский, подбежав к двери. От радости глаза у него горели, как раскаленные угли. – Я начал паниковать, что не смогу найти. Нашел! Сам бог вас привел, Анна!

Неожиданно Достоевский запнулся, в глазах его поселилась печаль, он испытующе взглянул на девушку. Потер ладони, будто моет их, наклонив голову к плечу, недоуменно постоял, потом торопливо приблизился к девушке,

со словами: «Анюта, голубушка, как вы озябли!» Ласково приобняв ее, снял с нее шубу, осторожно развязал бант ее капора.

– Пришла пешком, поэтому опоздала, – сказала Анна виноватым тоном.

– Пешком?! А я все глаза просмотрел. Ждал, не отходя от дверей. Тысячи мыслей вертелись в голове: опасался потерять вас, весь в тревоге ждал вас, Анна!

Порой глаза Достоевского то радостно вспыхивали, то становились бесконечно грустными. Из-за того, что правый глаз был покалечен, трудно было уловить общее выражение. Анна определяла его настроение по левому глазу.

– Фёдор Михайлович, немного раньше вы сказали «потерял». А что вы потеряли? Говорите «потерял», затем «нашел», о чем это вы?

Убедившись, что Анна действительно пришла, писатель начал успокаиваться. Его рассмешил вопрос Анны.

– Во сне, Анна Григорьевна, я долго разбирал бумаги из этого ларца и вдруг нашел жемчужину. От восторга я не знал, как быть, но, едва положив ее на ладонь, снова потерял. Аня, вы понимаете, потерял жемчужину из руки!

– Почему тогда разбросаны рукописи? – спросила девушка, намекая на открытый ларец.

Лицо Достоевского стало напряженным. Сейчас писатель походил на человека, сломленного невыносимым горем. Он бессильно прислонился к дверному косяку, с надеждой посмотрел в окно, впал в задумчивость, будто забыв, что в комнате не один. Когда девушка решила, что ее вопрос остался без ответа, писатель подавленно заговорил:

– Вы опаздывали, мне казалось, что прошла целая вечность. Отчаявшись, я начал искать в ларце жемчужину. Не нашел!

– Так ведь она вам приснилась, Фёдор Михайлович?! То, что видели во сне, можно ли найти наяву?

Она громко рассмеялась. Но опечаленному писателю было не до смеха. Анна взяла себя в руки.

– Вы верите снам? – спросила она довольно серьезно.

– Очень! Очень верю! Если бы вы не пришли, если бы я не нашел жемчужину, если... солнце светило бы тускло, я бы тоже... не представляю даже, какими были бы последствия...

Почувствовав глубокую серьезность Достоевского, увидев, как дергается правый глаз, Анна решила немедленно сменить тему. Она вспомнила, что у него может случиться приступ эпилепсии, ей стало очень страшно...

...В течение двадцати шести дней, пока «Игрок» переносился на бумагу, всякий раз, когда Анна появлялась в доме, Фёдор Михайлович ни с того ни с сего во всех подробностях рассказывал ей, чем занимался, с кем виделся, даже о мыслях, посещавших его, не забывал рассказать. А девушка, еще не очень хорошо знакомая с его привычками, подобные «отчеты» слушала мило улыбаясь, с восторгом и большой охотой.

Анна никогда не задавала вопросов, писатель неизменно сам начинал беседу. Но сегодня Анна отважилась спросить, ибо, по ее мнению, у нее не было иной возможности отвлечь Фёдора Михайловича от его нынешнего состояния. Поэтому девушка уверенным голосом обратилась к своему расстроенному собеседнику:

– Фёдор Михайлович, где вы побывали вчера, позавчера, может, что-нибудь написали?

Результат оказался превосходным: Достоевский засиял улыбкой, даже правый глаз заблестел от удовольствия. Видимо интерес девушки для Достоевского был очень кстати.

– Замышляю новое произведение.

– Новое произведение? Не завершив начатое?

– Оно стоит того, чтобы остановить «Преступление и наказание».

От удивления изогнутые брови Анны приподнялись, ее искрящиеся глаза стали еще выразительнее.

– Что вы говорите, Фёдор Михайлович?! Ведь осталось совсем немного!

– Откажусь, милая, и от «Преступления и наказания», и от «Игрока». К недоработанным местам даже не притронусь.

– О чем же это произведение, чем же оно вас так очаровало?

Этот вопрос был очень своевременным.

– Хотите – расскажу? – Он стремительными шагами дошел до дальнего угла комнаты и, не оборачиваясь, с ребячьим запалом повторил свой вопрос: «Рассказать?»

Повернулся, посмотрел на девушку хитрым взглядом и расплылся в улыбке.

– Если можно... С радостью послушаю.

– Можно! И не просто можно – крайне обязательно! Только вам могу рассказать о нем, Аня.

Анна тихонько присела в мягкое кресло-качалку. Стоя перед девушкой, подобно оратору, который собирается выступить с пламенной речью, Фёдор Михайлович прокашлялся, не зная, куда девать руки, сунул их в карманы короткого камзола, затем вытащил, степенно сложил и начал свой рассказ:

– Немолодой художник, примерно моего возраста... Родители давным-давно отдали богу душу... Ни братьев, ни сестер. Одинок. Нелюдим до умопомрачения. Лицо неизменно угрюмое. Да еще вдобавок рука парализована – результат тяжелой болезни, которую перенес в детстве. На картинах своих изображает сирот, нищих, христарадников, несчастных, которые всю жизнь прожили в казематах... Рисует травы, потоптанные людьми...

Достоевский то расхаживал, склонив голову между креслом Анны и окном, буквально в пяти-шести шагах, левая рука безжизненно свисала над животом. Анна отлично знала, что писатель погружается в образ своего героя, но не ожидала такого мрачного начала.

Тяжело вздохнув, писатель продолжил:

– В такое время, когда человеческая жизнь не стоит и ломаного гроша, вряд ли найдется глупец, который оценил бы подобные картины... Только глупец может ценить отъявленного глупца...

Достоевский хоть и стоял спиной к окну, но в глазах его сверкали отблески гнева, через мгновение эти искры угасли.

– Там, где нет глупцов, такие картины не покупаются. А у художника нет другой цели в жизни, кроме как писать картины. Его единственная здоровая рука постоянно занята кистью. Будучи глубоко несчастным, он живет жизнью всех несчастных мира сего, захлебывается слезами, запершись в тесной квар-

тирке... Бедный художник не видит ни участия, ни почитания со стороны хоть какого-нибудь бескорыстного раба божьего, не говоря уже о его произведениях, отголосках его горьких слез...

Достоевский стоял напротив креста, висящего на красном углу, порой его голос становился громким, порой едва слышным, писатель то замечал это, то не обращал ни на что внимания, невозможно было определить, рассказывает ли он новое произведение, или же молится богу.

– Обиженный жизнью художник давно смирился со своей тяжелой судьбой... Однажды, несмотря на трескучий мороз, он отправился к ростовщику и отдал в залог свой зимний теплый кафтан. На эти деньги он намерен был купить краски и бумагу. Возвращаясь от ростовщика, он услышал крики и плач в доме своих соседей. Войдя к ним, увидел погибшего под колесами экипажа пьяницу-отца и оставшуюся без единой копейки его многодетную семью. Представляете, нет денег даже на похороны! Нет денег, чтоб по-человечески предать земле человека, который пришел в этот мир человеком, народил детей, но не сумел, как подобает главе семейства, содержать четверых родных, ни в чем не повинных малышей и единственного близкого человека – их мать, а потому заливал горе зельем, бесславно прожил драгоценную жизнь и умер, как таракан?..

Анна, будто сама была повинна в этой горькой участи, резко вскочила с места, глядя на Фёдора Михайловича. Он стоял задумчиво, будто устав от повествования. Под густыми усами заметно дергались губы писателя.

– В «Униженных и оскорбленных» вы тоже описали жизнь таких обездоленных...

Достоевский, вздрогнув, повернулся к девушке.

– О каких «Униженных и оскорбленных» вы говорите?!

– Я о том романе... вы же сами написали... Князь Ихменев, Наташа... Нелли...

– Нет, не помню такого произведения... Откажусь от него! Ради того, о чем рассказываю, откажусь от всего. Слышите, от всего!

Потерявшая дар речи Анна затаила дыхание. Писатель продолжил рассказ:

– Художник достал из кармана единственный целковый и протянул вдове... Нет, он не отдал в руки, оставил на краешке стола... Сам в легкой одежде, кашляя, в стужу отправился к себе домой, где было холоднее чем на улице...

– А вы знаете, Аня, если человек, лишенный счастья, захочет подарить счастье другому несчастному, знаете, что будет?!

Анна не отводила широко открытых глаз от Достоевского. Писатель сам ответил на вопрос:

– Станет сто раз несчастнее!

Не представляя, сколько еще горя обрушится на живописца, девушка, судорожно привстав, снова села, сжав кулаки и внимательно глядя на писателя.

– Если вдруг привыкший к своему неблагополучию несчастный осознает, что не сможет сделать добро хотя бы раз в своей жизни... о-о... это трагедия! Легче поднять земной шар, чем стерпеть эту боль! Господин художник этого не понимал, даже если понимал, не ожидал, что может получить отказ.

- Что за отказ? – тяжело дыша, спросила Анна.
- Ведь он страстно влюблен в одну прелестную девушку...

Достоевский вдруг резко повернулся, стремительно подошел к Анне, секунду постояв напротив нее в оцепенении, быстро отвернулся и направился к двери. Торопливо, с раздражением проговорил:

– Ишь ты, чего захотел, у самого-то ни полушки за душою, даже кафтан умудрился заложить ради несозданной картины, а туда же... признаваться в любви невинной девушке?! Какого черта?! Куда тебе, голодранцу, говорить о любви, и по какому праву?!

Анна поджала ноги, прижав кулаки к сердцу:

– Возможно, эта любовь принесет художнику счастье, но какой толк бедной девушке от его любви?

– Девушка... бедная...

– Любовь старой души может ли осчастливить молодую девушку?

– Любовь... счастье... м... м...

Казалось, будто тело Достоевского вдруг сужилось, уменьшилось. Он наклонился набок, подобно человеку, который долго стоял на одной ноге и падает, теряя равновесие. Широко раскрыв глаза, он с мольбой смотрел на девушку. А она не могла вымолвить ни слова.

– Вы представьте себе: художник признается в любви, говорит девушке, что намерен жениться на ней, как быть девушке?

– Согласиться...

– Согласиться? А если он болен, несчастен, впереди его ждет беспросветная жизнь?

– Согласиться хотя бы ради ранимой души художника, ради его благородного сердца, способного к состраданию...

– А если художником был бы я, – как гром с дальних небес прозвучал голос Фёдора Михайловича, – а на месте той д-девушки оказались бы вы?

Анна вскочила с кресла, подбежала к окну, сделала глубокий вдох, будто жадно впитывая лучи пламенеющего огнем солнца, затем подошла к кресту, стоя перед ним, поправила волосы, воротник, длинный подол, опустила голову, потерла руки, словно они онемели так, что захрустели пальцы. Потом несколько мгновений постояв молча, внезапно взволнованно шепнула:

– Я... я, я бы ответила, что буду любить вас до конца своих дней...

3

Когда Фёдор Михайлович проснулся, за окном стоял полдень, приготовившая завтрак Анна Григорьевна, хлопотала по дому, двигаясь бесшумно, как кошка.

Она позвала мужа к столу. Писатель был угрюм, в подавленном настроении, словно всю ночь его мучила зубная боль. Наспех позавтракал, не проронив ни слова.

Анна убрала со стола и вопросительно посмотрела на мужа. Она немного поправилась, увеличившийся живот прибавил женского очарования ее девичьей нежности.

Фёдор Михайлович почувствовал смущение жены.

- Читаешь Жорж Санд? – выдавил он из себя.
- «Отца Горио», – ответила жена.
- Хорошо. Сначала прочитай все произведения Бальзака, а после начнешь Жорж Санд. Так лучше.
- Сейчас... дай-ка я помогу тебе...
- А сейчас, сделаешь то, что советовала мадам Барроу. Ты обязана соблюдать ее рекомендации.

Фёдор Михайлович привел домой мадам Барроу, одну из самых опытных повитух Женевы, она тщательно осмотрела Анну, дала много полезных советов, в том числе порекомендовала ежедневные прогулки на свежем воздухе.

– А ты? – тихонько спросила Анна. У Фёдора Михайловича перекошилось лицо. Анна видела, что на этой неделе ее муж ходит мрачнее тучи, поэтому не стала продолжать разговор и собралась на прогулку.

– Будь осторожна, далеко не уходи, – сказал муж, когда она закрывала за собой дверь.

Оставшись один, Достоевский бросил взгляд на заваленный бумагами рабочий стол, не решаясь подойти к нему. «Во всем сам виноват! – подумал он. – Зачем я взял эти двести рублей?! Думал: за один присест напишу! Опрометчиво, очень легкомысленно поступил. За это время завершил бы «Идиота», чем писать статью о Белинском. К чертовой матери эти деньги. Имел бы хоть немного средств, я в двойном размере вернул бы их, избавился от долга и необходимости писать статьи».

Не приведя в порядок разбросанные бумаги, писатель начал писать письмо своему другу Майкову. Ему нравилось писать письма – писал по десять писем подряд, подробно изливая на бумаге душу, испытывая облегчение.

«Друг мой, Апполон! Как плохо, что погода поменялась, – начал он свое послание. – Климат в Женеве давно не был таким непредсказуемым. Наверно, ждал нашего приезда. Как только переехал в Женеву, начались припадки, да какие! Каждые десять дней по припадку, потом дней пять прихожу в себя... Вдобавок, статья о Б. меня тяготит. Не могу закончить. Нас спасают те деньги, что вы прислали. Передавайте от нас, бродяг, поклон Анне Ивановне».

Вернувшись с прогулки Анна, увидев мужа в приятном расположении духа, вздохнула с облегчением. В такие минуты у Фёдора Михайловича развязывался язык, он так убедительно преподносил всякую бредятину, что жена и не замечала, как принимала все за чистую монету.

– Погода к нам неблагоприятна, но нам терять нечего, возьмем да и уедем, – едва увидев на пороге жену, торопливо начал Достоевский, будто тотчас готов был собрать вещи. – Добудем немного денег и уедем в Париж! Ты обязательно должна увидеть Париж, пока я рядом, душечка! Мы с тобой будем гулять по Парижу, Анюта, по Парижу!

Анна Григорьевна с улыбкой наблюдала за суетсящимся, как ребенок, мужем, потом произнесла:

– А мадам Барроу советовала повременить с переездом.

Нетерпеливо расхаживающий по комнате Фёдор Михайлович, как только вспомнил это, сразу поостыл, превратился в сдержанного, степенного человека, оглядывая жену.

– В самом деле, – сказал он, держа в ладонях руку беременной супруги, – наш первенец родится в Женеве, не так ли?

– Даст бог...

...Почти каждая беседа супругов начиналась с мечты о первенце и заканчивалась трепетным ожиданием встречи с сыном или дочерью. В тот день во время вечерней прогулки они остались верными своей традиции. Проходя мимо переливающейся всеми красками радуги огромной стеклянной стойки ювелирного магазина, Фёдор Михайлович остановился.

– Вот получу гонорар за «Идиота», придем с тобой прямиком сюда, – сказал он серьезно, – сначала я сам подберу тебе украшения, что мне по душе. Вон те серьги с изображением креста, ту брошь с бирюзой, потом... – Писатель, не зная, что еще «выбрать», смутился.

Анна Григорьевна улыбнулась. Достоевский, оставаясь серьезным, невозмутимо обратился к жене, как богатей, у которого денег куры не клюют: – Затем ты выберешь, что хочешь... а я буду стоять в стороне и только платить. Слушай, нам нельзя забывать про нашего первенца – какая разница, мальчик или девочка, ты кое-что выбери и для него, на счастье. Поняла?

Анна громко, от души рассмеялась. Своими нежными, белыми кулачками толкая в спину Фёдора Михайловича, заставляя расстаться с иллюзиями:

– Надолго ли хватит денег, которые прислал нам Аполлон Николаевич? – спросила она.

Обычно отсутствие денег Достоевский воспринимал крайне болезненно, когда об этом заходила речь, мог говорить долго и горячо. Но сейчас ему не захотелось говорить об этом, и он сменил тему:

– Написал Аполлону письмо. Недавно отправил. Премного благодарил. Передал привет от тебя.

– Фёдор, – вдруг нахмутив брови, сказала жена, – есть ли у нас знакомый на улице Р.?

Достоевский посмотрел на жену вопрошающе, будто не понял, о чем его спрашивают. Анна повторила вопрос:

– У нас есть близкий знакомый на улице Р.?

– Какая такая улица Р.? – все еще не собравшись с мыслями, Достоевский задал встречный вопрос. Густой пар из его рта и носа, на секунду задержавшись перед его глазами и лбом, тут же развеялся.

– Да та, что за двумя холмами.

– Ах, да-а-а, говоришь, улица Р.? – вдруг оживился Достоевский. – Так там мадам Барроу проживает!

– Почему ты ходишь туда каждый день?

– Каждый день? Ну, да. Каждый день хожу туда и запоминаю ее дом. Если не буду ходить, то забуду дорогу к дому этой повитухи. Мы же не знаем, когда начнутся схватки, днем или ночью! Разве не так?! Вдруг придется бежать за ней ночью! Чтобы потом не плутать, раз в день бываю на той улице. Кто приведет ее, если не я?

Анну давно не удивляли странности мужа, но сейчас, после давешних его ребячеств, она вдруг смягчилась, узнав, с какими тревожными мыслями он живет. «Если начнутся схватки... другого помощника у меня нет... От кого мне ждать поддержки? Врачи маме не разрешили приехать ко мне... Бог мой...

верю в тебя одного... ты моя единственная опора... Спаси его, сохрани... не дай, чтобы в тот день у него случился приступ! Господи, помилуй, не оставляй нас!», – мысленно молила бога Анна.

С приближением срока ее душу все сильнее терзала тревога, но она скрывала это от мужа, у которого и без того обострилась болезнь. Фёдор Михайлович тревожился не меньше, эпилепсия обрекала его на адские муки, но все переживания он скрывал.

В ночь на двадцатое февраля Анну внезапно поднял с постели громкий стон и грохот. Она, сонная, ринулась в переднюю. В тусклом свете увидела мужа, которого бросало из стороны в сторону, он весь был в пене, хлеставшей изо рта, протягивая скрюченные судорогой руки, как утопающий, молящий о спасении. На этот раз приступ был сильнейшим, он ужасно хрипел, у страдающей Анны не было сил слушать и видеть страдания мужа. Она, не издавая ни звука, истово молилась: «Господи! Господи, упаси! Не дай, чтобы сейчас у меня начались роды!» По ее бледному лицу струились слезы.

– Боженька, смилуйся! Ах, как долго длится припадок! Помоги нам, Господь наш милостивый и милосердный! Никогда так долго не длился! Прошу, не жалей милости для нас на чужбине, пощади невинного раба своего!..

Искренняя молитва Анны была услышана Богом: приступ стал проходить. Фёдор Михайлович пару раз икнул, его дрожащее тело свернулось калачиком, затем он глубоко вздохнул и, наконец, успокоился. Аниной благодарности Всевышнему не было предела. Она благодарила бога, в то же время опасаясь, что последствия припадка могут отразиться на самочувствии мужа, что он не сможет прийти в себя в течение целой недели. Анна решила сейчас оставить его в покое, это единственный способ помочь ему. Посему весь день она провела в полном молчании, не трогая мужа, не прибирая его постель.

Ближе к вечеру, еще до наступления сумерек, Фёдор Михайлович прилег и крепко заснул. Анна осталась один на один со своими сладкими грезами, опасениями и обрывками черных мыслей. А утром на рассвете... Анна, с трудом преодолевая то и дело возникающую резь, в муках хватала зубами простыню. Боль повторялась снова и снова. Она лихорадочно дернула простыню, край которой держала зубами, простыня с треском порвалась.

– О-о-й-й-й, м-а-а-мочка-а! – не выдержала Анна. – Ф-ё-ё-дор...

Тот не шевельнулся. Анна затихла, прикусила губу. Ни за что не стала бы будить мужа, если бы не схватки!

– Ах-х-х, Фёдор!.. Не напугать бы, не приведи Господь... Фёдор... Боже, как больно! Ой-й-й! М-м-м!..

Рука Анны коснулась плеча мужа. Достоевский тотчас поднял голову.

– Что случилось, душа моя? – спросил он спросонья.

– Кажется, началось. Ой, умираю...

– Ах, моя дорогая! Сейчас, милая, погоди немного!

Услышав грустный и растерянный голос мужа, Анна обрадовалась. Она собиралась что-то сказать, но тут глазам своим не поверила: муж снова, положив голову на подушку, засопел, как младенец. Теперь Анна испугалась не на шутку. За окном завывал ветер, что-то гремело, мир окутала крошечная тьма. Она расплакалась. К счастью, боль утихла. А перед рассветом...

– Фёдор! Фёдор Михайлович, родненький, вставай скорее! – Анна от

сильной боли крепко зажмурилась, а когда снова открыла глаза, увидела кружащийся вокруг нее, как мотылек, силуэт мужа. Фёдор Михайлович, не зная, что делать, поглаживал то лицо, то руки жены, то прижимался губами к ее покрытому холодным потом лбу, повторяя: «Сейчас! Сейчас, милая! Я сейчас сбегаяю!», поправляя одеяло, будто это может облегчить боль.

Волоча за собой каким-то образом попавший ему в руки кафтан, он побежал к выходу, в темноте споткнулся обо что-то... стул с грохотом опрокинулся. Громко захлопнулась дверь. Анна застонала. Дверь вновь открылась, вошел Фёдор Михайлович. Налил немного воды, поставил к ее изголовью и заботливо сказал:

– Анюта, радость моя, попей водички и потерпи чуть-чуть. Я мигом, одна нога там, другая здесь. Приведу ее, все будет прекрасно, солнышко!

Фёдор Михайлович прибежал к знакомым до боли воротам на улице Р., к которым в течение двух месяцев ходил каждый божий день, и изо всех сил нажал на кнопку звонка. Горничная, привыкшая к подобным звонкам, протирая глаза, кутаясь в шаль, открыла дверь и ушла черепашьими шагами. От нетерпения Фёдор Михайлович задыхался. Не чувствуя пробирающего до костей ветра, он расхаживал возле ворот, то держа руки за спиной, то нервно взмахивая ими. Наконец, появилась горничная.

– Госпожа вернулась поздно, я не смогла ее разбудить, – невозмутимо произнесла она.

От такого безразличия Фёдор Михайлович чуть не заплакал. Не зная как быть, он озираясь по сторонам, затем подбежал к воротам и, изо всей силы нажимая на кнопку звонка, стал безостановочно звонить.

– Немедленно прекратите!

– Позовите хозяйку сейчас же! Позовите, слышите?! Иначе я вдребезги разобью окно! Ну-ка живо!

В это время показалась мадам Барроу. Она узнала Фёдора Михайловича и велела горничной разбудить извозчика.

Когда они приехали, Анна была спокойна. Увидев ее в таком состоянии, повитуха, предупредив, что младенец родится ближе к вечеру, уехала, пообещав приехать позже вместе с няней.

Сегодняшний день был самым длинным и самым беспокойным в жизни Достоевского. Он не отходил от жены, слыша стенания Анны, он страдал вместе с ней, прижимал к своим щекам ее дрожащие руки, ласково поглаживал, беспрестанно целовал их, если бы мог, он был готов взять на себя всю боль жены.

После обеда схватки возобновились. Достоевский не отводил глаз от двери, но мадам Барроу не появлялась. Фёдор Михайлович выбежал на улицу. Пока шел до красноватых ворот с небольшим окошком на улице Р., от быстрой ходьбы обливался потом.

– Скорее! – закричал он, едва увидев горничную. – Скорее, зовите!

– Госпожи нет дома, – ответила та, брезгливо глянув на жалкого писателя.

– Найдите! – заорал Достоевский по-французски. Затем выругался по-русски забористым матом и закричал: «Спалю ваш город треклятый! Весь мир сожгу дотла! Найди ее сию же минуту, говорю тебе!..»

– Ее нет дома, – сторонясь, равнодушно повторила горничная.

Достоевский остолбенел, его осенило. Ощупав карманы, он откуда-то вытащил десятифранковую бумажную купюру, стремительно подошел к горничной и всучил ей деньги.

– Вот, это вам, возьмите, получу гонорар, еще дам! Скажите, где мадам Барроу?!

Только после этого горничная кивнула в сторону соседних ворот, всего через два дома. Писатель едва сдержался, чтоб не ворваться в указанный дом тотчас.

– Мадам Барроу! – закричал он, стоя у решетчатой калитки. – Мадам Барроу! Если не поедете, порекомендуйте мне другую повитуху! Она измучилась! Барроу!

– У-у... Как же мне надоел этот назойливый русский Иван, – вышла Барроу с кислым лицом, брюзжа себе под нос.

– Как получу деньги за роман, в долгу не останусь, обрадую обязательно! Идемте скорее, мадам Барроу! Все, что заработал, отдам вам, не пошплюсь! Бедняжка совсем измучилась!

Пока Фёдор Михайлович привел мадам Барроу с няней, Анна совсем ослабла.

– Ой-й, ой-й-й!.. Не могу больше... Фёдор!.. М-а-мочка! М-м-м!..

– Отойдите, не смотрите! – велела мадам Барроу Достоевскому, сама же не спеша подошла к изголовью Анны.

Фёдору Михайловичу казалось, что старуха нарочно медлит, к состоянию роженицы относится наплевательски.

– Ладно, не буду смотреть, – быстро ответил он. – Только скорее помогите ей, прошу вас, поторопитесь, мадам!

Повитуха сквозь очки взглянула выпученными глазами на Достоевского, спокойно положила ладонь на живот Анны, приложив ухо, послушала.

– Матушка, пожалуйста, будьте осторожны с моим мужем! Не огорчайте его! О-о-й-й!.. Посмотрите, как он? – еле шевелила пересохшими губами Анна.

– Б-о-о-же, даже не знаю на кого из вас смотреть, ребенка ты будешь рожать или муж?! Первый раз вижу такую цепляющуюся друг за друга пару, – раздраженно пробурчала старушка. – Чего вы уставились?! Не смотрите, что вы за мужчина?!

– Мадам, ради всех святых! Матушка!.. Скорее сделайте что-нибудь!.. – Достоевский упал на колени у постели. – Богом прошу!..

– Хорошо, хорошо, вот сам малыш уже начал двигаться, вот, сейчас, – похоже, мадам Барроу, решив успокоить мужа, стала ощупывать бока Анны, едва дотрагиваясь до них. – Дочка, ты ужасно боишься боли. Надо потерпеть. Дитя рождается, станешь матерью. Считаешь, что материнство – это так легко? Не кусай губы... Язык тоже постарайся не кусать... Слышишь, убери его, сейчас тебе полегчает... Вот уже, во-от...

– Анюта, мой ангел, не высовывай язык! Убери его, родная! – стоявший поодаль Достоевский мгновенно оказался между старушкой и няней.

– Не смотри же!.. – застонала Анна.

– Отойдите, господин, вы мешаете...

– Выйдите! Выйдите отсюда!

– Так и быть! Выйду! Господи!..

Достоевский подошел к окну, причитая: «Что же мне делать?! Что же мне делать?!» Потом обеими руками схватил бархатную штору и прижал к лицу.

– Где мой муж? – нетерпеливо спросила мечущаяся от боли Анна.

– Он здесь, – успокоила ее няня. – Здесь твой муж, вон, на коленях, молится, – громким голосом добавила мадам Барроу.

И в самом деле, Достоевский, встав на колени, прикрывая ладонями лицо, шепотом молился богу, склонив голову.

– Ребенка берегите, ребенка, – просила Анна, забыв про свою боль. – Если не дай бог, он ушибется, мой муж не выдержит этого....

– Бог наш, всемогущий, пожалей мою супругу, облегчи ее страдания!.. Сохрани нашего первенца, будь ему защитой, Господи! Сохрани наше единственное дитя! О Боже, милосердный!..

Непрерывно молясь, Достоевский вдруг почувствовал, что не он, а кто-то другой молится рядом с ним.

– Ой! Ой, как больно! Господи, где же ты?! Единственный, мой-й?!

Писатель прильнул щекой к ее колену. Продлились эти вопли и стоны еще немного, он сошел бы с ума. Охваченный паникой Достоевский только хотел прикрыть руками уши, как Анна истошно закричала. Где-то сверкнула лампа, от яркого света в закрытых глазах Достоевского зарябило, он едва успел открыть их и поднять голову, как комнату заполнил громкий крик новорожденного.

Фёдор Михайлович совершенно оглох, кое-как заставил себя повернуться к постели жены и ахнул от удивления. В руках повитухи малюсенькое существо, широко открыв ротик, кричало во весь голос, оповещая мир о своем пришествии. Не находя сил подняться, Достоевский на четвереньках подполз к постели. Слезы, омывая его лицо, текли по бороде, мокрой щекой он прикоснулся к рукам жены, всхлипывая, жадно целовал каждый палец.

– Господи... – еле слышно произнесла Анна.

– Господи... – произнес Достоевский, все еще не смея посмотреть ни на супругу, ни на повитуху, ни на няню.

В эту минуту раздался уверенный и торжественный голос мадам Барроу:

– Девочка. Поздравляю!

Перевод с узбекского языка Шахло Касымовой

© Хуршид Дустмухаммад, 2021

Ирина Карнаухова

г.п. Мачулищи, Республика Беларусь

*Ирина Карнаухова -
организатор и руководитель народного
клуба композиторов и поэтов
«Жывіца» ГУ «Минский областной центр
народного творчества».*

*Серьезно заниматься творчеством
начала с 1997 года.*

Издано 30 сборников (14 – для детей).

*Лауреат Минской областной премии
(2015) в области литературы.*

*В мае 2018 г. присвоено почётное
звание «Курский соловей».*

Член ОО «Союз писателей Беларуси»

*(с 2014), член Союза писателей Союзного
государства (с 2016),*

член Союза курских литераторов (2018).

МЕЖДУ МИСТИКОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

ТЫ КТО?

Развитая образность часто играла с ней плохую шутку. Стоило головой коснуться подушки и закрыть уставшие от напряжения веки, как сразу вся картина прошедшего дня с яркостью проплывала перед глазами и в мыслях: и кому что сказала, и как отреагировала на бестактность директрисы... Переваривала свои ответы на претензии бухгалтера, вспоминала недовольство в переполненном вагоне метро и т. д. Будильник показывал два часа пять минут. «Боже! Что же это за ерунда такая! Спать! Утром же на работу... Спать! Спать...», – она повторяла эти слова, как мантру, переворачиваясь с одного бока на другой. Но наконец-то, Морфей своими чарами успокоил и расслабил напряжённое тело...

Едва начало светать, она, лёжа на боку лицом к стене, неожиданно почувствовала: кто-то аккуратно укладывается рядом и начинает тихонечко перетягивать на себя одеяло. Повернуться и посмотреть она не смогла: страх так сковал тело, что оно было как парализованное, бесчувственное – будто чужое. В каком-то непонятном состоянии мозг судорожно искал ответ на вопрос: кто это? Ведь она жила одна и в квартире никого не может быть. Грань между сном и реальностью исчезала. Страх всё усиливался, переходя в панику. Сердце с грохотом (как ей казалось) зачастило в полной тишине и чуть ли не выскакивало из груди. Ей понадобились невероятные физические усилия, чтобы разомкнуть свинцовые веки и повернуть в другую сторону непослушное, словно придавленное бетонной плитой, тело...

Рядом никого не было. Что за мистика?! Ведь ощущения были настолько

реальны! Начиная успокаиваться, она посмотрела в окно, за которым растворялась странная ночь, уступая место новому дню. Заснуть дальше не смогла, вновь и вновь возвращаясь к странным ощущениям. Чтобы снять напряжение, она начала по пунктам выстраивать план работы на день. Ещё немного полежала и поднялась. В ванной в зеркале она увидела напряжённое лицо с тёмными кругами под глазами. Умылась. На кухне заварила кофе. Ароматный напиток взбодрил. Но эта ночь настолько её взбудоражила, что при воспоминаниях вновь появлялись неприятные ощущения: от волос на макушке головы до кончиков пальцев на ногах пробегали неприятные мурашки.

Пообщавшись в течение дня на работе с коллегами, а вечером по телефону – с подругами, пересказывая ночные видения, получила совет: если такое повторится, то необходимо пришедшему «гостю» задать вопрос: «Ты кто?» Ответ обязательно будет. Таков закон мироздания (чему она была немало удивлена): рядом с нами существуют параллельные миры. Возможно, это и был потусторонний пришелец.

Лишь через несколько лет, когда появилось достаточно разнообразной литературы и телепередач с подобными примерами, она убедилась, что с нами рядом, действительно, есть другие сущности, которых надо без боязни принять как факт.

ПРОЩАНИЕ

Алька, брат одноклассницы, умер в Санкт-Петербурге от аневризмы мозга. События, после которых из жизни ушли один за другим все члены экипажа самолёта Олега, которого с детства все звали Алькой, не раз обсуждались с его мамой – тётей Таней. В одном из полётов над снежными просторами Новой Земли возле летящего ИЛа завис НЛО. Второй пилот придвинулся к окну, чтобы лучше разглядеть инопланетный корабль. Яркий луч пронзил кабину. А потом... После этой встречи в течение полугода весь экипаж был списан с лётной работы по состоянию здоровья. Второй лётчик вскоре скончался от сильного облучения. Алька, благодаря друзьям и знакомым родителей, попал в прекрасные руки профессора медицины Натальи Бехтеревой, специализирующейся на сложных проявлениях болезней мозга. Живя в Питере и находясь под постоянным наблюдением, он, видимо, получил в подарок от высших сил ещё несколько лет жизни. Умер Алька в сорок восемь лет. Родные приняли решение о подзахоронении в могилу отца чаши с прахом сына, которую мать привезла после кремации.

По просьбе тёти Тани для подготовки прощального стола я после работы приехала к ней домой. Алькина сестра, тёзка Ирина, прилетела из Москвы утром. На их уговоры остаться с ночёвкой дала отказ: надо было переодеться, да и лучше было самых близких оставить вместе.

В электричке мысли постоянно крутились и возвращались к последней встрече с Алькой – на похоронах его отца, дяди Володи, полковника в отставке. Друзей у их семьи было много. Это была дружба с шестидесятых годов, когда среди лётчиков по-настоящему ценились помощь, совет, поддержка... Да и праздники и радости были общими... Раньше жилось как-то проще и честнее. Поминки дяди Володи родные решили делать дома и только с самыми близкими. Пока мы что-то резали, крутили, жарили, Алька ловко управлялся с при-

везённой сёмгой. И всё старался положить мне в рот какой-нибудь вкусный кусочек. Смущаясь, отказывалась, но он улыбался и настойчиво уговаривал. Это позже тётя Таня признается, что я нравилась её сыну. И сожалел: если бы не его болезнь... И вот прошло лишь полгода...

Электричка остановилась на моей станции. Горели фонари. Основное работающее население городка давно дома. Сойдя, вдохнула свежего соснового воздуха и, не торопясь, пошла домой.

После трудного рабочего дня и подготовки к поминкам до полоннадцатого заснула быстро, как будто провалилась в яму. В предрассветный час неожиданно почувствовала, что кто-то тихонечко и аккуратно присаживается около меня на диване, придавливая пружины. Большого страха не было, но в странных ощущениях напряжённо замерла. Почему-то подумала про Ангела... Глаза не открывались: что-то сдерживало это сделать. Через несколько секунд ощутила прикосновение щеки с небритой мужской щетиной. Господи!.. Мгновенно подняла веки: рядом никого нет... Но как всё было реально! Начало шестого... За окном сумрак ночи сменяла серость утра. Заснуть дальше не получилось.

В чёрном свитере и такой же юбке, стоя у зеркала, смотрела на себя. Почему-то до сих пор не исчезло ощущение ночного касания к левой щеке. Странно это всё... Когда приехала к тёте Тане, друзья семьи только собирались на поминки. Чтобы не мешать приходящим людям, мы с Ириной ушли на кухню. Там я и рассказала об утреннем посещении. «Это Алька приходил к тебе прощаться, – сквозь рыдания произнесла Ирина. – А почему не ко мне?» Я стояла в смущении, растерянная, и не знала, что сказать.

КОНКУРС - СКАЗКА

В одном красивом сосновом бору Птичья академия решила провести песенный конкурс, чтобы выявить новые таланты, узнать, чьё пение будет самым красивым, волнующим, и пригласить к себе на стажировку.

В назначенный день и час на одной из солнечных полянок собрались конкурсанты с разных концов бора и, чтобы тоже попробовать силы в состязании, даже прилетели представители соседнего леса. Членами жюри были почётные пернатые академии – скворец (ещё тот подражатель и пересмешник!), жаворонок (один из ярких птичьих вокалистов) и соловей (кто же не слышал его удивительные рулады!). Они расположились в тенёчке на одной из веток дуба.

Первой начала конкурсное выступление синица: она прилетела раньше всех. Её теньканье и ритмичность повторения звуков было разным по тембру исполнения и высоте звучания, а количество слогов в напеве – почти пяти композиционных типов. Собравшиеся пернатые зрители с одобрением приняли выступление. Пара воркующих горлиц, к сожалению, разочаровала жюри: оно ожидало услышать красивый необычный дуэт. Но вместо слаженного пения каждая из птиц старалась выделиться, солировать и мешала напарнице, вытягивая от усердия без того длинную шейку. А следующее выступление двух дятлов порадовало многих: то поочерёдные, то совместные ритмические разнообразные удары по сухому стволу сосны не оставили равнодушными никого. Щегол представил себя в современном стиле: его песня была живой и красивой с быстрым набором разнообразных щебетаний, трелей и тресков.

Лес заполнялся всё новыми и новыми звуками и пением. Наконец, очередь дошла до вороны. Она демонстративно медленно прошлась по соседней ветке рядом с жури, остановилась, развела крылья и запела:

На кар-каррррете у карррдинала
Карррандашами кар-карррапуз
Черрртил каррряво кар-каррракала,
И каррравеллу, и карррту туз.

– Стоп! Достаточно, – прервал жаворонок ворону.

– Милейшая, – добавил соловей, – можете быть свободны.

А скворец, глядя на ворону, передразнил: «Кар-каррравеллу и карррту туз!» А потом добавил:

– Нет, дорррогая, отвррратительно! Лучше поучите аррию торрреадоррра и прррриходите в дрррругой рррраз.

– Как?! – закричала возмущённая ворона. – Я лучшая представительница семейства врановых. А Вы!.. Вы!..

– Ну хорошо, – миролюбиво произнёс соловей. – Спойте, пожалуйста: «Со-ло-ве-е-ей, со-о-ло-вей! Го-ло-о-си-сты-ый со-о-о-о-ло-вей. Ты ку-у-да, ку-у-да-а-а ле-тишь...»

– Вы издеваетесь, маэстро?! Устроили здесь... не знаю что!..

Да, это пропел МАЭСТРО! Ведь лучше его голоса в округе не найти. Недаром он был главным академиком Птичьей академии.

– Да вы поёте, – продолжала возмущаться, нахохлившись, ворона, – только один месяц в году. А так вас и не слышно. Я же постоянно: хоть летом, хоть зимой радую наш бор прекрасным пением! Да и вы, – ворона кивнула в сторону жаворонка и скворца, – вообще за границу улетаёте. На солнышке греетесь, в тепле нежитесь. А мы родные края не покидаем, потому что патриоты. Кто скажет, что это не так?

Черноглазая уже летала перед зрительской аудиторией, размахивая крыльями. Воронья шатия-братия поддерживала коллегу, одобрительно подкаркивая-поддакивая.

– Но при чём здесь патриотизм? Мы же в академию набираем солистов-вокалистов, – зацокал скворец и продолжил дальше под одобрительные кивки других членов жури: – Вот и конкурс проводим, чтобы отобрать лучших и...

Ворона не дала договорить и опять громко закаркала:

– А я, значит, худшая?!

– Ну нет. Но... как вам сказать... – снова пытался утихомирить взъерошенную чёрно-серую птицу соловей. – Вот если бы вы не так картавили и немного поучились петь, то шанс у вас был бы.

Ворона села на ветку рядом с жури.

– Я?! Учиться?! Да что вы понимаете в современном искусстве! Ваша классика никому не нужна. А вот мой рррэп – таким простым, как и я, птицам.

И как только она это произнесла, все сородичи, слетевшиеся на конкурсный отбор, взвились к небу и дружно закаркали: «На кар-карррете у карррдинала...»

Окинув растерявшихся членов жури победоносным взглядом, ворона повернулась и полетела к хаотично кружащейся чёрной туче.

Виталий Лозович
г. Воркута, Республика Коми

Виталий Лозович - более тридцати лет проработал кино и телеоператором в Воркуте. Немного работал в Салехарде, в ГТРК "Ямал". Летал часто в Арктику, от Карских Ворот на острове Вайгач до мыса Челюскин на Таймыре. Снимал пограничников на Вайгаче, на Ямале, на Таймыре, а также геологов, газовиков, оленеводов Арктики.

Публиковался в журналах: "Аврора", "Север", "Дальний Восток", "Волга 21 век", "Автограф" (Донецк), "Союз писателей", "Урал", "Мир Севера" (приложение к "Литературной России"). Издал несколько книг: роман "Тёща для всех", роман "Опрокинутый мир", роман "Тайси", три сборника рассказов и повестей.

ЗА ДУХОВ НЕБА И ТУНДРЫ!

В феврале-месяце, в середине "десятих" годов нашего века под Воркутой случилась беда. В полусотне километров южнее города бригада оленеводов перегоняла стадо оленей через железнодорожный путь. Стадо большое - сотни голов. Выходили животные на насыпь не спеша, озирались по сторонам, хоркали носами да принюхивались к земле, выискивая корм. Олени, в отличие от тех же коров, идут сами, подгонять их невозможно. Кнутом здесь не пощёлкаешь. С юга в это время на полном ходу шёл товарный порожняк - шестьдесят вагонов под уголь на обогатительную фабрику Воркуты. Утро было мгlistым, светало медленно, видимость метров пятьсот...

Когда машинист тепловоза заметил на путях стадо оленей, вначале даже не понял, что происходит, потом понадеялся, что оленеводы отгонят оленей с путей, потом решил тормозить... Время было потеряно.

Олени переходят дорогу не по одиночке, не волчьей вереницей, а широким ходом, бок о бок, гурьбой.

На свистящих тормозах, на скорости километров в семьдесят, тепловоз, за которым тянулось более полусотни вагонов, врезался в стадо словно грузовик в курятник. Первый десяток оленей тут же взвились в воздух и, пролетев метров сорок над тундрой в разные стороны, упали бездыханно в снег, харкая горлом, дрыгая ногами да истекая кровью. За ними последовала другая

партия оленей, что переходила дорогу чуть в стороне и была ещё больше, выстроившись в ряд, словно на убой. Тепловоз прошёлся по ним, словно на пути и не было никого, словно мягкие игрушки взлетали вверх и там уже разрывались на части, окрашивая снег красными, кровавыми пятнами. Когда состав, наконец, остановился, в тундре стоял лишь один сплошной хрип умирающих животных. Погибло около сотни оленей, десятая часть стада.

На место происшествия прибыли представители прокуратуры, следственный комитет, полиция. Ходили по путям, по целине снежной, считали убитых животных, определяли вероятность столкновения, что там ещё... На другой день оленеводы стали собирать остатки туш животных, что могли пойти в пищу, но уже к вечеру в тундре пошёл снег, подул ветер и в кутерьме метели подбирать оленей стало невозможно.

А через сутки с Баренцева моря в Воркуту пришла пурга. Настоящая пурга с оттепелью. Снег валил крупный, мягкий и влажный, прилипал ко всему до чего мог добраться. Город жил пару дней в одном белоснежном хаосе. Потом утихло. На пару часов вышло солнце. Было воскресенье. Проснувшиеся воркутинцы увидели довольно привычную картину - город засыпало. Вместо дорог и тротуаров образовались сугробы, на которых уже темнели глубокие проторённые тропинки, а вместо автомобильных парковок во дворах - снежные холмики из частных автомашин.

Савелий Гирский, сорокалетний мигрант из Украины, работал в Воркуте водителем грузового КАМАЗа. Возил шахтную породу на отсыпку, где прокладывали трубы газопровода, что тянулся с полуострова Ямал через Байдарацкую губу, а потом через Воркуту, через всю Большеземельскую тундру на юг и там уже далее на запад.

В Воркуте Савелий жил десять лет. Купил квартиру, благо что здесь это было недорого. Поначалу сменил несколько профессий: был шахтёром, экспедитором, штукатуром-маляром, каменщиком... Шахтёром долго не выдержал - хоть и парни там что надо, но темно внизу, под землёй. Тесно в шахтных работах. Не для него. Экспедитором просто не смог - побоялся, что воровать начнёт. На всякие малярные краски аллергия пошла. Вернулся к шоферской работе. На своей Украине, в Полтаве, водителем тяжёлого грузовика проработал не один год, потому и взяли без особых вопросов.

Через пару лет Савелий съездил в Полтаву, женился на раскрасавице местной - Наташке, увёз её на "север-дальний", в Россию. Наташка вначале ершилась, но потом, взвесив по-женски все "за" и "против", быстро поняла, что будущим детям лучше в пурге да накормленным, чем в украинском раю, да с перебоями, с регулярной неизвестностью - а что там завтра? А тут дочка родилась. Навали Оксаной. В квартире стало тепло, уютно. Ещё через два года родился сын - Володька. Наташка пыталась его в метрике записать по-украински, как Володимир, но Савелий сразу отрезал все попытки, заявив:

- Вот ещё! Будешь здесь дурью маяться! Чтоб смеялись над пацаном! В России живём.

Жить в Воркуте было непросто. Частных домов и частных дворов здесь не было. Куры не квохтали, как на родной Украине, петухи по утрам не пели, собаки по ночам не брехали на чужих. Так... орут да визжат иногда под окном

девки молодые, да бранная речь изредка рвётся снизу до его третьего этажа в стоквартирном доме. Зимой темно три месяца - с ноября по февраль - мороз под "сорок", метели такие, что соседнего дома не видно в тридцати метрах. В воздухе кислорода не хватает, деревья не растут...

Четырнадцатый год с новостями из Украины Савелий встретил холодно. На работе своим сказал лишь один раз по пьянке и больше не возвращался:

- Дурачьё тупое, на дармовую дешёвку подались! Нашли себе героя!.. Бандера! Кому "бандера", тому: чемодан, вокзал, Галиция! Правильно отец говорил - все они там ополяченные да об австрияченные. Это же надо так людей оболванить?

Сам по себе Савелий был человек прижимистый, накопительный. В сущности, как и любой прижимистый, порядочный да хозяйственный хохол. Возмущался на эту тему мило, словно оправдывался:

- Шо вы хотите? Я - хохол, южно-русский человек с примесью турецкой крови. У меня прадед, как у Шолохова там один у романе... сто лет назад дивку себе приволок из Турции... (имел в виду последнюю войну с Турцией 1877 - 1878 годов) с этой... как её городину?.. Кабулетти! Слышали такой посёлочек? Теперь Грузия. На кой мы её, Грузию эту, от турок спасали? Людей своих клали, русских, на закланье? Дурачьё!

Пару лет назад Савелий купил себе старенький снегоход, который то работал, то не работал. Прав на управление снегоходом у него не было, да и ездить ему, в сущности, на нём было некуда. Так... катался на авось в тундре возле города. Всё ждал - что случится первым в этих прогулках: снегоход сдохнет, или "гаишник" нарисуеться? Зачем купил? Сам не знал. Продавали за дёшево, вот и купил.

После случая на железной дороге со стадом оленей, потянулись по городу Воркуте слухи, что туш этих зарезанных в тундре сейчас столько валяется бесхозных, что можно весь город накормить.

Бесхозно? Как же так? Разве можно, чтоб бесхозно валялось мясо? Если бесхозно, надо прибрать... к рукам прибрать. По-хозяйски.

И засобирался тут же Савелий в тундру на своём снегоходе. Быстро собирался. Только пурга стихла, сразу и покатил. Даже выходной внеочередной выпросил у начальства, пообещав тому кусок оленей вырезки. Утром только пятилетнему сыну Володьке и сказал:

- Папа в магазин... далёкий магазин за мясом... будем сегодня строганину есть.

День выдался так себе. Пурга только-только утомонилась, намело много снега. Он простирался новыми, белыми "языками" по тундре от одного скопления кустов тальника до другого. Снегоход Савелия шёл легко. Солнца не наблюдалось. Ветер практически отсутствовал. Небо было хоть и в тучах, но не такое хмурое, как обычно перед непогодой.

На месте трагедии туш, зарезанных тепловозом оленей, практически и не было. Кое-где валялись ломанные рога да оторванные копыта. А так - пусто, снежно и не более. Пурга ещё присыпала. Однако Савелий не сдался и долго тархтел снегоходом вначале с одной стороны железнодорожных путей, потом с другой.

Мысль о дармовом мясе, Савелия мучила давно. Когда прикупил снегоход, она сама и всплыла наружу. Товарищи по работе иногда рассказывали, что всякие бесхозные олени часто бродят недалеко от города... если с ружьем поехать... понимаешь?

С ружьем, правда, как-то всё откладывалось, времени не было проходить комиссии, да курсы в полиции. А здесь такая удача! Это же просто дар небесный - поезд задавил сотню оленей! Вряд ли все туши оленеводы могли собрать. Пурга два дня шла, присыпало оленей снегом! Надо срочно ехать и хорошенько поискать.

В гараже Савелий достал собственноручно изготовленные санки-салазки в полтора метра длинной, с откидной задней частью. Санки представляли из себя обычный лист фанеры, загнутый спереди, вверх по форме лыж, которые были намертво привинчены по бокам. Сверху санок на рояльной петле сидела откидывающаяся часть, которая при желании могла увеличить площадь до двух метров. Конечно вид такого прицепа явно наведёт местных полицейский на всякие мысли... но, как говорится: не пойман - не вор! А на обратном пути он пройдёт до речки Воркута, и там по её руслу выйдет к городу со стороны ТЭЦ... если ехать вечером, то народу там не так и много. Проскочит. Дом у него на окраине города стоит.

Тушу своего оленя Савелий нашёл метрах в ста от места трагедии. Олень был уже приморожен, пурга его закидала снегом так, что сверху торчали лишь копыта в разные стороны, рога были обломаны напрочь, голова разбита. Похоже, олень этот встретил тепловоз "лицом к лицу".

Савелий, на всякий случай, оглянулся вокруг себя, тут же достал лопатку небольшую, за три минуты откопал тушу, уложил её на санки. Ноги оленя нелепо торчали по сторонам. Савелий достал топор и прямо на санях обрубил голяшки с копытами. Развернул заранее приготовленный брезент, перетянул им тушу, перевязал её капроновым шпагатом, осмотрел со стороны - на что похоже? Долго смотрел, пытаясь придумать, на что могло быть всё это похоже? На тушу оленя только и похоже, вынуждено согласился он.

Едва тронулся в обратный путь, как задул ветер, поднимая снег. Началась низовая метель. Низовая метель - это не страшно. Дует ветер, подхватывает снег, крутит его, но видно всё на километр вперёд.

Ветер был с запада. С запада - это в бок, когда по "железке" возвращаешься в город. Неудобно, но терпимо. А сейчас это даже Савелию выгодно - поменьше в тундру вылезет таких же любителей пожить оленьей, да и всяких "охранителей" порядка будет поменьше. А может позвонить своему напарнику Сашке, чтоб к оленьсовхозу подскочил на грузовичке? Прямо в тундру, в районе кладбища? Спрятали бы оленя за борта... Нет. Тогда придётся напарнику полтуши отдавать, или четверть. Обойдётся. О! Савелий похлопал себя по карманам. А телефон-то сотовый он дома в спешке позабыл. Вот дела! И ладно. Меньше будет соблазна напарникам всяким звонить. Главное - добраться до дома тихо. Довести тушу без приключений и лишних встреч с кем угодно. Мама дорогая, это же теперь у него полцентнера мяса дармового! Пятьдесят кило! Это если перемножить? Рублей четыреста за каждый килограмм? Двадцать тысяч выручки!

Через минут тридцать Савелий вышел на ручей с обрывистыми берегами, по ручью надо было пройти до речки Воркута. На ручье мело поменьше, русло было извилистым и ветру негде было разогнаться. На речке тоже будет потише, нежели в открытой тундре, там руслом пройдем до ТЭЦ, мимо трубы, до стадиона "Юбилейный", а от него триста метров и дома! Дворами. В пурге и проскачу

На очередном повороте ручья Савелий остановился. Остановился и замер. Ему даже показалось, что его "Буран" сам заглох от увиденного. Прямо перед ним, метрах в пятидесяти, из снега ручья торчал, гусеницами вверх, вездеход... Большой, мятый, грязно-зелёный вездеход. Лежал он здесь уже около суток, если судить по снегу, осевшему на гусеницы сверху. Высокий, обрывистый берег над ним был весь изрыт и вспахан от его падения, словно там бомбу взорвали.

- Это как же тебя? - застыл от страха да изумления Савелий. - Прямо со скалы кувыркнулся?

Он подкатил ближе, сошёл с "Бурана", осторожно прошёл к перевернутой машине. "Только, чтобы без людей", - вдруг заколотило от страха в голове, - "только, чтобы без людей"... Вездеход перевернулся, люди вышли и ушли в город за помощью... "Только чтобы без людей". Он склонился к водительской двери и крикнул что-то такое - "живые есть?" В ответ никто не ответил. Слава богу! Савелий открыл дверцу - пусто. Заглянул глубже - в полусумраке вездеходного салона увидел торчащие в разные стороны оленьи копыта... А-а... вот как? Ещё один любитель поживиться дармовым мясом! Савелий усмехнулся. Сколько ж здесь туш? Штуки три? Только он уже хотел влезть внутрь кабины, как откуда-то из полумрака вездехода раздался слабый хрип со стоном... Савелий вздрогнул, словно ему туша оленя копытом под дых ударила. Всмотрелся вглубь и увидел там скрюченного человека с намотанной на голове тряпкой.

- Ох, ты й-ё-ё! - вырвалось у него. - Ты кто? Эй, слышишь меня? - Он сказал, а весь мозг его пронзила страшная и холодная мысль - "Раненый!.. Да не дай бог!"

Быстро забравшись внутрь, Савелий увидел человека - парень как парень, лет тридцати, тряпка на голове была полотенцем, промоченным насквозь кровью. К обеим ногам в районе голени были привязаны по две небольших доски, похоже, выполнявших роль медицинских шин - значит, сломаны ноги. Не удивительно, такой кульбит на вездеходе сделать с обрыва. Стоя на четвереньках, Савелий аккуратно подхватил парня под мышки, потянул на себя к выходу, топчась по оленьим тушам коленями.

- По мясу ходим, мать твою! - выругался он.

Парень опять застонал.

С помощью "матери", совершавшей нехорошие разгульные поступки в своей жизни, а также вспомнив всю самую интересную физиологии человека, как женского, так и мужского рода, Савелий вытащил рывками парня наружу. Снаружи усадил его на снег, головой о вездеход. Парень открыл глаза, губы его дрогнули, и он спросил совсем тихо:

- Ты что тут делаешь?..

- Живой, - тяжело дышал Савелий, - ещё есть кто?

Парень мотнул головой и вскрикнул от боли.

- Кто будешь? - спросил Савелий, оглядываясь. Снег начинал крутить сильнее, вихри его рождались ниоткуда, столбиками снега, похожими на ёлочку, поднимались вверх. Когда низовая метель начинает мести легкими завихрениями, поднимая снег в небо, а ветер меняет направление - это лёгкое предвестие пурги на севере.

- Лёха, - ответил парень через силу, словно тяжёлый груз одновременно поднимал, - обрыв я не заметил, снег навалил, а "дворники" сломаны, залепило стекло... а тут ручей... перевернулся я.

- Ноги что?

- Поломаны... я очнулся - в крови весь... перевязать себя успел... кровь остановить не мог... может вена? Или, как её - артерия?.. Встать не могу... пробовал. Холодно.

- Вездеход чей? Искать будут?

- Личный вездеход... списанный он... не будут.

- Телефон есть? Позвоним в эмчээс.

- Телефон тут, - кивнул он себе на грудь, на внешний карман куртки, - пробовал. Не берёт. Далеко.

Савелий выругался ещё раз себе под нос, вновь оглянулся. А что оглядываться? Ручей как ручей, что тут смотреть? Что смотреть, что смотреть! А что делать?.. Как вот тут теперь? Куда его? За собой, на "Буран" не посадишь, ноги сломаны, голова висит... А место на санках занято... ну да... занято... а как?.. Эти санки... они вообще тут случайно, понимаете? Не раненых же брал перевозить? Это вообще... для мяса. Для оленя, так сказать ...

"А вот и твой олень, так сказать", - проговорил кто-то ему в голове. Тихо так проговорил, внятно.

Савелия ещё раз пронзила жуткая мысль, можно даже сказать не пронзила, она без разрешения поселилась у него в голове и теперь никуда не выходила - тушу оленя придётся оставить здесь! Выбросить!.. (Да что ж ты будешь делать-то, а?) От этой мысли заныло где-то под горлом. Так заныло сильно, что перехватило дыхание. На пару секунд у Савелия мелькнуло - а может положить парня на тушу оленя? А что? Шкура от человека нагреется в минуты! И Лёхе тепло, и олень останется. Глупо. Шкура не нагреется в минуты, потому что это не шкура, а туша! Замороженная туша. Ну да, оно и понятно, что туша, что глупо всё... просто... мясо жалко. И что прямо вот не поехал? Вдоль "железки"? Поехал бы прямо, никого бы не встретил... не мучался бы вопросом. М-да... хреново. Скотом становиться нельзя.

- Пуржить начинает, - выговорил парень, - делать что будем? - Глянул на Савелия и предложил, чтобы не навязываться: - Если что... не можешь... так езжай. В городе МЧС скажи, где я сижу... идёт?

- Да нет, не идёт, - тихо выговорил Савелий, ругаясь про себя какими-то новыми бранными словами, - куда тут езжай?

Он в который раз глянул на раненного парня злыми глазами, который сейчас просто воровал у него, таким трудом добытую оленину! Который сейчас просто обокрал его в одну секунду на полцентнера мяса! Который... А может?.. Или... Нет, не может. "Вот он твой олень" - просвистело чьим-то неуловимым голосом в голове Савелия и глаза его вновь уткнулись в парня.

Тушу оленя придётся бросить здесь.

От этой мысли внутри него всё перевернулось ещё раз от негодования и возмущения. О боже! Цель была достигнута так просто, так быстро. Полцентнера мяса... полцентнера мяса надо было сейчас просто вышвырнуть на снег... А может... Лёха сумеет на заднем сиденье? Может, сумеет удержаться? Да куда ему держаться со сломанными ногами да с головой, которая и так... висит вона как колбаса домашняя, когда свинку заколешь. Да что ж ты будешь делать-то, а ?!. Ну, что за жизнь?! Только нашёл! Только нашёл и тут же потерял!.. И не потерял, а выбросил даже!.. Тьфу!

Последние слова как-то злобно вышли. С шипением. Вырвались злобно, потому что афера его с олениной сорвалась так глупо, что... Он вздохнул тяжело, и стал отвязывать тушу от санок. Когда отвязал, поволок её в сторону, под обрыв, где намело много снега и тушу можно было просто зарыть.

- Ты лучше её в вездеход забрось! - из последних сил хрипло сказал Лёха.
- Там песцы не достанут.

- Ага, - кивнул Савелий, припорошивая снегом своё мясо, - потом эмчээсовцы вместе с твоим вездеходом и твоими тушами себе заберут... куда там!.. Нашли дураков!

Санки он разложил полностью, откинув площадку сзади. Ростом бог Лёху не обидел, да и весил он килограмм под девяносто. Вытянет его "Буран"?

"Буран" вытянул. Он даже вначале как-то излишне легко потащил за собой санки с Лёхой, замотанным в брезент, как только что была туша оленя. Прятаться теперь необходимости не было, Савелий решил ехать в город по прямой. Теперь получалось - чем они быстрее выйдут на людей, тем лучше. А если встретят вездеход в тундре - вообще красота! Тогда можно будет Лёху им, а самому назад за оленем... а?

На подъёме из русла ручья "Буран" забуксовал, вырвав из-под себя вихрь пережёванного гусеницей наста, да и выполз на равнину тундры.

Время было - полдень. Пошёл мелкий снег. Ветер не стихал, а поднимался. Низовая метель стала переходить в обычную пургу. Переходила она быстро, захватывая клочьями и плетями снега всё пространство перед Савелием. Ветер попытался пару раз прорвать снежную завесу, да не получилось. Снегом обдал и всё. Но в этом небольшом прорыве пурги, Савелий увидел далеко впереди себя чёрную полосу неба. Это город дымит. Ветер переменялся, ветер теперь в спину, южный. Так теперь и держим курс. Савелий обернулся назад, глянул на Лёху - тот лежал на санках замотанный брезентом, как мумия, как покойник... "А вот поехал бы Савелий прямо" - тут же хихикнуло ему то ли сознание, то ли подсознание - "так лежало бы на санках оленьё мясо! Пятьдесят килограмм свежего мяса! А ещё не поздно вернуться за тушей, а? А Лёхе эмчээс?.. Не вытянешь ты его. Не вытянешь..." Тут же сверху снег обрушился так плотно и вязко, что пространство всё померкло в "молоке". "Мумия" Лёхи стала ещё больше напоминать, волочащегося сзади покойника.

- В страшном сне не увидишь, - пробормотал Савелий, сразу зачем-то прикидывая - если бы он тушу оленя привязал за санками, волочил бы её по снегу... вытянул бы его "Буран"? Мерзко, да? А что мерзко? - вспыхнуло его сознание. Почему мерзко? Ещё неизвестно, что и кто важнее - этот парень чужой, или мясо в дом родной? Его же дома с олениной ждут, а не с этим... Савелия вообще здесь могло не быть. Он случайно проезжал. Он... ладно, молчу.

"Буря" шёл ровно, мотор гудел монотонно. Тундра расстилалась перед ними плоская, снежная, без кустов. На пустыню похожа. Дорогу впереди, точнее направление впереди, видно практически не было. Стена снега, бушующего белой мглой, просто как раскрывалась перед ними на пять или десять метров и тут же закрывалась, укутывая обоих путников в своей холодной кутерье. Очень скоро пошёл жёсткий, ледяной снег. Он осыпал лицо Савелия мелкими иголками, налипал на глаза и стекал по щекам вниз. Снегоход шёл медленно, словно пробирался вперёд, высматривая дорогу, стараясь не сбиться с пути. Пути этого Савелий как раз и не знал, знал лишь направление. Лёшка этот тоже, наверное, знал лишь направление... кувыркнулся вот.

В пургу жизнь в тундре замирает. В пургу вы не встретите на пути своём ни куропаток, что трещат клювами при любой опасности, словно деревянными трещотками; ни мохноногих канюков, что парят в вышине неба, выискивая зазевавшегося лемминга на снегу да изредка оглашая белые просторы ледяной пустыни своим клёкотом (канючиньем). Не будут мелькать меж кустов осторожные, но любопытные песцы с пушистыми хвостами, прижимаясь носами к насту, вынюхивая норки мышей. Да и вся прочая живность, будет сидеть где-то под кустом, свернувшись клубком от непогоды, и ждать затишья в тундре. Причём, совсем рядом, под похожим кустом, в десятке метров от какого-нибудь зайца, может сидеть его хитрый враг - белая сова, моргать своими глазами, крутить головой и не двигаться с места. Но если ветер стихнет... зайцу конец. Потому что пурга, это в лучшем случае - буря или шторм, в худшем - ураган. Сносит всё живое.

Снегоход шёл в пурге тихо, едва-едва перекрывая своим урчанием завывания ветра. Хорошо хоть снег был мелкий, колючий, холодный. Такой снег не липнет сразу на наст, а собирается в ложбинках и трещинах, не мешая движению. И снегоход, и сани по жёсткому насту идут свободно, легко. Главное - выбраться.

Савелий старался держать направление так, чтобы ветер постоянно как подгонял его в спину, вторично ветер не мог так быстро сменить направление, а значит идут ровно на город, хоть в десяти метрах и не видно уже ничего. "Молоко" вокруг.

Почему-то в голове постоянно прокручивался путь от железной дороги до обрыва... почему-то постоянно после этого "кино" в голове стояла картинка, где под обрывом тушу закопал... потом куда, в каком направлении поехал... потом - как можно проехать обратно к этому месту... Всё правильно - тушу ведь надо будет забрать потом?

Снегоход шёл ровно, неторопливо, пурга мела протяжно. Видимости на десяток метров впереди - это ровно столько, сколько при такой скорости надо, чтобы остановиться и не кувыркнуться с обрыва вниз, как Лёха. Савелий изредка оборачивался назад, смотрел на раненого парня. Да на кой же леший ты, Савелий, поехал к реке Воркута?.. Эх, Савелий, Савелий! Поехал бы напрямик по "железке" в город... Лёха бы сдох, да? Ну да - скотство. Но оленя так жалко! Теперь кто его знает - найдёт он оленя потом? Да и сможет ли привезти обратно? А так бы сейчас под покровом пурги спокойноенько по городу прошмыгнули и всё!.. Ах, ты же напасть! И надо же было Лёхе за этими тушами поехать?! Мяса ему подавай! Мародёр хренов!

Ветер бил сзади своими порывами так, что снег залетал Савелию за воротник, где плотно был уложен шарф. Ветер бил своими порывами так, что насквозь продувал и зимнюю куртку, и кожанку под ней, и свитер шерстяной, холодя спину. Савелий поднял капюшон, застегнул замок под самое горло. В голове мелькнуло - может Лёху посмотреть, снег и ему залетает, нет?

Он остановился. Сошёл со своего вездехода. Порыв ветра ударил в лицо, что едва не опрокинул его навзничь. Савелий устоял, склонился над раненым Лёхой - снег запорошил того уже полностью, тело в брезенте стало напоминать замотанный труп... щёки у Лёхи были мокрые... это снег тает. Ленинград блокадный - почему-то мелькнуло в голове у Савелия.

- Живой? - крикнул он громко.

Лёха открыл глаза. Тяжело как-то открыл, посмотрел куда-то вверх, попытался прошептать что-то. Не получилось. Собрался с силами, прохрипел:

- Живой. Где мы? Я, кажется, отключился... Где мы?

- Не знаю. По дороге в город будем надеяться. Может надо что? Вон как тебя снегом замело всего... может перевернуть? Ногами вперёд покатым? Меньше будет...

- Сдурел? Ногами вперёд!

Савелий вывернул кусок брезента у его головы, немного прикрыл лицо, чтобы не порошило лишний раз. "Буря" покатила дальше.

Пурга выла, пурга кружилась. Ветер бил в спину, продувая куртку, заметал глаза так, что от налипшего на ресницы снега они не закрывались полностью и моргали как-то наполовину. Савелий хватал ресницы пальцами и держал их, пока снег не стаивал. Снег оседал на щеках, таял на щеках, капельками стекал вниз и щекотал там горло. Снег залетал в рот, потому что хоть ветер и дул в спину, но при сильных напорах каким-то образом залетал впереди человека, сдавливал там воздух, становилось трудно дышать носом, человек дышал ртом. Снег плясал перед глазами, сверкал искрами и строил перед Савелием какие-то неведомые, призрачные картинки нереальности. Крайний Север. Заполярье. Территория Арктики. Обычное ненастье.

Сколько часов шёл старенький снегоход в пурге, Савелий не знал. Он уже потерял связь со временем, и только ежеминутно ждал одного, что из пурги вырастет город... Здание... забор... дорога... Он ушёл из города на юг, с южной стороны что у нас в городе? Вокзал, оленьсовхоз, кладбище... ещё вояки какие-то были... может на воинскую часть выйдет? Когда темнеет в феврале? Когда приходит вечер? Часов в пять, или шесть? Никогда об этом не думал. Темнеет себе и темнеет. Начнёт темнеть - это пять или шесть часов... что это даёт? Ничего. Это даёт то, что дальше надо будет идти в темноте ночи, в ночной пурге, что ещё хуже и тяжелее. Почему идти, мы же едем? Ехать надо будет в темноте... ехать надо будет в темноте... Савелий вздрогнул. Засыпает... Он засыпает. Ветер убаюкивает. Монотонность кружащего снега перед глазами словно метроном снижает внимание и человек погружается в сон. Спать нельзя! Кувыркнётся, как Лёха! Впереди образовалась прореха, снегоход резко встал... Ручей. Простой замеченный ручей, русло в низине. Перекатим.

Когда начало темнеть, Савелий не заметил. Просто совсем внезапно снег стал серым, пурга мутной, а снегоход ни с того, ни с сего вдруг заглох и остановился... Савелий дёрнул за стартер. Мотор чавкнул и смолчал. Савелий дёр-

нул ещё раз. Потом ещё... Он сошёл с машины. Разбирался в технике Савелий прекрасно. Неисправность нашёл мигом - бензин был на нуле. Бензина было достаточно для того, чтобы съездить за полсотни километров в тундру и вернуться обратно в город, но не для того, чтобы на скорости пешехода кружить по тундре целый день. Савелий сел на сиденье, руки положил на колени. Приехали!..

- Что там? - донеслось от Лёхи.

- Сдох коняка. Бензин вышел. Не рассчитал я на такую прогулку.

Разговор на этом закончился. Лёха ничего предложить не мог, Савелий, что предложить - не знал. Пурга стонала и выла. Ветер стал визжать так, словно радовался беспомощности человека. И визжал, паразит такой, главное именно в закоулках мотора снегохода... летал там и визжал от радости! Савелий взял горсть жёсткого, холодного снега, протёр им лицо. Стало легче. Да нет, легче не стало.

Варианты? Остаться здесь до конца и ждать вдруг пурга закончится также внезапно, как и началась? Сколько Лёха протянет без помощи врачей? Сутки, двое, или может несколько часов? А если бросить Лёху одного, добраться до города и организовать спасательную операцию... где искать потом? Заметёт полностью его, не найдёшь под снегом. Если только по снегоходу найти? Так и снегоход может замести в одну ночь. В низине стоят, в низине всегда замечает.

- Есть мысли? - докатился до него голос Лёхи.

- Есть одна, - отозвался Савелий.

Он сошёл на снег, подошёл к Лёхе, не торопясь отцепил санки от своего "Бурана". Потом залез в багажник своей заглохшей техники, нашёл там пакет с НЗ: хлеб, сало, спички, зажигалка, спирт сухой, что-то ещё... Впрягся в трос, каким были прицеплены санки к снегоходу, лямка легла поперёк его груди, и потащил их вместе с Лёхой куда-то в темноту ночи. Лёха, похоже, всё понял и застонал из последних сил:

- Да не надо это!

В первые минуты Савелий даже как-то порадовался и за себя, и за Лёху, что идти по снежному и твёрдому насту оказалось не столь и тяжело. Лямка упиралась в плечи и грудь чуть ниже горла, Савелий тут же рядом, по бокам, поддерживал её руками, немного оттягивая перед собой. По старому насту санки с Лёхой катили легко, словно по льду, на новых белых "языках" только что наметённого снега, тормозили. Хорошо намело его не так и много. Одно было нехорошо - тундра не бывает ровная, потому, когда катились вниз, приходилось санки поддерживать, а когда вверх... тогда Савелий упирался так, что, казалось, глаза из орбит вылезают потихоньку.

Полной ночи как таковой в тундре зимой не бывает. Даже в безлунную ночь что-то да видно вокруг, хоть какие очертания местности. Снег отражает всё, вплоть до света звёзд. Сегодня явно на небе сидела луна, правда за тучами видно её не было, но тучи были светлые, а потому и света немного давали.

Савелий шёл, куда ветер дул. Он давно уже потерялся в пурге и единственным ориентиром был ветер, что дул в спину. Но ветер в пурге не дует однообразно и монотонно. Ветер в пургу рвёт порывами. Причём порывы могут быть такими, что в один порыв вы и глазом не моргнёте, а в другой хлестанёт так, что свалит с ног и десяток метров прокатит по снегу.

В низинах ветра было меньше. Здесь Савелий терялся - куда идти? Вроде только что дуло туда, а теперь в обратную сторону? Куда из низины выходить? Ужасно стало натирать плечи. Савелий перехватывал лямку от саней наподобие хомута, пропустив её под мышками, но очень быстро стало натирать шею через шарф, да и под мышками давило нестерпимо. Сил оставалось всё меньше, хотелось завалиться на снег и уснуть... нет, поспать немного, хоть полчасика. Он опустил на снег, встал на колени. От тюка брезента донеслось слабым голосом:

- Савелий! Телефон возьми, может уже...

Вот дурак старый! Савелий себя даже по голове хлопнул. Заигрался в герои! Телефон же есть?

Он быстро отвернул брезент, пошарил рукой по груди Лёхи, нашёл в кармане телефон. Включил. Телефон вспыхнул в ночи яркими, цаетными огоньками. Цивилизация. Савелий глянул на дисплей. Ноль. Полный, тихий, не опознаваемый ноль.

- Себе возьму, - сказал он, - буду проверять, может где поймаем сеть.

Вставать со снега не то, что не хотелось, а просто не могло. Они сидели в низине, ветер здесь больше кружил снег, чем рвал порывами. В низине было хорошо. Здесь было относительно тихо. Здесь можно было спокойно сидеть и даже спокойно дышать, не ловя воздух ртом, как там - наверху, в пурге. Но всё равно надо было выбираться наверх, всё равно надо было идти вперёд, в город, к людям. Лёха долго не протянет. Эта мысль занозой сидела в голове у Савелия.

- О чём думаешь? - вдруг спросил Лёха.

- Ни о чём, - прерывисто ответил Савелий.

- Скажи. Легче будет...

- Легче не будет, - сказал Савелий, - "Буря" сдох, мясо потерял, пурга усилилась, а идти надо... дойти надо.

- У тебя семья есть? - спросил Лёха.

- Есть. Для них и корячился.

- Может, один дойдёшь? Может, так быстрее будет? Там объяснишь всё... эмчээс там...

- Один не дойду, - сказал Савелий, - ветром сдует.

Савелий поднялся, подхватил лямку, впрягся и потащил сани наверх из низины. Наверху ветер рвал и бил своими хлыстами так, что иногда даже помогал двигаться вперёд, особенно на спусках. Подгонял так, что Савелий санки придерживал ногой. Потом опять вверх, опять то поперёк лямку, то сверху на шею, то поперёк, то сверху... В какое-то время Савелию показалось что мозг у него больше ничего не воспринимает, кроме снега, ветра и ломящей боли в плечах. Вначале он поминутно смотрел на дисплей телефона, надеясь что тот обнаружит сеть, потом забыл... телефон стал бесполезной игрушкой в "руках" природы. Савелий спускался в низины, поднимался наверх, падал, поднимался, хватал летящий снег ртом, подхватывал его рукавицей с наста, жевал до ломоты в зубах и голове. Ужасно хотелось пить. Воды у них не было. Про хлеб да сало Савелий ни разу и не вспомнил. Хлеба не хотелось. Хотелось спать, пить, закрыть глаза и уснуть. Уснуть стоя, уснуть на ходу, уснуть на минуту, секунду, но уснуть, забыть... всё забыть, поверить, что всё это - кошмарный сон. Хоте-

лось упасть и не вставать. Никогда больше не вставать!

Савелий шёл, бездумно передвигая ноги, ничего не соображая, ничего не понимая, ничего вокруг себя не видя. Просто надо было идти и надо было тащить за собой санки с человеком. Почему? Потому что надо идти в город, в тепло, к людям. Почему надо тащить на себе эти санки с человеком? Потому что ему тоже надо к людям, а сам он идти не может... а к людям ему надо... А Савелию надо домой, у него пацан Володька, у него дочь, жена... В пурге он увидел сына... тот играл на снегу с большой машинкой... снег возил...

Ночь оказалась длинной. Ночь оказалась холодной, потому что Савелий вспотел, а... нет, он не вспотел, пот просто катил с него крупными каплями по всему телу, потому тело стало мокрым от пота и иногда его охлаждал этот жуткий, страшный ветер, продувая куртку, проникая внутрь, морозя тело...

Пару раз Савелий крикнул что-то Лёхе. Просто так крикнул, без дела, без нужды особой. Чтоб ответил. На голос тоже силы надо. Сил не было. Их не осталось совсем. Савелий остановился, подумал - может Лёха умер? Скончался так вот тихо человек, никому ничего не сказав. Хорошо это или плохо? С одной стороны, хорошо, можно его здесь оставить, труп же, что ему будет? А с другой? Песцы всякие могут лицо обгрызть. Всякая живность тут начнёт человека есть... Нет, так нельзя, тащить надо и труп... труп же этот человеческий, правильно? Это не по-человечески - бросать тело человека на произвол... не по-русски это... надо тащить... куда тащить?

Савелий остановился, ноги подкосились, и он упал на колени. Так стоял какое-то время. Какое? Не заметил. Ему показалось, что глаза его закрылись и он уснул. На секунду? Минуту?.. Он что-то увидел во сне? Не помнил. Просто чёрная дыра. Дыра в сознание. Дыра отдыха.

- Сава! - крикнул кто-то женским голосом.

Савелий очнулся, как по голове ударили. Голова раскалывалась от боли.

- Савелий! - услышал он голос Лёхи.

Савелий очнулся, увидел, что стоит на коленях. Поднялся. Подошёл к Лёхе. На колени уже не опускался - бухнулся.

- Савелий, - сказал тот из-под брезента, - я забыл... у меня в кармане, во внутреннем... спирт на лимонном соке... с золотым корнем... в дорогу... попробуй. Золотой корень силы даёт.

Савелий минуту молчал, не понимая, что от него хочет Лёха? Какой спирт, какой ещё лимонный сок?.. Сок?.. Сок - вода!

- Где? - нехорошим голосом спросил он, шаря по груди у Лёхи. - Где сок?..

- Не сок, Савелий. Спирт разбавленный соком лимонным.

- Спирт? - что-то далёкое, цивилизованное, подходило к Савелию со своими глупостями и шалостями. - Зачем спирт? Делать что?

- Хлебани глоток, - сказал ему Лёха уже потвёрже, - он на золотом корне. Поможет. Силы даст на время. Только много нельзя... опьянеешь - уснёшь.

Савелий нащупал тонкую, выгнутую фляжку во внутреннем кармане Лёхи, вытащил, в потёмках отвинтил крышку и сделал глоток. Потом сделал ещё глоток. Потом третий... Захотелось сразу есть. Он достал пакет НЗ. Достал хлеб и сало нарезанное.

- Что ж ты молчал? - уже пришёл в себя Савелий. - Спирт тебе нужен в первую очередь. Ты же много крови потерял. Когда доноры крови сдают мно-

го, им всегда то вино сухое, красное, а то и спирту медицинского... это какой спирт? Медицинский?

- Да нет, Савелий, - пробормотал Лёха, - гидролизный это спирт... сушит от него по утрам сильно, если переборщить. Но не отравишься, не бойся.

- Спирта бояться, скажешь тоже, - жевал сало Савелий просто мгновенно ощущая, как приходит в себя и как по венам струится кровь, как неведомо откуда, вместе с кровью бежит по жилам сила.

- Холодно, - прошептал Лёха, - спину не чувствую. Помираю что ли? Сдохну - ты брось меня. Потом найдут. Весной. Знаешь, под погибшими людьми снег не тает, и весной в тундре появляется "гриб" снежный, а сверху тело человека... худо, правда? Пошевелиться бы мне... не могу... холодно под спиной...

Савелий стянул с себя куртку, свернул её в три полосы, как это делают в магазинах, когда упаковывают, быстро развернул брезент, Лёху резко приподнял с краю и засунул куртку под него.

- Дурак, - сказал Лёха благодарно, - тебе важнее, ты же тащишь нас... Савелий...

- У меня ещё кожанка, - показал тот во тьме короткую, тёртую кожаную куртку в пояс, - и свитер там - шерсть чистая. Вытащу. Ну-ка, давай!

Савелий приподнял Лёху за спину, поднёс фляжку. Лёха руку одну вытащил, ухватил как-то слабо фляжку, отпил пару глотков, поморщился, попросил:

- Зажевать дай?

Савелий быстро достал кусок хлеба с салом. Лёха откусил вместе с залежавшим в рот снегом, чуть прожевав, молвил в голос:

- Ну да... сдохнуть всегда веселее на веселе.

Савелий уложил его обратно, подоткнул брезент, поднялся на ноги, впрягся в лямку, ухватив её перед собой руками и потащил сани дальше.

Что всегда визжит в пурге - неизвестно, но завывания ветра со снегом бывают такие пронзительные, что давит на уши и мозги. Ночная пурга рвёт человека сильнее. Ночная пурга крутит человеком так, словно он попал в мясорубку, но никак на шнек мясорубки намотаться не может. Бывает, что даже посмотреть впереди себя - большая проблема, потому что едва лицо поднимешь... отхлещет снежными плетями так, что начнёшь плевать и ругаться, отмахиваться неизвестно от чего. А бывает, что вроде и несильно снегом обдаёт, да тот же ветер так напирает на тебя, что хоть носом, хоть ртом ухватить воздуха невозможно, а потому опять - голову вниз.

На одном из подъёмов тундры, Савелий достал телефон Лёхи... Сети не было, часы показывали два часа ночи.

Силы, что даёт алкоголь на непродолжительное время, заканчиваются очень быстро, если их расходовать неразумно. Например, если тащить сани с человеком. Здесь никакого алкоголя не напасёшься. Похмелье придёт в момент, дурь пьяная через пот выйдет за полчаса, а отравление останется. Потому человек прикладывается вновь и вновь, что заканчивается весьма плачевно, бывает даже и трагически.

Шёл Савелий теперь не столь автоматически, как раньше. Теперь он соображал, что вокруг творится и что он делает. Поставил цель - если начнёт

сдавать, если начнёт засыпать, если глаза станут смыкаться... только тогда, только тогда можно ещё... Пить можно только для поддержки, а не для расслабления. Потому что, если он грохнется и уснёт, Лёшка ведь даже и помочь ничем не сможет. Картина! Один будет замерзать во сне, другой наяву... тьфу, зараза! Надо думать о чём-то хорошем. Надо думать... о бабах, например. А может стихи читать, или песни петь?

Он уже давно стёр ноги в своих ботинках, давно промёрз весь, насквозь, до самой макушки головы, обморозил руки, потому что на ветру, в мороз, держать кулаки сжатыми нельзя... кровь не ходит по ним. А как их держать, если надо лямку перед собой удерживать? Иначе не потянешь. Как их держать, если лямку под мышками проденешь и там так режет потом, что не выбираешь, что больнее, что правильнее... что... Савелий уже привык к темноте, под ногами снег просматривался - и слава богу! Иногда в глазах вспыхивали какие-то молнии, которые были похожи на круги белого света, причём, круги были на снегу, на наст, там, где он и видеть их не мог, потому что стена снега... перед ним стояла стена бушующего снега... наст был виден лишь под ногами.

Савелий обтирал лицо ладонью от облепивших его снежинок, сжимал холодными пальцами ресницы, чтобы глаза хоть как освободить от налипших ледышек, рука мёрзла ещё сильнее, он быстро прятал её в рукавицу, сжимал в кулак, чтобы пальцы хоть немного друг о друга согрелись - ничего не помогало. Он делал "зарядку" внутри рукавиц, сжимая и разжимая пальцы, тогда слетала лямка троса, падала ему на грудь... Савелий останавливался, какое-то время стоял беспомощной фигурой в ночи, потом, словно бурлак на реке, поднимал лямку и опять шёл, тянул за собой сани с Лёхой... А кто этот Лёха?.. Да нет, не ему кто, а вообще - кто? Вообще, Лёха, этот есть, или это всё мираж, видение, наваждение, как его там? Привидение.

И вдруг Савелия просто ухнуло по голове сверху. Он даже удар физически почувствовал, будто тяжёлой, набитой крупным пером, подушкой по голове дали и сказали прямо в уши - это не привидение, это наказание, дружок. За жадность твою, за скупердяйство! Или мяса дома не было? А может, с голодухи помирал? Что в тундру попёрся? На дармовщинку пожить? Может олени твои? Может ты их растил, от волков охранял, пас в тундре, на перегонах, в реках ледяных спасал, из-под льда вытаскивал? Дармоед ты, Савелий!

- А Лёху за что? - не выдержал Савелий такой откровенности сам на сам. И тут же услышал - а за то же!

Потом секунды стояла тишина, такая жуткая неземная тишина, ветер умолк, но не стих, пурга била во все стороны, а звуки её пропали. Савелий головой тряхнул и услышал вой ветра. Тут же вперёд рванулся с ещё большим рвением и скоростью, под нос себе сказал:

- Ну так, а мы же мясо оставили там... олени-то там, а мы здесь, чего теперь-то?

Пурга провыла что-то в ответ.

Пурга как-то совсем внезапно усилилась. Мало того, что усилился ветер, так ещё и тучи, очевидно, стали более плотные и света уменьшилось. Стало и в самом деле темно. Савелий оглянулся затравлено, не понимая, зачем это делает в пустоте и темноте? Лямку снял с себя, хотел под мышками пропустить, чтоб кулаки немного отогрелись, чтобы руки немного отдохнули, да здесь ве-

тер так хлопнул его порывом, что Савелия бросило на снег и прокатило валиком по насту... куда прокатило? Он встал и... сани не увидел...

- Лёха! - крикнул он во тьму. Ответа не услышал. Ветер, вой, свист, какой-то издевательский свист.

- Лёха! - крикнул он что было силы.

Здесь же подумал - а что так орать, Лёха ведь крикнуть в ответ не может?

Савелий достал фляжку, сделал один глоток, второй... хватит. Думаем. Что думаем? Думаем, как найти человека.

Савелий быстро, буквально, не соображая зачем и что делает, вытоптал поглубже в насте маленькую площадку, разбивая его рёбрами подошвы ботинок, чтоб было видно, где сейчас стоит, тут же мелкими шагами, твёрдо ступая по снегу так, чтобы в насте оставались насечки, сделал десять шагов в одну сторону - пусто. Вернулся по следам, всматриваясь чуть ли не в полусогнутом положении. Площадку нашёл, сделал также несколько шагов в другом направлении - пусто. Крикнул - не ответили. Вернулся. Пошёл в третьем направлении - пусто. В четвёртом - пусто. Может не доходит? Может укатило ветром много дальше, чем кажется? Савелий поправил площадку с изломанным снегом, вытоптав её ещё больше, пошёл опять... шаги мерил, ноги вдавливал. Куда его катануло? По ветру? По ветру, конечно. Что ж тогда не находит сани?.. Он вернулся. Постоял, спиной ветер прочувствовал, ровно по ветру стоит?.. Здесь порыв ударил так, что Савелия вначале согнуло пополам, он упёрся руками в снег, ветер ударил вторично и Савелия прокатило по снегу дальше... куда дальше? Он поднялся на колени, стал искать площадку, проломы в снегу - ничего. Снег здесь был ровный, чистый. Теперь и "площадку" потерял.

- Эй, - сказал он куда-то вверх, - вы чего там? Лёха как...

Ветер попробовал ударить в третий раз, но Савелий удержался, потом плюхнулся на снег ничком и так лежал какое-то время. Когда порывы прошли, он поднялся, стал оглядываться. А что оглядываться? По привычке? Куда идти? Надо искать ту площадку, что вытоптал, надо искать её быстрее, иначе заметёт её, а не найдёшь площадку эту... Лёхе конец.

Савелий достал таблетку сухого спирта. Как поджечь спирт, чтоб не потух на ветру? Надо ему какую-то защиту, совсем маленькую, лёгкую защиту, чтобы порывом пламя не сорвало... надо... Савелий похлопал себя по карманам - а что хлопать-то? Что там может быть такого в карманах, чем можно уберечь пламя от ветра?

Выход нашёлся сам. Легко и просто. Савелий просто выкопал перочинным ножом маленькое углубление в насте снега, положил внутрь таблетку, поджёл её от зажигалки. Пламя огня заколыхалось, стало разгораться. Савелий хотел руки обогреть, да времени не было, пурга мела, следы заматало. Он выждал пару мгновений, когда порывы ветра вновь спали, поднялся и пошёл обратно, против ветра ровно. Где-то здесь... где-то здесь... Обернулся пару раз назад - горелка его в ночи пуржинной сияла неземным огнём тепла и жизни. Где-то здесь... Савелий встал на четвереньки, стал искать словно пёс, чуть ли не вплотную к насту лицом. Вот! Вот пролом от его ботинок! Куда? Сделал пару шагов в сторону и нашёл то, что уже осталось от его вытоптанной площадки - лишь штрихи от ударов подошвы ботинок. Теперь от неё дальше против ветра... Стоп! Савелий вновь выкопал ножом углубление в насте, поджёл

ещё одну таблетку спирта, опустил её в снег.

Озираясь чуть ли не ежесекундно, пошёл на ветер. Сделал свои десять-пятнадцать шагов. Пусто. Посмотрел назад - огонь прорывался светом сквозь месиво пурги слабо, но видно его было. Савелий плюнул и пошёл дальше. Через пять шагов наткнулся на сани... Есть! Вот он друг Лёха, вот его друг Лёха! Никогда бы Савелий не подумал, что может обрадоваться чужому человеку, да ещё в той ситуации, когда этот чужой человек вполне может его погубить своим беспомощным присутствием рядом. Что ж за жизнь такая? А? И главное - мясо ведь потерял!..

Он упал перед Лёхой на колени, откинул брезент, Лёха на это открыл глаза.

- Ага, - сказал Савелий, - ну да... я тут это... нельзя одному никак, понимаешь?

Он тащил сани дальше с упорством человека, который знает, что делает... Он тащил сани, опять ничего не соображая, не понимая, не чувствуя даже боли в плечах, не чувствуя холода, усталости, не видя перед собой ничего кроме наста под ногами... только под ногами и не дальше. Савелий шёл. Сани обречённо и безвольно тащились за ним. На санях безвольно лежал человек, жизнь которого стоила сейчас ровно столько, сколько Савелий мог сейчас вытянуть, сколько мог выдержать.

Он достал телефон, глянул на дисплей - три часа ночи. Сети нет. Светает где-то в шесть... ещё три часа, три часа... а что - три часа, что ему даст рассвет?.. Похоже, сейчас будет спуск, слишком долго пришлось упираться, выходя на верх подъёма тундры. В темноте это не видно, в пурге это не видно, но тащить было тяжело и остановились они, когда сани свободно заскользили следом, значит, находятся сейчас наверху.

- Что, не видно города? - услышал он едва-едва от тюка на санях.

Быстро подошёл, откинул брезент. Лёха был живой, в сумраке ночи моргал глазами.

- Метёт, собака, - ругнулся Савелий, - пять метров, дальше - стена.

- С пути не могли сбиться?

- Ветер в спину был. Перемениться не мог. Рановато ему... да ты не гоношись... вытяну.

- Савелий, - как-то вкрадчиво, слабым голосом спросил Лёха, - ты русский, да?

- Почему? - удивился Савелий и даже как-то глазами запорошенными снегом заморгал.

- Русские своих не бросают.

- А-а, - промычал он, - ну да... тогда русский. - Помолчал и добавил: - А так я хохол... украинец, вроде. С Полтавы.

- Спирт как?

- Берегу.

- Пьёшь как?

- Глотками.

- Да нет... Помощи просишь?

- Что? - Савелию показалось вначале, что он ослышался, потом подума-

лось, что Лёха начал бредить.

- Когда пьёшь, у духов неба и тундры надо помощи попросить, - сказал Лёха.

- К-как это? - запнулся Савелий.

- Так. На полном серьёзе.

Савелий смолчал, чтобы не обидеть Лёху ненароком. Состояние у обоих всё же было не очень здоровое. Потом глянул вокруг себя, ничего не увидел, чуть насмешливо спросил:

- И что просить надо? Вездеход, вертолёт, или машину "скорой помощи"?

- Да то, что они тебе дать могут, - сказал Лёха.

Савелий сел на снег рядом с Лёхой, достал фляжку, самому себе так и сказал - "Сейчас, что ни делай, хуже не станет". Отвинтил пробку, фляжкой на вытянутой руке чуть взмахнул, как в приветствие, и крикнул, что было мочи вверх:

- За духов неба и тундры! За духов неба и тундры, слышите?! За вас! Дорогу покажите? Город мне покажите? Город!

Встал на ноги, глянул по ветру, куда шли. В темноту полную, в крошечную темноту, в стену снежную.

- Город!

- Тучи сносит, - донеслось от Лёхи.

И внезапно стихло. Как-то по сказочному стихло на мгновение, словно кто-то дунул и снег сошёл. Снег сошёл вместе с ветром куда-то вниз, темнота осталась, а снег растворился. Это длилось мгновение, это было неестественно красиво. Пурга мела, а перед ним вспыхнул огнями город Воркута. Вспыхнул так, словно Савелий на горе стоял, а город под ним расстился. Вспыхнул на секунду в просветлении пурги, вспыхнул, как оазис в пустыне снега, холода и мрака и пропал тут же.

- Город! - заорал Савелий, безумно смотря перед собой в стену снежную, бушующей пурги. - Город, мать вашу!

Ухватил сани и побежал вниз с подъёма.

Бежал Савелий так, что сани дёргались от его рывков, словно лодочка, привязанная за большим кораблём. Иногда сани, срываясь с места, догоняли его и били по ногам. Савелий ничего не чувствовал, ничего не соображал. В голове сидела картинка светящегося перед ним города, картинка жизни и спасения. Ветер выл ещё сильнее, стегал порывами резче, крутил снег ещё гуще, беспросветнее, словно испугался, что Савелий убежит сейчас от него.

Город! Савелий видел город! Тот самый город, в котором прожил уже столько лет и никогда даже подумать не мог, что этот город так красив и привлекателен, так уютен и удобен для жизни. Он светился в ночи, как самый очаровательный и неповторимый город на Земле. Он вспыхнул в ночи, словно звезда на тёмном небе, словно яркий месяц после чёрной и непроглядной грозы в поле, как это было у него в Полтаве... далёкой Полтаве, где ночью без месяца на небе никуда...

Савелий достал фляжку, приложился ещё на пару глотков, закусывать не стал, не до закуски сейчас... дойти! Надо дойти! Они уже рядом, уже вот-вот...

Савелий упал... Упал, не потому что запнулся. Устал. Организм выдохся,

сердце заходило, стучало так, словно выскочить хотело. Секунды он лежал, шептал тихо - не спать, не спать, не... Что-то толкнуло его в ноги, Савелий очнулся, открыл глаза, повернулся... сани стояли рядом, уткнувшись ему своим носом в ботинки. Сани, что... ехали до него три метра столько времени?

- Савелий! - позвал Лёха. - Не спи! Я звуки слышу...

- Что? - Савелия кто-то стеганул плетью, он поднялся, тут же склонился над Лёхой, отвернул брезент. - Какие звуки? Где?

- По металлу стучат, - сказал Лёха, тихо шевеля бескровными губами, - это вокзал. Савелий, это путейцы по колёсам.... своими молотками... вот, слышишь?

Савелий не слышал, но Лёхе он поверил. Он бы не поверил, если бы не видел перед собой в низине город, светящийся огнями город. А так - поверил. Город был, они идут с юга, с юга у города находится вокзал. Город, город... Темно как. Быстрее бы рассвет, темнота давит, сознание работать не хочет, быстрее бы рассвет! Через полчаса город не появился. Савелий достал телефон, проверил сеть - сети не было, телефон показал ему четыре часа утра.

Снежная кутерьма под утро не утомилась. Савелий отчего-то вспомнил море... Чёрное море, где он бывало отдыхал с семьёй летом. На море как-то утром всегда тихо, спокойно, штиль... почему море?.. В Полтаве тоже есть снег, даже метель может быть, но такого снега как здесь нет... Если сейчас снег убрать, то окажется, что Савелий висит в воздухе на метров пять от земли... наматывает в Большеземельской тундре около пяти метров снега за зиму - вспомнилось ему. Откуда это? Читал? Слышал по радио? Телевизор? Интернет? Да нет же - обычная газета.

Пот катил ручьём по лицу, по телу. Савелий опять внезапно ощутил, что ему жутко холодно, что он идёт вперёд с закрытыми глазами, что он где-то потерял свой шарф, потому что на груди подбородком не чувствовал его узел... он ведь завязал его так вот на груди... завязал и узел этот постоянно задевал его подбородок... теперь нет... потерял шарф... шарф жалко... он денег стоит...

Если сейчас бросить сани - он дойдёт точно! У него сил ровно на двадцать две минуты, дальше всё! Сон. Холод. Забытьё.

Если сейчас бросить сани - он выживет и дойдёт до города, а там он расскажет, где сани... Найдут? А леший их знает, как они ищут?

Если сейчас бросить сани - город станет реальностью. Он увидит свет, он выйдет в город, на город, к городу... он достигнет... дети, жена... да нет же... русские своих не бросают. Это откуда такие слова? Не помню. Ничего не помню. А Лёха русский? Свой?.. А разница?

Савелий упал носом в снег, упал носом в жёсткий наст, что от боли даже очнулся. Сел на колени. Смотрел бездумно, безучастно перед собой. Снежное молоко, больше ничего. Снежное молоко. То есть?.. Савелий вздрогнул, всмотрелся в "даль". В голове застучала мысль - как молоко? Значит белое? Значит... светает?.. Достал телефон - сети не было, часы показали шесть утра... утро! Как это он не заметил? Пока размышлял, как он будет здесь сани бросать - рассвет пришёл?

Его била лихорадка от боязни, что свет сейчас исчезнет, что ему показалось, что часы врут, что он просто уже уснул и это предсмертный бред... Но свет не исчезал. Стали проглядываться вихри снега на метры перед ним. Рассвет.

И здесь, словно возглашая рассвет, где-то не так и далеко ударил колокол... Колокол ударил тонким звуком, словно колокол был маленький и звук был тоненький, короткий такой... а разве у колокола может быть короткий звук? Савелий замер. Вновь ударил колокол... Он поднялся и пошёл на звук колокола. "Как так, - думал он - мы что - уже в городе, возле церкви?"

Сил не было никаких. Он пошёл без сил. Организм уже давно сдох, потому Савелий шёл на сдохшем организме. Глаза ничего не видели, он шёл на звук. Мозг сейчас мог выполнять только одну работу - переставлять ноги, он и переставлял ноги.

Третий раз колокол ударил совсем рядом, Савелий поднял голову, всмотрелся и в прорывах пурги, в десяти метрах от себя увидел... тепловоз. Тепловоз... тёплое слово. За ним вагоны. Рядом стоял путеец и молотком на длинной ручке стучал по колёсам... и что ему пурга?

...Какие-то мужики тащили Савелия под руки куда-то через пути, какие-то мужики, охая и ахая, тащили за ними сани с Лёхой, как-то быстро нашлась машина, большая какая-то машина, грузовик, автобус? Какой-то голос слева молвил:

- Тихо, тихо тащи, телефон у него выпал, подыми вона... сунь в карман.

Голос справа молвил в ответ:

- А что ж он эмчээс не набрал?

Голос слева:

- Так вышка же грохнулась у сотового? Забыл?

Только погрузились, только сели куда-то на лавку... только глаза Савелий закрыл, надо выходить. Где мы? Куда приехали? Домой? Савелий сам спуститься с машины не мог. Помогли, повели куда-то... коридор... Он закрывал глаза, его посадили в кресло в коридоре, он что-то постоянно им всем говорил - я в порядке, устал очень... Лёха... Лёху гляньте, у него голова...

Лёху унесли на носилках. Брезент и куртка Савелия осталась лежать на санках, которые внесли с Лёхой в приёмный покой. Савелий остался один. Со всем один. Он достал фляжку, отвинтил крышку, хлебнул крепко. Достал сало и хлеб, закусил прилично. Сознание вернулось мгновенно. Он был в городской больнице номер один. Он сидел в коридоре приёмного покоя. Напротив него лежали его санки с брезентом, на них куртка. Савелий хлебнул ещё раз спирта, ещё раз закусил, лёг на санки и через секунду спал беспробудным сном.

© Виталий Лозович, 2021

ПАВЕЛ ЛОМОВЦЕВ (ВОЛХОВ)

г. Казань, Российская Федерация

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

Ночь особенно темна перед рассветом...

1. БУДЕТ ТАК

Мне в эту ночь не спалось, и я решил немного прогуляться в надежде успокоить свои мысли. В последние времена накопилось слишком много тем для беспокойства, которые нужно было осмыслить. Но меньше всего хотелось думать об этом ночью. И надо было как-то отвлечься. По пыльной проселочной дороге я дошел до опушки леса. Большая Луна ярко освещала равнину, а в глубине леса стояла крошечная темнота. Здесь было прохладно и сыро. В этой низине всегда по ночам собирался туман. Видимо, он поднимался с дальних болот.

Я немного постоял в раздумье, глядя на звездное небо. Оно сегодня было особенно ярким. И казалось, что от этих мерцающих звезд доносится тихий, едва уловимый хрустальный звон. И тысячи этих звуков, сплетаясь единым узором в вечную песню Вселенной, проникают в каждый ее уголок, наполняя теплом и светом пространство и время... Наверное, я готов был долго стоять и слушать эту загадочную музыку звезд. Но небо постепенно затянули облака, скрыв от глаз даже большую Луну. Постояв еще немного и, убедившись, что небо закрылось надолго, я решил возвращаться назад.

На улице не было ни души. Все уже давно спали. Аккуратно притворив калитку, я направился к дому. Мельком взглянув на окна, я заметил, что в детской едва заметно горит свет. Войдя в дом, я тихо подошел к комнате и приоткрыл дверь. Дочка сидела на краю кровати, обняв подушку, и, едва заметно раскачиваясь, глядела на свечу. Так она себя вела, когда была чем-то расстроена. Я

подсел рядом.

- Что у тебя стряслось, Роси́нка? - спросил я, обнимая дочку.

- Почему некоторые не любят жизнь? - грустно спросила она, мягко прижимаясь ко мне.

- Ты о ком это говоришь? - осторожно поинтересовался я.

- Там, на соседней улице мальчик поселился... Он очень странный. Постоянно пытается всем доказать, что в жизни всё плохо, и что будет еще хуже. ... Зачем он так делает?!

Я на мгновение задумался...

- Наверное, просто ему досталось слишком мало тепла...

- И что, он так таким и останется? - жалобно взглянула на меня дочка.

Я улыбнулся и с уверенностью ответил:

- Он встретит девочку, которая очень любит жизнь, всегда и во всем находит что-то хорошее и очень этому радуется. Она делает добрые дела и верит в великую силу добра. И она точно знает, что будущее обязательно будет прекрасным. ...Полюбив эту девочку, мальчик будет просто обречен полюбить жизнь!

- Это чудесно... - задумчиво улыбнулась Росинка. - ...Но ведь мы это просто придумали. А в жизни всё не так...

- Да, этого нет. Мы всё это придумали... Но мы это уже придумали!

- Что ты хочешь сказать? - вопросительно взглянула на меня дочка.

- Силой мысли мы волю свою возвестили, а слово наполнили светом души.

А значит, что не было - будет отныне!

Росинка помолчала и, медленно отложив в сторону подушку, снова обернулась ко мне:

- ...Разве такое возможно?

Я поглядел в окно. На фоне темно-синего неба едва заметно просматривались ветви деревьев.

- ...Помнишь, в том году яблоня у нас померзла? Все нам ее рубить советовали. А мы с тобой всё желали ей воспрянуть и к жизни вернуться. Так нынче мы с нее даже урожай собрали! А ты говоришь: просто подумали!

- А ведь правда, - радостно улыбнулась дочка. - У нас получилось!

- Вот такая она, сила мысли! А теперь представь, если о чем-то хорошем и добром сразу тысяча людей помыслит? А если еще больше? ... Подумай об этом хорошенько. ...А пока спи, моя маленькая вая́на. Все будет хорошо!

Крепко обняв меня, Росинка залезла под одеяло и, устроившись поудобней на подушке, закрыла глаза. Она едва заметно улыбалась, улета в мир своих сказочных, вещих снов.

2. РАННЯЯ ВЕСТЬ

Летняя ночь коротка, но ее волшебный аромат чудесным образом возрождает силы и успокаивает мысли. Я проснулся бодрым и свежим. Ополоснувшись студеной водой из колодца, я отправился на речку за тальником. На обратном пути меня нагнал городской почтарь Анике́й. Поравнявшись со мной, он резко осадил коня, проворно спешился и, чуть отдышавшись, отдал поклон.

- Ну здравствуй, Анике́й, - ответил я на приветствие. - От кого на этот раз письмо?

- Нынче поболее, чем письмо будет! - многозначительно произнес по-

чтарь. - Тут гонец от князя сто́льного прибыл. Встречи с тобой просит. Вот, грамоту передать велел! - суетливо покопавшись в потрепанной дорожной сумке, он достал оттуда запечатанный свиток.

Опустив на траву связку тальника, я переломил сургуч и развернул грамоту.

- Нет, мой друг, не гонец это, - покачал головой я. - Тут куда повыше персона!

- То-то я гляжу: наши поместные так перед ним распинались! - всплеснул руками Аникей и с любопытством покосился на свиток.

Я дочитал письмо до конца. Странное прошение. И совершенно неясен мотив. Я задумался, что же это могло значить. Чуть подождав в сторонке, почтарь неловко кашлянул и с нетерпением спросил:

- Так что передать-то? Дозволишь ему перед тобой явиться? ...Али как?

- Узнать надо, с каким он известием. А там поглядим.

Засунув грамоту в рукав, я подобрал вязанку и обернулся к Аникею:

- А ты, может, покуда составишь нам компанию? У нас тут чай мятный поспел, да мед гречишный. А к ним и еще кое-что найдется.

Не дожидаясь ответа, я громко крикнул через калитку:

- Роси́на, И́вица, накройте в саду на стол: нас будет немного больше...

3. ВЫСОКИЙ ГОСТЬ

Заявивший о своем визите гость прибыл ближе к вечеру. Это был высокий, худощавый, но крепкий и жилистый мужчина. Взгляд очень спокойный и открытый, но в то же время твердый и волевой. Он производил впечатление целостного и надежного человека. Убедившись, что я тот, кто ему нужен, гость кратко представился:

- Я - Раски́та, поверенный стольного князя Велисла́ва.

На мой вопрос о цели его приезда он ответил уклончиво и закончил своим вопросом:

- Князю подмога твоя надобна. Меня узнать прислал, согласишься ли?

- Что за подмога? - пытался я хоть что-нибудь прояснить.

- Не говорил. Тебе он, видно, сам хотел сказать. Знаю только одно: дело важное, неотлагаемое. Так что решай. Доверишься князю - приходи утром. Тут на реке я палатку разбил, до четверти ждать тебя буду. А там в любом случае тронусь.

Мое предложение заночевать в доме он вежливо отклонил:

- В палатке у меня всё свое, обжито́е. Да и к дорогам мне не привыкать. Так что полный порядок, - улыбнулся он.

Я поглядел на горизонт. Большое закатное Солнце освещало золотом неподвижные облака. Кругом стояла тишина, даже ветер молчал. Казалось, что всё вокруг ждет моего ответа.

- Значит, именно я?

- Похоже, что так.

- Дело это ...оно долгое?

- Тебе решать. Ты волен.

- Риско́вое?

- В полете всегда рискуешь разбиться, да ползать не каждому по́ сердцу.

- замысловато ответил Раскита.

Да, его слова были вызовом. Но вызовом неизвестно куда и неизвестно на что. Я снова взглянул на горизонт. Где-то далеко в небо поднялась стая больших птиц. Похоже, это были лебеди. Плавно и величаво они проплывали по яркому диску Солнца. Природа порой давала мне знаки в моменты, когда нужно было принять какое-то важное решение. Я принял это как знак. И дал согласие.

4. ЗАСТАВА

Проснувшись раньше обычного, я взвалил на седло сумку с пожитками и, оставив родным небольшое письмо, отправился к реке. Раскита был уже в полном сборе. Завидев меня, он быстро собрал вещи и, ограничившись коротким приветствием, оседлал коня.

- На пути застава будет, - пояснил он. - Нам бы туда до темноты успеть. Друг у меня там, вместе службу начинали. Он и накормит, и ночлег устроит. Главное - добраться без приключений.

Раскита был не очень разговорчив. На вопросы он отвечал охотно, но сам разговор не поддерживал. На то, что я хотел узнать, ответов у него не было. Или же он не имел права об этом говорить. А прочие темы меня в этот день мало интересовали. И поэтому почти весь путь мы проехали молча. Сделали пару привалов, дали коням отдохнуть. К вечеру успешно прибыли на заставу.

Навстречу нам вышел белобрысый здоровяк. Увидев Раскиту, он радостно сдвинул его в объятиях.

- А ты, Строган, все такой же крепыш! - дружески ударил его по плечу Раскита.

- А ты все такой же дохляк! - пошутил приятель, по-ребячески задиристо ткнув его пальцем в грудь. - Ладно, пойдем жене тебя покажу. И с детьми познакомлю.

- погоди, а что они тут, на заставе, делают? - удивился Раскита.

- Я в карауле де́нно и но́чно, сыновья в дозор отправлены. - посетовал Строган. - Жену и дочерей одних в доме никак не оставишь: время тревожное, сам знаешь. Вот и живут нынче при службе. А для девиц-то это совсем не дело. Ты вот человек сведущий. Может, сподобишь моих дочерей в хорошей общине пристроить? Зарде́на, старшая моя, умна и сметли́ва. Младшая, Яра́та, проворна и к ремеслам способна.

- Пристроить можно, - ответил Раскита. - Если шить да кашеварить умеют, чистоту и порядок держать обучены, не строптивы и не склочны, то доброе место им всегда найдется. А я подсоблю́ чем сумею.

- Вот и славно! Ну тогда, ...идем? - подтолкнул его Строган.

- Постой, - обернулся Раскита. - Надо бы напарника моего устроить.

Строган подошел ко мне, и крепко пожав мою руку, громко окликнул стражника:

- Доро́н! Вот тебе гость: чтоб накормил на совесть и ночлег снарядил по чести!

Раскита пообещал скоро вернуться, и Дорон повел меня в караулку.

5. РАЗНЫЕ СЛУХИ

В крепости было тепло, даже жарко. Кроме нас, в комнате сидели еще два стражника. Они отдыхали после смены и, попивая горячий отвар, о чем-то горячо спорили. Завидев меня, один из них тут же поспешил вовлечь меня в свой спор:

- Вот скажи, ты - человек мирской, и из других мест прибывший. Что у вас там о князе стольном думают? А то у нас слухи разные ходят. Давно не видно его и не слышно. Одни говорят - заболел, помер. А нам скрывают. Другие судачат - сбежал. То ли присвоил лишка́, то ли другой кто грешен, о он ему помеха...

- Вздор все это! - отозвался другой стражник, сонно помешивая ложкой отвар. - Видели его люди. Ездит по волостям и весям, с поместными князьями беседует. И всякий раз говорит им: «Ступайте по своему усмотрению». От власти, стало быть, отрёкся, народ свой и землю родную на произвол отдал.

- Устал Велислав, - спокойно сказал Дорон, снимая тугие сапоги. - Старый уже.

- Вот и молвят, что выжил старик из ума, - снова оживился первый стражник. - И всё кара́ кули черкает какие-то. И улыбается, словно блаженный. Говорят, стишки сочиняет...

- Да просто купили его с потрохами. - меланхолично ответил второй. - Или запугали вконец. Только нам всё одно! Предал он нас. И ни до кого ему дела нет!

Одному я был рад, что увлекшись спорами, стражники совсем забыли о моем присутствии. Я не любил пускаться во все эти пересуды, не видел в них толку. Лучше от них жизнь не станет, а мысли и чувства будут отравлены. В придачу, за ними вслед и здоровье посыпется. И что они этим добьются?

Дорон подошел к печке и приставил к огню сапоги, нарочито звонко ударив подошвами об пол:

- Так, хватит тут кислоту разводить! О хорошем бы чем-то подумали! А то с вами и вода святая враз прокиснет!

Поправив кочергой осевшие в печке дрова, он добавил:

- Какой бы там ни был князь, землю свою на́м суждено защищать. А коли жить по чести и совести, и нужда отпадет виновных искать!

Я только что заметил, что Раскита уже сидел в глубине комнаты. Он внимательно слушал разговор, и тоже, как и я, предпочитал не вмешиваться. А Дорон как будто услышал и повторил мои мысли. Или так совпало...

6. САМ СЕБЕ ВЛАСТЕЛИН

Переночевав на заставе, утром мы снова отправились в путь. Строган собрал нам в дорогу угощений. Так что о пропитании нам можно было не беспокоиться. После встречи с другом мой спутник стал немного разговорчивей. А может, он просто начал ко мне привыкать. Он говорил о семье, детях и прочих житейских радостях. Похоже, ему очень хотелось на время забыть о том нелегком грузе забот и проблем, что нес он все эти годы на своих плечах. И поэтому все разговоры были только о чем-то приятном.

Так незаметно мы дошли до маленькой деревеньки, стоявшей в небольшом отдалении от дороги. Вспомнив, что у коня погнута подкова, Раскита предложил мне узнать, нет ли в деревне кузнеца. На нашу удачу кузнец был. Нас

встретил рослый богатырь с густой, широкой бородой. Он внимательно оглядел нас суровым взглядом, аккуратно приставил к стене тяжелый молот и строго спросил:

- Кто будете? С чем пожаловали?

Мы назвались и объяснили цель своего визита. Кузнец еще раз испытующе поглядел на нас и велел привести коня. Раскита ушел. Я спросил строгого хозяина, как к нему обращаться.

- Я - Вели́кша, - ответил он, наполняя углем большую бадью́. - А это - сын мой, Оле́сь, - показал он на юношу, стоявшего неподалеку у верстака.

Сын не был таким мощным и высоким, как его отец, но все же унаследовал от него немало. В ответ на мое приветствие юноша встал и скромно улыбнулся.

- А вы куда путь держите? - поинтересовался Великша.

- К стольному князю едем, - ответил я.

- А... кто у нас нынче кня́жит? Ярисвет, что ли?

- Да нет, отец, Ярисвет помер давно, - откликнулся Олесь.

- Ты почему знаешь?

- Перехожие сказывали.

- А кто же теперь? - обернулся ко мне кузнец.

- Велислав, - ответил я.

- Ну и ...как он?

- Люди разное говорят. Кто ругает безбожно, кто верит в него. Сам я с ним не знаком, а по слухам и сплетням судить не берусь: на то базарные бабки гора́зды. Встречу, узнаю - тогда и скажу.

- Справедливо, - кивнул головой Великша. - Только сердцу своему до́лжно верить.

Он воткнул в землю лопату и снова взглянул на меня:

- Впрочем, нам всё одно, что за князь там у вас правит. Кто с землей-матушкой дружен да ремеслам живым обучен, тот сам себе князь и властелин.

7. ОТ ЧИСТОЙ ДУШИ

Раскита привел коня, и кузнец взялся за работу. Мы пристроились на лавке в тени, разминая ноги после долгой дороги. День выдался жаркий, и полуденный привал оказался очень кстати. Мерное постукивание молота у нас за спиной уже начало понемногу клонить в сон. Я зевнул, потянулся и устроился поудобней, насколько это было возможно... Но подремать, все-таки, не удалось: Великша вручил Раските его коня и вежливо попросил покинуть кузницу.

Распрощаться, правда, сразу не удалось. Строгий хозяин предложил нам пока не спешить с отъездом. Видя наше недоумение, он пояснил:

- Коль уж с нами в обед оказались, уважьте, отведайте с нами.

Нас усадили за стол под сенью высоких берез. К нам подошла юная деви́ца с полным кувшином свежего кваса.

- Это дочка моя младшая, Бея́на, - ласково представил ее нам Великша, - умница и умелица.

Беяна смутилась, зарумянилась, торопливо поставила кувшин на стол, и тут же убежала в дом. А через пару минут появилась снова, держа в руках большое блюдо, накрытое полотенцем. Потом было еще одно блюдо. И еще...

- Это вы что, всякого путника так угощаете? - удивился мой друг.

- Нет, не всякого. - привычным строгим тоном ответил хозяин. - Мы и помогаем не всякому. А лишь тем, кто помыслом чист да сердцем богат.

- И как же вы это узнаете?

- Живой всегда различит живого. На то и дана душа. Иначе как же нам Свет небесный уберечь? ...Однако, довольно разговоров, коль за столом сидим. Вы ешьте лучше, угощайтесь.

8. ЗАВЕТНЫЙ ДАР

Поблагодарив хозяев за сытный обед и за теплый прием, мы стали собираться в дорогу. Из дома выбежала Беяна. В руках у нее был рушник, вышитый белыми лебедями. Она подошла ко мне и, смущенно опустив глаза, сказала:

- Это я сама вышивала. Вот возьми на память.

Я, признаться, тоже немного смутился и, бережно приняв подарок, выразил взглядом свою признательность. Олесь поглядел на меня, потом на Беяну и, чуть подумав, быстро забежал в дом. Он вынес оттуда небольшую резную шкатулку и протянул ее Раските:

- Возьми, пригодится. Что положить - сам найдешь. Я только сегодня ее закончил. Видать, для тебя делал.

Жаль, что у нас не было с собой ничего, кроме оружия и походного снаряжения. И все, чем мы были сегодня богаты - это слова благодарности. Мы оседлали коней и, простившись, направились к дороге.

Великша, все это время стоявший поодаль, вдруг громко окликнул нас. Мы остановились, спешили и снова подошли к дому. Кузнец достал из-за пазухи небольшой круглый диск из блестящего белого металла с легким золотистым оттенком. На нем было изображено Солнце.

- Как-то давно человек один приходил... - сказал он, разглядывая диск. - Вот эту штуковину мне заказал, вроде как медаль. Дал форму из глины и слиток металла принес. Отлить просил. Сказал - для Ярисвета. ...Так вот я подумал: коли он помер, вручите его князю вашему. Кто он есть, я не знаю, не ведаю. Но в знаке этом будет ему завет. Пусть Солнце отныне ляжет на его сердце, и мысли его станут светлы.

Я осторожно взял медаль. Она была легкой, как перышко и как будто немного теплой.

- Из чего она сделана? - удивился я.

- Сам не знаю, - признался кузнец. - Сколько металлов видал, такой впервые встречаю: плавится ту же булата, время его ничем не берет. А куски разные сами по себе крепко сцепляются. И только лишь между собой, а к другим металлам - никак.

Великша огляделся по сторонам и окликнул Беяну:

- Дочка, принеси-ка нам лебедушку!

Беяна прибежала, держа в ладонке маленькую фигурку лебедя с раскрытыми в полете крыльями. Она тоже была сделана из того же металла.

- Вот, остаток был. - пояснил кузнец. - И по просьбе дочки я лебедушку эту отлил. Так вот гляди, как прицепится!

Великша положил птицу на солнечный диск. Перевернул медаль, потряс. Лебедь держался крепко. Он попытался оторвать его рукой. Но лебедь даже не шевельнулся.

- Смотри, как прилип! - поразился Великша. - Видимо, долотом поддеть придется!

- Постой, не отрывай! - схватила его за руку Беляна. - Пусть останется! ...Видно суждено ему тут быть...

9. ПОСЛЕДНИЙ ПРИВАЛ

Мы ехали по полю не спеша. Планы были все равно спутаны, но мы об этом, конечно же,нисколько не жалели. К ночи мы должны были доехать до очередной заставы, но теперь мы бы успели туда разве что к утру. Хорошо, что у Раскиты своя палатка. Все-таки, будет где заночевать.

Мы вспоминали прошедший день, любовались природой, слушали, как поют луговые птицы. Так мы проехали до заката. Сумерки застали нас на лесной тропе. И мы решили, что пора делать привал, пока еще хоть что-нибудь видно. Подальше от дороги, на небольшой полянке разбили палатку, набрали сучьев и хвороста. Развели огонь. Уселись поудобней и начали добрый вечерний разговор. Тихо потрескивал костер, подбрасывая в небо яркие снопы искр. В котелке потихоньку варилась похлёбка. Где-то поблизости стрекотали кузнечики. То здесь, то там время от времени у́ хали ночные птицы. Кони дремали, изредка фыркая во сне.

Я тоже начал было подрёмывать, но вдруг неожиданно меня встревожил какой-то странный звук. Это были чьи-то шаги. Медленно привстав, мы приготовили к бою мечи: мало ли кто мог пожаловать в этот поздний час.

10. НОЧНЫЕ ШОРОХИ

Гостей долго ждать не пришлось. Из темноты появились две фигуры. Выглядели они молодо и весьма неряшливо, хотя отнюдь не бедно. Большого доверия гости не вызывали, и Раскита шепнул мне, чтобы я приглядывал за вещами. Тот, что был повыше и постарше, спросил, можно ли погреться у огня. И, не дожидаясь ответа, запросто подсел рядом с нами. Его напарник тут же присоединился. Они вели себя так, как будто мы с ними давно знакомы и им тут должны быть безмерно рады. Конечно, нам не представляло труда выдворить их за пределы нашей стоянки, но мы решили немного подождать и присмотреться к незванным гостям.

Младший громко кашлянул, почесал затылок и с любопытством повернулся к нам:

- Я - Палён, а это - Маку́ ла. Вот тоже... идем.

Он снова почесал затылок, потом вскочил и подтащил к костру небольшой мешок:

- А мы тут по дороге картошечки немного дернули. Не желаете?

- То есть, украли? - спокойно спросил Раскита.

- С чего же украли? - хмыкнул старший, которого, видимо звали Макулой
- Трудом заработали: битый час копали!

Раскита ничего не ответил. Палён пожал плечами и высыпал несколько клубней на землю. Потом осторожно засунул их в золу и, отряхнув руки, протянул к огню ладони.

11. ПЫЛЬ НА ВЕТРУ

Отцепив от ремня флягу, Макула шумно отпил пару глотков и, вытерев рот рукавом, обернулся к Раските:

- А мы в Вышний Яр по утру. Может, по пути?

- Нет, мы не в город, - устало ответил Раскита, поправляя на плечах накидку.

- А зря, - покачал головой Макула. - Там большие дела замышляются!

- Что за дела? - так же устало спросил мой друг.

- Неужто не знаешь? - удивился наш гость. - Да там, можно сказать, власть нынче меняется!

- Парень там один, горячий такой, языкастый, - нетерпеливо вмешался в разговор Палён. - Гудия́н. Гу́нькой его еще кличут. Так он там всюю народ поднимает, чтоб Велислава с престола скинуть!

Раскита не спеша взял ложку и помешал в котелке похлёбку. Осторожно попробовал и аккуратно положил ложку в лежащую рядом миску. Пристально поглядел на своих шумных собеседников:

- Языкастый - это, конечно, хорошо... Вот только на чувствах он ваших играет и страсти из вас вышибает. А значит - лукавый, и силам не лучшим служит. ...Ну а коли злобой да ненавистью пышет, тот всю свою силу до боя растратит. Что толку от такого горе-героя? К слову, и злоба сама - она тоже от лукавого...

Макула недружелюбно нахмурил брови:

- А ты, случаем, не из тех, кто на этого, стольника, молится?

- Молиться - удел рабов, - почти безразлично ответил Раскита. - А я - человек вольный, и судьбе своей сам хозяин. А вожди и кумиры нужны лишь пустым головам да мертвым душам. Ведь без Гуньки и ему подобных они полное ничто, бесформенная каша.

Палён резко вскочил и схватился было за кинжал. Но мой друг даже не повернулся в его сторону и бесстрастно, почти безразлично ответил не его выпад:

- Всякая ссора и смута любая только врагам нашим на руку. И во все времена лишь к разрухе и голоду приводила. А как нагрянет напасть, то́тчас и мародеры заморские объявятся. Для того-то оно всё и затеяно! Пока меж собой грыземся, нас голыми руками возьмут да сожрут по одиночке. А с нами - и землю нашу! ...Так кто же тогда, скажите мне, те, кто Гуньку этого на руках носят?

Пален растерянно переглянулся с Макулой и медленно сел. Раскита отпил глоток из железной кружки и, чуть помолчав, добавил:

- А что до кумира вашего... На деньги заморские, да с их великой подмогой только полный идиот не станет героем толпы.

12. И ЧТО ТЕПЕРЬ?

Какое-то время наши гости молчали, задумчиво глядя в огонь, лишь иногда перекатывая длинными прутиками лежащую в золе картошку. Одну достали, ткнули палкой. Картошка была еще сырой. Пришлось затолкать ее обратно. Еще немного посидев в тишине, Макула с силой воткнул палку в землю и, нахмутив брови, обернулся к Раските:

- Ну и что предлагаешь тогда? Или ты всем доволен?

- Нет не доволен. Много чем недоволен, - как всегда невозмутимо ответил мой друг.

- И к чему же ты призываешь? - нетерпеливо вмешался Палён.

- Ну уж точно не к бунту. Люди вольные, Солнцем согретые, тянутся к миру, покою, добру, любви, радости. На том и держат свой путь. А кто лукавым запутан, чьи души в цепи закованы и во тьму затворены, те лишь страхами до злобой жить способны. Све́рлит и разъедает их зависть, обида, ненависть, месть. И всё, на что они горазды - ломать и рушить мир, в котором сами живут. То ядовитым словом, то рукой горячей. А после всегда виновных находят. И уж конечно не в себе.

- Ну и... что тогда делать, по-твоему? - еще больше нахмурился Макула.

- Когда человек цельный, свободный видит неладное, он говорит себе: у меня есть голова, руки, и я сделаю все, чтобы у меня и вокруг меня жизнь стала лучше. А души грошовой и мало на что годные сразу ищут, кого обвинять и у кого требовать спасения от своих напастей. Годы считают десятками, а только два слова хорошо выучили: «Дай!» и «Хочу!» И почему-то считают, что нагадив правителю и власть расшатав, они жизнь оттого лучше сделают. Только вот не было еще случая, чтобы, ломая, что-то исправить сумели. ...Вот вы знаете, как надо, чтобы все было хорошо? Так засучите рукава и покажите своим примером, как мир возродить и радостью его наполнить. А не знаете, не можете, так нечего воду мутить! Идите лучше за теми, кто дело полезное делает, а не языком длинным метелит.

Раскита встал и аккуратно снял с огня котелок. Разлил по нашим плошкам и предложил гостям. Они напряженно переглянулись и Палён, мельком взглянув на аппетитную похлебку, нерешительно ответил:

- Да ну... нет. Мы же, ...вот у нас картошка...

Он поспешил достать из золы большой клубень. Обжигаясь и морщась, начал торопливо отковыривать горелую кожуру. Макула, поглядев на друга, решил просто выкатить картошку из огня и дожидаться, пока она немного остынет. Раскита все же отдал гостям остаток похлебки. И напоследок добавил:

- Вот что я хотел бы еще сказать: главное, чтобы Свет был во всём. В каждом слове и в деле каждом. В пустоте и мраке не построишь светлое будущее. А наполнишь сиянием душу - тьма сама от тебя отступит. Так уж природа устроена.

13. БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ

Проснувшись утром, мы уже не застали наших гостей. Они предпочли уйти, не прощаясь. Мы пожелали им вслед добра и решили потихоньку сворачивать лагерь. Сложили палатку, собрали в дорожные мешки всю утварь. Залили костер.

Седлая коня, Раскита спросил, почему я все время молчу и не вступаю ни в какие споры.

- Чтобы донести мысль, не всегда обязательно говорить вслух, - попытался объяснить я. - Порой тишина говорит больше, чем самое мудрое слово. Ну а нынче ты и сам сказал все, о чем я только подумал. Так что мне даже нечего было добавить.

Остаток пути мы прошли без особых приключений. Разве что мост через

речку, на который мы возлагали надежды, оказался достаточно ветхим. И под тяжестью коня он запросто мог рухнуть. Пришлось искать брод. А после еще плутали, чтобы вернуться на дорогу. И поэтому к месту назначения мы прибыли только вечером.

14. ТИХОЕ ПРИСТАНИЩЕ

Честно говоря, я до последнего думал, что мы едем в Ста́ргород или Вышний Яр. Но мы оказались на лесной поляне, по краю которой разливалось большое озеро. На поляне стояли две походные палатки и длинный дощатый стол посередине. Здесь я и должен был встретиться с князем.

За столом сидели два человека и тихо о чем-то разговаривали. Вид у обоих был весьма суровый. «Интересно, кто же из них Велислав?» - подумал я, разглядывая их лица. Раскита, словно услышав мои мысли, поспешил нас познакомиться. Кратко пояснив, кто я, он указал на плечистого мужчину:

- Это Берве́ст, наш воевода.

Воевода привстал и, глянув исподлобья, молча пожал мою руку. Рукопожатие оказалось весьма крепким... Убедившись, что наше знакомство уже состоялось, Раскита показал на его соседа:

- А это Серме́ж. Он - по тайному дознанию. Задача его - всякий заговор и угрозу наперед знать.

Сермеж тоже пожал мне руку и ответил кратким приветствием. Все это время он пристально смотрел мне в глаза, будто пытаясь увидеть меня насквозь. И этот взгляд из-под светло-русой челки густых волос мог бы обезоружить кого угодно.

Да, каждый из них нес на себе великое бремя ответственности, которое мало кому дано ощутить и осознать. Размышляя об этом я впервые задался вопросом: кто же тогда Раскита при князе? Чуть подумав, он так ответил на мой вопрос:

- Ведаю делами по улаживанию споров и ра́спрей. То с боярами местными, то с послами заморскими. Иной раз паникеров и смутьянов в чувство при-

водить приходится. Словом, чтобы не было шума да суматохи, и страсти разные до бед не доводили.

Наверное, можно сказать, что я познакомился с Раскитой заново. Обменявшись с ним парой слов, я спохватился, что до сих пор не встретился с князем и спросил, где мне его найти.

- Вон, на озере сидит, лебедей кормит, - показал рукой Бервест. - Видишь, за той ивой?

Я собрался было идти к нему, чтобы сообщить о своем прибытии, но Сермеж меня остановил:

- Не спеши. Пусть немного наедине побудет. У нас тут все равно ужин поспевает. Будет готов - позовем.

15. ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА

К ужину появился князь. Я подошел и представился. Он приветливо кивнул и сказал, что очень ждал меня. Я спросил, для чего же, все-таки, я сюда призван? Ведь меня до сих пор держали в полном неведении. Но он только мягко взял мою руку и тихо сказал:

- Не спеши. Оставь на завтра. Отдохни пока. ...Вон, погляди, какая вокруг красота, воздух какой волшебный! А птицы-то как поют!

Что ж, пришлось в очередной раз запастись терпением. Мы сели за стол. Велислав занял свое место во главе стола. По одну сторону уселись Сермеж с Бервестом, мы с Раскитой расположились с другой стороны. Меня посадили ближе к князю. За едой говорили немного, и всё о чем-то простом, житейском. А больше просто молчали, слушая вечернюю тишину. И лишь изредка, на краткий миг встречались взглядами. Так незаметно время прошло до самых сумерек.

Наконец, мои соседи встали и отправились убирать со стола. Я последовал было за ними. Но князь задал мне какой-то вопрос, что-то совсем незначительное. Пришлось отвечать, и я немного задержался. Он спросил еще о чем-то. А потом просто притих, то ли мечтательно, то ли отрешенно глядя куда-то вдаль.

Я не хотел тревожить князя и молча сидел рядом. Все равно спешить было некуда. Вечер стоял теплый и тихий, лишь иногда поддувал легкий ветерок. Погода сама располагала к отдыху и покою. Посидев еще немного, Велислав аккуратно отодвинул в сторону тарелку: еда его осталась почти нетронутой. Он поправил перед собой скатерть и задумчиво погладил ее ладонью:

- Со времен первого похода мне служит. Прохудилась вся уже, обветшала...

16. ЛИЧНО В РУКИ

Солнце уже скрылось за горизонтом и начало понемногу темнеть. Князь ушел в палатку. Бервест отправился вслед за ним. Я присел к костру, составив компанию Сермежу и Раските. Подбросив хвороста в огонь и устроившись поудобней, я прикрыл глаза, постепенно погружаясь в вечернюю тишину. Мысли текли плавно и спокойно, с каждой минутой звуча все тише и тише. Я, кажется, начал засыпать...

Но тут внезапно тишину нарушил стук конских копыт. Кто-то прибли-

жался к нашему лагерю. Мы взялись за мечи в ожидании непрошенных гостей. Бервест в полном оружии выглянул из палатки. Мгновение спустя на краю поляны появился молодой всадник. Спрыгнув с коня, он быстро подошел к нам и, чуть отдышавшись, спросил:

- Тут лагерь князя Велислава?

- А сам ты кто будешь, чтобы его спрашивать? - спокойно ответил Сермеж.

- И что за дело к нему?

Юноша немного смутился, но тут же взял себя в руки и браво отрапортовал:

- Кро́пот, ратный десятник из Белого Отро́га. Грамота у меня к стольному князю.

Сермеж пристально поглядел на гонца:

- Я помощник князя. Давай грамоту, передам.

- Лично в руки доставить велено, - упрямо глянул исподлобья Кропот.

- Ты, я глажу, хорошо обучен, - усмехнулся Сермеж.

- Обучен как положено, - угрюмо буркнул парень, пряча бумагу в рукав.

Велислав вышел из палатки. Кропот, оттянувшись в струнку, представился князю и почтительно передал ему свиток. Развернув послание, князь бегло пробежался по нему взглядом и, едва заметно кивнув, отдал бумагу Бервесту. Кропот нерешительно шагнул вперед и робко сказал:

- Мне еще вопросы просили задать...

- Отдохни пока... - мягко остановил его князь. - Всё успеется. Утро мудренее...

Чуть подумав, он повернулся к Сермежу:

- Юношу накормите и ночлег ему устройте.

- Но мне в дружину до́лжно, - встревожился Кропот.

- Что же ты, воин исправный, а князю своему перечишь! - игриво толкнул его в бок Раскита. - Иди, расцехлай свои латы, коли сказано!

17. ЦАРСКИЙ РАЗМЕР

Плотно поужинав и осмотревшись на новом месте, Кропот подошел к костру, у которого молча сидели Сермеж и Раскита, задумчиво глядя в огонь. Он осторожно спросил, не мешает ли им его присутствие. Раскита, сидевший на длинном бревне, подвинулся и кивнул на свободное место. Кропот сел рядом. Украдкой глянул на одного соседа, потом на другого. Тяжело вздохнул и, подняв с земли сухую ветку, подпалил ее кончик. Напряженно глядя куда-то перед собой, он стал выводить горящим концом огненные круги. Нечаянно задев полено, вышиб из него целый сноп искр. Виновато оглянувшись на старших товарищей, поспешил бросить ветку в огонь. Какое-то время посидел молча. Потом, неловко кашлянув, спросил:

- Говорят, у князя хоромы есть, несметно богатые. Что же он тогда здесь, в глухомани, сидит?

- Много чего говорят языки змеиные, - спокойно ответил Сермеж, - подбрасывая хвороста в огонь. - А сороки трескучие всё, что ни по́падая на хвосте своем грязном растаскивают.

Он взял длинную палку и аккуратно поворошил мерцающие угли костра. Яркие искры горячей струйкой взвились в ночное небо. Сермеж подложил в

костер еще несколько хвойных полешек и снова поглядел на Кропота:

- Говоришь, ему закрома́ золотые приписывают? А ты сам на него погляди: нужны ему все эти дутые роскошества?

Юноша огляделся по сторонам:

- А... где он?

- Вон, у озера сидит с воеводой. Тишину слушают да звезды читают. ...С чего он тут, спрашиваешь? А с того, что в лесной тишине да под небом чистым мудрости поболее будет, чем во всех ваших умных книжках. Нужно только научиться слушать эту тишину. Так где же еще постигать истину, как не здесь, вдали от шума и суеты?

Сермеж замолчал. Раскита аккуратно подгреб к середине горящие поленья и, снова присев на бревно, повернулся к Кропоту:

- Что живой душе все эти дворцы и хоромы? Клетки каменные! А тут простор тебе и раздолье, мир без конца и края. Неиссякаемый родник Жизни. Вот оно - истинное воплощение богатства и величия! Так где же еще быть великому князю, как не здесь?

18. В ОЖИДАНИИ ВЕСТЕЙ

Кропот долго молчал, пристально вглядываясь куда-то вдаль. То ли он слушал голоса леса, то ли внутренний его голос блуждал среди вопросов и сомнений. Или все это разом переплелось в его беспокойном сознании. Наконец, он, все-таки, решил спросить о том, что тревожило его больше всего:

- Ну вот он сейчас здесь, а там кое-кто из бояр и князей удельных произвол и беззаконие учиняют. Разве не видит он этого?

- Всё он видит и знает, - ответил Сермеж, глядя на пламя костра.

- Что ж ничего не делает? - с горечью спросил юноша.

- Если б ничего не делал, нынче бы хаос полный царил. А то, что попустил многое, на то есть свои причины.

- И... что это за причины? - напряженно взглянул на собеседника Кропот.

- Двух вестей он дожидаться должен. Одна от тех, кому эта земля дорога, а другая - от тех, кто погибель ей прочит.

- Что за вести такие? - удивился Кропот.

Сермеж подвинул к себе котелок и налил в кружку воды. Отпив пару глотков, он поглядел на юношу и, чуть подумав, ответил:

- Наверное, будет понятней, если я начну со второй вести.

19. ОХОТА НА СЕРЫХ

- У нас много врагов. Когда есть, что грабить и есть, чему завидовать, их всегда много. Огнем и мечом осаждают извне. Шатают и бьют изнутри мятежами и бунтами. Но это враги явные. Как бы сильны они ни были, они всегда перед тобой. А значит, уязвимы.

- Но есть еще враги тайные. Они могут тебе улыбаться, клясться в вечной дружбе, заключать в горячие объятия. А завтра внезапно воткнут нож в спину. Такие враги непомерно опасней. Ты не знаешь, кто они, где таятся, сколько их на самом деле, и что они замышляют. А значит, ты перед ними почти беззащитен. Будь ты хоть самый искусный воин, меч твой тебе не поможет. Ведь лицом

к лицу в открытый бой они с тобой никогда не выйдут. Они нападают только из темноты и бьют со спины, как все подлецы и трусы.

- Но есть и на них средство. Только выдержка для этого нужна немалая. И терпение.

Сермеж подлил еще воды в кружку и, наполнив котелок, поставил его на огонь. Кропот, видимо, еще не был обучен терпению: всем своим видом он торопил собеседника рассказать наконец-то, в чем средство от тайных врагов. Сермеж, как всегда, никуда не спешил. И Раскита, обменявшись с ним взглядами, решил продолжить:

- Когда я служил на заставе, у нас как-то завелись крысы. Расплодились так, что нигде от них спасения не было. И бить, и травить пытались, а они вновь появлялись. Хитрые они твари, умные и прячутся хорошо. И чем больше бьешь, тем ловче и надежней прячутся. А был у нас в то время пушкарь один, спокойный такой, рассудительный. Сказал он нам тогда: «А вы не трогайте крыс. Пусть они решат, что вы отступились. Тогда осмелеют, обнаглеют, и все, как одна, вылезут».

- - Делать было нечего, решили попробовать. Ждали день, ждали три, еще подождали. И правда, осмелели, перестали прятаться. Хотели мы их шлепнуть, а пушкарь говорит: «Рано. Первыми глупцы и простофили вылезают. А самые хитрые и опасные до последнего ждут». Что ж, пришлось еще терпением запастись и выходки крысиные смиренно выносить. А пушкарь все смотрит, оценивает. И как-то раз говорит: «Всё, ребята, в бой!» Так вот, после того ни одна крыса больше у нас не объявилась.

20. ИЗ ЛЕДЯНОГО МРАКА

Кропот задумчиво подобрал ноги, обняв руками колени:

- С крысами-то понятно... А в нашем, людском мире не слишком ли это опасная игра?

- Что может быть опасней, чем тайный враг? - услышал он голос из-за спины.

Юноша вздрогнул и обернулся. К огню подошел Бервест. Поставив на пень пару железных кружек, он подсел рядом. Мельком взглянув на Кропота, он продолжил:

- Да, опасно, и мы каждый день несем потери. Но иначе ты не заставишь врага встать перед твоим лицом.

Кивнув в знак согласия, Сермеж продолжил:

- Явных врагов заставить трудно. Но в тысячи раз трудней вывести на свет тех, кто правит королями, что беды и несчастья нам несут. Ведь короли эти - всё больше куклы подневольные. А те, кто ими верхово́дят, надежно скрыты в темноте. И жаждут страстно все живое разом пожать и смять в один ледяной кулак. И покончить раз и навсегда со всеми, кто еще хранит в себе свет и тепло вольных сердец.

Бервест дождался, когда закончит его товарищ и, погладив свой меч, добавил:

- Так что нужнее нам всего до них добраться и все их слабые места познать. Ведь только тогда мы сможем мир на земле возродить и защитить его надежно.

Еще раз поглядев на Кропота, он привстал и снял аккуратно с огня котелок с водой:

- За кипятком я пришел. Отвар на крепкий сон сделать хочу. День завтра будет нелегкий.

Он наполнил кружки и, подлив новой воды в котелок, подвесил его на огонь. И ушел так же тихо и незаметно, как и приходил.

21. ЛИЦА И МАСКИ

Из огня выкатилась полусгоревшая головешка. Юноша загасил сапогом уголек и подхватив ее с другой стороны, начал напряженно чертить на земле кривые линии.

- Может и надо ждать, ... молчать... - мельком, исподлобья глянул он на своих спутников. - Но вы же знаете, пока он молчит, иные при власти его имен указы позорные пишут и дела вершат непристойные. А гнев народный весь на него спускают. И всех, кто верен ему, шельмуют. А еще недовольных и буйных на них науськивают!

- Да, нынче смута и междоусобица - их главное оружие, - покачал головой Сермеж. - Только в хаосе и неразберихе им сподручно делишки свои черные проворачивать. Ворам и заморским стервятникам пуще жизни хочется нас разобщить, рассорить, обозлить и запугать. И силы на то они тратят немалые.

- А что до клеветы и поклёпа на князя... Это война, и в каждой войне свои жертвы. Лишь время потом рассудит, кто был кем на самом деле... Ну а пока приходится порой играть в поддавки и терпеливо ждать. Иногда стоит на время притвориться слабым, беспомощным, безразличным. Только тогда узнаёшь всех подлецов и предателей, трусов и буянов. А еще узнаёшь, кто же твой настоящий друг и соратник, на которого можно положиться в самый тяжелый час.

- Нынче маски многие носят. Князья и бояре, опричники и приказчики. Бывает, негодяя полжизни святым считаешь. А порою и друг в негодяя играет.

- Это как? - удивился Кропот.

- А вот так: издал мерзавец при власти указ супроти́ в народа. И дал приказ подданным исполнить его немедленно. А тут один как бы забыл, другой как бы что-то напутал, третий как бы небрежно исполнил. А в итоге глядишь: результат-то ничтожный! ...Или еще, например: какой-то «вороватый» припешник деньги увел из артельной казны. А завтра «вдруг откуда-то» в дружине броня новая объявилось. Или в год неурожая «неожиданно» золото нашлось зерна закупить. А бароны заморские бьются в истерике: «Ну откуда?! Мы же всё сделали, чтобы они с голоду на колени рухнули и милости нашей умолять начали!» ...Вот так, мой друг! Не всегда стоит судить по обложке...

22. С КОГО СПРОС?

Пока Сермеж держал речь, Раскита успел заглянуть в палатку и принести небольшую стопку румяных лепешек. Поделив их на всех, он снова занял свое место у костра. Подкрепление было очень кстати: Кропот уже успел проголодаться, хотя ужин был совсем недавно. Видимо, от волнения. Он жадно съел пару лепешек и потянулся за кружкой. Недавно Раскита заварил чабрец, и сейчас, по вечерней прохладе, он был очень кстати. Согревшись горячим чаем, Кропот снова повернулся к Сермежу:

- Так значит, первая весть - это когда серые из нор вылезут?

- Верно, - ответил Сермеж. - Ты хорошо соображаешь. А насчет второй сам сможешь догадаться?

Кропот наморщил лоб.

- Ну... Лиходеи заморские... Хотя, ... наши злыдни заодно с ними, а значит, и весть одна. Тогда... наверное, что-то обратное... Если там - враги, тут друзья должны быть, или соратники. ...Ну или... там господа, а тут народ...

- А если так, каких вестей нам от них ждать? - спросил Сермеж.

Кропот озадаченно почесал затылок:

- Кто-то народ разбудит, поднимет... Но если бунт и восстание, это разруха пойдет и убийство. Оно же только врагам на руку... - растерянно взглянул юноша на Сермежа.

- А тут смотря что разбудишь, - вступил в разговор Раскита, ломая об колено большую ветку. - Дурные глотки и шальные кулаки разбудить несложно. Лазутчики иноземные неустанно толпу на то науськивают. Благо, безголовых и чумных всегда хватает.

- А если честь разбудить и совесть, душу и разум, люди такие с ними в один строй никогда не встанут. Человека мудрого и сердцем богатого никакая сила не сможет обмануть или заневолить. Пуще смерти ироды боятся этого пробуждения. Потому ничего не жалеют, чтобы держать людей в скотском сознании. Только жрать, брать, не ценить ничего и ни за что не ответственность. А во всем, что не так, дядьку винить.

Раскита поднес поближе к костру небольшую охапку веток и, сев на бревно, продолжил:

- Многих уже сумели оболванить. Ведь это же так удобно: везде, всегда и во всем в ответе кто-то, но только не я. А значит, и тяготы жизни разгрести я не должен. На это дядька есть. Один на весь огромный народ. ...Только вот сколько бы чинов и почестей ему ни вешали, он один есть, один и останется. А их, долей своей недовольных, множество великое. И сила в этом множестве несметная кроется. Так скажи, кому же тогда за землю родную ответственность? Кому отозваться хозяйской заботой?

Кропот только хмыкнул в ответ. Его собеседник достал кружку и, отпив пару глотков, закончил свою мысль:

- А пока все в одного пальцем тычат, да все за одной спиной прячутся, грош цена народу такому, и судьбы лучшей он не стоит. Видно, не так дорога им судьба, раз они так легко готовы ее кому-то другому сбавить.

23. ЦЕЛЕБНЫЙ ЯД

Раскита сломал еще несколько веток и бросил в огонь. Костер громко затрещал, разбрасывая во все стороны яркие снопы искр. Сермеж взял из поленицы небольшую липовую болванку и, достав охотничий нож, начал задумчиво вырезать на ней какие-то несложные узоры.

Я сидел на лавке рядом с палаткой, со стороны наблюдая за увлеченной разговором компанией. Я любил вечернюю прохладу, ночное звездное небо и тихие голоса спящего леса. И сидеть у жаркого огня мне не хотелось. Да и говорить было особо нечего, ведь я жил вдали от всей этой суеты и знал о ней меньше, чем каждый из них. Так что я предпочел остаться незаметным и просто слушать.

Раскита снова заговорил:

- Кое-кто во всех грехах князя клянёт. Может быть, и в том он виноват, что народ так крепко держится за цепи свои и кандалы? С рабской покорностью встает на четвереньки и влезает в ошейники за миску похлебки на мягком коврик... Или, говорите, власти они ругают? Только ведь пока народ готов за подачки произвол и бесправие терпеть, он сам эту власть укрепляет и верной защитой ей служит. Так кого же винить: того, кто выше всех подняться возжелал или тех, кто ежечасно жадностью своей или трусостью власть эту си́лит и множит? Сами взрастили чудовище, так самим бы и ответственность, а не прятаться малодушно и на крайнего сваливать!

Кропот, чуть помолчав, мрачно спросил:

- То есть, ... всё так плохо?

Раскита ответил не сразу. Он не спеша подобрал рассыпанные на земле ветки, бросил их в огонь, отряхнул руки, и только потом снова обернулся к юноше:

- Нет, не всё. Нам волей провидения помощники хорошие попались.

- Что за помощники? - с надеждой поднял глаза Кропот.

- Воры и лиходеи, что хоромы присвоили княжиим.

- Это что, шутка?! - чуть не вскочил юноша.

- Нисколько, - спокойно ответил Раскита. - Люди бесчестные, душами нищие, меры на знают ни в чем. Власти, богатства - сколько ни дай, им всё будет мало. Долго способен народ притеснение терпеть, унижение. Но есть у всего свой предел. И как только власть самодуров превысит ту меру терпения, тогда никакие подачки и никакие угрозы не смогут заставить их встать на колени. Люди охотней пойдут на лишения, чем дальше оковы терпеть. И пусть хоть из золота цепи, свобода им будет дороже.

Раскита замолчал. Сермеж, дорезав на полешке очередной узор, аккуратно сдул стружку и снова вступил в разговор:

- Ты видишь, как погрязли люди в суете мелочной, заботах плотских и страстях, на вещи и золото молятся страстно. Во всей этой суматохе уже друг друга видеть перестали. Себя же вовсе растеряли. А это - до гибели полшага. ...И стало б так, да только произвол князей удельных, которому ни меры, ни предела, многих оттолкнул от тех фальшивых ценностей, что ироды лукавые старательно внушали.

- Начали вновь люди искать опору в чем-то живом, настоящем, вечном. О чести вспомнили и гордости, о доброте и дружбе, о любви и воле. Невольно стали отбрасывать ненужное от нужного, ничтожное от ценного. А значит, близок час, когда, отбросив весь никчемный мусор, они увидят, что опричникам уже их не за что цеплять. И заманить ничем уже не смогут и нечем будет запугать. Кончится власть их великая. А с ней и они кончатся сами. Вот и вся война!

24. ЧАС ПРОЗРЕНИЯ

Кропот взволнованно подвинулся ближе к Сермежу:

- Так надо же помочь народу, чтобы скорее ему прозреть и подняться!

Сермеж покачал головой:

- Если открыто к народу выйдешь, тут же всех крыс переполошишь. И тогда вся охота на смарку. А это ведь - долгие, трудные годы разведки в глубокой

засаде. ... Да и что толку, если им всё разжуют, в рот положат, да еще и слюни вытрут? Так ничему и не научатся. А завтра еще какой-нибудь хлыщ объявится и снова ограбит, унизит, да еще и пинком угостит на прощание. ...Нет, мой друг. Люди должны сами доказать себе и другим, что лучшей жизни достойны. И что жизнь эту беречь и защищать готовы!

Сермеж внимательно оглядел со всех сторон резную полешку и, спрятав нож, поставил ее на пенек. Отряхнув колени, он уселся поудобней и закончил свою мысль:

- Вот потому и молчит Велислав, что народ сам должен сказать свое слово. Остаться ли им рабами вещей и чинов, страстей и привычек, или все же встать на путь воли сердца и разума.

- Да, путь не из легких. Но иного не будет. Булатный клинок рождается в жаркой печи под ударами молота. Сильные и волевые люди тоже куются в суровых условиях. И именно они становятся той крепкой опорой, тем надежным стержнем, на котором держался и держится мир.

- Как бы крепко народ ни спал, как бы ловко ни был обманут, в шаге от пропасти у многих пробудится воля к жизни. Все, в ком еще жива душа и в ком еще теплится искорка Света, проснутся, воспрянут и, возродив себя, свой мир сумеют возродить.

И как достигнет доля пробужденных заметного числа, тогда и стоит нам вставать и в бой за Русь единым миром подниматься. ... Вот такова вторая весть.

Наступила тишина. только мерно потрескивали в огне мерцающие угли, и легкий ветер короткими порывами пробежал по кронам высоких деревьев. Где-то вдалеке крикнула ночная птица. Кропот поднял взгляд на звезды. Они ярко сияли в безоблачном небе, бесстрастно глядя с высоты на наш несовершенный мир. Юноша вздохнул и тихо спросил:

- Когда же мы дождемся этих вестей? Когда все начнется?

Сермеж так же тихо ответил:

- Сдается мне, что нынче и есть та самая грань, за которой либо прозрение великое, либо...

- Не продолжай дальше! - мысленно остановил его я. - Пусть будет так, и никак иначе.

Сермеж, не окончив фразу, задумчиво взглянул на ночное небо. Кропот снова вздохнул и погрузился в глубокое раздумье. Так в этой позе он и заснул на бревне у костра. Уходя, Сермеж предложил разбудить его, чтобы отправить спать в палатку. Но Раскита решил его не тревожить:

- Я еще посижу, - сказал он шепотом. - Ты же знаешь, я мало сплю. За ним я погляжу и костер поддержу пока. А ты иди.

Сермеж кивнул и, пожелав всем хорошего сна, скрылся под пологом своей палатки. Недолго думая, я отправился вслед. День был очень непростой. И кто знает, что нас ожидало завтра. Нужно было хорошо выспаться.

25. НА РАССВЕТЕ

Заснул я быстро и сон мой был крепким. В этом чудесном месте силы возвращались необычайно быстро. Здесь легко успокаивались мысли и чувства становились ярче. Этот первозданный покой как будто незримо исцелял душу и тело.

Проснулся я сразу после восхода. Вышел из палатки, сладко потянулся и с упоением вдохнул свежий, прохладный утренний воздух. Несмотря на ранний час, я чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Оглядевшись вокруг, подошел к костру. Кропот спал все в той же позе, Раскита все так же сидел у огня. Молча поприветствовав его, я налил себе воды из котелка. Кропот вздрогнул во сне. То ли журчание воды его встревожило, то ли что-то приснилось. Он вздрогнул еще раз и медленно пополз с бревна. Раскита хотел было его поддержать, но юноша резко проснулся и быстро вскочил, протирая глаза и растерянно осматриваясь по сторонам, будто вспоминая спросонья, где же он сейчас находится. На предложение поспать еще в палатке, Кропот решительно ответил отказом, сказав, что прекрасно выспался и что он привык спать в походных условиях. Энергично размявшись, он решил сделать пробежку вокруг озера.

- Только старайся на шуметь, - посоветовал ему Раскита. - Природа еще спит.

Кропот кивнул и побежал к берегу. Мой друг, убедившись, что мне костер не нужен, аккуратно залил его водой и отправился спать. А я решил пойти освежиться чистой озерной водой.

26. ВЫСОКОЕ НЕБО

Лебеди еще не проснулись, и, не желая их тревожить, я лишь немного умылся и сел на берегу, глядя на зеркальную гладь озера и плывущие по ней облака. В просветах между густыми деревьями яркими искорками поблескивало рассветное Солнце. Эта безмятежная утренняя тишина наполняла все вокруг невероятным спокойствием и величием. Так начиналось торжественное пробуждение жизни.

Солнце быстро поднималось, плавно скользя по ветвям деревьев. Длинными рыжими лучами солнечный свет лег на поляну, согревая своим мягким теплом. Еще немного, и он побежит огоньками по сонной поверхности озера. И все вокруг сразу оживет...

- Тоже не спится? - услышал я голос из-за спины.

Я обернулся. Позади меня стоял Велислав. Он пожелал мне доброго утра и подсел рядом.

- ...В час рассвета всё какое-то особенное, - тихо сказал он. - Звуки леса, запахи трав... И небо как будто становится выше... Намного выше...

Князь поднял взгляд на медленно летящие облака. Задумчиво оглядел горизонты. Потом, наклонившись к воде, аккуратно зачерпнул полную ладонь:

- А если умыться на рассвете из чистого источника или испить немного, на целый день себя зарядишь бодростью и силой.

Солнце уже осветило половину озера. Согретые утренним светом, проснулись и захлопали крыльями лебеди. Любуясь на этих красивых и величавых птиц, Велислав негромко сказал:

- Три дня назад прилетели. Хороший это знак, к переменам светлым. Ведь наша Русь - она и есть лебедушка...

27. ВРЕМЯ ПРИШЛО

Слова князя вдруг напомнили мне о том медальоне, что вручил мне кузнец. Быстро сбегав в палатку, я достал его из походной сумки и вернулся на берег. Еще в дороге я прикрепил к медальону тесьму, чтобы его можно было сразу надеть.

Князь принял этот дар с какой-то особой торжественностью. Аккуратно и осторожно взял в руки, внимательно осмотрел. Прикоснулся рукой к лучам и погладил расправленные лебединые крылья. Подержал на ладони, сомкнув руки, прижал к сердцу. И лишь потом надел, спрятав под кафтан. И отдал низкий поклон рассветному Солнцу.

Немного постояв в раздумье, он снова обернулся ко мне и спросил, могу ли я выполнить одну его просьбу?

- Конечно, если мне это по силам, - ответил я.

- Там, за березовой рощей, деревушка маленькая стоит, - показал рукой князь. - В деревне этой вещь одна хранится. Давно она ждет... А нынче, видно время пришло, забрать ее надобно.

- Когда забрать? - спросил я.

- Сейчас.

- А спросить у кого?

- Скажи: «От Велислава». Они сами поймут.

К нам подбежал запыхавшийся Кропот. Видимо, он только что закончил свою пробежку. Увидев князя, он почтительно поклонился и направился было к лагерю. Но тот его остановил:

- Постой, юноша. Коли и ты не спишь, составь компанию нашему гостю. В деревню язычную надо сходить.

- Конечно, ...великий князь, рад стараться! - немного растерявшись, поспешил принять подобающую позу Кропот. - Сейчас только оружие захвачу...

- Ты и так хорош, - улыбнулся Велислав. - А сабля твоя тут подождет.

28. ВОПРОТИВ ОЖИДАНИЯМ

Догоняя меня, Кропот спросил, что это за дело такое. Я сам знал об этом совсем немного, так что любопытство его удовлетворить не смог. Упрямо пытаюсь разгадать цель поручения, мой нетерпеливый спутник решил еще раз уточнить:

- Так это - язычная деревня? Зачем, интересно, князю понадобились идолопоклонники?

Я, конечно, знал, кто такие язычники и встречал их не раз, благо на Руси их в то время было немало. Но говорить ничего не стал. Решил, что лучше ему самому их узнать и увидеть своими глазами.

Миновав березовую рощу, мы подошли к деревушке. Она действительно была совсем маленькой. Кропот внимательно огляделся по сторонам:

- Это же не язычная деревня... - недоверчиво сказал он, продолжая осматриваться.

- С чего ты взял? - поинтересовался я.

- Ну как же... Тут ни столбов поклонных, ни кострищ, ни жертвенников, ни каменных кругов, ртей. Ни шкур и черепов звериных. Тут так же всё, по-

людски...

- Откуда ж знания такие про язычников? - слышался неожиданно из-за спины чей-то голос.

Кропот резко обернулся. Неподалеку стоял высокий седой человек с густой бородой. Лет, наверное, ему было очень много, но молодецкая осанка и такой же ясный взгляд с трудом позволяли посчитать его годы. Одет он был в длинный светлый кафтан, подпоясанный кушаком. Он подошел к нам и приветливо представился:

- Я Вести́м, сын Во́лода и Мира́ты, в этой деревне - староста. А вы, люди добрые, кто будете и с чем пожаловали?

Мы назвались. И повторили немногословную просьбу князя. Старец едва заметно улыбнулся и медленно кивнул. Потом обернулся к ближайшему дому и негромко крикнул:

- Дея́на, выйди, милая.

На пороге появилась стройная красавица с густыми русыми волосами. С улыбкой поклонившись нам, она подошла к Вестиму. Кропот, все это время очарованно глядя на девушку, на мгновение встретился с ней взглядом и тут же смущенно покраснел, поспешно опуская глаза. Девушка застенчиво улыбнулась и, спросила старца, для чего он ее звал.

- От Велислава люди пришли, - ответил Вестим. - Найди, принеси гостям то, что ему предназначено.

Деяна кивнула и ушла в дом.

- А что это за... вещь? - попытался выяснить я.

- Он сам не сказал? - спросил в ответ старец.

- Нет.

- Значит, скажет сам, как придет час.

29. ПРОПАВШИЕ ИДОЛЫ

Вестим предложил нам присесть за стол в тени вишневых деревьев. Увидев проходящего неподалеку юношу, он окликнул его:

- Мисла́в, свет мой, попроси Ля́ню настоя живительный сделать. И травы к нему пускай принесет, в дорогу гостям приготовит.

Юноша, отдав легкий поклон, пошел к дальнему дому.

- Интересно, - подумал я, - каждый здесь кланяется. Но так непохожи поклоны на те, что я часто видал в городах! В мире господ каждый униженно гнет свою спину, дабы не впасть в немилость господ. А здесь - лишь почтение от чистого сердца. И каждый сам в этом волен... Вроде, жест один, а между ними - целая пропасть...

Мы расположились за столом. Вестим внимательно поглядел на Кропота и с интересом спросил:

- Так откуда же страсти такие про язычников?

- Ну как же, - растерялся юноша, - так у нас в городе говорят.

- Значит, крепко вас кто-то запутал, - покачал головой старец. - Все эти идолы, знаки, обряды, безделицы ритуальные, пляски у костра - всё это греки с собой принесли и нам насаждают повсюду. Чтобы кланялись люди столбам, картинкам и куклам, разные действия совершали нелепые, штучки всякие на себя цепляли да избы ими увешивали. И всё для того, чтобы взгляд людской

оторвать от мира живого, настоящего. Чтобы слепы и глухи стали к природе, да силу ее великую на пустоту никчемную растратили. А чтобы родичей наших завлечь и душами их завладеть, всяко твердили, что это и есть то самое исконное язычество, только во плоти́ дополненное, новым опытом богатое. И приходили ведь старцы почтенные! Как же молодым было их не слушать? Так и запутали многих, с жизни тропы совратили.

Кропот слушал Вестима с неподдельным интересом и искренним удивлением.

- А кто же тогда... язычники? - осторожно спросил он.

- Язычник - тот, кто языки природы познаёт и знаки ее читает. Кто ценит и бережет все живое, что под Солнцем рождено и что Солнцу радуется. Потому как только в единстве с природой, землей-матерью и небом отчим обретаешь ты мудрость великую и силу несокрушимую.

Вестим степенно погладил бороду и добавил:

- Ваш Велислав знает об этом. Оттого и наведаль наши края. А значит, будет ему благословение жизни.

30. НАДЕЖДА И ОПОРА

Из дома вышла Деяна и поспешила к нам.

- Насилу нашла, - смущенно объяснилась она. - Давно схоронили, забыть успели уже.

Девушка аккуратно положила на стол большой сверток, перевязанный белой тесьмой. Слегка поклонившись и украдкой взглянув на Кропота, она поспешила обратно в дом. Вестим погладил сверток:

- Коли уж вспомнил князь о том, что до поры упрятано, значит пришел ему знак, что силы пробуждаются светлые. Поднимаются, тянутся к Солнцу души, от тяжкого сна восставшие. Пусть нынче мало их, но этим начало положено. Ведь каждый проснувшийся сотню разбудит. Они-то и есть та великая рать, воинство Света, всегда готовое подняться по зову в решающей битве добра и зла. Это они - то настоящее будущее Руси, ее надежда и опора, ее радость, гордость и слава. Те, на ком во все времена держалась наша земля.

Наверное, Кропот немного понял, но слова старца сильно его взволновали. Видимо, это было чувство причастности к чему-то очень важному и великому. Он был готов слушать об этом еще и еще. Но тут нам принести обещанный настой и большую чашку лесных ягод. И Вестим сразу сменил тему. Он говорил о целебных свойствах диких трав и живительной силе лесных родников. И угощал нас дарами природы. А настой и правда был необыкновенным. Он разливался по телу мощной энергией жизни, чувства и мысли становились ясными и светлыми.

Насытившись вдоволь, мы поблагодарили радушных хозяев и собрались в обратный путь. Старец дал нам в дорогу узелок с теми же травами, чтобы мы угостили князя. Забрав сверток и попрощавшись, мы вышли ни дорогу. Кропот несколько раз обернулся в надежде еще раз, хотя бы издалека, увидеть Деяну.

- Что, прощаться не хочется? - улыбнулся я.

- Не хочется. - опустил глаза юноша.

- Так не прощайся, - подбодрил я его. - Просто скажи «До свиданья».

31. РАСПРАВЛЯЯ КРЫЛЬЯ

В лагерь мы вернулись к полудню. Я передал князю сверток и травы. Раскита тут же вызвался делать отвар. А Велислав, бережно положив сверток на стол, осторожно разрезал тесьму, развернул холстину и, отложив ее в сторону, аккуратно раскрыл полотно. Это было знамя. На небесно-синем фоне сияло большое Солнце, вышитое золотой нитью. А в центре его, расправив крылья, парил белый лебедь.

На минуту все притихли, собравшись вокруг стола. Глядя на знамя, каждый думал о чем-то своем, важном. Хотя, может быть, сейчас всех объединяла одна и та же мысль, одна и та же цель. Одна и та же надежда...

Первым нарушил молчание Бервест:

- Я не знал, что на нем будет лебедь,

- Я и сам не знал, - признался Велислав. - У меня была такая мысль, но я ни с кем ей так и не поделился. Это всё обережница решила.

- Раз решила, значит, так и должно оно быть. - подтвердил Сермеж. - Ты же знаешь, какое у них чутье на знаки и символы!

- Да... Меня, по крайней мере, оно уже окрыляет, - улыбнулся Раскита.

- Под ним я уверен и спокоен. В нем - сила природы, ее величие. А значит, это - наше знамя.

Бервест одобрительно кивнул и обернулся к князю:

- А ты что скажешь, Велислав?

Чуть помолчав, князь ответил:

- Трубите сбор, седлайте коней. ...Мы поднимаемся!

32. К ОРУЖИЮ

Спустив старый стяг, князь торжественно одел на древко новое знамя. Крепко поставив его на опору, он обернулся к Бервесту:

- Дружины - в полный боевой расчет. Сам знаешь, серые в отчаянии на что угодно пойти могут. Мы ко всему должны быть готовы.

Воевода молча кивнул. Сняв с походных стоек щиты, он выволок из палатки кованый оружейный ящик и начал закреплять на нем дорожные ремни.

Ко мне подошел Кропот и, как бы немного извиняясь, сказал:

- Я одно только не очень понимаю. Язычники сказали, что негоже знакам поклоняться. А сами нам вручили знамя, где знаки вышиты...

- А ты подумай сам, - ответил я. - Одно - безропотно на символы молиться. И совсем другое - с их помощью влиять на разные события и судьбы.

- Но... это же опасная штука... - с сомнением ответил юноша.

- Опасная, - согласился я, - очень опасная. И наши враги хорошо это знают. Потому и стремятся везде и во всем свои темные знаки расставить. А светлые - стереть, исковеркать и всяко опошлить. ...Так не пора ли и нам за оружие браться? Или как ты думаешь?

- Ну... да, наверное, - слегка растерянно ответил Кропот. Потом более уверенно добавил: - Конечно!

К столу подошел князь. Он был собран и сосредоточен. Наконец-то я видел того Велислава, которого ожидал увидеть. Он подозвал Сермежа и передал ему несколько бумаг.

- Тут кое-какие заметки, - пояснил он. - Посмотришь в дороге. А так сам знаешь, что делать. Кто свой, кто чужой, а кто стороной - и что кому за то полагается. Кого в палаты, кого в кандалы. А кого со двора метлой. Начать немедленно и сразу во всех городах и весях. Казны служебные учесть и с каждого причастного спросить. А мытарем и казначеем займешься сам.

Велислав поискал взглядом Раскиту. Тот привычными ловкими движениями разбирал палатку. Подойдя ближе, князь отвлек на минуту его внимание:

- Нынче же отправляйся в Старгород. Этого же дня отменишь все законы и указы, что нами помечены были. А что взамен возвестить - ты знаешь.

Князь отошел и, чуть подумав, обернулся:

- Будете накрывать на завтрак - сначала скатерть смените. Она отслужила свое.

33. ВЕЛЕНИЕ ВОЛИ

Наконец, очередь дошла до меня. Велислав подошел и, внимательно глядя мне в глаза, спросил:

- Ты, говорят, в былые времена большую помощь князю Ярисвету оказал, войну тяжелую остановить помог и мир надежный подписать?

- Да, было время, - ответил я ему.

- Так значит, образы ты властен воплощать? И словом, помыслом способен на события влиять? И если даже нет чего - представишь, мыслью повелишь - и станет таковым?

- Когда события в согласии с небесной волей, - ответил я, - тогда возможно. Конечно, если в образ сердцем я проникнуться смогу.

- Мне это именно и нужно, - удовлетворенно кивнул князь. - Нынче дела непростые начнутся. Подмога твоя очень бы сгодилась.

34. НОВАЯ СМЕНА

Я дал согласие оказать любую посильную мне помощь и, углубившись в свои мысли, продолжил сборы. Дел осталось немного, и Раскита, оставив приготовления, пошел заниматься завтраком. Велислав окликнул Кропота, который, сидя на траве, старательно набивал вещи в дорожные мешки. Тот быстро вскочил, и отряхивая на ходу руки, с готовностью встал перед князем.

- А к тебе дело будет особое, - серьезно сказал Велислав. - Завтра идем на переговоры. Встреча важная: одних послов будет тьма тьмущая. Так вот, нужен человек надежный - знамя наше нести с честью и достоинством. Справишься?

- Так я... - опешил от неожиданности Кропот. - Я же случайно тут...

- Ничего не бывает случайно, - ответил князь. - И раз пришел в такой час, значит оно судьбой начертано. Так что скажешь?

- Ну... постараюсь... - растерянно ответил юноша. На секунду замер, громко выдохнул, перевел дыхание и, выпрямившись, четко отчеканил:

- То есть... Конечно, справлюсь, великий князь! Можете быть уверены!

- Вот и прекрасно, - улыбнулся Велислав. Он снял со стойки древко со стягом и торжественно передал Кропоту в руки. - Принимай знамя, юное поколение!

35. ОН ПОБЕДИЛ

Утром нового дня на главной площади собрались короли всех сопредельных земель и многих других, от нас удаленных. С каждым из них прибыла внушительная свита советников, родичей, сватов, нянек и стражей. Все по уши в золоте, стали, ярких нарядах и пестрых фамильных гербах. Каждый из них пришел раньше условленного срока в надежде занять более выгодное место, узнать новые сплетни и прежде других шепнуть пару слов князю. Не скрывая неприязни, а порой и ненависти друг к другу, они любезно улыбались, расшаркивались и щедро разбрасывались комплиментами. И нервно поглядывали, не объявился ли на горизонте князь.

Велислав пришел ровно в назначенный срок. Сопровождение его было небольшим. Но их бесстрашные лица и крепкая поступь тут же заставили всех замолчать и почтительно расступиться. Вслед за князем шел Кропот, гордо и уверенно держа небесное знамя в золотых солнечных лучах. Велислав шел невозмутимо и спокойно мимо пестрых рядов королевских династий. Он сохранил и прочно впитал то безмятежное спокойствие, которым щедро с ним поделилась живая природа. И в этом спокойствии он был просто обречен на победу, победу справедливости, разума и Света. Да и шла за ним по всей Руси великая рать, все, кто силу свою от земли родной напился и к Солнцу взоры свои устремил.

Порой казалось, что князь едва заметно улыбается. И этот светлый, спокойный взгляд вносил полное смятение в ряды надменных, ряженых вельмож. Я глядел на него, стоя незаметно позади толпы. И меня переполняло чувство гордости, причастности к чему-то важному и великому. Я конечно же выполняю всё, о чем просил меня князь. Но мне кажется, помощь моя ему уже не нужна. Он все сделал сам. Он уже победил.

© Павел Ломовцев (Волхов), 2021

САЛТАНАТ РАХИМБЕКОВА

г. Нур-Султан, Республика Казахстан

*Рахимбекова Салтанат.
В 2001 году закончила
Костанайский
государственный университет
им. А. Байтурсынова,
факультет казахской
филологии, специалист по
специальности:
«Казахский язык и
литература в школах с
неказахским языком обучения».
В 2005 г. закончила КГУ
им. А. Байтурсынова,
бакалавриат по
специальности «Финансы».*

*В 2010 г. закончила аспирантуру
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.
Успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему:
«Творческий путь писателя Жайсанбека Молдагалиева»,
получила ученую степень кандидата филологических наук.*

ЖЕРТВЫ «ЖЕЛЕЗНОЙ ДЕВЫ»

*Начало истории в рассказе
"Мистические приключения шпиона премьер-министра
"Тайна пиковой Дамы". № 5-6 (2021)*

Как-то поздним вечером, когда улицы Лондона обволакивал густой туман, Макс и Эрвин сидели у камина, раздумывая над выполнением данной центром разведки миссии. Эрвин задумчиво ворошил поленья в камине, наблюдая за игрой огня. Огонь словно защищал его от нечто мистического, вызывающего первобытный страх. Вспоминая детали задания, он склонялся к выводу, что тут не обошлось без сверхъестественных явлений. В деле было слишком много совпадений, словно жертвы одна за другой пропадали, а позже находились израненными, словно их протыкали железными прутьями.

Когда самая страшная война была окончена, ее отголоски продолжали раздаваться, словно гром. Тревожное мирное время будоражило кровавыми новостями со всего света. Сейчас взоры всего мира были устремлены в Нюрнберг, так как именно там вершился, пожалуй, самый важный и нелицеприятный Международный военный трибунал столетия. Нюрнбергский процесс, длившийся 316 дней, показал пример правосудия победителей. В политических кулуарах ходили разные слухи. Европу пугала мощь Советской армии, водру-

жившей знамя Победы над рейхстагом. С того самого исторического момента стало ясно, что судьба всей Европы будет под пристальным и неусыпным контролем вождя пролетариата, Иосифа Сталина. Американские политики, как и их коллеги из Европы, видели в нем серьезную угрозу для всей демократии, опасаясь, как бы лозунги коммунистов не стали основными и в их странах. Сталин, в свою очередь, вел «ковровую бомбардировку» на политической арене. Один за другим президенты и премьер-министры стран-союзников ощущали его резкие выпады, подозревая, что советская агентура окружила их со всех сторон. Премьер-министр понимал, что так дальше продолжаться не может. Уинстон Черчилль ощутил серьезный удар после потери адмирала Вильгельма Канариса, который был начальником службы военной разведки и контрразведки Германии в военные годы. Теперь уже было не узнать обо всех первоклассных агентах, которых готовили в немецкой разведшколе. Была утеряна ценная информация, за которую многим бы пожертвовал Сталин. В феврале 1944 года абвер перешел к Георгу Хансену, а самого Канариса фюрер отстранил от должности. После, сотрудниками абвера были найдены дневники адмирала Канариса, после чего самого адмирала казнили в концлагере Флоссенбюрг. Именно таким был печальный конец гения контрразведки, с которым были лично знакомы наши герои. До сих пор было неизвестно, кто же мог предать Канариса, но разведчики догадывались, что были замешаны подставные агенты абвера. Те самые, которых Канарис, выдавая за агентов, переправлял в Испанию и Португалию. И пока шел Нюрнбергский процесс, Премьер-министру важно было занять выгодные позиции и обрести союзников против большевиков. Именно в этом деле он решил положиться на своего шпиона, доверив ему опасную миссию.

- Агентурная сеть, созданная при адмирале Канарисе, частично пропала, - говорил Эрвин, - некоторым опытным диверсантам удалось исчезнуть. Найти их никто не сможет. Помнишь, как нас учили исчезать?

- Если агент решил исчезнуть, никто не сможет его найти, - согласился Макс, - но почему ты вспомнил адмирала и его агентурную сеть?

- Расскажу, как только соберется команда, - ответил Эрвин.

- Палач поедет с нами? - спросил Макс. - Его допустят к операции?

- Он оказался весьма полезен и сговорчив. Грех не воспользоваться его способностями. Никогда не видел его в деле, - содрогнувшись, ответил Эрвин, - а ты?

- Я тоже не видел его в деле, но ведь не зря его прозвали палачом Гиммлера. Всех его преступлений не узнать. Но он нам нужен.

- Что знает он, чего мы можем не знать? - недоумевал Эрвин. - Хотелось бы знать о нем больше, раз уж берем на дело. Он всегда был скрытой фигурой. Помню, первое время нам даже его лица не показывали.

- Да, нас забирали на полевые стрельбища, когда он приезжал тренироваться в школу, - дополнил Макс.

- Скоро он появится. Я расскажу о деле, когда он приедет. Чтобы не повторять дважды.

Через некоторое время приехал Палач, в сопровождении офицеров, которых Эрвин отпустил. Пригласив его в гостиную, он с удивлением наблюдал, как огромного роста Палач входит туда, чуть пригнув голову. Несмотря на высокий рост и крепкое телосложение, двигался он бесшумно и быстро, словно был на задании. Макс сухо поздоровался с ним, глядя, как он усаживается на диван.

- Итак, ты снова в деле, дорогой Ганс, - сказал Макс. - Тебе выдали документы?

- Фальшивые документы, - нехотя ответил Палач. - Что за дело? - он посмотрел на Эрвина.

- Это твои настоящие документы, - возразил Эрвин. - Заметь, имя оставили прежним, поменяли лишь фамилию и год рождения.

- Подожди о деле, - Макс налил по стаканчику коньяка, угощая остальных. - Лучше расскажи, почему тебя прозвали Палачом? Лучшим агентом Гиммлера.

- Нечего рассказывать, - глухо ответил Палач. - Вы, два опытных диверсанта, читавшие умные книжки. Выдвигайте свои версии.

- Эрвин? - Макс посмотрел на задумчивого друга. - Какие у тебя версии?

- Если исходить от самого слова палач, - подумав начал Эрвин, - то оно имеет несколько исходных точек. Палачи не только вешали, расчленяли и убивали, они еще и соревновались в искусстве превзойти друг друга, создавая различные машины для пыток. В прошлые века Германия считалась «передовой» страной в области создания и применения различных механизмов для пыток. Так сказать, новые технологии причинения боли.

- О чем это говорит? - спросил Макс.

- Я только начал, - важно ответил Эрвин, продолжая свою мысль. - В Древнем Риме профессия палача считалась почетной и весьма опасной. Раньше палачи не надевали колпаки и не скрывали лица, а потому на них объявляли охоту. Кто-то из мести, а кто-то просто хотел устранить конкурента.

- Палач «заказывал» палача? - спросил Макс.

- Не палач, скорее то были лекари и врачи, - ответил Эрвин. - Известно, что палачи умеют наносить различные раны. Также, они могут их исцелить. Палачи были образованы и понимали в медицине, что было не совсем на руку лекарям. Лекари теряли клиентуру. У палачей в средние века не было много работы, а потому их обязывали следить за порядком. Они обеспечивали порядок в городе, следили за нелегальным бизнесом, выдворяли из города прокаженных. Расчищать город от всякой заразы тоже входило в их обязанности. Палачи были живодерами, отлавливая бродячих собак, кошек и всякую живность. Убирать падаль с улиц тоже было их работой. Словом, то были «санитары» города. Палачи имели крепкие нервы, только подумайте, им приходилось распиливать людей пополам пилой. Палач не хуже любого врача сумеет высверлить череп.

- Эрвин, дружище, переходи к сути, - попросил Макс.

Эрвин подошел к Палачу и пристально взгляделся, наблюдая за ним, словно ученый за бабочкой.

- Палачи никогда не убивали невинных, - подумав, сказал он, - отсюда следует, что наш товарищ является прекрасным хирургом, выполнявшим сложные задания самого Гиммлера. Ты обеспечивал порядок и расчищал разведшколу, устраняя внедрившихся иностранных агентов подобных мне, - наконец, сказал Эрвин. - Вот почему твое лицо нам не показывали. Вот почему ты всегда стремился добраться до меня. У тебя чутье на иностранных диверсантов, не так ли?

- Я закончил с отличием медицинский институт, - ответил Палач. - Пять лет оперировал и не потерял ни одного пациента. Говорили, что у меня дар врачевания. Ты прав в одном, я устранял таких, как ты. Диверсантов, которые теряли контроль, попадаясь в мои ловушки. Но ты ни разу не попался. Ты был хитер.

- Что ты делал с ними?

- Многих вербовали и отправляли на задание. Я не следил за ними, после того, как раскрывал.

- Все это весьма познавательно, но давайте перейдем к делу, - нетерпеливо сказал Макс, - больше ведь никто не подойдет.

- Хорошо, - согласился Эрвин, выключая свет и включая кинокамеру, наведенную на противоположную стену.

Послышался легкий щелчок и на стене замелькали кадры документального фильма из архива самого абвера. На редких снимках были тренирующиеся разведчики школы.

- Откуда это у тебя? – вырвалось у Макса. - Мы там есть?

- Нас там нет, - ответил Эрвин. - Эти кадры сняли после 1942 года. Тогда нас уже там не было.

- Кого ищем? – спросил Палач, внимательно вглядываясь в кадры. - Некоторых я знаю.

- Смотрите внимательно, господа, - продолжал Эрвин, - нам нужен уникальный кадр.

- Они все уникальны в своем роде, - ответил Палач. - Этот худощавый блондин, с родинкой на шее, умеет отлично держаться под водой. А этот, маленького роста, первоклассный вор и мошенник. Что касается того длинного верзилы - он превосходно владеет всеми видами оружия, включая шпагу. Чемпион мира по фехтованию. Так, кого из них ищем? – он посмотрел на Эрвина.

- Того, кто не похож на всех них, - подумав, ответил тот.

Они досмотрели пленку до конца и включили свет. Макс вопрошающе взглянул на них и развел руками.

- Я их никогда не видел, - сказал он, - откуда только ты их видел? – спросил он у Палача.

- Некоторых из них я схватил, - ответил тот. - Какое у нас задание?

- Ханс Бернд Гизевиус, - сказал Эрвин, - вот наша цель. Что мы о нем знаем?

- Он был сотрудником абвера, - сказал Палач. - Мне доводилось его встречать. Дворянского сословия, из семьи военных. Во время польской компании перешел на службу в абвер в качестве зондерфюрера. Личный друг покойного адмирала Канариса. У него были контакты даже с Ватиканом. Где он сейчас никто не знает.

- Всем известно, что Канарис был тайным противником Гитлера, - сказал Макс, - но причем здесь Гизевиус?

- Нюрнбергский процесс в самом разгаре, господа, - ответил Эрвин, - в центре знали, что одним из основных свидетелей обвинения выступит Гизевиус. Он должен был дать показания против Германа Геринга. Гизевиус является главным козырем нашего начальства, - Эрвин посмотрел на потолок, - самого высокого начальства.

- Премьер-министра? – уточнил Макс. - Можешь не отвечать. Но нам понятно, что такой первоклассный агент как ты, будет получать указания только от него.

- Где искать Гизевиуса? – спросил Эрвин. - Надо думать очень быстро. С той поры как он исчез, вся разведка мира разыскивает его следы.

- Безуспешно? – спросил Палач.

- Безуспешно, - ответил Эрвин. - Ганс, ты был специалистом по возвраще-

нию агентов. С чего бы ты начал?

- С поиска фанатика, - серьезно ответил Палач, - того, кто живет идеей фюрера. Того, кто не смирился с поражением. У Гизевиуса нет ни детей, ни официальной жены. Как все мы он не привязан. Его невозможно шантажировать. Значит, остается только устранить.

- Ты прав, - согласился Макс, - нет ничего хуже чувства, чем осознать, что те, кто тебе дорог, попадут в руки твоего врага. Это чувство ничем не передать. Лишь поэтому за годы службы я научился ни к кому не привязываться, не думать о создании семьи.

- У него есть племянник, - сказал Эрвин, - мальчик шести лет. Находился в берлинском детском приюте. После войны Гизевиус собирался забрать его к себе.

- Откуда такая информация? – спросил Макс.

- Это достоверная информация. Известно также и то, что вчера мальчик пропал.

- Возможно, он похитил его и решил исчезнуть, – предположил Макс.

- На этих кадрах подозреваемые агенты, - сказал Эрвин, показывая на стену, - Гизевиуса там нет. Кто-то из них похитил его и мальчика, и грозит расправой, чтобы заставить его замолчать.

- Шансы что он жив, имеются? – спросил Макс.

- Он жив, - вдруг сказал Палач. - Прокрути еще раз пленку.

Они снова просматривали кадры, комментируя свои наблюдения. На редких кадрах, доставленных Эрвину лично главой спецслужбы, были лучшие разведчики абвера.

- Он был доставлен в Нюрнберг на прошлой неделе, - рассказывал Эрвин, - проходил в качестве свидетеля, а потому был без конвоя. Два дня назад он исчез. Какие будут соображения?

- Он еще в Нюрнберге, - сказал Палач.

- Почему ты так уверен в этом? – спросил Макс.

- Сами подумайте, сейчас там военных и конвоя больше, чем в любой точке мира. Все выезды строго охраняются. Даже мы бы не вывезли оттуда человека. Так что, он в Нюрнберге.

- Что же, логично, - согласился Макс. - А если сузить поиск?

- Что мы знаем о городе и о диверсанта? – спросил Эрвин.

- На этой пленке его нет, - сказал Палач. - Я слышал о ярых приверженцах идеи фюрера. Их было немного. Фанатики, утратившие связь с действительностью. Помешанные на оккультных вещах и всяких поверьях. Их невозможно в чем-то убедить, для них есть лишь своя правда. И убивают они изощренными способами.

- Мы ищем «слетевшего с катушек» диверсанта? – уточнил Макс.

- Молитесь, чтобы ваш свидетель и его мальчик были еще живы, - продолжал Палач. - Он будет мучить их, будет пытаться.

- Сколько у нас времени? – спросил Эрвин.

- Два дня уже прошли. В общем, неделю он еще продержится. А после, сумасшедший примется за мальчика. Как зовут этого мальчика?

- Вильгельм, в честь адмирала, - ответил Эрвин. - Сегодня ночью мы вылетим в Нюрнберг в качестве сопровождающих английского атташе. Думайте, господа, думайте неустанно, важно найти его живым.

- Ты что-то недоговариваешь, - заметил Палач. - Есть что-то еще в этом деле?

Эрвин не удивился этому вопросу, понимая, что за годы службы у Палача выработалась прекрасная интуиция. Как бы он ни пытался скрыть до поры неприятное известие, ему это не удалось.

- В Нюрнберге, накануне процесса, стали исчезать свидетели, - нехотя сказал он. - Я бы сказал об этом позже. Хотел сам проверить еще раз наводку.

- Свидетели процесса? - уточнил Макс. - Кто-то их похищает, и нас посылают разобраться в этом.

- Нас посылают устранить виновного и найти свидетеля, - мрачно ответил Палач, - и что, никаких следов? Может, кому-то из них удалось дать знать об этом деле? Есть уцелевшие?

- Только трупы, - покачал головой Эрвин. - Недалеко от города есть котлован, в котором выловили останки пяти свидетелей. Коронеры утверждают, что все они были исколоты почти насквозь. Но умерли не от ран. Кого-то задушили, а кто-то захлебнулся водой. Ничего не напоминает? - с надеждой спросил он.

- Этого маньяка надо валить, - пробормотал Палач.

Через час они вылетели в Нюрнберг. В самолете Эрвин с интересом наблюдал за своими спутниками. На этот раз они были одеты в костюмы. Импортантный Макс был словно из модельного бизнеса, а Палача не изменил даже дорогой костюм. Его высокий рост и внушительные формы делали его похожим скорее на викинга, чем на гражданского человека. В нем сразу угадывался профессионал.

- Что, бросаюсь в глаза? - усмехнулся Палач, перехватив взгляд Эрвина.

- С чего начнем поиски? - спросил Эрвин. - Расскажи, как ты возвращал диверсантов, решивших исчезнуть для всех?

- У каждого была своя история, - подумав, ответил Палач. - Прошлые, за которое они упорно цеплялись, всегда выводило на них. Кто из вас сведущ в истории Нюрнберга?

- Эрвин, ты много читал о городах, - сказал Макс.

- Что именно интересует? - спросил Эрвин.

- Какие-нибудь особенности, касательно пыток, - ответил Палач. - Сдается мне, что наш диверсант имеет секрет. С этого и надо начинать.

- Я не ходячая энциклопедия, - возмутился Эрвин, силясь вспомнить что-нибудь о городе. - Ничего не могу вспомнить. Город как город.

- И ты не стал делать запрос о городе, - заметил Макс. - Тогда разберемся в архивах библиотеки.

После высадки они взяли машину и отправились в библиотеку. Почти до вечера просматривали хронику города, но ничего не нашли. Эрвин злился, чувствуя, что идет по ложному следу. Но Палач был прав, Гизевиуса не могли вывести из города.

Эрвин понимал, что на поиски уйдет много времени, а затраченные усилия могут не оправдаться. Действовать надо было решительно и быстро.

- Пытки, пытки, еще пытки, - говорил Макс, листая криминальную хронику города. - Эти маньяки и убийцы не могут быть диверсантом. Мы точно ищем диверсанта?

- А кто еще может в сжатые сроки в охраняемом городе спрятать служащего абвера, украв еще и ребенка? - спросил Эрвин. - На такое только диверсант

способен. пытки, говоришь, - задумался он.

- Криминальная хроника пестрит рассказами о пытках и насилии, - сказал Макс. - А что ты скажешь, Ганс?

- О пытках? - уточнил Палач. - Были различного рода машины для пыток. Это, пожалуй, единственное, о чем я так много читал. Нюрнберг издревле славится пыточными машинами.

- С этого места попрошу подробнее, - обратился Эрвин. - Подумай, Ганс, что бы ты использовал на его месте? Что могло исколоть тех бедняг? Что бы ты искал?

- «Нюрнбергскую деву», - подумав, ответил Палач. - Один ее вид ломал матерых преступников, заставляя раскаяться в совершенных злодеяниях.

- Дева? - удивленно спросил Макс. - Впервые слышу.

- Ты же не изучал орудия пыток, скажем, XV века, - сказал Палач. - А мне доводилось читать об этой машине.

- Почему машину называли девой? - спросил Эрвин.

- На вид она представляла собой что-то наподобие гроба, с шипами внутри. Шипы были расположены так, чтобы не проткнуть жизненно важные органы. Но, учитывая дизентерию XV века, человек погибал от нанесенных ему ран. На створках было вырезано лицо девы. Створки на голове имели шипы, протыкающие в глаза и тогда человек слеп. В военное время эта машина не применялась и даже не упоминалась, - сказал Палач, - никто и не вспомнил XV век.

- Но ты читал о ней, - сказал Эрвин, - а значит, наш друг тоже мог прочесть. Вспоминай, где и когда ты читал материал о «Железной деве»? Кто был тогда с тобой?

- Никого не было, я работал один, - ответил Палач, - тут и думать нечего. Ко мне никогда никого не подпускали. Даже вы не видели меня.

- Кто предоставил тебе материалы? - спросил Макс.

- Был среди нас один чокнутый, - вспомнил Палач, - не от мира сего. Настоящий фанатик. Библиотекарь, кажется, именно таким было его кодовое имя. Говорили, будто он вернулся с задания и стал непригодным. Однако, учитывая его происхождение и образование, оставили при абвере.

- Ну, конечно, у кого же еще есть доступ ко всем материалам, - сказал Эрвин. - Только представьте - начитанный фанатик, возмнивший себя оружием рейха. Любопытство и самонадеянность толкнул его выбрать самое верное оружие, то самое, о котором никогда не упоминалось в современных хрониках, но о котором он вычитал и решил использовать.

- Если есть история, должен быть и экспонат, - предположил Макс.

- «Железная дева» находилась в подвале крепости, которая была разрушена в результате авианалета, - сказал Палач. - До налета мне доводилось бывать в крепости и видеть эту машину.

- Бывает, что подвалы остаются в сохранности, - предположил Эрвин, - просто никто не полезет под обломки. Если наша цель еще в том подвале, то нам повезло.

- Почему наша цель должна быть именно там? - спросил Макс. - Пока это просто предположение.

- Он там, - ответил Эрвин, - я чувствую, мы на верном пути. Подвал разрушенной крепости является идеальным прикрытием. Там никто не станет искать.

Они прошли в местный кабак, славившийся уютной атмосферой. Эрвин заказал ужин и стал разглядывать здешнюю публику. За соседними столиками сидели союзники, французы и англичане, русские и немцы, китайцы и другие. Эрвин с любопытством разглядывал военные формы. Но в этом небольшом кабаке, только они трое представляли наибольшую опасность тем, кто сейчас сидел на скамье подсудимых. Именно от трех разведчиков зависели не только судьбы многих преступников, но и будущее для всего мира.

- А что, если его уже нашли? – предположил Макс. - Что делать, если мы найдем там союзников?

- Тогда Ганс сделает свое дело, - ответил Эрвин, - не смотрите на меня так. Наша находка должна быть только нашей. Это важно, сами знаете для кого.

- С какого задания он вернулся? – спросил Эрвин, имея в виду подозреваемого. - Что такого расстроило его психику? Разве в разведшколе не готовили стойких агентов?

- Никто не знает, с какого именно задания он вернулся, - ответил Палач. - Известно лишь, что побывал он где-то в Белоруссии.

- В 1941 году в самый темный час, когда противник не был готов, было совершено нападение, положившее начало краху вермахта, - заметил Макс, - не удивительно, что у него пошатнулась психика. Страна, которую планировали завоевать за несколько месяцев, продержалась несколько лет. Более того, вышла победителем в этой войне.

- Никто теперь не узнает, что с ним случилось там, - продолжил Эрвин, - что же поломало психику одного из лучших агентов абвера? А ведь мы там не были.

- Ты прав. Мы там не были. Восточный фронт был ужасным позором для офицеров рейха, - сурово произнес Макс. - Я читал сводки и не хотел верить. Наши солдаты и офицеры уничтожали всех. Я видел фотографии замученных девушек, красота которых скрыла ужасная гримаса боли.

- Мы все видели такие фотографии, - сказал Палач. - Не смотри так, я бы не смог. Я боевой офицер, а не мясник.

- Так может, наш подозреваемый был тем самым мясником? – предположил Эрвин.

- С ними «поработал» мясник, - пробормотал Макс, вспомнив фотографии. - Я даже возраст определить не смог. Все лица на тех фотографиях были в ожогах, рубцах, исколоты, истерзаны. А ведь они были почти дети, юные девушки, у которых отрезали груди, калечили все тело. Разве этого мы желали, когда шли на дело во имя рейха? Эти пытки и убийства мирного населения покрыли позором нашу армию.

- Вашу армию, - уточнил Эрвин, - не забывайте, я всегда был британским разведчиком. Но сейчас той армии не существует. Те, кто остались от нее, находятся в плену и покрыты позором. Их головы склонились, а в сердцах навсегда поселился страх поверженного. Однако, вам повезло. Если бы вы побывали там, где был наш подозреваемый, центр не принял бы вас. Вас бы расстреляли.

- Ты прав, - согласился Макс, - посмотрите, здесь собрались бойцы союзнических войск. Все разные, но сейчас их объединяет великая победа. Я восхищаюсь ими. Им удалось то, что не удавалось никому в Европе.

- Если нам удастся спасти Гизевиуса, считайте, что выиграли важную битву, - сказал Эрвин, - с этим делом не справится ни рядовой, ни офицер. Это наше дело.

- В качестве кого мы выступаем? – спросил Палач.

- А ты не понял? – спросил Эрвин. - Мы и есть секретная группа, бойцы невидимого фронта. Наши имена никогда не произнесут, но нас будут отправлять на самые опасные задания. Никто не узнает о наших победах или достижениях.

- А о нашей смерти? – спросил Макс.

- И о ней никто не узнает, - сказал Эрвин.

Когда стемнело, они отправились к руинам крепости. Передвигаясь в темноте, им удалось бесшумно спуститься в подвал, дверь которого была приоткрыта. Заглянув внутрь, Эрвин похолодел от ужаса. На полу у стены сидел мужчина, по приметам похожий на Гизевиуса. Он был прикован цепями к полу, а вокруг него была кровь. У противоположной стены стояла «Железная дева». Какой-то человек пытался положить в машину маленького мальчика. Мальчик сопротивлялся, но человек не спешил, наслаждаясь его страхами. Мучая ребенка, он приковывал его внутри машины кандалами, крепя головку между деревянными тисками. Подвал был настолько большим и темным, что стрелять было опасно. "Можно было задеть мальчика", - подумал Эрвин, уступая место Палачу. Ганс открыл дверь и зашел внутрь, оставив их за ней. Макс и Эрвин наблюдали за ним, удивившись его поступку. Этот поступок Палача был неожиданным и оттого пугающим. Человек обернулся и отпустил ребенка, который теперь болтался в машине, державшей его за руки и за голову.

- Ты кто? – испуганно вскричал человек, направляя на Палача фонарь. - Что тебе нужно?

- Мне нужен ребенок, - сказал Палач, не выказывая страха. - Отдай мне мальчика.

- Это Канарис, - сказал человек, - он должен быть казнен.

- Ему всего шесть лет, - продолжал Палач.

- Молчи! Совсем скоро он повзрослеет и станет адмиралом. Он станет противником фюрера. Не подходи! - вскричал человек.

- Ты всегда был честным солдатом, - сказал Палач, - но тебя предали, помнишь? Кто тебя предал?

- Он, - человек указал на Гизевиуса, - он предатель.

- И ты покарал его. Мальчика надо отпустить. Ведь ты не убийца, - сказал Палач, - отойди от него, я сам его возьму. Слышишь, как он плачет?

- Он Канарис, - прошептал человек, - адмирал.

- Он мальчик, - убеждал Палач, - а сейчас отойди от него. И я помогу тебе выйти из города. Ты ведь узнал меня?

- Палач, - прошептал человек, - ты пришел за мной.

- Я пришел за мальчиком. Гизевиус скоро умрет. Нам надо спешить.

- Я убью его, - человек снова повернулся к мальчику, - закрой свои глаза!

- Он не закроет глаз. Эти глаза станут твоим кошмаром, - говорил Палач, бесшумно подходя к человеку, - они будут сниться тебе каждую ночь. Не бери греха на душу, отпусти его.

Человек стал колебаться, неуверенно отвинчивая деревянные приспособления, он освободил голову мальчика. Развязав его руки, он схватил мальчика и повернулся к Палачу.

- В твоих глазах светится смерть, - сказал он, - ты ангел смерти. Так тебя называли раньше. А сейчас ты пришел за мной.

- Твое время пришло, - тихо произнес Палач, - ты не погубил невинное

дитя, и это зачтется тебе на том свете. В свой последний час ты поступил мудро, пожалев своего ближнего.

- Ты не выведешь меня из города, - сокрушенно сказал человек, - мое время пришло. Возьми его, - он передал мальчика Палачу, - но я не полезу туда, - он показал на «железную деву». Убей меня не больно.

Палач отпустил мальчика и подошел к человеку. Не успел Эрвин войти в помещение, как он свернул ему шею. В тишине послышался хруст, и человек тихо опустился на пол. Эрвин подбежал к Гизевиусу и нащупал пульс.

- Жив, - радостно сообщил он, - глядя, как Палач берет на руки мальчика.

- Я понесу ребенка, а вы несите раненного, - сказал Палач и пошел к выходу.

Они привезли находку в штаб англичан и передали соответствующим лицам. Теперь, когда миссия была выполнена, они спешили скрыться из города, пока агенты других стран не напали на их след. Вылетев на военном самолете в Лондон, уже к утру, они были дома. Холодный Лондон встретил их пронизывающим ветром, от которого они поспешили укрыться в машине. Доехав домой, они разошлись по комнатам и встретились в гостиной лишь к вечеру. Отдохнувшие и выспавшиеся, они не спеша пили чай в гостиной, наблюдая, как густой снег залепляет широкое окно. Вскоре снег и вовсе залепил стекло и Эрвин зажег свет. Макс подошел к окну и задернул шторы, давая понять, что осторожность не помешает, Палач закрыл ставни изнутри.

- Мы так быстро улетели из Нюрнберга, - сказал Палач, - нам стоит опасаться за свои жизни?

- Нам всегда нужно быть начеку, - ответил Макс, - особенно в Нюрнберге, когда там развернулся театр судебных действий с длинным шлейфом интриг, обмана, шпионских игр.

- Вся твоя жизнь состоит из этого, - заметил Эрвин.

- Со дня на день Гизевиус даст показания и тебе это зачтут, - сказал Макс.

- Как ты получаешь свои ордена, Эрвин?

- Он получает награды, как и любой разведчик, - пояснил Ганс, - в закрытой комнате, из рук своего руководителя. Без свидетелей. Ему никогда не вручат награду при построении, с флагом и барабанным боем.

- Этот Библиотекар, - начал Эрвин, - когда он стал таким?

- А когда мы стали такими? - спросил Палач. - Этого никто не скажет. Жаль, что пришлось убить его.

- Его бы казнили, - сказал Макс. - зачем ты убил его?

- Мы никогда не сдаем своих, - возразил Палач. - Что вы так смотрите? Я знал этого парня, он приносил мне материалы. Он не виноват, в том, что его научили убивать.

- Он убийца, - напомнил Эрвин, - и должен был ответить за свои злодеяния. Или он знал о тебе слишком много?

- Ты догадлив, - сказал Палач, - но я убил его из милосердия. Он попросил.

- Иначе о твоём темном прошлом узнали бы в Лондоне, - сказал Эрвин.

Макс с подозрением смотрел на Палача, впервые почувствовав страх перед ним. Что я о нем не знаю? Пришел ли он за нашими жизнями? Если так, то почему мы еще живы? Такие вопросы задавал себе разведчик, читая их во взгляде своего друга детства. Эрвин почувствовал неладное, исподтишка по-

новому разглядывая Палача. Со стен на них смотрели его предки, все поколения которых прожили в этом особняке. Эрвину показалось, что в их взглядах читалась какая-то необъяснимая тревога. Портреты, самые разные, большие и малые, были в полумраке. И оттого глаза пращуров казались гневными, грустными, остерегающими. Эрвину показалось, что все взгляды картинной галереи сейчас устремлены на Палача, который безмятежно о чем-то рассказывал. Макс казалось, внимательно его слушал, но его рассеянный взгляд тоже блуждал по картинам. Макс вспоминал детали операции понимая, что Палач не дал им ни малейшей возможности переговорить с убийцей. Что такого мог сделать Палач, чем он заслужил прозвище ангела смерти, раздумывал Макс.

- Он сказал, что тебя раньше называли ангелом смерти, - неожиданно сказал Макс, обращаясь к Палачу. - Ничего не хочешь пояснить?

- Он так сказал? – спросил Палач.

- И мы это слышали, - подтвердил Эрвин, - мы были за полуоткрытой дверью, ты не закрыл ее полностью.

- А еще он чуть не убил ребенка, - недовольно произнес Палач, - мало ли что он мог сказать. Слабак, который решил вершить судьбы людей, прибегнув к старинной пыточной машине. И вы ему поверили?

Эрвин и Макс промолчали. Тишину нарушил бой курантов, заставив их вздрогнуть.

- Вы ему поверили, - утверждающе сказал Палач, - но предупреждаю вас, не надо собирать на меня дело. Если я узнаю, что вы предали меня... - он угрожающе хлопнул по столу.

- Думаю, нам надо развеяться, - сказал Эрвин, - нервы ни к черту. Все что могли на тебя уже собрали. Все эти годы ты гонялся за мной, не подозревая, что и я интересовался тобой. Я знаю о тебе все, Ганс. Всех, кого ты схватил, твои приемы, квартиры, связных и прочее.

- И все же я в твоём доме, - сказал Палач.

- Ты нужен нам. А твоё прошлое надёжно спрятано в центре, - спокойно ответил Эрвин, - расслабься, Ганс.

"Что же ты пытаешься скрыть?" Именно этим вопросом задавался Эрвин, понимая, что Макс не поверил его словам. Он блефовал, зная, что теперь перво-степенной задачей для него станет прошлое Палача. И пока они будут жить под одной крышей, за ним будет проще следить. А ещё Эрвин понимал, что с этого дня Палач будет представлять для него угрозу, как его пыточные машины. Именно в этот час между ними протянулась невидимая нить, свитая из недоверия и подозрений. Она была настолько явственна, что все трое почувствовали, как натягивается эта нить.

- Все же странное дело, - сказал Палач, - вам не показалось, что мы слишком быстро его нашли? Будто кто-то уже подготовил почву, натолкнул нас на мысль.

- Гипноз? – предположил Макс.

- В разведшколе был человек, способности которого держали в секрете, - поделился Палач, - как и я, он приезжал один на тренировки. Худощавый такой парнишка.

- Способности? – спросил Эрвин.

- Он мог внушить все что угодно, - сказал Палач, - даже мне. Его способности проверили на мне, - пояснил он.

- И что же он тебе внушил? – спросил Макс.
 - Долгая история, - отмахнулся Палач, - я не забуду то, как он это проделывал. Не забуду его глаза, такие огромные и страшные.
 - «Страшные» не совсем твоё слово, - засмеялся Макс.
 - Их взгляд был особенным. Поговаривали, что это у него врожденное. Что он потомок знаменитого ведьмака, но это походило на сказки. Я не верил всему, что о нем рассказывали, пока не убедился сам, - Палач перешел на шепот. - Он мог гипнотизировать целые кварталы. Управлять людскими страхами, словно демон. Страшно чувствовать его силу, когда он это позволит.
 - Что позволит? – спросил Эрвин.
 - Понимаете, он может позволить ощутить свою силу, а может незаметно заставить покориться. И никто даже не догадается, - ответил Палач.
 - И где сейчас этот чудо-разведчик? – спросил Эрвин. - Даже я о нем не слышал.
 - Поговаривали, что он исчез, - сказал Палач. - При его способностях, это совсем не трудно. Но, скажу вам, он походил на настоящего фанатика. То, что он проделывал с заключенными, с их психикой, сводя их с ума и заставляя на расстоянии покончить с собой или убить другого, не поддается логике.
 - Думаю, он даст о себе знать, - задумчиво сказал Макс, - возможно, он и будет нашим следующим делом.
- Говоря это, Макс и не думал, как оказался близок к истине. Именно благодаря силе гипноза вершились темные дела в далеком городе Мияко, что находится на острове Хонсю, омываемого Тихим океаном и Японским морем. Но это уже совсем другая история о приключениях Эрвина и его команды.

***Продолжение приключений следует в рассказе
«Кресты города Мияко»***

© Салтанат Рахимбекова, 2021

ВАЛЕРИЙ РУМЯНЦЕВ
г. Сочи, Российская Федерация

Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним Валерий Румянцев) родился в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончил филологический факультет Воронежского государственного педагогического института. Три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Полковник в отставке.

Лирические и юмористические стихи, басни, литературные пародии, лаконизмы, сказки, статьи; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в 210 изданиях РФ и за рубежом, в том числе в 82 литературных журналах (всего более 1 тыс. публикаций). В. Румянцев – лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

Вышло в свет четырнадцать книг Валерия Румянцева:

- 1. «День и ночь» (стихотворения, венок сонетов). Сочи - 2003 г.*
- 2. «Удивительное рядом» (стихи, басни, пародии). Сочи - 2003 г.*
 - 3. «Из мышления» (лаконизмы). Сочи - 2003 г.*
 - 4. «Короче некуда» (лаконизмы). Сочи - 2003 г.*
- 5. «С чёрного хода» (сатирический роман). Сочи - 2004 г.*
- 6. «Мысль, сохранённая в словах» (стихи, лаконизмы, басни).
Сочи - 2004 г.*
- 7. «Ответственное поручение» (стихи, лаконизмы, рассказы).
Сочи - 2004 г.*
- 8. «На перекрёстке жизни» (стихи, лаконизмы, рассказы).
Сочи - 2005 г.*
- 9. «Девятая модель» (рассказы, лаконизмы). Сочи - 2005 г.*
- 10. «Машина времени» (рассказы, лаконизмы, стихи). Сочи - 2007 г.*
 - 11. «У всех свой крест» (лирика). Сочи - 2017 г.*
 - 12. «Процесс» (рассказы). Сочи - 2018 г.*
- 13. «И как их слово отзовётся?» (статьи о литературе).
Сочи - 2020 г.*
- 14. «Царь природы» (рассказы, сказки, лаконизмы). Сочи - 2020 г.*

КОМА

Они не оставляют меня ни на минуту. Кажется, это длится уже вечность. Время дергается, кружит, петляет и, в то же время, стоит на месте. Эти лица вокруг, плачущие, деловые или суровые сменяют друг друга как на карусели. Карусель мыслей похожа на шум моря, белый шум моря...

И сквозь мысленный шум яркими блестками калейдоскопа беспорядочная череда картин иной жизни. Может, прошлой? Трудно сказать. А если прошлой, то моей ли? Не знаю...

Запах перемен. Ветер гонит волны по ковыльной степи. Волны доходят до меня, щекочат колени и убегают к горизонту. Солнечный шар в чистой бездонной синеве. Большой и добрый мир... Пронзительный свист, и осколки солнца падают в поднимающуюся темноту. Звезды. Мириады звезд и знакомые созвездия. Звезды на погонах. Звезда в стакане. Колкая прохлада на губах. Кремлевские звезды и крики ворон, мечущихся над прожекторами. Свет. Яркий свет, в котором растворяется все вокруг...

Дедушка держит меня за руку и сдерживает шаг, чтобы я не отставал. Я бегу по кромке песчаной косы, и брызги летят из-под ног. Впереди то и дело взлетают белые чайки. Они пролетают мимо меня и с криками носятся над Волгой. Воздух пахнет речной свежестью и цветущей травой. Я бегу все быстрее и быстрее...

Я бегу изо всех сил, но шум моторов все ближе. Мост через заросшую камышом речку, знакомый забор, калитка, испуганное лицо мамы, бросившейся навстречу. А вокруг крики, выстрелы, чужие грубые голоса... Я смотрю в окно на проносящиеся по улице мотоциклы и вижу в оконном стекле свое отражение. Но это лицо дедушки.

Оно дрожит и затягивается подступающим сумраком. Я проваливаюсь в него и лечу сквозь ступки тьмы...

Последние куски облаков проносятся мимо иллюминаторов, самолет резко снижается, и мы приземляемся на Ханкале. Аэродромная суeta, краткие ЦУ начштаба, глоток разведенного спирта, рев моторов, отправление колонны...

Обезображенные деревья вдоль трассы, пустынные улицы встречных сел, обгоревшие дома за массивными металлическими воротами. Поворот на Ачхой-Мартан. Остановка у блокпоста. Вслед за Брагиным выхожу размять затекшие ноги.

Павел Брагин. В училище мы друг друга недолюбливали. А встретившись здесь, обрадовались. Среди тревожащей неизвестности знакомое лицо...

Череда лиц, сменяющих друг друга, как колода карт. Каждое лицо – судьба. И все они связаны пульсирующими нитями, сплетающимися в вертикаль власти. Вертикаль шатается и нити рвутся, разлетаются в разные стороны, но появляются новые, и эта карусель длится бесконечно...

Я просыпаюсь от тихого стука в окно. Лежу в темноте с открытыми глазами и слышу, как мама открывает дверь, слышу ее неразборчивый шепот, шаги в прихожей. Звуки знакомого голоса. Я бросаюсь к отцу и прижимаюсь к его мокрой шинели. Мама суетится, собирая на стол. Отец не один. С ним еще двое солдат. Пожилой, кавказского типа, с черными взъерошенными усами и совсем молодой, тонкий как девчонка. Они жадно набрасываются на вареную картошку. В мерцающем свете керосиновой лампы я вижу добрую и счастливую улыбку отца...

Гулкие удары в дверь, и стук отлетевшего засова. Топот сапог и автоматная очередь. Залитое кровью лицо молодого солдата, выпавшая из его пальцев картошка в мундире. Застывший взгляд черноусого кавказца, уснувшего прямо за столом. Отец ранен и пытается подняться с пола. Мама бросается к нему, но падает в угол от удара прикладом. Мой крик оглушает меня самого и путает все мысли. Рука в черной блестящей перчатке хватается меня за волосы и рывком ставит на ноги.

- У, партизанское отродье, - шипит офицер, дыша мне в лица перегаром, - вырастешь, тоже бандитом будешь как твой отец?

- Он не бандит! – кричу я, вырываясь.

Немец бьет рукоятью пистолета по моей голове, и мир вокруг гаснет...

Это ощущение полета в полной темноте сначала пугает, потом к нему привыкаешь и уже перестаешь обращать внимание на то, что летишь в Никуда. Тем более, что полная темнота незаметно перестает быть полной. Частицы тьмы оказываются лишь промежутками между кусками жизни. Или жизнью? А может, это разные стороны чего-то одного, чему еще нет названия? Я всегда испытывал склонность к философии. Но сделать это профессией даже в голову никогда не приходило. Это казалось таким же нелепым, как сделать профессией способность дышать. Выбор профессии у меня произошел как-то сам собой. Любимый фильм детства, и эта чеканная фраза: «Есть такая профессия – Родину защищать». Родина... Что от нее осталось? Из темноты выплывает лицо майора-пограничника. Когда это было? Впрочем, неважно. Был поезд, был стук колес, было полутемное купе и звуки гитары. И вновь эти звуки возвращают в полумраке, и я слышу хриловатый голос:

Дождь по палубе бьет, с криком носятся птицы.
Волны лезут на борт и скользят по броне.
Разве думали мы, охраняя границу,
Что враги изнутри угрожают стране?

Может, проще зажить, все в прошедшем ругая,
И проворно вложить веру новую в грудь?
Но один только раз в жизни мы присягаем,
И один только раз выбираем свой путь...

Зачистка. Это понятие пришло в Россию из американских боевиков. Когда стали учиться демократии у Соединенных Штатов, когда поливать себя грязью стало признаком хорошего тона, подражание Западу затопило всю

страну. Выплыли немногие. А утонувшие продолжают жить. Или думать, что живут. Или думать, что думают. Государственная Дума. Красивая ложь может скрыть многое, но ненадолго. Красочная импортная упаковка вызывает восхищение только до тех пор, пока не вскроешь ее и не обнаружишь внутри ничтожное содержимое. Форма и содержание. Старый философский вопрос. Философия. Это то, что хранит нас от ошибок, потому что, если заниматься ею, то на ошибки времени уже не останется. Когда-то я мечтал сесть в кресло, обложить все вокруг липкой бумагой, чтобы никто не смог ко мне подобраться, и спокойно предаться размышлениям. Но покоя нет, покой нам только снится. Мы в постоянной суете откладываем жизнь на «потом». «Потом» никогда не наступает. Суета нескончаема. Я лечу сквозь темный тоннель, но в прозрачные участки стен вижу себя, лежащего в белой комнате, и вереницу людей, сменяющих друг друга у моей постели...

- Откуда у тебя этот шрам, - спрашиваю я дедушку, показывая на рубец, пересекающий лоб.

- Это память о войне, - тихо говорит он.

- Расскажи,- прошу я.

- Как-нибудь потом, в другой раз.

Но другой раз так и не наступил.

Я плыву по течению невидимой черной реки. Так тихо и спокойно на душе. Я плыву по течению, только тишина теперь наполнена ожиданием чего-то ужасного. Что-то назревает вокруг. И вот уже вместо черной реки голубое небо. И я уже не плыву, а трясусь на уазике вслед за пылящим БТР. И безмятежные облака все продолжают свое вечное странствие.

Но ощущение тревоги разлито в воздухе. И я физически чувствую, как время отсчитывает последние секунды. Пять... Четыре... Три... Два... Один... Ноль... Сердце сжимается в комок. Но ничего не происходит. И сразу тревога исчезает, растворяется в красоте окружающей природы. А в голубом небе все те же белоснежные облака на фоне чернеющих гор.

Черный столб, взметнувшийся в небо, словно падение в грязь лицом. Горящий бронетранспортер, сбившаяся в кучу колонна. Ураганный огонь по зеленке, где, скорее всего, уже никого нет. Искалеченные тела убитых и раненых и ощущение беспомощной злости. Злости на невидимого противника, на бездарных политиков, втянувших нас в эту мясорубку, на самих себя, вынужденных играть по навязанным сверху правилам...

Сверху видно все. Я вижу блеск медицинских аппаратов у своей постели; я чувствую, о чем думает медсестра, дежурящая в палате; я читаю мысли врачей, каждое утро заходящих в ожидании хоть каких-нибудь изменений. Все это проходит мимо сознания как голос диктора, когда ты сидишь у работающего телевизора, но занят каким-то своим делом. А я сейчас занят. Я в автономном плавании. Я плыву, но курс постоянно меняется. Иногда я пытаюсь понять, почему. Иногда мне становится все безразлично...

Мы блокировали село со всех сторон. Наша группа подходит к дому, где, по агентурным данным, в эту ночь будет связник Басаева. Вообще-то, мы должны были взять с собой представителя местной власти. Но не хотим рисковать. Местные доверия не вызывают. Ждем. В доме тихо. Мы осторожно просачиваемся во двор. Окружаем добротный кирпичный дом. Хорошо, что нет собаки. Я подаю знак, и двое солдат стучат в дверь. В доме вспыхивает свет, слышится шум, детский плач. Наконец, дверь приоткрывается и, уложив на землю показавшегося мужчину, солдаты заученным до автоматизма прыжком врываются в дом. Нервы на пределе, окна под прицелом. Через некоторое время мы слышим:

- Чисто!

Поднимаем хозяина, заводим внутрь дома и входим сами. В комнатах ничего подозрительного на первый взгляд нет. Молодая чеченка прижимает к себе двух маленьких детей. Мальчик постарше, стоя у стены, исподлобья сверкает черными глазами.

Проверяем документы у хозяина. Все в порядке. Для проформы спрашиваю, не было ли в доме кого-нибудь из посторонних, и получаю отрицательный ответ. Впрочем, на иной ответ я не рассчитываю. Извиняюсь, коротко объясняю ситуацию и направляюсь к дверям. Хозяин облегченно переводит дыхание и выходит проводить. В это время на улице слышатся выстрелы. Ночная тишина взрывается криками, разрывами гранат, шумом моторов. Мы бросаемся к воротам. Во двор вбегает Брагин с тремя бойцами.

- Ушел, гад! – сообщает он, - двоих парней у меня положил.

Брагин подбегает к чеченцу, с размаху бьет его по лицу.

- Кто у тебя был? – кричит Павел. – Отвечай! Пристрелю как собаку!

- Хлебом клянусь, никого у нас не было, - шепчет хозяин.

- Врешь. Все вы заодно. Ну, ничего, не таких раскалывали.

- Тащи его в дом, - приказывает Брагин сержанту, - и обыскать все вокруг.

- Постой, Павел, - вмешиваюсь я, - мы уже проверяли. Здесь чисто.

- Ты не врубаешься, - отмахивается он, - мы упустили связника, потеряли двоих бойцов. Как думаешь докладывать? Нет, нужно что-то найти, и я найду.

Я снова захожу в дом. Там уже все перевернуто. В поисках тайников солдаты сдвигают мебель. В соседней комнате с грохотом падает шкаф. К Брагину подбегает один из его солдат, с победным видом показывая автоматный патрон.

- Ну, вот, - произносит Павел довольно. - Что, бандитская морда, не успел все концы спрятать? В машину его!

Хозяина выводят на улицу. Женщина бросается за ним, но Брагин хватает ее за волосы и бросает на стул.

- Сейчас напишешь о том, кого вы прятали, или твой муж попытается бежать ...

Плачущая хозяйка порывается встать, однако рука Брагина пригибает ее к столу.

Старший мальчик бросается на Павла, и тот вскрикивает, отдергивая укушенную руку. Отбросив мальчишку к окну, Брагин наводит на него пистолет и шепчет:

- Ах, ты, змееныш... Всех вас под корень...

Я выхватываю у Павла пистолет и, сжав его плечо, кричу:

- Отставить, майор! Уходим!

Несколько секунд Брагин сжигает меня яростным взглядом, затем вырывается и выбегает из комнаты, бросив на прощанье:

- Чистоплюй!..

Я не помню, когда появилась эта музыка. Знаю только, что раньше ее не было. А сейчас она заполняет собой весь мир. Она пронизывает меня, она бросает меня с ноты на ноту, и я сам являюсь ее частью. Музыка Мишеля Леграна. Ее пульсирующий ритм словно управляет черным вихрем, захватившим меня. И вдруг – тишина. А впереди, там, куда медленно и торжественно влечет меня упругая трепещущая чернота – переливающийся всеми мыслимыми и немыслимыми оттенками, искрящийся сноп излучающего безграничную любовь света. И пока я тщетно пытаюсь собраться с мыслями, меня, словно пушинку в водовороте, разворачивает и несет обратно. Но хочу ли я возвращаться?..

Возвращение домой. Последние часы в Грозном. Я бывал здесь до войны и потому, хотя и с большим трудом, способен ориентироваться в усеянном руинами городе. Но я не смотрю по сторонам. Я полностью полагаюсь на водителя и погружаюсь в мысли о доме. За пару кварталов до Минутки мы попадаем в пробку. Я выхожу из машины. Впереди догорает перевернутый «Мерседес». Рядом танк и кучка распаленных солдат, что-то доказывающих патрульным. Очередное ЧП. Как мне все это надоело! Ну, ничего. Скоро буду дома и постараюсь все забыть. Я повторяю это снова и снова, хотя прекрасно понимаю, что забыть не удастся. Ничего не удастся забыть.

Свежий весенний ветер. Ветер странствий, ветер перемен. Он всегда волновал сердце. И сейчас он мягко толкает меня в лицо, зарождая надежду на лучшее. Я полной грудью вдыхаю воздух и щурюсь от яркого солнца. И не замечаю мимолетный солнечный блеск на крыше полуразрушенного здания в стороне от дороги. Я не слышу выстрела, не слышу испуганного крика водителя. Я успеваю заметить только его искаженное лицо, и небо обрушивается на меня всей своей синевой. И начинается бесконечная карусель из чудовищной мешанины фантастических и реальных видений. И черноглазый мальчик на крыше, сжимающий в руке снайперскую винтовку, - это лишь одна из бесчисленных картинок калейдоскопа...

Свет в конце черного тоннеля – словно приглашение домой. Как лампа на окне в темную беззвездную ночь. Этот свет притягивает все сильнее. И хотя темное облако, захватившее меня, по-прежнему, мечется по тоннелю, словно маятник, я ощущаю, как одна за другой рвутся невидимые нити, связывающие меня со мной, лежащим в белой палате. Я равнодушно слежу за суетой врачей, уже потерявших всякую надежду. Я бесконечно устал в этом бесконечном круговороте. Раз за разом меня подносит все ближе и ближе к белому манящему свету. Порой мне кажется, что я вижу за сияющим входом мелькающие лица родных. И тогда необъяснимое чувство возвращения домой возрастает многократно...

Новые врачи. Новые методы. В палату поставили телевизор. Мне еже-

дневно включают новости. И это окончательно обрывает последние тонкие связи с прежней жизнью. Я, наконец, свободен. Я свободен и лечу домой. Ласковый пульсирующий свет все ярче. И вот, когда я уже готов погрузиться в теплое притягивающее сияние, там, в густой темноте, из которой я только что вырвался, вспыхивает белое облако. И сквозь отступившую тьму вдали проступают бесконечно дорогие лица. Лица жены и дочери. И время взрывается. В одно мгновение все становится на свои места. Я разворачиваюсь и, собрав остатки своей воли, устремляюсь назад. К тем, кого я не могу бросить в этом жестоком мире.

ПУХОВЫЙ ПЛАТОК

Захарову повезло. Он ехал в купе вагона «СВ» один. В дорогу взял «Сумму технологии» Станислава Лема. Книгу он купил спустя месяц после окончания института, сразу начал её читать, но вскоре бросил. Этот томик оказался одной из тех книг, в которых содержатся настолько глубокие мысли, что многие боятся к ним даже приблизиться. И хотя в последующие годы он живо интересовался философией, знакомился с трудами многих мыслителей, конспектировал их, «Сумма технологии» почти четыре десятка лет пылилась в его домашней библиотеке по соседству с наследием мудрецов древности и средневековья. И вот, наконец-то, дошла очередь и до неё.

Пища для размышлений имеет неограниченный срок хранения. Захаров читал с завидным азартом, не обращая внимания на стук колёс и бесснежные декабрьские пейзажи за окном. Перечитывал по несколько раз отдельные абзацы, пытаясь проникнуть в логику автора. Ведь для того, чтобы приручить чужие мысли, иногда требуется много времени. Он сожалел, что не оценил читаемый шедевр раньше, и радовался, что никто не лезет с дорожными разговорами и не мешает ему погрузиться в каскад мыслей знаменитого поляка. Единственно, что иногда отвлекало Захарова, так это предстоящая встреча со станцией Котельниково, которая навевала целый вал воспоминаний. Здесь он родился, тут прошло его детство и ранняя юность. В Котельниково он начал познавать мир, первый раз влюбился, а в шестнадцать лет вместе с матерью и отцом навсегда уехал оттуда в другие края. И так получилось, что за сорок пять лет он ни разу не побывал на своей малой родине. А временами этого очень хотелось, наверное, потому, что встреча со своей молодостью всегда делает тебя моложе.

В Котельниково поезд должен был стоять аж двадцать минут, производилась замена электровоза. Захаров взглянул на часы и, отметив в памяти номер страницы, закрыл книгу.

Вот-вот появится родная станция. "Скорее всего, - подумал он, - на путях, по-прежнему, продают пассажирам рыбу, варёную картошку, домашние пирожки". Захаров вновь погрузился в воспоминания детства. Он вспомнил ту самую девочку Таню, которой увлёкся в четвёртом классе и любил до самого отъезда, до окончания девятого класса. За сорок пять лет все лица одноклассников стёрлись в памяти, а вот её лицо он помнил до сих пор. Странно всё-таки устроен человек: помнил, хотя ничего между ними не было, ни малейшего намёка на интимную ласку. Знаки внимания он регулярно проявлял, и она,

безусловно, замечала их. Захаров жил тогда совсем как в том стихотворении классика: «Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз златокарий омут...». Это была платоническая любовь, которая ещё не успела деформироваться под воздействием страсти и, видимо, поэтому единственная в жизни. «Боже мой! Как давно всё это было, - подумал Захаров. - Как сложилась её судьба? Где она сейчас? Жива ли?»

Когда за окном медленно проплывало здание вокзала он почувствовал лёгкое волнение. Захарову опять повезло: состав прибыл на первый путь, можно будет выйти на привокзальную площадь, посмотреть по сторонам и увидеть близкие сердцу улицы и дома. Конечно, никого из знакомых уже не встретишь, а если и встретишь, то ни ты их не узнаешь, ни они тебя

Он вышел из вагона. Холодный ветер кинулся ему на грудь и заставил застегнуть куртку. В глаза сразу бросилась целая армия шумных продавцов, которые судорожно метались от одного вагона к другому, надеясь найти покупателя для своего товара. В их руках чего только не было: копчёная рыба на подносах, пиво, консервированные овощи, сухофрукты, домашняя выпечка, рыбные котлеты, пуховые платки, шерстяные носки и варежки.... Но, как и раньше, больше всего было копчёной и сушёной рыбы, оно и понятно - рыбный край. Высыпавшие из вагонов пассажиры покупали в основном именно рыбу. Разноголосые продавцы расхваливали свой товар, и чаще всего доносились слова «сом», «судак», «лещ», «балык».

Пока Захаров шёл по перрону к зданию вокзала, его настигло неприятное известие. По радио объявили, что в связи с опозданием его поезда стоянка будет сокращена. «Вот те на! Значит, далеко от своего вагона отходить нельзя». Захаров развернулся и медленно пошёл по перрону, теперь уже внимательно вглядываясь в лица продавцов.

Одни из них задорно рекламировали свой товар. Другие нерешительным тоном просили купить что-нибудь, - и в этом было что-то унижительное для них. Менялись лица, мелькали товары. И вдруг одно лицо среди продавцов показалось Захарову знакомым. Он подошёл поближе и стал пристально рассматривать худощавую женщину примерно его возраста. В руках она держала поднос, на котором поблёскивала какая-то копчёная рыба. Одета была довольно бедновато: старая куртка с засаленными рукавами, потрёпанная вязаная шапочка, из-под которой просматривались редкие седые волосы, на ногах - башмаки непонятного цвета со стоптанными каблуками. «Не может быть!» Но чем дольше Захаров смотрел на это лицо, тем больше убеждался, что это его Таня, Танечка. Вот и та самая еле заметная родинка на правой щеке. «С ума сойти! Она!» Захаров вплотную подступил к женщине, которая не обращала на него никакого внимания, а пересчитывала только что полученные деньги за проданную рыбу. Захаров взял её за локоть и, когда та повернула в его сторону голову, всё ещё не веря своим глазам, нерешительно сказал:

- Танечка, здравствуй...

Женщина недоумённо смотрела на него несколько секунд - и вдруг в её глазах вспыхнуло радостное возбуждение.

- Юра! Неужели это ты!? Столько лет...

Захаров неуклюже обнял Татьяну и поцеловал в щёку. При этом он ощутил дрожь в её теле. Мешал этот дурацкий поднос, который она держала в

руках, и резкий запах копчёной рыбы.

- Да, воды много утекло. А у меня всё-таки была, была надежда; правда, очень маленькая, что я здесь увижу кого-нибудь из нашего класса... И вот, видишь, угадал. Ну, расскажи, как ты живёшь? Есть ли муж, дети, внуки?

- Как живу? - Татьяна никак не могла справиться с волнением. - Вот, рыбой торгую. На учительскую пенсию-то далеко не уедешь. А тут надо ещё дочери помочь. Муж бросил её с двумя детьми, сбежал куда-то, ни слуху, ни духу, ни алиментов.

- А муж, муж-то у тебя есть?

- Был, - она махнула рукой. - Всю жизнь нервы трепал своим пьянством. Умер три года назад. А сын живёт в Волгограде, приезжает редко, у него там свои заморочки.

- Давай отойдём куда-нибудь в сторонку, - Захаров взял у Татьяны поднос с рыбой и, сделав несколько шагов, поставил его на большой фанерный ящик.

- А я о тебе много раз вспоминала, по-доброму вспоминала. Как ты-то живёшь?

Ложь сглаживает острые углы, и он ответил:

- У меня всё хорошо... А как наш класс? Все живы?

- Обо всех не знаю, встречались как-то лет тридцать назад... Знаю только о тех, кто живёт здесь, в Котельниково. Володя Бачалов был у нас председателем районного суда, спился, умер пять лет назад. А жена у него Любка Житецкая. Помнишь, с тобой когда-то за одной партой сидела? Тоже спилась. Два сына у них, и оба - наркоманы...

- Какой кошмар! Да что у вас тут делается?

- Да то же, что и по всей России... Лидка Кудышкина до сих пор преподаёт в нашем техникуме. Мишка Огурцов работает сварщиком. А Серёжка Семёнов где-то там на канале электриком.

Захаров слушал её, смотрел на глубокие морщины худого лица, на неухоженные руки, заметил как она ёжилась от холодного ветра - и жалость к когда-то любимому существу зашевелилась в его сердце. Он купил у проходившей мимо них торговки самый дорогой пуховый платок и накинул его на плечи Татьяны.

- Это тебе на память о нашей встрече.

- Да ты что!? Такая дорогая вещь...

- И не спорь, не обижай меня. Прошу.

- Ну... тогда спасибо тебе огромное. Я бы за такую цену никогда не купила, - и она поцеловала его в щёку.

Объявили посадку. Захватив поднос с рыбой, они пошли к вагону. В бумажнике Захарова лежала немалая сумма, он очень хотел дать Татьяне денег, чтобы она не стояла тут, не мёрзла. «Но она их, скорее всего, не возьмёт, - подумал он, - да и эта выходка может оскорбить её».

- А как Раиса Ивановна, наша классная? Жива?

- Жива. Но у неё был недавно инсульт, она очень плохо передвигалась. Теперь она в Волгограде у дочери. Как сейчас - не знаю.

- Поезд отправляется, заходите в вагон, - послышался голос проводника.

Юрий передал поднос Татьяне и, вздохнув, сказал:

- Увидишь наших, всем от меня привет и наилучшие пожелания...

Подгоняемый проводником, он поцеловал замёрзшую холодную руку Татьяны и поднялся в тамбур. Вагон вздрогнул, и сердце Захарова трепыхнулось и защемило. Его детская любовь стояла со своим неразлучным подносом и тихо всхлипывала. На её плечах красовался большой белый пуховый платок. Вдруг Татьяна рванулась к закрывающейся двери, и он услышал её последние слова:

- Юрочка, спасибо тебе за всё! Слышишь, за то, что ты был в моей жизни!...

... Не снимая куртки и фуражки, Захаров в одиночестве сидел в своём купе. На столике лежала книга. Читать её не хотелось. Дорога утомляет, особенно если это дорога жизни.

СУХАРИ

1

Жизнь устроена так, что у каждого молодого поколения есть свой враг. Поколению, к которому принадлежал Василий Черкашин, противник достался сильный, одно время даже казавшийся неодолимым. И звали этого врага немецкий фашизм. На фронт Василий попал не в трагическом сорок первом, а в октябре сорок второго, когда и немцы уже начали выдыхаться, и наши солдаты многому научились, да и генералы тоже.

Прошёл месяц, как Черкашин надел шинель, но ему казалось, что минуло уже минимум полгода. Впрочем, когда идёт война, восприятие времени иное. Пехотный батальон, в котором служил Василий, приближался к фронту, до него осталось рукой подать. Где-то там, за горизонтом, рвутся бомбы и снаряды, и ветер приносит только отголоски этих разрывов.

Вчера утром их батальон тормознули, и все они чего-то ждут. Никто не знает, чего. Дали команду сдвинуться на обочину и стоять. Вот они и стоят. А мимо идут солдаты, идут и идут на передовую, где каждый день тысячами убивают и калечат. О чём думает каждый из этих солдат? Спросить бы их... А кто спросит? Не до расспросов сейчас.

Черкашин, как и другие ребята из его взвода, спасаясь от холода у костра, томился в ожидании. Сухари, которые каждому из них выдали как суточный сухой паёк, уже давно перекочевали в их молодые желудки, и от этих сухарей остались одни воспоминания. Как часто бывает, в такие минуты разговор заходит о еде. Взялись гуртом вспоминать, какие блюда готовили дома, каков вкус этих блюд. Армянин Ашот нахваливал хаш, который варила его мать, при этом он причмокивал, закрыв глаза. Казах Самет спорил с ним и доказывал, что лучше бешбармака ничего нет. Вспоминали и русские щи, и хашламу, и пельмени, и шашлык, и много ещё чего. А москвич Берг рассказал, как он до войны бывал с отцом в ресторанах, и называл блюда, о которых никто даже не слышал.

Когда мимо проходили грузовики, крытые брезентом, всем было ясно, что везут или боеприпасы, или продукты. Об этом стали говорить всё громче,

но пока была махорка, крамольных мыслей вслух никто не высказывал. Когда же последнюю козью ножку по очереди докурили, стало совсем паршиво.

Махорка и кипяток ещё как-то отвлекали от голода, но когда стемнело и остался один кипяток, раздался нерешительный голос Берга:

- Можно было бы разведать, что там везут в машинах, но нельзя. Мы же комсомольцы. Я правильно говорю, Черкашин? Ты же у нас комсорг.

Черкашин поёжился то ли от холода, то ли от провокационного вопроса и ничего не ответил.

- Разведать-то можно, - продолжил тему Ашот, - только после этого и в штрафбат загнать можно.

- Быстрее бы на фронт. Там-то, говорят, кормят нормально...

В разговор о том, какие именно продукты везут в грузовиках на фронт, втянулись уже почти все. Не участвовали в этом разговоре только Черкашин и молчун сибиряк Чуев. Василий как комсорг не имел права подрывать дух комсомольцев подобной болтовнёй. И он отмалчивался. Хотя в душе он соглашался с намерением своих завтрашних боевых товарищей добыть чего-нибудь съестного. Только бы хлебных продуктов и махорки! На большее они не претендуют. Когда стемнело, Берг в шутку предложил провести комсомольское собрание на тему «Роль комсорга в обеспечении личного состава сухим пайком». Василий молча встал и отошёл от костра.

- Наш комсорг так наелся, что пошёл по большому, - пошутил Берг, и взрыв хохота заглушил его следующую фразу.

Черкашин не случайно удалился от сослуживцев. Он услышал, как вдалеке раздался шум мотора. Машина шла в сторону фронта. В голове комсорга молниеносно созрел план. В двухстах метрах от него поворот дороги, а значит, водитель снизит скорость. Там же, на повороте, ложбинка, в которой можно спрятаться, иначе свет фар машины зацепит его фигуру; тогда и шофёр и тот, кто сопровождает груз, будут настороже.

Черкашин быстро добежал до ложбинки, снял шинель, кинул её на землю, лёг сам и, расстегнув четыре пуговицы на гимнастёрке, превратился в охотника, который хочет убить голод.

«Что я делаю? - вдруг мелькнуло у него в голове. - Ведь если узнают... Но ведь там же голодные ребята. Эх, была не была!»

Когда полуторка поравнялась с Василием и начала притормаживать, он метнулся к машине, в мгновение ока зацепился за задний борт, подтянулся, нащупал ногой какую-то опору и сунул правую руку под брезент. Рука легла на картонный ящик и нащупала сухари. Почти машинально рука схватила добычу и отправила её за пазуху. Несколько таких вороватых движений - и Черкашин спрыгнул на дорогу. Бегом он вернулся к шинели, быстро надел её, распахнул добычу по карманам и, скрывая возбуждение, вернулся к костру.

- Черкашин! Ещё один ужин проехал мимо... - не унимался Берг и кивнул на дорогу.

- Ну, хватит тебе приставать к комсоргу, - прервал москвича Чуев. - Смотри, а то доболтаешься.

- Я так понимаю, что пора доставать «НЗ», - объявил Василий и начал раздавать сухари товарищам.

Все восхищённо загладели, а Берг кинулся обнимать Черкашина, при-

говаривая:

- Ну, ты молодчина, настоящий комсорг. Всю жизнь помнить буду...

Когда ели сухари, все понимали, как они попали в карманы к Черкашину, но вслух никто не проронил ни слова. Костёр, кипяток, да ещё и сухари - уже можно было жить. После нечаемой трапезы Чуев махнул рукой и к изумлению всех выпалил:

- Раз пошла такая пьянка!..

При этом он достал три щепотки махорки: всё, что у него оставалось на чёрный день.

Вкус тех сухарей Черкашин запомнит на всю оставшуюся жизнь.

А впереди у него были два окопных года, награждение орденом Славы и двумя медалями «За отвагу», а также тяжёлое ранение, последствия которого он ощущал и через много лет. В общем, те украденные сухари он отработал сполна. Черкашин вернулся с фронта и пошёл дальше по дороге жизни. Звёзд с неба не хватал, работал токарем в вагонном депо и так дожил до пенсии.

2

Минуло много лет. Очень много. Ушли годы - и ни слуху, ни духу... Василий Степанович Черкашин только что перешагнул семидесятилетний рубеж. Пришли другие времена, когда борцы с привилегиями перешли на сторону противника, когда в гонке за богатством победителей уже не судили, когда торжество лжи широко освещалось через средства массовой информации, когда опьянение свободой пока ещё не вызвало похмелье заднего ума, когда из двух зол стали выбирать тайным голосованием. А выборы в Государственную Думу? Они показали, что только очень богатые люди могут позволить себе думать о родине. Ветер перемен поднял пыль, за которой Черкашину трудно было рассмотреть происходящее. Вокруг него бурлила совершенно иная, чуждая для него жизнь. То, ради чего он проливал свою кровь, за что в меру своих сил боролся всю жизнь, новая власть, не задумываясь, перечеркнула.

Получалось, что свою жизнь он прожил зря. Черкашин также, как и миллионы других его соотечественников, растерялся в этой новой жизни. Он не понимал и не хотел понимать, как всего за три-четыре года одни россияне умудрились заработать миллионы долларов, а несколько человек - миллиарды. Сам Черкашин относился к тем, кого судьба бросала в потребительскую корзину, а попала в мусорную. Настало время, когда будущее уже не сулило никаких надежд. Видимо, поэтому он достал бумажный портрет Иосифа Сталина, который бережно хранил много лет, и повесил его у себя дома на стену.

Однако и в сегодняшней жизни у Василия Степановича иногда случалось и что-то хорошее. Поздней осенью, когда пожаловали первые морозы, ему неожиданно дали путёвку в санаторий. Подавляющее большинство отдыхающих сочинского санатория «Волна», куда прибыл Черкашин, составляли так называемые «социальники», то есть те, кому государство выделило бесплатную путёвку и оплатило дорогу до здравницы и обратно домой. В основном это были пожилые люди.

Стояла уже середина ноября, но солнце не до конца растеряло свой задор. С деревьев тихо и безропотно осыпались листья. Василий Степанович си-

дел на лавочке на центральной аллее санатория и смотрел на листок, который только что упал к его ногам.

«Ещё немного лет, - подумал он, - и он так же, как этот листок, упадёт за-
мертво и исчезнет с лица земли». Мимо него в направлении столовой прошли
отдыхающие. Хотя обед в столовой санатория уже начался, Черкашин туда не
спешил. Он зашёл в столовую специально позже всех, кушал медленно, что-
бы уйти последним. Это он делал для того, чтобы как можно меньше людей
видели, как он собирает со столов оставшиеся кусочки хлеба. После этого он
сразу же направился в свою палату и бережно разложил принесённый хлеб на
тёплую батарею.

И так происходило изо дня в день.

За два дня до отъезда Черкашина из санатория погода закапризничала:
резко похолодало и пошёл нудный мелкий дождь. Директор санатория сидел
у себя в кабинете в плохом настроении, но не по причине паршивой погоды.
Он раздумывал, как дополнительно выкупить акции санатория, чтобы кон-
трольный пакет оказался у него в руках. А как известно, пока цель не достиг-
нута, она господствует над нами.

Его финансовые размышления прервал стук в дверь. Вошла заведующая
корпусом и, не успев отдышаться, негодующим тоном стала докладывать:

- Николай Алексеевич, у нас ЧП. Только что горничная сообщила, что
при уборке сто четырнадцатой палаты она обнаружила рюкзак с сухарями.
Как выяснилось, рюкзак принадлежит отдыхающему Черкашину...

- Ну-у - это разве ЧП, - равнодушно протянул руководитель здравницы.
Потом он встал из-за стола, подошёл к окну, на мгновение задумался. – На-
верно, этот Черкашин - человек пожилой?

- Да, Николай Алексеевич, вы прямо в точку попали. Черкашин - участ-
ник Великой Отечественной войны. Зовут Василий Степанович, - уже спокой-
нее продолжала докладывать заведующая корпусом.

- Пригласите его сейчас ко мне, - сказал хозяин кабинета и отвернулся к
окну, дав понять, что разговор окончен.

Вскоре в дверь кабинета нерешительно постучали, и на пороге пока-
зался сухощавый старичок среднего роста. Он неуверенно закрыл за собой
дверь и застыл на месте. Костюм на нём был потёртый, старого фасона, в руках
он сжимал выгоревшую фуражку. Потрёпанные ботинки красноречиво сви-
детельствовали о том, что их хозяин сушит сухари не от хорошей жизни. От
спального корпуса до административного здания старик шёл без зонта - и его
изрезанное глубокими морщинами лицо было влажным.

- Проходите, присаживайтесь, - спокойно предложил хозяин кабинета.

Старик сел на ближайший от него стул, положил фуражку на колени и
опустил голову. Он знал, о чём пойдёт речь.

- Пожалуйста, дайте вашу санаторно-курортную книжку.

Черкашин вынул из внутреннего кармана книжку и молча протянул её
директору. Николай Алексеевич не спеша полистал страницы, убедился, что
отдыхающий принял йодобромные ванны, гидромассаж и другие процедуры.

- Василий Степанович, а скажите мне, зачем вы сушите сухари? Только
честно.

Лицо у старика дрогнуло. Он наклонил седую голову и стал рукой выти-

рать слёзы. После затянувшейся паузы он хотел что-то сказать, но смог только проглотить слюну.

- Я прошу прощения, но я хочу получить ответ на свой вопрос.

Черкашин тяжело вздохнул и стал объяснять:

- Понимаете, мне уже три месяца не платят пенсию. То задерживали на месяц-два, а в этом году стало ещё хуже... Мне-то пенсии хватало. Я ведь один. Жену похоронил. Сын с семьёй в Приморском крае, а я живу на станции под Ленинградом. Всё бы ничего, если бы пенсию давали... А без хлеба как? Вот, думаю, сухарей хоть привезу и дотяну. У меня ведь огородик, куры... Деньги-то у меня были на книжке, были деньги. Да Ельцин всё отобрал... - кулаки у старого солдата невольно сжались.

- Ну, понятно. Да вы не расстраивайтесь, Василий Степанович. Время сейчас тяжёлое, я вас ни в чём не виню.

Они поговорили ещё минут пять. Выяснилось, что Черкашин уезжает на два дня раньше срока: хочет быть дома к годовщине смерти жены. В заключение беседы Николай Алексеевич проводил ветерана до двери, пожал руку и добродушно сказал:

- Приезжайте в наш санаторий ещё раз.

Оставшись один, руководитель санатория вернулся в рабочее кресло и набрал номер телефона своего заместителя по питанию.

- Полина Георгиевна, есть такой отдыхающий Черкашин Василий Степанович - участник войны. Он уезжает на два дня раньше срока. Хотя это против наших правил, организуйте ему сухой паёк на дорогу. Путь до Санкт-Петербурга неблизкий, - и, усмехнувшись, добавил, - а до Ленинграда ещё более далёкий...

Через два дня Черкашин уезжал домой. На перроне он купил газету и сел в поезд. Когда вагон вздрогнул и покатился, старик достал очки, развернул газету и стал знакомиться с последней страницей. В колонке под названием «Фразы» он прочитал: «Мимо нас прошла целая эпоха, а мы остались невозмутимы и загадочны, как сфинксы». Василий Степанович отложил газету в сторону и, глядя в окно, долго думал над этой фразой.

© Валерий Румянцев, 2021

ЕВГЕНИЙ ТАТАРНИКОВ

г. Ижевск, Удмуртская Республика

Евгений Татарников родился в Удмуртии. После школы в 1976 году поступил МВТУ им. Баумана, которое закончил в 1982 году и работал на ПО "Ижмаш" в отделе главного технолога. Печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 году закончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Печатался в журналах «Литкультпривет», «Чайка» (США). Любимый жанр – юмористические рассказы. Любимые писатели - В. Шукшин и Н.Гоголь.

ПОДАРИ МНЕ БИЛЕТ, ЛУЧШЕ НА БАЛЕТ

"В искусстве не важно "ЧТО". Самое важное - "КАК". Нужно, чтобы дошло до каждого, чтобы душу трогало - тогда это настоящее, иначе "НИКАК". (Майя Плисецкая)

С улыбкой вспоминает Плисецкая свой артистический дебют, когда, будучи 3-летней девочкой, вытянувшись на носочках, она вдохновенно танцевала на одном из московских бульваров под уличный репродуктор вальс из балета "Коппелия" на виду у многочисленной толпы.

"Меня отдали в балет, когда мне было 8 лет, даже немножко меньше. Отдали, потому что я была довольно хулиганистая, и меня хотели скорее отдать хоть куда-нибудь. Ну, и отдали в балет". (Майя Плисецкая)

- А вы были в Большом театре? - спрашивал я часто своих друзей и знакомых, когда разговор заходил о балете, а они отвечали:

- Да, ты че, Жень, это как в Космос слетать, ведь в Большой театр в Москве попасть, почти не реально. А сам то был?

И этот вопрос был самым, как бы вам сказать, "вкусным" для меня. Я начинал, вспоминать свой первый и последний легендарный поход на балет в "Большой". И самое главное, что на сцене в тот день блистала неподражаемая Майя Плисецкая.

Ребята слушали, раскрыв рты.

Так вот, Галина Уланова ушла со сцены примерно в 50 лет. Анна Павлова, как ее прозвали "легендарный лебедь", к сожалению, покинула жизнь раньше, чем завершилась танцевальная карьера. В возрасте 49 лет она умерла от плеврита. Ольга Лепешинская покинула сцену в возрасте 44 лет. А Майя Плисецкая продолжала танцевать до 65 лет.

В тот январский день 1977 года, когда я пришел в "Большой" на балет "Анна Каренина" Плисецкой было уже 51 год, и все по наивности думали, что она танцует последний год, и я присутствую на историческом балете. Как хорошо, что мы ошиблись на целых 14 лет. Плисецкая оспорила аксиому, что сценический век балерины краток. Ей никогда не приходилось скрывать свой возраст, потому что время над ней не властно. Грациозная, смелая, непокорная, она очаровывала даже тех, кто вовсе не разбирался в балете, и таким в то время был я, и я им и остался на всю жизнь, а мои друзья тем более.

Москва, январь 1977 год.

Я учился на 1 курсе МВТУ имени Баумана и у меня был мой первый выход в московский театр. И сразу, вы не поверите, в "Большой", я в "Малом" то еще не разу не был, а тут сразу в Большой и на балет. Ни на балете, ни в опере я в жизни никогда еще не был. У нас в Ижевске их просто не "ставили", негде было. У нас был русский драматический театр имени Короленко и удмуртский комический без имени.

Два билета на балет "Анна Каренина" в Большой театр мне "подогнал" Пашка мой одноклассник за три рубля каждый. Он их приобрел на так называемой "театральной ломке", отстояв за ними целую ночь. Как он мне сказал: "Спали в подъезде дома рядом с кассами. Дежурные охраняли двери кассы, а основная группа бойцов отдыхала. В 6 утра, когда мы занимали позиции, к кассам Большого явился отряд курсантов Дзержинского училища, они поперли нас, как ветер пушинку, но билеты на балет нам все же достались".

Павел Береговенко (вспоминает выпускник МВТУ).

В 60-х "театральных ломок", похоже, ещё не было. Можно было купить билеты заранее во все театры, кроме Таганки. Приезжали к 6 часам утра к Большому, покупали билеты с рук без переплаты. Если не удавалось купить билеты в Большой, шли во МХАТ. В 1966-м (1-й курс) выбрали культоргом иногороднюю девочку, она на свою стипендию накупила абонементов со скидкой для студентов в консерваторию. Потом плакала, мало, кто хотел идти. Сходили с Русланом, там оказалось хорошее пиво и бутерброды. После этого все абонементы быстро разошлись. На Таганку ездили 2-3 человека из моей группы с ночёвкой или на такси, брали по 2 билета без "ломок". У одного нашего студента отцу на работе давали 2-3 раза в год билеты на Таганку, а он их дарил ребятам - бесплатные они были.

Г. Чернецова (воспоминания бауманца).

"Вспоминается наш поход в Большой театр. Дело было зимой. Целую ночь с Ноной простояли около касс Большого. Утром часов в 10 нас выстроили в цепочку, и администратор раздал номера. Часам к 15-и купили в кассе билеты на декаду. Сколько радости было! Билеты достались на галёрку, все спектакли стояли".

"На подступах к "Большому".

Я надел свой лучший костюм. Да какой лучший, у меня всего был один костюм, который я носил уже третий год, нацепил галстук на резинке и взял собой Шуру - это мой одноклассник с Ижевска приехал на каникулы и ему, надо же, сказочно повезло.

На площадке перед входом в "Большой" стояла вереница машин, были среди них и лимузины с дипломатическими номерами, которые по сравнению с нашими отечественными авто были "как небо и земля". Кое – кто из зевак охла-

монов отирался около них, раскрыв рот. Из лимузинов выходили, наверное, дипломаты в норковых шубах, модных дубленках. Ну, цари – да и только, вокруг них бегали холопы, спрашивая у них: "Валюту не продаете?" "Наверное, валютчики. Ну, ничего не бояться", - подумал я. Мы с Шуриком приехали на электричке Болашиха-Москва, набитой битком пассажирами внутри и избитой ветрами и дождями снаружи.

На подступах к Большому театру тоже было много людей, и они все спрашивали лишний билетик, хорошо, что не валюту, хотя билет в Большой и был своеобразной местной валютой. А вот купить с рук билет это уже было пустое занятие. Народ стоял и шептался: "Наверное, это последний сезон, когда танцует Майя Плисецкая, ей ведь уже 51 год". "А вы не знаете, кто поставил этот балет Анна Каренина?" "Говорят, что она сама и поставила, а музыку написал ее муж - Родион Щедрин. Да, какая талантливая семейка".

Я шел не спеша, прислушивался к разговорам и понимал, какой я пещерный динозавр в балете, и туда ли я иду, может лучше сразу в пивнушку "Капкан", что у метро Бауманская.

"Две музы – медузы".

Еще на подступах к театру нас встретили две музы. Нет, это были не наши барышни из МВТУ, это были две каменные скульптуры. Одна из муз стояла на фасаде Большого театра - муза лирической поэзии Эрато. Вторая муза на фасаде Большого театра - муза танца Терпсихора.

Они свысока в прямом и переносном смысле смотрели на нас, и хотели сказать: "Мол, вы то куда, два лаптя, претесь. Ведь, все равно ни черта не поймете это высокое искусство. Начните, хотя бы, с малого, сходите в театр кошек Куклачева. А лучше идите, мальчики, "лесом" сразу в пивнушку под названием "Капкан". А билеты загоните втридорога. Вон видите - сколько безбилетных желающих стоит, чтобы увидеть Майю Плисецкую, про которую вы и слыхом не слыхивали, два удмуртских валенка".

Одна из них, как мне показалось, в руках держала какой – то камень, и я подумал: "Лишь бы в нас не бросила. Брось лучше вон в тот синий американский лимузин". Но она даже не шелохнулась.

Мы с Шуриком, уже не слушая этих муз, упорно шли к входу в Большой театр. Шли, как на кинофестивале, но не по красной ковровой, а по заснеженной дорожке, которая скрипела и искрилась под нашими башмаками. Из толпы кричали: "Смотри, смотри вон идут...". Нет, это не про нас с Шуриком кричали, видимо, кто - то за нами шел из знаменитых артистов кино или театра. "Вон, вон смотри, идут Ширвиндт с Державиным".

В те двери, что были в центре здания театра, как оказалось, не все люди входить могут. Театр не случайно назван Большим, в нем как в многоподъездном доме входов и выходов немало. И заходить можно только через те двери, которые соответствуют указанному на билете подъезду. Наш был шестой, поэтому нам пришлось завернуть налево и искать вход там. Зашли, разделись в гардеробе, и там же взяв напрокат один маленький бинокль, мы отправились занимать свои места, которые на билетах значились в первом ряду левой стороны бельэтажа. Вот как сложно. Но найти их оказалось очень просто, в театре много указателей, поэтому ориентироваться несложно. И кроме этого, есть еще сотрудники, которые, видя затруднения зрителей, охотно подсказывают, куда именно и как надо идти. И вот мы уже на этой левой стороне ложи бельэтажа третьего яруса:

"В Большом, как в сказке".

Зал Большого театра непередаваемо великолепен, если сидеть в партере, все видно, все слышно. Но мы сидели у "черта на куличках" в ложе бельэтажа левой стороны. И у меня было такое ощущение, что это всё проделки "большевиков". Наверняка, изначально ложи вообще были не предназначены для каких-то там вторых, третьих и прочих рядов кресел! Представьте, как в те времена туда могли пойти разные дамы в кринолинах и с огромными шляпами, при такой-то тесноте, как сейчас? В ложах, наверняка, стояло несколько кресел в один ряд, и максимум столик для шампанского/закуски. И все! Разве вы не замечали, как тесно в наши времена там расставлены кресла? Как они сделаны целыми блоками, заужены, и такой же узенький подлокотник, один на двоих! Сидишь, мордой и коленями упираясь в спины предыдущего ряда, а локтями в темноте пихаясь с незнакомым соседом. Вы можете себе представить, как там должны были сидеть всякие "господа и дамы" - в котелках, во фраках, или в пышных юбках и громадных шляпах? Смешно даже подумать, что в те времена кресла так расставляли! Это всё более позднее изобретение. Сам Ленин, по словам Анатолия Луначарского, относился к Большому театру "очень нервно". Он называл его «куском чисто помещичьей культуры» и говорил, что не позволительно содержать на государственные средства такую роскошь, когда в стране не хватает простых школ. Да, дорогой Владимир Ильич, на счет "Большого" ты был не прав.

"Лебединое озеро" Из книги "Я, Майя Плисецкая".

27 апреля 1947 года я танцевала свою премьеру "Лебединого". Спектакль был дневной. Я не верила сама себе, что танцую, что исполнилась мечта. Все участвовавшие в спектакле аплодировали мне после каждого акта на сцене... Я считала и считаю поныне, что "Лебединое" — пробный камень для всякой балерины. В этом балете ни за что не спрячешься, ничего не утаишь. Все на ладони: два образа — кстати, когда-то, "черный" и "белый" акты танцевали две разные балерины, — вся палитра красок и технических испытаний, искусство перевоплощения, драматизм финала. Балет требует выкладки всех душевных и физических сил. В полноги "Лебединое" не станцуешь. Каждый раз после этого балета я чувствовала себя опустошенной, вывернутой наизнанку. Силы возвращались лишь на второй, третий день.

Тетя Майи Плисецкой - Суламифь Мессерер была солисткой Большого театра и сыграла значительную роль в становлении ее, как артистки балета. Именно она отвела Майю в хореографическое училище, где ее зачислили на курс. Тетя растила Майю как родную дочь. Именно Суламифь подготовила для Плисецкой знаменитого "Умиряющего лебедя" и придумала выход спиной к публике, который помог продемонстрировать красоту и изящество рук начинающей балерины. Исполняя "Умиряющего лебедя", Майя сбилась со счета, поскольку в любом уголке мира ее просили исполнить эту миниатюру, и счет шел на десятки тысяч.

"Богиня танца мир в себя влюбляла,
Каренина на сцене, скромная - в быту,
На "бис" в притихшем зале умирала,
Прекрасным "Лебедем" в заснеженном пруду...»

"Лебединое озеро" Плисецкая будет танцевать 30 лет, более 800 раз. Балет в СССР был таким же символом страны, как матрешка, балалайка или чер-

ная икра. Всех высоких гостей СССР обязательно водили на "Лебединое озеро". Были в "Большом" и курьезные случаи с этим "Озером". Какие? Ну, например Хрущев жаловался: "Как вспомню, что вечером опять "Лебединое озеро" смотреть, аж ком к горлу подступает". Хрущева можно понять: "лебеди" входили в обязательную культурную программу для зарубежных гостей. Так 30 апреля 1958 года в ходе государственного визита в СССР президент Египта Гамаль Абдель Насер в сопровождении Н.С. Хрущева и К.Е. Ворошилова присутствует в Большом театре на балете "Лебединое озеро". Существует история, что когда на сцене появился "нехороший" Ротбард в черном трико с перьями, Хрущев сказал Насеру: "Это Даллес! Ну, ничего, товарищ Насер, ничего! В конце действия мы, таки, обломаем ему крылья!"

"В ложе бельэтажа".

И так повторяю, мы с Шуриком сидели в ложе бельэтажа левой стороны. Это, чтобы было понятней, второй этаж из лож, а всего их шесть. Шесть рядов из лож с позолоченной лепниной опоясывают зал. Напротив сцены, кстати, тоже в ложе бельэтажа, на том же "этаже" где сидели мы, была царская ложа. Или ныне – ложа для почётных гостей. Я стал смотреть на эту ложу, она была красивой, в позолоте, укутанная в красный бархат, но не мог разглядеть, кто там сейчас сидит. В этот вечер она пустовала.

"Люстра".

Под потолком висела огромная трехъярусная люстра, которая поражала своими размерами: ее диаметр достигал 6,5 метра, высота – 8,5 метра.

- Любезный, - обратился я к соседу по балету, - а сколько весит эта люстра, она надежно там закреплена?

Дед сидел со своей женой, и они внимательно читали программку, видимо, заядлые театралы. Любезный как-то странно посмотрел на меня, на мой парадный костюм, и говорит:

- Вес стального каркаса люстры превышает 1860 кг, еще на 260 кг тянут хрустальные элементы. Люстру Большого театра москвичи прозвали "хрустальным облаком". В императорском театре зал освещали масляные лампы, которые надевались на крючки люстры. В 1863 году масляное освещение было заменено газовым, для него в Париже приобрели новую люстру, дошедшую до наших дней. В 1893 году газ заменили на электролампы накаливания, а хрустальная люстра, состоящая из 26 тысяч хрусталиков, осталась прежней. Куплены были за границей электроаппараты, дающие эффекты дождя, падающего снега, водной ряби, грозы, летящих по небу облаков. Реставрация люстры проводилась недавно, в 1975 году, к двухсотлетию Большого театра, - и театрал - дед закончил свой рассказ.

Ну, ничего себе, он мне прочитал целую лекцию, и я его поблагодарил.

Начался балет и на сцене открылся Главный золотой занавес, сотканный в Италии из гобелена, имитирующего шелк, с использованием золотых нитей. Общая площадь занавеса составляла почти 500 квадратных метров, а весил он более одной тонны. А соседи все шептались:

- Перед каждым выступлением Майя Михайловна заливала в пятки балетных туфель теплую воду, чтобы ступни крепче сидели. А, выходя на сцену, больше всего боялась забыть оглядеть себя в зеркале, ведь если глаза и губы плохо накрашены, то зрители увидят "бесцветную моль", а не балерину.

"Ну, откуда они это все знают", - думал я.

Подняли тяжелый занавес, и началось действие на сцене.

- Сань, ты читал роман "Анна Каренина", - шепотом спросил я его, видя, что он тоже не понимает, что происходит на сцене. Видимо, нам, удмуртским лаптям не дано смотреть балет, только цирк. Шурик больше паялился на ложи, где сидели иностранцы.

- Не, Жень, в школе я этот роман читал в сокращенке, и сейчас ничего не помню.

"У-уу, как все у нас запущено и с искусством, и с литературой", - подумал я, и стал смотреть на сцену.

А там - вокзал *Петербургской железной дороги*. На перроне — Вронский, встречающий свою мать. Из поезда выходит Анна. Когда он оглянулся, она тоже повернула голову. Блестящие... серые глаза остановились на его лице. Вдруг несколько человек с испуганными лицами пробежали мимо — станционный мужик нес тело раздавленного поездом человека.

Метель. Анна погружена в свои мысли. За снежной пеленой появляется чья - то фигура. Она оглянулась и в ту же минуту узнала Вронского. К ней подходит Каренин. Вронский и Каренин учтиво и холодно раскланиваются. Каренин предлагает руку Анне и уводит ее.

Сон Вронского. Вронским владеет только одна мысль — об Анне. В его воображении мелькают картины всех их встреч. Как страшное наваждение возникает фигура станционного мужика, испугавшего Анну во время их первой встречи. Очнувшись, Вронский видит пришедшую к нему Анну. Страстное чувство Анны отравлено отчаянием, смятением и стыдом.

Опустили занавес, закончился 1 – й акт, начался антракт, все потянулись в буфет, мы с Шуриком тоже.

"Буфет".

"Театр начинается с вешалки". Нет, театр начинается с буфета! История театрального буфета началась много тысячелетий назад. Люди на праздниках не только веселились и наблюдали представления, но и ели. Считается, что в древнегреческом и древнеримском театрах ни одно представление не обходилось без еды - люди ели, принесённое с собой или покупали у разносчиков. Но специального места для питания не было еще очень долгое время. "По сохранившимся мемуарам, в знаменитом венецианском, первом в мире публичном оперном театре, зрители партера вынуждены были зорко следить за тем, чтобы на их шляпы и прически не попали куски пирожных, скорлупа орехов, огрызки фруктов, которые поглощали сидящие на балконах и галерке и выбрасывали весь мусор попросту вниз.

В Большом театре и буфет большой. Они почти на каждом этаже. И на седьмом этаже Большого театра целая вереница буфетов с комфортными диванами или столиками для тех, кто не хочет садиться. И то верно, на балете насидишься. Бокал шампанского «Абрау Дюрсо» - 2 рубля, чашка кофе – 70 копеек. Ну, дорого, конечно, а куда деваться, купили мы с Шуриком по чашке кофе, на бутер с черной икрой уже денег не хватило. Я свой кофе неторопливо выпил аккуратно к третьему звонку. Да и не мудрено, в театрах кофе много не наливают – этикет - с.

Шурик выпил почти залпом, как деревенский лохоман.

Зачем нужен буфет в театре? Перекусить? Вряд ли. Театральный буфет - это то священное место, которое может сделать праздник от посещения театра

еще ярче и теплее. Или наоборот? У нас, наверное, вышло наоборот. На втором этаже – залы для прогулок и музей балетных костюмов. Залы в позолоте, зеркалах и бархате. Тут очень много фотографирующих это великолепие иностранцев. В одном из боковых залов для променада замечательная акустика. Проходя середину зала и что-то рассказывая Шурику, я заметил, что мой голос звучит так, как будто я говорю в качественный микрофон. Я сначала испугался и на всякий случай произнёс тихонько: «А»! «А-а-а-а» - ответило мне затихающее красивое эхо. На меня стали оборачиваться некоторые театралы. Но, поняв в чём дело, подождали пока я наакаюсь, отойду, и сами вставали на моё место и начинали акать, ведь дурной пример - заразителен.

2 - акт балета.

Скачки. В беседках и ложах толпы народа. Среди офицеров – участников скачек – Вронский.

- Да, Шурик, не зря мы взяли бинокль на прокат. Я вон, Вадика Поколодина увидел.

- Где, Жень покажи мне его, он какого героя на сцене играет? - спрашивает меня Шурик и вырывает бинокль из моих рук.

- Да, угомонись ты уже. Никого он не играет, он сидит чуть ниже нас справа на хорошем месте. Это мой одноклассник Вадик, заядлый театрал. Посмотри, как он внимательно смотрит балет, все понимает, что там внизу на сцене происходит, в отличие от нас с тобой. Сразу видно культурный человек из Воронежа, - начал я ему объяснять, а на меня опять начали шикать соседи, и я замолк.

Вадик вылетит из МВТУ после второго курса за неуспеваемость. Нет, не потому, что он такой тупой. Просто, он театр любил, больше чем учебу и МВТУ. Больше таких заядлых театров у нас в группе не было. Так кое - кто баловался театрами, но не ущерб учебе и здоровью.

Комната Анны. Вронский приходит в дом Каренина. Вронским и Анной овладевает одна мысль о том, что необходимо прекратить эту ложь, и чем скорее, тем лучше. Бросить все и скрыться куда-нибудь одним со своей любовью. Каренин остался один с сыном, а Анна с Вронским уехали за границу, не получив развода.

3 - акт балета.

Италия. Вронский с Анною приехали в небольшой итальянский город, где хотели поселиться на некоторое время. Анна чувствовала себя счастливой. Воспоминание обо всем, что случилось с нею, казалось ей сном, от которого она проснулась одна с Вронским за границей. Но постепенно она начинает тосковать по сыну.

Театр. В ложах весь "цвет" петербургского общества. Появляется Анна. Все бинокли и лорнеты направлены на нее. Она испытывала чувства человека, выставляемого у позорного столба. И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать. И ровно в ту минуту, когда колеса поравнялась с нею, она упала под вагон. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, навсегда потухла. Занавес.

"В комнату через форточку".

Из Большого театра вернулись поздно. От впечатления, которое на меня произвела Майя Плисецкая и сам балет, а на Шурика - позолоченные ложи и дорогой буфет "Большого", в электричке мы потеряли ключи от домика, где

я с Пашкой снимал комнату у деда – профессора. Как попасть в него теперь проблема. "Дед, наверняка, уже спит", – подумал я. В дом, когда не было ключа, я раньше попадал в форточку, но это было летом. Сейчас зима, морозно и в зимнем одеянии я просто не пролезу или застряну, как Вини-Пух в норе Кролика. Делать нечего, надо пробовать. Я снял тулуп, пиджак и зачем-то галстук, видимо, чтобы ненароком не повеситься на нем. Удачно пролез в форточку, даже ничего не порвав на себе и не наделав шума, попал в свою комнату. Теперь надо было запустить Шурика, который с моими вещами поджидал меня на крыльце.

Скрипнула дверь чулана, и оттуда вышел заспанный кот Фунтик и недовольно промяукал: "Ну, что театралы – полуночники, вернулись. Сейчас дед даст вам перца в штаны".

Скрипнула дверь кельи, и оттуда вышел, шаркая ногами, недовольный дед. Он поправил свои профессорские очки на носу, уставился на меня, как будто видел впервые, а потом шепотом спросил:

- Женя-я, вы как сюда попали? Все двери на замке.

Я врать и изворачиваться не стал и просто ответил:

- Через форточку в окне.

Дед хотел, видимо, добавить: "Как домушник?", но, махнул рукой, "мол, чего с него взять" и ушел спать в келью. Шурик стоял на крыльце с моей одеждой, переминаясь с ноги на ногу на морозце, и смотрел на Луну. Я открыл дверь и на этом мои театральные приключения надолго закончились. (Занавес)

- Жень, ну, а как сам балет "Анна Каренина"?

- Ребята, если выбирать между этим балетом и Плисецкой, то я бы выбрал Плисецкую, хотя они и неразрывны между собой. Балет я смотрел, а Плисецкую понимал. Понимал – какая это великая балерина и человек.

- Да, счастливый вы, Евгений Феликсович, – закрыв рты после моего рассказа о Большом театре, сказали друзья.

Пройдет много лет после моего похода на этот балет, который я часто вспоминал, даже хотел повторить еще раз поход в "Большой"... Но, как говорить, "Два раза в одну реку не входят".

В 1990 году Майю Плисецкую в возрасте 65 лет попросят уйти из Большого театра и отправят приму на пенсию. Но это событие не заставит балерину оставить сцену – с выступлениями она объедит почти весь мир. Работала в Италии, Испании, Франции, Японии.

А потом напишет в своей книге "Я, Майя Плисецкая":

"Все мои балеты сняты с репертуара. Декорации их гниют под снегом. Костюмы распродают. Мое желание поставить новый балет встречается гробовым молчанием. Дирекция Большого делает вид, что мою заявку и не получали.

Я направляю беспокойное письмо Горбачеву. Объясняю, что в родном театре меня лишили всяческой работы. Безмолвие. Ответа не приходит. В сорокаминутном разговоре с Раисой Максимовной Горбачевой Щедрин наталкивается на высокомерие и упрямство. <...> Выплата заработной платы мне прекращается. Никакой пенсии не положили.

Так, где же мой дом?.. Выходит, не тут. Так, где же?.."

Ижевск 2021 год.

- Бабуха, мы когда пойдем в кукольный театр? – спросила 3-х летняя внуч-

ка Дарина, держа в руках масленичный блин.

"Хорошо, что она с детства стремиться в театр", - подумал я.

- Дед, посмотри, что там идет в кукольном театре,- сказала Вера, переворачивая блин на сковородке.

- Завтра в кукольном будет сказка Родари "Чиполлино", но Даринка будет реветь на этом спектакле.

- Это почему еще?

- Чиполлино это ведь мальчик - луковка. Ты тоже, когда на него смотришь, реवेशь, - сдерживая смех, ответил я.

- Че, дед, приколся, да? Поел блинов и бегом за билетами.

- Вера, а мы когда с тобой на оперу пойдем? - спросил я, заглатывая, как удав, блин. У нас в Ижевске лет 15 назад построили театр оперы и балета, но мы в нем были пару раз.

- Жень, вот пенсию получим и сходим на какую –нибудь комедию в драмтеатр, а оперу я не люблю... И только не надо мне сейчас рассказывать про то, как вы с Шуриком в студенчестве в Большой ходили, наслушалась уже твоих рассказней. Ну вот, блин из - за тебя сгорел.

© Евгений Татарников, 2021

Анна Каренина - Майя Плисецкая. Алексей Вронский - Марис Лиена

НАЗАР ШОХИН

г. Ташкент, Республика Узбекистан

Назар Шохин родился в Бухаре (Узбекистан). Окончил с отличием философский факультет Ташкентского государственного университета (1983) и аспирантуру при нем (1987). Публицист, переводчик, искусствовед. В настоящее время проживает в Ташкенте (Узбекистан). Автор ряда коротких рассказов, опубликованных в журналах: «Звезда Востока» (Узбекистан, 1989–1993), «Чайка» (США, 2015–2019), «Кругозор» (США, 2016–2019), «Казанский альманах» (РФ, 2016), газетах «Секрет» (Израиль, 2016), «Deutsche Allgemeine Zeitung» (Казахстан, 2016);

литературно-критических статей («Народное слово», «Правда Востока» – Узбекистан, «Central Asian Analytical Network» (Кыргызстан), 1990–2019). Занимался также научной работой. Доктор философских наук (1993), профессор (1994). Специализируется на вопросах истории культуры Средней Азии конца XIX – начала XX веков.

КРОВНАЯ МЕСТЬ ¹

Какая все-таки вселенская глупость эта кровная месть! Из поколения в поколение целые семьи, племена, роды, нации уничтожают друг друга. Убивают во время молитвы, в стенах дома, из-за угла, во сне, поодиночке. Убивают «кровники» – люди, даже не знающие чужих родных и близких. Кровная месть существует, пока есть кровь и пока есть месть.

Наша история, наша трагедия мести – венец старой вражды между двумя нуратинскими² племенами. Каждое племя кипело отвагой и ненавидело другое, – но никто, даже глубокие старики, не могли достоверно рассказать, откуда пошла эта межплеменная рознь.

¹ В том, что сегодня давно уже нет кровной мести в чистом виде, – заслуга просветителей, боровшихся против этого варварского обычая, – таких, как Айтеке би. В этом воображаемом монологе рассказана история его земляков, двух любящих сердец, разделенных непреодолимой стеной взаимной ненависти их семей.

² В Нуратинском районе Навоийской области расположен мавзолей Айтеке би.

В памяти нашего главного героя – Бактияра – гибель его соплеменников жила не так долго, как встреча однажды у водопада с девушкой из чуждого племени, которая движением, полным доверия, протянула ему... курт¹. В его давнюю грусть влилась неведомая струйка. Она вновь и вновь влекла его в горы, в надежде найти ту девушку лучезарной красоты. И он увидел ее наконец: она бродила с ягнятами. Теперь они уже сидели рядышком, забыв про все, что разделяло их, и она рассказала, что зовут ее Гульдана. О многом они говорили; обоим это было интересно, а взгляд Гульданы мягко проникал в сердце Бактияра. И отбился парень совсем от дома, работы, близких, ходил, как шальной.

Прошли пышное лето, желтая осень, суровая зима, зеленая весна. Бактияр был уже джигит – стройный, крепкий, а Гульдана ходила с заплетенными косами, готовилась стать невестой. Они теперь не бегали по лугам, а встречались где-нибудь под раскидистой кроной дерева, чтобы не прознали родители, как любят друг друга дети враждующих племен.

И оба знали, что бродит по степям невидимая стрела, ищет и метит в свою цель...

Придя однажды с пастбища на встречу, Бактияр застал здесь младшую сестренку своей возлюбленной. Принесла девочка страшную весть: Гульданы больше нет в живых. Переходя реку Джильтемесай, она утонула. Девушку унесла ледяная, кипящая бурунами река, люди видели, как затягивает ее поток, слышали крики и мольбы, а спасти не смогли.

Но не поверил в это Бактияр. Конечно, это племенная месть: узнали про их любовь и убили девушку...

Долго искал джигит любимую – и, наконец, нашел тело, когда его выбросило на берег.

Не узнал Бактияр Гульданы. Это не Гульдана была, а какое-то месиво, со связанными руками, размолотое речными камнями...

Бактияр плакал неумело, как плачут те, у кого сердце чисто и безгрешно, как у детей. Плакал, пока смертельная стрела не вонзилась ему в спину.

...Наутро аульные вакили возвестили людям о похоронах Гульданы и Бактияра.

Били копытами лошади по каменным тропам, спешили соседи в аул, бывший еще недавно враждебным, на похороны юных влюбленных. Вступали на мазары соплеменники, преклоняли колени и бросали на тела куски земли. И расступались, чтобы дать место вновь прибывшим...

И сложил народ песню про любовь и гибель Гульданы и Бактияра. И песня о нуратинских влюбленных разлетелась по горам. И не было горестней этого напева.

...Принесшие на нуратинскую землю правду Бога арабы-кочевники захватывали ценности, но никогда никого не убивали, чтоб не породить страшное зло – месть.

Много позже ответом на бессмысленные убийства стала сила Закона. И впрямь, что может быть справедливее, когда месть заменяется зинданом²?

1 Курт – сухой кисломолочный продукт.

2 Зиндан – тюрьма

Когда любой спор можно решить без крови. Когда-нибудь люди во всех частях света все-таки усвоят великую правду Закона, и тогда война будет уже не нужна, и наступит царство Божье. Именно так происходит с обычаем кровной мести, когда судьба приводит ее в город, имеющий обыкновение обламывать и обминать все, что в него входит, и придавать ему облик своих глиняных домов.

На покрытых же снегом диких вершинах, куда редко ступает нога человека, откуда не доходят вести, – все еще гнездятся остатки всякой нечисти, вражья сила, с которой трудно бороться.

Одно остается – беречься.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО ¹

Белая юрта стояла первой. От нее, по ухоженным берегам реки, были ровно расставлены, с широкими промежутками, другие юрты, черные и поменьше. И так – до самого горизонта, до заветной столицы. Очевидно, в низовьях готовы были в любой миг поддержать своего батыра, случись с ним что-нибудь неладное.

Заслышав стук, из главной юрты неторопливо вышел сам хан, с блестящими глазами, длинной белой бородой, в парадной лисьей шапке. Ответив на приветствие, он пропустил послов вперед. Такая необычная вежливость пугала – ведь разговор надлежал быть коротким, а лишние слова могли только помешать переговорам.

Внутри юрта выглядела скромнее, нежели снаружи. Здесь, казалось, все было готово к неожиданному походу. Против двери, у зеленого ковра, было сложено полдюжины разноцветных одеял. Справа, на сундуке, – лежали две стопки книг, с вкладышами из гусиных перьев. Впрочем, пока в этих краях правили мусульмане, в жилище любого из них была хотя бы одна, священная для них книга.

Хозяин молча указал на место перед собой. Гости сели, скрестив ноги, вокруг дастархана. После короткой молитвы, властитель перешел на джунгарский. Говорил он хорошо, совсем неторопливо, тщательно выбирая слова. И снова не ожидали гости подобной вежливости: в долго готовившемся переводчике сама собой отпадала надобность и, значит, участвовать в переговорах придется только двоим.

Джунгарский хан позавчера лично определил ход нынешней встречи. Только разговор о дележе пастбищ и ничего другого. Поведение послов должно быть величественным и грозным, как монгольский меч. В Главном шатре хотели, чтобы этот казах, правитель древнего города, едва начав разговаривать с послами, понял, что имеет дело с могущественным врагом. Он должен быть поражен, подавлен мрачным рассказом о победоносных войнах, перечислении бесчисленных жертв, добытого богатства; обязан понять, что соседи привыкли не столько слушать, сколько повелевать. Все было рас-

¹ Толе би, чей мавзолей высится в самом центре старого Ташкента, местные жители называют «священной ласточкой». Его богатая событиями жизнь породила много легенд. Наш сюжет мог родиться 350 лет назад в любой части центра Евразии.

считано на то, чтобы с первых же минут потрясти воображение чалмоносцев. Будущая судьба южан была решена, и они скоро могут быть уничтожены. Так вроде и должно было произойти сегодня при этой встрече.

Между тем, в юрту влетела, стремительно расстригая воздух и сведя на нет всякую напыщенность переговоров, белогрудая ласточка. Она продержалась в воздухе, сделала круг, снизилась, чуть не задев острым крылом гостей. Миг – и птица, срываясь, упала, потом, плавно и точно вывернувшись, вылетела на волю.

Казах, будто отрешившийся на миг, вдруг перешел на рассказ о всемирном потопе.

Послы, конечно, в отличие от простых воинов, хорошо ведали о преданиях Нуха. И про долгий путь ковчега они слышали. И про мытарства находившихся на огромном судне. А вот про птицу, вернувшуюся к пророку с поисков суши, с оливковым листом в клюве, и награжденную в знак благодарности Всевышним белой грудкой, пришлые люди узнали впервые. Как и то, что птенцы перелетных птиц стали для рода человеческого неприкосновенными во веки веков. Хотел ли хозяин юрты своим рассказом предупредить о неминуемой божественной каре, или просто хотел еще дальше увести разговор, – можно было только догадываться.

Ласточки, тем временем, продолжали беззаботно щебетать где-то под куполом юрты.

Хозяин встал, подошел к сундуку, взял из стопки книг верхнюю. Открыв ее, и найдя в ней нужную страницу, казах стал читать, по-видимому, суру Корана. Отрывок этот, как догадывались гости, был связан с ласточками. Так оно и оказалось: старик объяснил послам, что ласточка священна и для мусульман, ибо щебет ее – «фаджр-р-р» – в точности повторяет начало и конец суры, которой он прочитал.

Разговор, перешедший на ласточек, наконец-то становился понятным. Любой взрослый джунгарец особенно остро ощущает себя мужчиной, когда разговор переходил на беркутов, соколов, орлов. Но даже самого сурового джунгарца можно смягчить, расспросив любого о его предках – тут вояка становился птенцом.

Батыр, сарбаз, мудрец, старец... Складно, очень складно, не отвлекаясь от ласточки, казах как будто отправлял послов к гнезду на шаныраке, в котором северным посланцам предстояло почувствовать себя детенышами священной птицы. Как неведомый шаман, праведный отшельник, настоящий ученик бухарских мулл, на которого хотелось походить и которому хотелось подражать, Би будто возносил иноверных на небо: кого под самые облака, а кого – и выше.

Старик сам завершил беседу. Гости, посоветовавшись, вышли из юрты.

Ласточки прочерчивали голубое небо. Они словно предупреждали о чем-то возвращавшихся в задумчивости гонцов, пролетая под самой грудью их лошадей.

Правильно ли послы себя держали? Сложно, очень сложно сказать. Хан Белой юрты не был безумцем, а уж жестоким – точно. Он не выставил послов глупцами и невеждами. Он, получается, – сегодня главный инородец,

у него иной Бог, и он может найти на своем пастбище место голубю и ворону. Суровый же Тайше Главного шатра, приняв и выслушав послов, растрогается и наверняка не причинит вреда праведнику, никогда не переносающего юрту, чтобы не нарушить покой птичьего гнезда.

Ласточки делают гнезда не из веток, как другие птицы, а, считай, из обыкновенной земли. Они способны вывести и воспитать потомство практически в любых условиях. Поймать эту птицу способен только самый-самый ловкий. Вот только в клетке она жить не может.

ПРАВО ДОЧЕРИ ¹

История для наших мест была и впрямь удивительная.

Недавно назначенного чиновника областного акымата Джолдасова арестовали по обвинению во взяточничестве, и светил ему срок от пяти лет. Знакомые адвокаты обнадеживали: мол, дело подходит под амнистию и можно будет добиться сокращения срока.

В семье целыми днями только об этом и говорили. Больше всех переживала дочь. Бывшая к тому же единственным ребенком в семье, Гулянда дошла до такой степени отчаяния, что продолжать жить как прежде казалось ей невозможным. Она готова была на все что угодно, лишь бы помочь любимому отцу. Ах, если бы ее саму вызвали на допрос! Она бы сумела доказать абсолютную невиновность отца!..

Девушка почти перестала спать, – стоило ей закрыть глаза, как возникали ужасающие картины: папа сидит в тюрьме среди воров, бандитов, убийц... Она так живо представляла себе: вот дорогого ей человека допрашивают, потом снова ведут под конвоем в камеру, – а она все время оказывается у них на дороге...

"Если все так же невиновны, как ее отец, – думала Гулянда, – значит, всюду происходят ужасные недоразумения. Нет, этого не может быть! Неужели эти проклятые клеветники ходят по свету абсолютно безнаказанно и из-за них нельзя отличить правого от виновного?!"

Накануне в семье получили письмо из следственного изолятора. «Здравствуйте, мои дорогие! Не волнуйтесь, я жив и здоров. Гулянда, умница моя, будь стойкой, береги мать! Знай, я невиновен!»

Дочь всматривалась в каждую черточку родного почерка, вчитывалась в каждую букву... Она все-таки получила эти долгожданные строчки – сгусток отцовской любви, которая греет сердце, поддерживая в ней стойкость и волю к жизни...

На следующий день в институте объявили о большом собрании. Явка была строго обязательна. И только по приглашениям. И только на те места, которые указаны в билетах. "Значит, – подумала Гулянда, – будет самое большое начальство. Сам Бог велел использовать этот шанс".

В указанный в приглашении день в большом зале областного центра

¹ В основе сюжета – события, произошедшие в 2006 году, накануне Дня Конституции. Имена персонажей изменены.

на сцену поставили дубовый стол со старомодным графином с водой, два стула. Огромные люстры создавали на стенах причудливый рисунок из теней. Сияющие дверные ручки, натертый до блеска паркет, пестрый ковер, мягкие кожаные кресла, – так здесь проводили мероприятия только очень высокого уровня.

Ровно в 12 часов из-за кулис прошагал, кивая в ответ на аплодисменты, генерал с одной большой звездой на погонах, – тот, кого Гулянда раньше видела только по телевизору.

Собрание началось с его доклада. Оборвав жестом аплодисменты, невысокий седовласый гость стал читать с листа текст, иногда импровизируя. Лица у всех были сосредоточенными, напряженными, будто впереди предстояло еще более важное. Все знакомое и привычное сейчас словно отступило, стушевавшись перед миром солидных юридических терминов, сложных и непонятных для большинства присутствующих в зале.

Гулянда, полная решимости воспользоваться выпавшим шансом, представила этого человека и прокурором, и адвокатом, и судьей.

Замысловатый текст продолжал оглашать комнату, бас генерала словно подчеркивал значимость доклада.

Вдруг девушка уловила какое-то многозначительное изменение в тоне докладчика и решила, что он наконец-то переходит к самому главному.

«Честь и достоинство гражданина охраняет закон, предусматривающий ответственность за клевету. Клевета – преступление, совершаемое с прямым умыслом. Если потерпевший считает, что позорящие его сведения распространены умышленно, он вправе обратиться в суд с жалобой».

Слова эти оратор произнес особенно четко, и было похоже, что именно они – главные в докладе.

Лицо девушки вспыхнуло от радости. Она больше не колебалась – ведь эти слова, казалось, были произнесены специально для нее! Да, сейчас тот самый момент, когда ее голос будет услышан, никто не оборвет и не осмеет ее. Нет, ее поймут, посочувствуют, поддержат!..

Она порывисто встала – и почти закричала срывавшимся голосом:

– Товарищ генерал! Мой отец не может быть взяточником! Я прошу о пересмотре его уголовного дела! Я сумею опровергнуть все обвинения! Прошу вас, помогите!..

Продолжать она не могла – все ее тело сотрясалось от рыданий.

По залу пробежал гул, люди заерзали, зашептались...

Из ближайшей двери вбежали двое молодых людей в черных костюмах и быстро и без излишней суеты вывели девушку из зала.

Гулянда пришла в себя лишь тогда, когда в вестибюле к ней подошел врач. Из зала продолжал доноситься гул голосов...

Полчаса спустя начался праздничный концерт. Генерал, сойдя со сцены, оглядел зал, словно ища недавнюю нарушительницу спокойствия. Увидев стоявших у дверей секретаря и Гулянду, сел в первом ряду и кивком подозвал их. Усадил девушку справа от себя и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Ну, так что скажешь, внучка? – он спросил это так, как будто знал свою юную собеседницу давным-давно. А что она могла сходу сказать? Гу-

лянда молчала: что-то удерживало ее от того, чтобы вот сразу поведать о своей беде. Но уже через минуту она почувствовала себя, словно на справедливом суде, – и начала рассказывать. В памяти сами всплывали вызубренные наизусть фамилии, цифры, факты... Она говорила – и словно внутри что-то отпускало ее...

– Я подключу самых грамотных следователей. Ты напиши мне письмо, просто напиши все, что знаешь, так, как сейчас объяснила.

И человек в погонах поднялся, довольный, что так неожиданно возникшая проблема решается.

Гулянда вышла на улицу. Огромное облегчение охватило ее. Она вдыхала воздух наступавшей осени, запах елей, прислушивалась к восторженному чириканью воробьев. Свежий ветер приносил облегчение, остужая разгоряченное лицо. Ах, как хотелось сейчас же увидеть отца, рассказать ему про сегодняшний день! Как она не побоялась полного зала, людей в погонах...

...Отчет о собрании вовремя написать не успели – в боковой кабинет пришли уборщицы с тряпками. Генерал вновь вошел в зал, сел в президиум, подозвал своего секретаря. Лейтенант стал выводить под его диктовку короткие строки.

«Собрание прошло в атмосфере приподнятости, при высокой активности молодежи», – так заканчивался протокол. «Без каких-либо эксцессов...» – добавил генерал, пряча улыбку.

...В середине сентября раздался телефонный звонок, и твердый голос произнес: «Госпожа Джолдасова? Дело вашего отца пересмотрено. Все необходимые справки можно будет получить в канцелярии. О дне вас известят».

Дома никого не было, и девушка могла плакать, не сдерживаясь. Но уже не от бессилия, а от радости. Как будто что-то новое начинается.

© Назар Шохин, 2021

ФАРХАД ЭШАНОВ

г. Маргилан, Республика Узбекистан

*Я предлагаю
Вашему вниманию
свой первый,
дебютный рассказ.
Своему читателю я
хотел бы
подарить не только
свои мысли,
но и свои чувства.
И мой рассказ будет
правдивым, поскольку
чувства никогда не лгут.*

БРЮНЕТКА И БЛОНДИНКА

Каждый раз комнату наполнял аромат горячего капучино. Так как у неё был большой интерес к грудке скомканных бумаг, которые разбросались повсюду в моей комнате, к допотопной пишущей машинке, стоящей на моём столе и аляповатым письмам на краю машины, она никогда не забывала спозаранку приносить капучино. Её ежедневные привычки успели стать неотъемлемой частью моей жизни. Круглый след пластикового стаканчика на столе... И хотя я всю ночь пытался делать мои рукописи беспорядочными, они укладывались ею за час. Сидя на стуле у окна, она тихим голосом прочитывала то, что я написал за ночь...

Всё это повторяется снова и снова. И я просыпался от бодрящего запаха кофе. Не поднимая головы со стола, я внешней стороной своей ладони дотрагиваюсь до стаканчика и жду пока он остынет. Когда этот запах стал для меня родным?

Я удивляюсь ... Неужели мне никогда не надоест этот запах, эта история, начинающаяся от порога моего дома до моего стола, это щекотание моего носа ароматом кофе.

Затем до меня доносился её звонкий смех. Он занимал все мои мысли,.

— Почему вы смеётесь, Аврора?

Чтобы не видеть ее насмешливый взгляд, я не открывая глаз от стаканчика, который держу в руке.

— Ах, Освальдо, Освальдо! — продолжала она своим приятным голосом. — Оказывается, у вас есть отличное чувство юмора! Вот не знала... Ведь, до сих пор я знаю вас, как писателя, описывающего негативные чувства, эмоции и душевные муки. По-видимому, сегодня я заново открыла вас для себя.

Удивление в ее глазах не прекращалось ни на одну минуту. Я уже начал переживать не от того, что она смеялась, не понимая смысла моих строк, а от ее непрекращающегося смеха.

Несмотря на бушующий во мне гнев, я не торопился с выводами. Наоборот, я предпочел наблюдать за искренним смехом Авроры. Я отвел взгляд от ее красивой смуглой шеи.

К счастью, она не успела этого заметить, так как зазвонил телефон.

— Да, госпожа. Вот, читаю новый рассказ вашего сына. Не поверите, но тема очередного его рассказа... М-м-м... Да-да, я все уже выполнила... Да, как вы сказали... Хорошо, я передам ему...

Она положила трубку.

— Ваша мама звонила. Она абсолютно не принимает вашего писательства. И еще... она сказала, чтобы вы не утруждали себя.

Аврора хотела выразить свое негодование и нервничала. Как мне казалось, она, как будто, что-то бормотала. Вскоре она принялась готовить лекарства, которые я должен был принять. От одной мысли, что мне предстоит глотать ненавистные пилюли, я весь скривился. От злости, скомкав стаканчик, я бросил его в корзину в углу комнаты, где мятая емкость расположилась рядом со вчерашними стаканчиками. Мне казалось, что такая рутина будет длиться вечно.

— Меня удивляет, как вы, не имея возможности сделать из дома ни шагу, пишете о красоте морских бризов и лазурных берегов? Вы пишете об этом так, словно сами там были или жили там всю свою жизнь. А еще, мне очень интересно узнать — кто такая прекрасная Марго? — неожиданно спросила она, подавая мне лекарства с водой.

И я продолжал пересказывать то, что написал вчера.

— Не было на побережье девушки красивее, чем она. Люди, приезжающие сюда с окрестностей, поражались ее красотой, а порой — теряли дар речи. Белоснежная улыбка и изящная утонченность сводили с ума многих мужчин. Однако, ее душа была чиста и ясна как ночная луна, освещающая темную гладь моря.

Ночью, когда в небо поднимается луна, вы можете наблюдать за ее плавным движением в небе через морскую гладь. Сверкающие искорки на лунной поверхности дарят радость глазам и умиротворение душе. А я сидел на берегу и предавался грустным мыслям. Как я мог не реагировать на чрезмерное внимание к ее персоне, когда ей вслед бросали взгляды и комплименты. И тут я начал задаваться вопросом: с каких пор меня стали интересоваться выходки этих людей? Я с сожалением вспоминал те дни. И лишь красивый голос Марго привел меня в чувство, избавив от разных мыслей.

«Простите, сэр...»

Сначала перед глазами предстали ее стройные ножки, которые радовали глаз и волновали кровь...

От неожиданности, я потерял дар речи. И она продолжала:

— Сэр, меня зовут Маргарита Берарди. Если не возражаете, я составлю вам компанию, поговорим, - прощепетала, приводя меня в чувство.

— Конечно, извольте... - сказал я любезно, что было очень мне не свойственно ...

На застывшем лице Авроры вновь появилась улыбка. И с еще большим воодушевлением она начала задавать вопросы.

— Ах, мой дорогой Освальдо, неужели вы... вы могли такое... В это трудно поверить...

Интерес Авроры к этой истории рос с каждой минутой. Я понимал, что я избавлюсь от её расспросов, только если расскажу ей всю историю.

— Аврора, я не всегда был в таком положении...

Широко открылись её глаза, будто она не узнавала меня. Видимо, моя собеседница думала, что я всю жизнь был таким беспомощным и жалким...

— Эти ноги не всегда были парализованными ... Я вам скажу... Это тело стало слабым не так давно... У меня не врожденная инвалидность...

Сегодня моя горничная вся превратилась в слух. Она с очень большим интересом прислушивалась к каждому моему слову. Она пришла в восторг от того, что может услышать у самого автора - он не всю жизнь был обузой для матери, не всегда был прикованным к постели внутри четырех стен, он не всегда не был в таком положении...

— В тот день мы просидели с Марго на берегу моря. Казалось, наша душевная и искренняя беседа длилась целую вечность. Это были самые прекрасные моменты. А потом ...

— А потом... потом вы понравились друг другу... - закончила за меня Аврора, как будто предварительно понимала смысл моего рассказа.

— Да, мы понравились друг другу... — я подтвердил её предположение.

Я не смел Авроре всё рассказать о незабываемых впечатлениях от той единственной ночи, проведенной с Марго, чтобы не смущать себя и её.

Она увидела, что я задумался о прошлом, уставившись в потолок и поняла, что меня нужно оставить одного с моими воспоминаниями.

Аврора – горничная, которая была нанята мамой, для того, чтобы прислуживала мне, и в течение шесть лет она успела занять важное место в моей душе. Она очень проницательная женщина. Недаром я считаю её неотъемлемой частью моей жизни. Однако, она казалась благородной и чуткой в те моменты, когда мои мысли были заняты только Марго. А в

моих ушах звенел ее красивый голос...

«Мой дорогой Освальдо, те прекрасные мгновенья, проведенные с вами, я запомню на всю жизнь. Вы открыли мне свою душу. Ваша щедрость будет сохранена в моём сердце. Я никогда не стану ни о чем жалеть, и буду с нетерпением ждать тот день, когда судьба вновь сведет нас. Прощайте, Освальдо, прощайте!..»

— В тот день, произнося свои прощальные слова, она думала, что я еще сплю. Покидая хижину, она в последний раз посмотрела на меня. Мы больше не видели друг друга, наши пути разошлись...

Один момент беспокоил меня: что смешного нашла Аврора в моем рассказе, который я писал всю ночь. Почему она смеялась? Сколько бы я не старался найти ответ на этот вопрос, так и не смог. Безусловно, она хорошая читательница. Я думал, что ее рассмешили погрешности в написании.

— Господин Освальдо, — обратилась ко мне Аврора, закончив свои дела и собираясь домой.

Я посмотрел в её сторону. Оказывается, до сих пор мне ни разу не приходилось провожать свою горничную до дверей. Про это я вспомнил, когда она надевала свои туфли.

Аврора посмотрела в мою сторону. Увидев, что я смотрю на неё, она в один миг замерла. Так мы смотрели друг на друга, пока не возникло чувство неловкости, и чтобы избавиться от него, я сказал:

— Ладно, иди...

— До свидания, сэр...

— До встречи...

Всю ночь я пытался вспомнить те моменты из своей жизни, которые были достойны, чтобы о них помнили. Если быть точным, в моей памяти всплыла та единственная ночь с Марго и шестилетний опыт жизни с Авророй. Мудрено принять окончательное решение между неустойчивыми мыслями.

Однако, я чётко понимал, что мне необходимо признаться Авроре в своих чувствах. Хотя, я замечал, что она тоже меня любит, но боялся ее реакции — она могла покинуть меня навсегда, если я скажу ей о своей любви. Если бы существовала такая возможность, она давно ушла бы. Но, за эти шесть лет она не пропустила ни одного рабочего дня. Несомненно, Аврора достойна моей любви. Завтра, да-да, завтра же скажу ей об этом...

Любимый запах капучино. Не открывая глаз, одной рукой дотрагивался до стакана. Температура то, что надо. Однако, не видно знакомого силуэта возле окна. Странно, разбросанные по всей комнате, бумаги не были убраны. На кухне незнакомая девушка. Я повернул коляску в ее сторону.

— Вы проснулись?

Этой девушке, похожей на Аврору, было приблизительно шестнадцати лет. Но почему ее нет? Почему она не пришла? Эти вопросы не давали мне покоя...

— Да, Аврора... - я не успел закончить вопрос...

— Сэр, я дочь Авроры. Мама прислала вам вот это и просила передать, что она больше не сможет приходить сюда... Мы предупредили вашу маму. С завтрашнего дня вам наймут новую горничную...

Услышав слова этой девочки, у меня всё внутри горело. Кажется, что моя история вновь пронеслась перед моими глазами... А сейчас перед мной лежали письмо и книга, обернутая в бумагу...

«Мой дорогой Освальдо! Простите меня. Я уволилась с работы, потому что больше я не могу скрывать свою любовь. Вчера, перед моим уходом, я увидела, что вы пристально смотрите на меня и сознавала, что вы тоже начинаете испытывать ко мне чувства. Сначала я сильно обрадовалась. Ведь, шесть лет я ждала этого дня. Но, после того, как прочитала ваш последний рассказ - наконец-то, поняла - все это было бы неправильным. И я, дура, не могла закрыть глаза, зная всё. Вы помните, что я смеялась, прочитав ваш рассказ? Тогда, на самом деле, внутренне я плакала - узнав, что вы до сих пор любите Марго. Я смеялась и не могла остановить себя. Рядом с вами я специально притворялась смеющейся...

И причину того, почему мы больше не можем с вами встречаться, вы узнаете, когда раскроете бумагу. Надеюсь, это будет самым лучшим подарком на день вашего рождения. Уповаю на скорую встречу. Аврора...».

Мои глаза наполнились слезами, и у меня не хватало смелости, чтобы пролить их. Я был уверен, что подарок - книга. Но какая книга сейчас могла бы смягчить настоящую ситуацию? Со злостью я начал срывать обложку.

На обложке книги было написано:

«Освальд».

Автор — Маргарита Берарди.

Перевод с узбекского Ироды Холбековой

© Фархад Эшанов, 2021

Сказка

ЕВА ПЕТРОПУЛУ ЛИАНУ

г. Афины, Греческая Республика

Ева Петропулу Лиану родилась в городе Ксилокастроне (Греция). Она с юных лет занималась творчеством, училась журналистике в школе ANT1. С 1994 года начала работать во французском журнале Le Libre Journal. Однако, победила любовь к своей солнечной родине, и в 2002 году Ева вернулась в Грецию. С 2002 года она живет в Афинах, работает продюсером на веб-радио и возглавляет отдел детской литературы издательства “Vivlio anazitiseis” на Кипре. Ева Петропулу Лиану является членом группы «Логос и искусство ЮНЕСКО», Ассоциации коринфских писателей, Ассоциации греческих писателей. Ее произведения включены в знаменитую энциклопедию греческих писателей и поэтов, а ее книги одобрены Министерством образования Кипра.

МАСТЕР И ЦВЕТОК

Давным-давно в одной деревне в деревянном доме, расположенном на опушке леса, жил одинокий человек. Каждый день он просыпался до восхода солнца и уходил вглубь леса, срубал самое высокое дерево и начинал его обрабатывать. Этот человек был столяром — мастером на все руки и мог изготовить из дерева все что угодно. В его доме все вещи, даже тарелки, ложки и вилки были сделаны из дерева.

У столяра не было друзей и соседей, потому что самый ближайший к нему дом находился на расстоянии многих километров. Он никогда не был женат и всю жизнь работал в лесу. Со временем столяр превратился в мастера своего дела, и его изысканная работа нашла известность в ближайших деревнях. Люди стали приходить к нему и просить отремонтировать сломанные вещи или покупали у него новые.

Мастер все свое время и внимание уделял дереву, и казалось, что они понимают друг друга. Любое бревно, попав в руки столяра, превращалось в красивые столы, удобные стулья и двери с резными узорами. Потом и из больших городов начали приезжать люди с просьбой изготовить им удобную мебель и разные вещи из дерева.

Однажды, когда мастер работал на свежем воздухе и мастерил деревянный

стул, он вдруг услышал незнакомый ему аромат. Он оглянулся, но вокруг никого не было. Он продолжил свою работу, ведь ему нужно было до вечера придать изысканную форму этому стулу, потом покрасить его.

Сильный аромат снова заставил его поднять голову и оглянуться. Неожиданно он посмотрел на землю и заметил очень красивый необычный цветок с разноцветными лепестками...

— Не помню, чтобы я раньше встречал такой цветок, — сказал он.

— Конечно, ты не видел меня, — ответил цветок. — Когда я был маленьким семенем, воробей прихватил меня с собой из далекой страны. Но он очень устал от долгого путешествия, поэтому спрятал меня здесь, на земле. Он решил прийти попозже и полакомиться мной... Но воробей не знал об особенностях моей природы. Ведь если меня закопать в землю, то я прорастаю и превращаюсь...

— В прекрасный цветок с бесподобным ароматом, — договорил за него мастер.

— Да, но я так хорошо пахну только тогда, когда чувствую себя счастливым... Несколько минут назад здесь проходил муравей. Мы немножко поговорили с ним. Муравей принес мне весточку о моей семье, поэтому сейчас я счастлив..

У этого цветка был очень своеобразный аромат, похожий на запах цветов апельсина и немного напоминал иланг-иланг. Мастер не знал, что он может разговаривать с цветами.

— Ладно, мне нужно доделать стул. У меня много дел, их надо закончить до вечера, — сказал он и снова принялся за работу.

— Почему ты так спешишь скорее закончить этот стул? — спросил цветок. — Я больше никого не вижу здесь. У тебя есть семья, жена и дети?

— Нет, я одинок и очень занят. Слушай, не задавай мне глупых вопросов. Я должен доделать до вечера этот стул...

— Как можно работать в такой прекрасный день, когда небо синее-синее, а лес и деревья такие красивые, — удивился цветок, потом продолжил. — Дай, пожалуйста, мне немного воды. И, если у тебя есть другие растения, посади их рядом со мной, чтобы я не скучал в одиночестве.

Мастер почесал затылок, затем сказал:

— Ты такой маленький, а просьб у тебя очень много. Говорю же тебе, что я очень занят. Нужно закончить заказ и к вечеру доставить стул клиенту.

Сказав это, мастер опять начал заниматься своим делом. Несмотря на то, что мастер не обращал внимание на цветок, тот продолжал его расспрашивать.

— Ты когда-нибудь любил кого-то? — спросил цветок.

— Что? Что за глупый вопрос?! — рассердился мастер.

— Дай, я отвечу вместо тебя. Ты никогда никого и ничего не любил, я подозреваю, что ты даже себя не любишь...

Сказав эти слова, цветок замолчал и повернул свои лепестки к солнцу. Через некоторое время он снова заговорил:

— Я чувствую себя хорошо, но меня очень мучает жажда. Я хочу пить...

— Ну, хорошо. Я сейчас принесу тебе воды.

Мастер зашел в свой дом, взял большой кувшин и наполнил его водой. Потом вышел и выплеснул воду на цветок.

— Ах! Ты повредил мои нежные лепестки. Говорил же я, что ты никогда ничего и никого не любил. Ты взял воду и просто изо всех сил выплеснул на меня. А с моими лепестками нужно обращаться нежно!

— Вот еще не хватало мне заботиться о каком-то цветке!

Но цветок с терпением объяснял столяру, как его нужно поливать, время от времени удобрять, рыхлить землю... Потом он опять спросил у столяра, сможет ли он найти другие семена и посадить их рядом с ним, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Тогда в голову мастеру пришла замечательная идея. Он взял большой глиняный кувшин, заполнил его землей и предложил цветку посадить его туда, чтобы он больше не чувствовал себя одиноким.

Теперь они все время были вместе. Даже когда он ездил в город за новыми инструментами, ему не хотелось оставлять дома своего друга, и он забирал его с собой.

Через несколько месяцев мастер настолько привязался к своему цветку, что начал читать книги по садоводству и каждый день старался сделать своего друга счастливее. Он купил для него новый горшок. И для того, чтобы его цветок целый день купался в лучах яркого солнышка, поставил его на подоконник. Когда он отправлялся в лес рубить дерево для своего нового заказа, свой цветок в горшке ставил на небольшую телегу и вез с собой.

Они много говорили о повседневной жизни, а иногда и о будущем. Цветок всегда твердил: «Мы должны проявлять свою любовь сейчас, а не в будущем. Для нас, цветов, так важен сегодняшний день, что с появлением первых лучей солнца мы стараемся поймать их и впитать столько света, сколько сможем, выпить воду побольше и иметь кого-то, кто будет заботиться о нас, потому что мы очень хрупкие».

Благодаря стараниям мастера цветок вырос и стал очень красивым. А его аромат становился таким приятным и сильным, что клиенты мастера всегда спрашивали о названии этого цветка, чтобы они также могли найти такие семена и посадить их в своем саду.

Мастер отвечал им так: «Мой цветок очень редкий, и я не знаю, найдете ли вы такие же семена. Поскольку этот цветок оказал глубокое влияние на мою жизнь, я дал ему название «Любовь». Он помогает мне понять, что сегодняшний день важнее будущего.

А любовь — это бесплатная энергия, и чем больше мы отдаем ее, тем больше она к нам возвращается».

Мастер и цветок стали близкими друзьями. Он каждый день оставлял несколько свободных часов для работы в саду, поскольку узнавал от своего друга столько секретов, что теперь мог вырастить любое семя и превратить его в красивое растение.

Сад мастера стал очень популярный, и люди со всей страны приезжали, чтобы посмотреть на такую невиданную красоту. А когда спрашивали у него о секрете такого прекрасного сада, мастер с улыбкой отвечал:

— Этот секрет — Любовь.

Перевод с английского Мухаббат Юлдашевой

© Ева Петропулу Лиану, 2021

МУХАББАТ ЮЛДАШЕВА

г. Ташкент, Республика Узбекистан

Я по профессии горный инженер, а по призванию — писатель-фантаст, журналист, сценарист, кинопереводчик.

Родилась 22 марта 1964 года в Ташкентской области.

Школу окончила с Золотой медалью. Училась на Горно-Металлургическом факультете Ташкентского

Политехнического института.

В мае 1989 года, по результатам IX Всесоюзного совещания молодых писателей, проходившего в Москве, меня приняли в Союз писателей СССР.

А в сентябре 1989 года я была принята в Союз Писателей Узбекистана.

Мои рассказы и сказки изданы на 10 языках: на английском, сербском, хинди, бангла, корейском, русском, казахском, украинском, белорусском, узбекском.

В 2010 году со своей сказкой «Великая Молочная река» победила в номинации «За образность» I Международного конкурса малой прозы «Белая Скрижаль» (Москва).

В 2013 году мой сценарий «Принц страны Кохи-Коф» заняла 1-е место на Международном конкурсе сценариев по мотивам мифов, сказок и эпосов стран Центральной Азии (Корея).

В данное время являюсь автором 28 книг и 3 сценария.

Перевела на узбекский язык более 400 художественных фильмов и 20 телесериалов.

У меня двое детей: сын и дочь, они оба детские писатели.

ЛЕТЯЩАЯ ЗВЕЗДА И СВЕТЛЯЧОК

Каждый день, когда дедушка Солнце уходит спать и наступает ночь, по темному небу начинают гулять звездочки. Они весь день спят, а когда вечерет, просыпаются и играют в догонялки или просто гуляют по небу.

Бабушка Луна принимает дежурство от дедушки Солнце и поднимается в небо. Играющие звездочки сразу собираются вокруг нее. Бабушка Луна рассказывает им сказки, а звездочки слушают ее, затаив дыхание. Только в очень трогательных местах звездочки начинают сверкать от волнения, а их лучики начинают дрожать.

Бабушка Луна знает много сказок. Она каждый день рассказывает новую и никогда не повторяется. Вот только бабушка Луна постарела, ей стало тяжело каждую ночь дежурить на небе. Поэтому несколько дней в месяц она отдыхает. В такие дни звездочки очень скучают. Ведь не могут же они всю ночь играть в догонялки. И сочинять сказки не умеют.

Однажды, когда бабушка Луна как раз отдыхала, одна из звездочек предложила поиграть в прятки. Эта новая игра всем очень понравилась, и они, объяснив правила игры самой младшей среди них, поспешили спрятаться. Это была маленькая Летящая звездочка.

Она на миг закрыла глаза. Потом открыла и увидела черное небо. Нет ни одной звезды. Хотя она знала, что это просто игра, но все равно испугалась.

— Ой! Где вы?! — воскликнула она.

Никто ей не ответил. Звездочки тихо сидели в укромных местах.

— Где вы?! — Летящая звезда, чуть не плача, опять позвала. — Мне очень страшно!

От испуга и волнения ее лучики начали трепетать и мигать. Она стала летать туда-сюда по темному небу, но не видно было ни одной звездочки. Сколько ни старалась, не могла найти подруг, потому что они хорошенько спрятались. Неожиданно она споткнулась на ровном месте и, не сумев подняться на ноги, упала на Землю. Вернее, она, не сумев себя остановить, быстро летела вниз, а ее лучики оставляли длинный сверкающий след.

Знакомство среди цветов

Упавшая на темную Землю, Летящая звезда оглянулась. Розы, базилик, ночные красавицы, росшие там, куда она упала, старались отодвинуться подальше, чтобы их ветки и листья не сгорели.

— Кто вы? — спросила звезда.

Цветы не ответили.

— Где я? — спросила она.

Опять нет ответа.

— Что мне теперь делать? — сказал она, уже разговаривая сама с собой.
— У кого просить помощи?

— У меня!

— Кто это сказал? Кто ты?

— Я Звезда, — слышалось в ответ из темноты.

— Ты Звезда?! — от волнения Летящая звезда несколько секунд не могла

говорить, но потом пришла в себя и засыпала вопросами невидимого собеседника. — Ты упала с неба? Когда? Где ты, почему я тебя не вижу?

— Я не упала с неба, — раздался опять спокойный голос. — Я живу на Земле. Ты не смотришь на меня, поэтому не видишь!

— Где же ты? — с нетерпением воскликнула звезда. — Покажись мне!

— Я стою на листке ночной красавицы, растущей слева от тебя. Если повернешься, то увидишь меня.

Летающая звезда повернулась налево, но никого не увидела. Она начала оглядываться.

— Вот я! Видишь?!

Вдруг звезда увидела очень маленький огонек, который пролетел перед ней. Маленький огонек был красновато-желтого цвета и пролетел несколько раз туда-сюда. Звезда протянула лучистую руку к тому огоньку, но он стремительно улетел подальше от нее.

— Нет, нет, не трогай меня своими лучами! — воскликнул он. — Ты можешь обжечь мои крылышки!

— Что, у тебя есть крылья? Ты же сказал, что ты — звезда. Раз так, как ты можешь обжечься от моих лучей? — спросила Летающая звезда.

— Конечно, у меня есть крылышки! Как бы я мог летать без них? — издали раздался голос. — Я не сказал тебе, что я настоящая звезда. Просто меня зовут Звезда. На самом деле я Светлячок, то есть светящийся жучок, понимаешь?

— Да-а... — Звезда задумалась. — Вернее, нет. Если ты жук, то как можешь излучать свет?

— Я не простой жук, а светлячок! — от злости лучи Светлячка приобрели зеленовато-желтый свет и начали трепыхаться. — Светлячки в темноте могут светиться. Но наш свет не от огня. Он бывает только холодный. Поэтому нас называют светлячками.

— Ах, вот как? — разочарованно протянула Летающая звезда, потом очень тихо прошептала, что только сама слышала свои слова. — Как же мне вернуться на небо?

Но маленький Светлячок, мигая своим холодным огоньком, все же услышал слова упавшей звездочки.

— Не волнуйся, — успокаивал он. — Лучше пойдем ко мне, посоветуемся с моим дедушкой. Он очень умный светлячок и обязательно тебе поможет.

Дедушка-огонь

Среди цветов было много светлячков, которые хотя и не показывались на глаза, но внимательно слушали беседу маленького Светлячка и упавшей с неба звезды. Они, догоняя друг друга, спешили передать эту новость самому старому из светлячков. Его звали Дедушка-огонь. Поэтому, когда маленький Светлячок привел к дедушке свою небесную гостью, Дедушка-огонь был уже в курсе дела, даже придумал, как помочь упавшей звезде.

— Упавшая звезда, доверься светлячкам, они обязательно помогут тебе! — торжественно начал говорить Дедушка-огонь. — Мы светлячки все делаем вместе, поэтому у нас всегда все получается. И мы сейчас же поднимем тебя на небо!

— Правда? — воскликнула летящая звезда, трепеща от волнения яркими лучами. — Вы не обманываете меня?

— Дитя моё, дедушки никогда не обманывают! — говоря это, Дедушка-огонь посмотрел на окружавших их светлячков. — Ну-ка, дети мои, помогите быстрее поднять в небо упавшую звезду. Вы хорошо знаете, если упавшая звезда долго будет оставаться на земле, она погаснет!

Она только собралась сказать Дедушке о том, что она не упавшая, а летящая звезда, но вдруг светлячки с молниеносной быстротой окружили ее. Потом они начали быстро махать своими маленькими крылышками. Светлячков было так много, что в саду стало светло как днем.

Летящая звезда почувствовала, как сильный порыв поднимает ее наверх. Это был ветер, образованный от одновременного махания крыльев светлячков.

Крылья светлячков все быстрее колыхались, поэтому и ветер усиливался.

Маленькая летящая звезда вдруг поняла, что чем выше она поднимается, тем легче становится ее тело. Когда она уже была очень далеко от Земли, вдруг почувствовала, что стала невесомой. И в этот момент пропал ветер, помогавший ей оторваться от Земли.

Летящая звездочка высоко подпрыгнула и поднялась в черное небо, где она жила. Потом она собрала свои длинные лучи, которые, трепеща, оставляли за ней длинный след, и посмотрела вниз — на Землю.

Зрение у Летящей звездочки было очень острое, поэтому она смогла увидеть тысячи маленьких звездочек, летающих на земле. Это были Светлячки, живущие в саду. Увидев, что летящая звезда поднялась в свое небо, обрадовавшиеся Светлячки радостно летали по саду.

Дети! Иногда, смотря в ночное небо, вы можете увидеть летящую звезду, за которой тянется длинный яркий след. Это та самая Летящая звезда, упавшая когда-то на Землю и подружившаяся с семьей светлячков. Иногда, когда Летящая звезда начинает скучать по своему маленькому другу, которого тоже зовут Звезда. И чтобы навестить его, она спускается на Землю.

Тогда в саду, в котором растут розы, базилик и ночные красавицы, становится светло, как днем. Потому что тогда сюда слетаются все светлячки, чтобы поздороваться с небесной гостьей!

ОБИЖЕННАЯ ЗИМА

Зима была очень обижена. Она весь год ждала своей очереди, горела желанием украсить мир белыми цветами. А когда приехала, её никто не встретил с распростёртыми объятиями!

— Ах, зачем нужна эта зима?! — ворчали теплолюбивые птицы. — Было бы лучше, если бы зима вовсе не приходила. Тогда мы не улетали бы осенью в далёкие края, а весной не нужно было бы возвращаться на родину, тратя столько времени и сил!

Теплолюбивые птицы не любили зиму, и чтобы нечаянно не столкнуться с ней, в начале осени улетали в тёплые края.

— Я ненавижу зиму! — ревел медведь, потом, спрятавшись в своей норе, всю зиму спал с лапой во рту.

— Без зимы наша жизнь была бы намного лучше! — говорили муравьи и, тоже спрятавшись в своём муравейнике, закрыли все входы и выходы. Ведь они всё лето запасались едой в своих гнёздах, поэтому могли провести зиму, не выходя наружу.

А Зима все девять месяцев неустанно мастерила маленькие беленькие цветочки и наполняла ими свой большой сундук. И вот, когда она приехала, ни одно существо не радовалось этим белым цветам.

Даже воробьи, которые зимой не улетают в тёплые страны, нахохлившись, сидели на ветвях тополей и чинар и, глядя на падающие с неба белые цветы, ворчали:

— Посмотри-ка на её цветы! Лучше дала бы нам зерна или фруктов вместо этих ни кому не нужных цветов!

Вот такие дела! Кому понравится такое отношение? Конечно, и Зиме это не понравилось!

— Эх, глупо было скучать по этим грубым существам! — воскликнула Зима. — Всё, надоело, больше не вернусь сюда! Я ухожу! Пусть моё место занимают весна, лето или осень!

Обиженная Зима аккуратно собрала длинный подол своего белого платья и направилась на Север.

В тех местах, где поднимался подол Зимы, из-под тающего снега выглядывали подснежники. Ветки деревьев покрылись почками, земля зеленела, кое-где появились золотые головки одуванчиков.

— Какое чудо! — чирикали воробьи. — Неужели зима ушла? Как хорошо! Да здравствует весна! Это очень здорово! Теперь у нас будет прекрасная жизнь! В нашем лесу будет настоящий праздник!

От шума воробьёв проснулась спавшая в гнезде ворона.

— Эй, мелкота, замолчите! — прокаркала она. — А то всем перья повьдёргиваю! И тогда вы замёрзнете!

— Мы больше не боимся холода! — чирикали воробьи. — Зима уходит из наших краёв навсегда. Теперь зимы не будет! Не пойдёт снег и не будет морозов. Самое главное, что мы больше не будем голодать!

Да как же это? Ведь ворона очень соскучилась по зимним холодам и прилетела издалека перезимовать! А зима уходит навсегда, разрушив все её мечты? Если снова наступит лето, куда деваться вороне, где найти холод?

— Эй, Зима, стой! — закричала ворона, летя за ней. — Я так скучала по твоим холодам, что специально прилетела из далёких стран, чтобы увидеться с тобой. А ты молча уходишь? Ты обиделась и убегаешь в холодные края, тогда что делать воронам, которые любят тебя и прилетают, скучая по твоим снегам?

— Ворона права! — закричали лыжи катающего в лесу мальчика. — Мы девять месяцев пылимся на тёмном чердаке и только с твоим приходом выходим на белый свет. Если не будет зимы и не выпадет снег, вся наша жизнь пройдёт в темноте, на пыльном чердаке! Неужели тебе нас не жалко?

— Правильно! — сказал мальчик, спускающийся на санях с холма. — Мы, дети, тоже ждём зиму. Если ты уйдёшь, как нам кататься на санках?

— Эй, не забудьте про Новый год! — добавила одна девочка. — Кататься

на санках и лыжах хорошо, но если не будет зимы, то и Нового года не будет! Как же детям без Нового года? Если не будет зимы, тогда не придёт Дед Мороз с мешком, полным подарков! Из-за обидчивой зимы мы останемся без подарков?!

— Зимушка, пожалуйста, не уходи! — умоляла белка, сидящая на ветке старой сосны. — Летом и осенью я много работала, собирала орехи и грибы и надеялась перезимовать в изобилии.

Ради твоих снегов и холодов я прихорашивалась, надела новую тёплую шубу. Надеюсь, когда пойдёт снег и начнутся морозы, я спокойно буду жить в своём дупле, наполненном разными вкусностями, и отдыхать после изнурительной летней работы. А если ты уйдёшь, я не смогу отдохнуть!

Зима задумалась. Узнав о том, что есть те, кто любит её, скучает по ней, и о том, что она многим приносит пользу, очень обрадовалась!

У неё поднялось настроение. Она взмахнула рукой. Из украшенных белоснежными кружевами рукавов вылетели белые цветочки и начали покрывать деревья и землю.

Дети обрадовались и побежали кататься на лыжах и санках. Лыжи, почувствовав облегчение, легко заскользили по мягкому снегу. Белка, виляя пушистым хвостом золотистого цвета, прыгала с ветки на ветку.

А ворона, кружась среди снежинок, каркала:

— Кар-р! Зима! Зима вер-рнулась! Кар-р!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОРЕШКА

— Солнышко, будешь мне помогать? — спросил дедушка у Гулноз.

Дедушка хотя и спрашивает, но знает, что Гулноз всегда готова ему помочь... Когда он кормит корову и баранов в хлеву в конце двора, Гулноз носит сено. А когда дедушка косит траву в саду, внучка своими маленькими ручками дёргает траву и таким образом старается помочь.

Вот они закончили всю работу. Дедушка морщинистыми руками погладил внуку по голове и, приговаривая: «Ну, теперь я приготовлю плов своему маленькому солнышко», начал шинковать морковь.

Дедушка редко называет Гулноз по имени, в основном он зовет ее ласково «Солнышко».

Гулноз села рядом с дедушкой, маленькими пальчиками взяла одну палочку нарезанной моркови и с хрустом начала есть. Дедушка не спеша поджаривал мясо и лук, потом положил нашинкованную морковь, налил воду и уменьшил огонь.

— Вот и всё! — весело сказал дедушка, глянув на внуку. — Пусть немного покипит, потом положим рис, и плов будет готов.

— Дедушка, а теперь что будем делать? — спросила Гулноз, стараясь говорить как взрослая.

— Ах, какая трудолюбивая у меня внучка! — воскликнул дедушка. — Сейчас я буду сбивать орехи, а ты — собирать, хорошо?

— Да! — весело ответила Гулноз, держась за костлявую руку дедушки.

Дедушка снял висевший на крючке мешок. Они вышли в сад. Он был очень большой. Там росли разные фруктовые деревья. С виноградных лоз свисали золотистые и красные кисти. Опавшие красно-желтые листья абрикоса, персика и вишни, шепча о чем-то, шелестели под ногами.

Два куста граната, на ветках которых висели круглые большие красные плоды, приветствуя девочку, поклонились ей. А темно-зеленый инжир, не успевший поспеть до осени, беспокойно поглядывал на солнце, будто спрашивая: «Успеем ли мы созреть до зимы?» А солнце ухмылялось, но ему некогда было отвечать.

В самом далеком уголке сада росло большое ореховое дерево. Листья у него были еще зеленые, а плоды нанизаны на ветках как зеленые бусинки.

Гулноз с интересом смотрела на большое дерево. Ой, а как же они с дедушкой будут собирать орехи?

Но вот ее дедушка взял длинную палку и ударил ей по ветке дерева. Каждый раз, когда он ударял палкой по ветке, на землю сыпалось много зеленых орехов. Как только орешек ударялся о землю, его зеленая кора трескалась, и из нее выскакивал кругленький орех. Гулноз бегала за орехами, ловила и тут же складывала их в мешок.

На самой верхней ветке дерева дрожал от страха зелененький орешек. Он, увидев, что его братьев забирают люди, запаниковал. Ему казалось, что сейчас он оторвется от родной ветки. Орешек, еле сдерживая слёзы, начал умолять отца:

— Отец, прошу тебя, спаси моих братьев от людей!

— Сынок, это невозможно, — спокойно сказала дерево. — Мы живем, чтобы приносить пользу людям, и спасаем их от разных болезней. Может быть, некоторым из твоих братьев повезет, и люди посадят их в землю. Тогда они превратятся в такое же большое, сильное ореховое дерево, как я.

— Отец, я не хочу! Я останусь с тобой! — кричал Орешек.

Но в это время длинная палка снова ударила по ветке, и Орешек полетел на землю.

— Дедушка, смотри, как много у нас орехов! — весело воскликнула Гулноз и, подняв Орешек, изумилась: — Ух ты, какой большой!

Когда она собиралась положить его в сумку, ей внезапно пришла одна мысль, и она сунула его в карман своего платья.

— Дедушка, когда я завтра пойду в детский сад, отдам этот большой орех своей воспитательнице.

— Почему? — заинтересовался дедушка.

— Потому что она хорошая и каждый день рассказывает нам интересные сказки, — серьезно объяснила Гулноз.

— Смотри-ка! — воскликнул дедушка с улыбкой, но его улыбка спряталась в бороде. Только морщинки, дрожащие в уголках глаз, указывали на то, что он смеялся.

А вечером, когда Гулноз с родителями возвращалась домой, она надела другое платье, а орешек забыла вынуть из кармана.

Орешек долго лежал в кармане платья. Поскольку он привык к свету и свободе, здесь он чуть не задохнулся. Так устал от тесноты и темноты, что был уже готов закричать. Но вдруг немного света попало на карман, в котором он лежал, — мать девочки открыла дорожную сумку и вынула из него одежду Гулноз. Увидев свое платье, Гулноз вспомнила о большом орехе, который собиралась отдать своей воспитательнице.

— Мой орех... Ой, а где мой большой орех?! — вдруг воскликнула Гулноз.

— На, возьми, орехи, — сказал ей папа, протягивая несколько орехов. — Посмотри, твой дедушка передал их тебе целый мешок!

— Нет, эти мне не нужны! У меня был свой большой орех!

Гулноз уже собиралась заплакать, как неожиданно мягкая теплая рука ее матери прикоснулась к лежавшему в ее кармане Орешку и вытащила его.

— Этот орех?

— Да, этот! — воскликнула Гулноз, сразу забирая его из рук матери.

— Ах, сладкая моя, тебе уже почти четыре года, а ты все никак не поумнеешь, — нежно ругала ее мать. — Ты большая девочка, неужели собиралась плакать из-за какого-то ореха?

Но Гулноз уже не слушала маму, потому что сейчас она не думала ни о чем, кроме своего ореха. Она то катала его по полу, то подбрасывала, то, положив на игрушечную кровать, пела ему колыбельную песню. А когда мать уложила ее спать, она сунула орех под подушку. Когда Гулноз заснула, ее мама взяла орех из-под подушки и положила на тарелку, стоящую на подоконнике. Потом, чуть приоткрыв окно, она вышла.

Орешек почувствовал прохладный ночной воздух. Он вздохнул с облегчением. В кармане девочки он задышался и очень устал, а после ее игр у него все внутри кружилось.

Орешек глубоко вздохнул и огляделся по сторонам. Комната была полна не очень новых игрушек: большие и маленькие мячи потускнели от грязи и пыли, плюшевые мишки были без носа или с порванными ушками, красивые куклы с оторванными ручками и ножками или без бровей и ресниц, а машинки были вовсе без колёс...

«Ох, должно быть, эти бедные игрушки тоже попали в руки этой капризной девочки», — подумал Орешек, поглаживая свой бок, который чуть не разбился, когда Гулноз бросила его в стену.

Висевшие на стене часы, очевидно, тоже устали от ее подёргиваний за цепочки, поэтому, боясь разбудить девочку, тикали тихо-тихо. Только темно-синий свет ночной лампы, мерцая, гладил пухленькое личико, длинные ресницы, надутые губки девочки.

Орешек два-три раза перекатился по подоконнику, дошел до приоткрытого окна и прислонился к нему. Вид, который открылся его взору, очень удивил. Свет уличных фонарей освещал крепко спящие деревья и прямоугольные небоскребы. А подоконник, на котором сидел Орешек, был так высоко над землей, что, когда он посмотрел вниз, у него голова закружилась. Даже его отец — могучий орех не был таким высоким.

«Интересно, значит, эта девочка-непоседа живет в таком месте?», — подумал Орешек. Он с тех пор, как появился на свет, видел только росшие в саду деревья и поля, низкие белые дома кишлака, поэтому и весь мир представлял таким.

Орешек, чтобы лучше осмотреться, наклонился и вдруг свалился на землю. Наверное, он от испуга потерял сознание... А когда пришел в себя и оглянулся вокруг, увидел, что он лежит в клумбе под окном. Красные, белые и желтые розы не обращали на него внимания, только одна роза с единственным розовым бутонем на самой макушке вскользя взглянула на него, но предпочла промолчать. Черешня, росшая далеко от цветника, изумленно затрепетала своими листьями и сказала:

— Эй, кто ты? Расскажи, откуда приехал?

— Я Орешек, младший сын большого орехового дерева, — ответил орешек, но внезапно замолчал, потому что он точно не знал, является ли он младшим сыном или нет. Потом продолжил. — Я приехал из кишлака...

— Да-а, это и видно! — прервал его рассказ раздавшийся громкий неприятный голос.

Орешек обернулся и увидел смотревшего на него рыжего кота. У него даже усы были желтые, а в глазах горел золотистый огонек. Когда орешек жил на ветках своего отца, он видел котов, поэтому прекрасно знал, кто это.

— Что ж, богатырь, приехавший из кишлака, милости просим в наш город! — издевательски произнес кот, а в его глазах засверкали золотистые искры. — Но имей в виду, что эти места — моя собственность, и здесь я хозяин!

— Вы такой интересный...

— Я тебя предупредил! — нетерпеливо прервал его слова кот, одним прыжком дошел до Орешка и лапой ударил его по голове. — Я не буду повторять! Если ослушаешься, пеняй на себя!

Сказав это, рыжий кот подпрыгнул высоко и скрылся в проеме стены дома.

— Ах, малыш, не обращай внимания на рыжего! Он странный, — сказала молчаливая до сих пор вторая черешня. — Этот кот угрожает всем, кто оказывается здесь.

«Как же теперь мне вернуться к отцу?», — беспокоился орешек.

Он даже представить себе не мог, как далеко был этот город от кишлака, где он вырос. Ему не понравились ни небоскребы города, ни надменные розы, ни хвастливый кот. «Я здесь умру от скуки, это точно», — подумал Орешек, увидев, что обе черешни опять начали дремать. Затем он посмотрел вверх — на окно, из которого падал синеватый свет ночной лампы. Оно светило на такой высоте, что, глядя туда, орешек даже испугался. Потом он вспомнил про Гулноз: «Интересно, как такая маленькая девочка не боится жить на такой высоте?»

Начало светать, и орешек встал с места. От того, что всю ночь неподвижно лежал в клумбе, у него онемели бока. Он, поглаживая их, вышел из клумбы на дорожку: «Пойду, куда глаза глядят, и когда-нибудь дойду до своего кишлака», — подумал он.

Когда он катился по асфальтовой дороге, вдруг рядом раздался высокий голос:

— Кар-р!

Испугавшись от такой неожиданности, он повернулся и увидел стоящую впереди черную ворону. Орешек сразу узнал ее. Потому что такие черные вороны часто сидели и отдыхали на ветках его отца и рассказывали о новостях в мире. Слушая их, старый Орех тяжело вздыхал: «Ох, если бы я мог летать!» А глубоко укоренившиеся в земле корни смеялись над ним: «Ну-ка, давай, лети! А мы посмотрим, что будет, когда ты расстанешься с нами». Орех расстраивался, опускал листья и глубоко задумывался...

— Здравствуйте, тетя ворона! — приветствовал Орешек, смело глядя на ворону. — Не могли бы вы показать дорогу, ведущую в мой кишлак?

— Интерр-ресно! — каркнула ворона, склонив голову набок, прыгая на одной ножке. Она уставилась на Орешек. — Интер-р-ресно, я и не знала, что у меня есть племянничек...

Орешек так смутился, что не знал, что ответить наглой птице. На его счастье, он был простым орехом. А орехи-то не краснеют от смущения.

— Ну-у, племянничек, ведь на свете много кишлаков, который из них тебе нужен? — продолжала надсмехаться ворона. — А как ты думаешь, не лучше ли мне расколоть тебя и съесть?

Орешек, испугавшись, подался назад. «Видимо, надо держаться подальше от этой нахальной вороны...».

Прежде чем он подумал, внезапно раздался ужасный крик. Ворона, которая, прыгая, медленно приближалась к орешку, с громким карканьем резко поднялась в воздух. Золотистого цвета молния, сверкнувшая за вороной, прыгнула над Орешком.

Орешек был так ошеломлен, что не смог ни убежать, ни даже пошевелиться.

— Эх, упустил такую толстую ворону! — раздался рядом с ним знакомый неприятный голос.

Это был рыжий кот. Он сердито выплюнул вороньи перья на землю.

— Да, я проворонил ее. Только аппетит разыгрался, и все, — пожаловался он, повернувшись к Орешку.

Только теперь Орешек понял, что ринувшаяся за вороной золотистая молния на самом деле был вот этот рыжий кот. Все еще сетующий кот внезапно подумал о чем-то и удовлетворенно мяукнул.

— Давай дружить, — предложил он орешку.

— Как дружить? — удивился Орешек и на всякий случай попятился назад.

— Ой, дурак, не бойся, я не ем орехи, — мяукнул кот, сморщив нос. — Только недалёкие люди едят орехи, потому что они не знают, что нет ничего слаще на свете, чем мыши и птицы. Да, кстати, и глупые вороны входят в число таких недотёп. Знаешь, о чем я думаю? Мы с тобой подружимся, и ты будешь помогать мне ловить глупых ворон, а я буду защищать тебя. Мы с тобой заживем как в сказке!

Орешек не мог понять, почему кот хочет ловить ворон и от кого его защищать. Но в глубине души он чувствовал, что ему нужно держаться подальше от этого кота. Хотя кот говорит, что он не ест орехи, но кто знает, чего от него ожидать.

— Извините меня, — он с осторожностью начал говорить, — но мне нужно вернуться в свой кишлак.

— Идиот, что ты потерял в кишлаке? — насмешливо зашипел кот. — Живи в свое удовольствие в городе! Говорю же, что не дам тебя в обиду!

— Нет, спасибо, мне лучше уйти.

Желтый кот с отвращением зашипел, но промолчал. А когда Орешек отошел далеко от кота, вдруг сзади раздался громкий крик рыжего кота:

— Неблагодарный идиот!

Орешек повернулся назад. Желтый кот стоял посреди дороги, выгнув спину, а его шерсть встала дыбом. Увидев, что Орешек повернулся, кот громко зашипел и бросился как пуля в его сторону. Ошеломленный от неожиданной атаки Орешек побежал изо всех сил.

Внезапно дорога пошла под наклон, и Орешек, не сумев остановиться, быстро покатился по склону. Наконец он перевернулся и прилетел на что-то мягкое. Оглянувшись вокруг, он увидел, что лежит в яме, дно которой застелено принесенными ветром мягкими жёлтыми листьями.

Орешек сначала обрадовался, что избавился от сварливого желтого кота, а потом загрустил, что упал в яму.

— Ах, как мне теперь выбраться отсюда? — горевал орешек.

Но, сколько ни карабкался по стене ямы, все время скатывался вниз, потому что он был круглый и гладкий. Весь день он пытался выбраться из ямы. Но ничего не получалось.

Вечером пошел дождь. Хотя скорлупа у ореха твердая, но все равно намочла, поэтому он очень замерз.

Орешек, дрожа от холода, долго сидел под дождем. Потом, когда он совсем замерз, вдруг ему пришла мысль: «Если я спрячусь под этими листьями, может, мне не будет так холодно?» Действительно, когда он спрятался под листьями, ему стало намного теплее, даже его скорлупа немножко высохла.

Два дня без остановки шел дождь. Дно ямы заполнилось дождевой во-

дой. Теперь не только скорлупа, но и ядрышко ореха намокло, поэтому он отяжелел и утонул на дне ямы. Теперь у него не было сил для того, чтобы выплыть на поверхность воды и попытаться спастись. Он думал только о своем отце — Большом Орехе. Может быть, и его отец сейчас думает об Орешке и его братьях? Может, и в кишлаке сейчас идет дождь? Его отец не боится ни дождя, ни ветра, всегда стоит с гордо поднятой кроной. Даже случайно заблудившийся в этих местах шаловливый ветер, увидев величие Большого Ореха, становится кротким и, осторожно глядя листья яблони, черешен и абрикоса, тихо возвращается назад.

Когда слишком замерзал, Орешек вспоминал о теплых ручках маленькой девочки. Так плохо было лежать на дне ямы, мокнув под дождем и замерзая. Лучше было бы, если бы Гулnoz съела его. В любом случае от него была бы хоть какая-то польза. А в этой яме он может сгнить...

Наконец дождь прекратился. Выглянуло солнце. Высохла на дне ямы вода. И Орешек высох. Он посмотрел на небо и не узнал дедушку Солнце: хотя оно сияло как всегда, но лучи его были не теплые, и само почему-то нахмурилось. Когда Орешек жил на ветках Большого Ореха, каждое утро ласково гладили его по голове лучистые руки дедушки Солнца. А сейчас дедушка Солнце даже не смотрел на него.

Прошло еще несколько дней. Когда Орешек высыхал и начинал чувствовать себя легким и свободным, шел дождь. А потом опять появлялось солнце, и становилось тепло.

Орешек теперь уже и не думал о кишлаке. Ему казалось, будто его ядрышко распухло от постоянного намокания и скоро разорвет его скорлупу.

Теперь Орешек не был в состоянии думать о чем-нибудь и неподвижно лежал на дне ямы.

Однажды с неба начали падать белые цветы. Нежные белые цветы были похожи на цветы вишни. Их было так много, что они скоро покрыли все вокруг. Хотя эти цветы были очень холодные, но все-таки они были приятнее дождя. Белые цветы окружали Орешек со всех сторон и очень понравились ему.

Вот, наконец, они заполнили яму. Почему-то Орешку стало тепло. Он, расслабившись от приятного тепла, заснул сладким сном.

Неизвестно, сколько он проспал. Но проснулся, чувствуя, как кто-то гладили его по голове. Открыв глаза, он увидел, что вокруг ямы, в которой он лежал, выросла мягкая трава, а на небе улыбался дедушка Солнце, вокруг все заполнилось веселым щебетом птиц.

— Здравствуйте, дедушка Солнце! — воскликнул Орешек.

— Здравствуй, сынок, здравствуй! — Солнце погладило Орешек теплыми лучистыми руками. — Тебе давно пора просыпаться, а ты еще спишь!

— Что мне делать, если я не могу выбраться из этой ямы? — пожаловался Орешек, вспоминая о своих бедах.

— Ах, глупенький мой, неужели ты до сих пор ничего не понял? — рассмеялся дедушка Солнце.

Птицы, наполнившие мир шумом, перестали щебетать и с удивлением смотрели на дедушку Солнце, который громко хохотал.

— Дитя моё, куда же ты пойдёшь весной? — сказала Солнце, от души рассмеявшись. — Весной деревья и травы пускают корни и листья, птицы стро-

ят себе гнезда, выводят птенцов, жизнь просыпается. А ты ядреный орех, ты полон сил и энергии. Так что прорасти, пусти ростки и превратись в большое сильное дерево, чтобы все завидовали тебе.

— Как? — удивился Орешек. — Неужели я смогу быть деревом?

Дедушка Солнце не отвечал ему и с веселым хохотом неся на своих сверкающих конях по золотистой небесной дорожке.

Вдруг Орешек заметил, что его скорлупа, размокшая из-за осенних дождей и зимних снегов, треснула.

Орешек испугался, в страхе подумал: «Сейчас умру, наверное». Но он не умер. Из его ядрышка, пропитавшегося дождевой водой и набравшего силы от снегов, появился тоненький росток. Из трещины скорлупы вытянулись тонкие корни и начали втыкаться в лоно матушки-земли.

«Ах, стать бы мне таким гигантским деревом, как мой отец», — мечтал Орешек, наблюдая, как из ростка выходит зеленый крошечный листок.

Прошли годы. Орешек вырос и превратился на огромное дерево. Только спустя долгие годы он понял, что яма, в которую он упал, находилась во дворе детского сада.

С приближением осени дети окружали ореховое дерево. Мальчики постарше забирались на дерево и качались на его ветках, а маленькие дети собирали падавшие орехи в свои карманы. С ранней весны до поздней осени не утихало щебетание птиц на ветвях Ореха. И он, как его отец, слушал их рассказы, мечтая летать, как они, и увидеть этот большой мир. Хотя Орех мечтал летать как птицы, но не говорил об этом вслух, потому что стыдился корней и только тяжело вздыхал.

Иногда к Ореху подходил старый, уже потерявший былую спесь рыжий кот. Он жаловался, что мышей становится все меньше, а птицы становятся хитрее. Он даже не подозревал, что это огромное дерево было тем самым орешком, приехавшим из кишлака. И Орех не напоминал об этом, а просто молча слушал кота. Даже поздней осенью, когда на его ветвях отдыхали черные вороны, Орех не сопротивлялся. Потому что он считал неправильным судить других лишь по одной наглой вороне.

Даже теперь, превратившись в такое огромное дерево, он не мог забыть те приключения, происходившие тогда, когда он был просто маленьким Орешком, вспоминая их снова и снова. Каждую осень, когда под ним собирались дети, он искал среди них черноглазую девочку, но не мог ее найти.

Он даже не подозревал, что люди, в отличие от деревьев, взрослея, постепенно забывают свои детские воспоминания. И черноглазая Гулноз была такой же. Иногда, конечно, пробуждаются детские воспоминания, но почему-то их называют сладкими снами или фантазиями.

Хотя Орех очень много повидал за свою жизнь, но был не способен постичь эту особенность человека. Потому что деревья сохраняют свои воспоминания навечно.

УТЁНОК БОГАТЫРЬ

Сидевший в тёмном яйце Утёнок долго стучал клювом в скорлупу. Вдруг раздался громкий треск, и из того места, где он стучал своим клювиком, в яйцо проник свет. Увидев это, Утёнок ускорился и вскоре, сломав яичную скорлупу, вылез наружу.

Он оглянулся. Вокруг никого. Только валяются кусочки яичной скорлупы, но никого не видно. Утёнок задумался. Ведь кто-то должен был его встретить, когда он вылезет из яйца. Неужели его бросили?

От этой мысли Утёнку стало страшно.

— Мне нужно скорее найти свою маму! — сам себе сказал он.

Куда же ему пойти и где искать маму?

— Эй, Утёнок! — издалека раздался громкий голос.

Чуть поодаль крохотный жёлтый цыплёнок попытался клюнуть бабочку, сидевшую на цветке. Но бабочке вовсе не хотелось стать обедом цыплёнка, поэтому она взмахнула крыльями и улетела. Тогда цыплёнок повернулся к Утёнку.

— Никак не могу поймать эту бабочку! — пожаловался он. — Может, вдвоём попробуем её поймать?

— Я должен сначала найти свою маму, — сказал Утёнок. — Меня бросили.

— Нет, что ты?! Тебя не бросили, — затараторил цыплёнок. — Я недавно видел твою маму. Она повела твоих братьев и сестёр на речку пообедать. Да, кстати, меня зовут Эркатою. Я самый младшенький, и меня все любят, поэтому так называли. Эркатою означает, что я любимчик семьи. А если ты самый младший, тогда, может, и тебя зовут Эркатою?

— Нет, я Утёнок, — сказал Утёнок.

— Конечно, ты утёнок! — сказала наседка, которая в это время подходила к ним вместе со своими цыплятами. — Но у каждого должно быть имя. Ты очень крупный утёнок, поэтому тебе подойдёт имя Богатырь. Ну, что скажешь?

— Мне нравится это имя, — сказал Утёнок.

Действительно, Утёнку очень понравилось имя, которое предложила наседка. Но ему хотелось, как можно скорее, найти свою мать, познакомиться со своими братьями и сёстрами. Поэтому он поспешил в сторону ручья, куда указал крылом Эркатою.

Когда Утёнок бежал среди травы, растущей в конце двора, внезапно над его головой раздался голос:

— Эй, а ты кто такой?

Утёнок, взглянул вверх, увидел стрекозу с прозрачными крыльями и блестящим золотистым телом.

— Я утёнок, — сказал он. — Меня зовут Богатырь.

— Ах, так?!

Стрекоза не могла долго стоять на одном месте. За то время, пока Утёнок говорил, Стрекоза дважды облетела его.

— Ладно, Богатырь, иди скорее к ручью. Там твои мама учит твоих братьев и сестёр искать пищу.

Сказав это, Стрекоза улетела. Утёнок некоторое время любовался её по-

лётom, затем продолжил свой путь.

Мать Утёнка со своими многочисленными утятами успела наесться. Увидев малыша, они быстро окружили его.

— Ого, наш младшенький, оказывается, настоящий богатырь! — удивился один из утят. — Не зря он сидел внутри яйца дольше всех нас!

По его тону Утёнок понял, что это был его самый старший брат.

— Мамоchка, а как мы назовём нашего младшенького? — спросил другой брат.

Утка-мать задумалась. Тогда вдруг Утёнок вспомнил слова наседки.

— Мамоchка, когда я вас искал, мама цыплёнка сказала, что мне подходит имя Богатырь. И мне понравилось!

Имя, данное наседкой, понравилось и маме-утке, и утятам. Они, нырнув в речку, все ещё раз поели, потом отправились на свой двор.

Мама-утка шла впереди, за ней выстроились утята.

— Эй, Богатырь, как дела? — крикнула Стрекоза, пролетев над ними. — Нашёл свою маму?

Утёнок просто кивнул, потому что Стрекоза, не дожидаясь его ответа, быстро улетела.

— Богатырь, приходи завтра поиграть с нами! — издаleка крикнул цыплёнок Эркaтой, следуя за своей матерью, братьями и сёстрами в курятник. — Мы вдвоём обязательно поймaем неуловимую бабочку!

Одна из сестёр Утёнка рассмеялась:

— Смотрите-ка, хотя наш братик вылупился позже всех, но уже успел познакомиться со всеми обитателями двора.

— И вы завтра познакомитесь со всеми, — сказала утка-мать. — А сейчас спать!

Утята заползли под тёплые крылья матери, согрелись и тут же заснули.

Фантастика

Николай Виноградов

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

*Николай Виноградов -
бывший радист,
работал на
торговых судах,
ныне пенсионер.
Лет пять активно
участвую в
работе прозаического
клуба на сайте
"Что хочет автор".*

ГРАВИЦА

- Батюшки, Санька! Радость-то какая! Отец, иди скорее, сынок приехал! - со слезами на глазах прильнула мать к груди сына. Отец, улыбаясь во весь беззубый рот, стоял в сторонке, переминаясь с ноги на ногу, с нетерпением ожидая своей очереди, давая жене вдоволь налобызаться.

"Как же быстро стареют мои самые родные люди, - сразу подметил Саша грустную перемену во внешности родителей. - Мать совсем седая стала, ни одного тёмного волоса уже не осталось. Похудала, сторбилась как-то, в росте уменьшилась, словно в землю выросла. А у бати от некогда густой чёрной шевелюры осталась лишь лысина, слегка обрамлённая на висках и затылке белым пушком. Спал, наверное. Из летнего чулана вышел в одних трусах и майке, висящей на нём, как на скелете. Кажется, ещё совсем недавно был стройным и сильным. Безжалостное время медленно, но уверенно превращает его в немощного старика с жиденькой седой бородёнкой, со слезящимися глазами, с худыми ногами, как две кривые берёзовые палки, торчащие из семейных трусов, протёртых до дыр на ляжках".

- Ну, наконец-то свиделись! Чего так долго не приезжал-та? Заждались ведь напрочь, - обнял отец сына. - Мать уж вона, помирать было намылилась, - освобождаясь от объятий, прошепелявил отец. - Проходи в дом-та, чего на пороге торчим. Скоро, чай, Вовка должен приехать. Он таперичи всё больше в городе живёт. Нашёл тама каку-то бабёнку с малым ребяёнком, таксистом работает. Езды-та с полчаса на его машине, а приезжать редко стал, деньги

всё заколачиват. Надолго ли прибыл? В лесу грибы пошли. Мать давеча штук двадцать белых принесла. На рыбалку хоть успем сходить?

- Конечно, успеем, батя. Сессия, экзамены сдавал, сам понимаешь. Вот, на пятый курс перешёл. Не знаю, батя, рассчитываю на недельку, а там уж как получится. Получаю мало, денег как всегда не хватает, впору хоть другую работу искать. Мы с приятелем квартиру на двоих снимали, а он институт бросил, домой уехал. Одному мне теперь эту квартиру не потянуть. Ну, а вы как? На здоровье не жалуетесь?

- Нормально! Всяко бывает, конечно. То сердешко занует, то редикулит прострелит, а то вдруг... хе-хе... понос пробьёт. Кряхтим потихоньку...

Александр после школы в единственный в своём районном городе машиностроительный институт поступить не смог, осенью ушёл в армию. После демобилизации легко сдал экзамены на вечернее отделение в московский политех.

Родной брат, Володя, старше его на четыре года, никакого образования после школы не заимел. В армии служил водителем на КАМАЗе, да так на гражданке шофером и остался. Была ещё старшая сестра, но умерла в три годика...

Брат приехал уже ближе к вечеру, Саша к его приезду уже баньку подготовил.

- А я теперь на извозе горбачусь. Сутками пашу, иногда даже спать за баранкой приходится. Дали машинюшку - старушку, двадцать два года уже. День езжу, два на ремонте стою, вот и заработай тут чего. Эх, Санёк, скоро выучишься, станешь каким-нибудь начальником, большие деньги будешь зашибать, - поддавая парку, болтал без умолку Володя, никак ненарадуясь встрече с братом. - Каким ты огромным-то стал - Бугаина! Сколько же ты вешишь?

- Всего центнер при росте два ноль три. Вспомни-ка, батя в молодости не хилее нас был, ростом только пониже. Да-а, подсох наш батя. Не мудрено, скоро семьдесят стукнет. Да и тебе на здоровье грех жаловаться, далеко не дистрофик. Ну что, хорэ, может? Я уже напарился.

- Ну иди, я ещё попарюсь чуток...

- Чего колдуешь, батя? Слышу, кто-то здесь шебуршит, - заглянул Александр после бани к отцу в сарай. - Опять свои любимые железяки с места на место перекаладываешь? А это что за штуковина у тебя? - взял младший сын в руки металлическую вещицу, не похожую ни на одну из всех известных ему деталей механизмов. По форме она напоминала куриное яйцо, только раза в два крупнее, тупой конец которого был совсем плоским и являлся основанием. - Ого, вот это Гравицапа! Смотрел фильм "Кин-дза-дза"? Точь-в-точь! Откуда она у тебя? Тяжёленькая! Что за металл? Уж не серебро ли?

- А хрен ё знат? Но уж точно не серебро - оно мягкое. Этой штуковине знашь скока лет? Её исхо мой дед после Первой мировой из Восточной Пруссии привёз, в каком-то музее тама на память стырил. Думал, чё-то ценно, а

оказалась ненужной железякой, хоть с виду и забавна. Я когда исхо мальчонкой бегал, бабка эту штуковину в углу за образами хранила. Есть в ней чё-то волшебное. Помню, дед как-то нечаянно нажал в ней на чё-то, мы тады на крыльце с ним вечером сидели, дык в ней чё-то заскрипело, зашуршало, а потом вдруг - бац, стенки на четыре части откинулись. Мы с дедом удивились, тока на пару секунд посмотрели друг на друга, а она сразу и закрылась. Не успели даже разглядеть, чё у ней внутри было.

- Да-а? Ну-ка, нажми куда надо, пусть откроется, я посмотреть хочу.

- Ха, кабы знать на чё нажимать? Дед цельный год потом её из рук не выпускал, всяко разное в неё пальцами тыкал - не открылась, зараза така. Я и сам её крутил-вертел много раз, всё без результата. Орехи ей колоть хорошо, больше и толку от неё никакого. Потом она пропала у меня куды-то, только лет через двадцать вдруг нашлась, в отцовом ящике с инструментами лежала. Года два назад я её в сухопарник сунул, просто так, шутки ради. А потом оказалось, что из-за неё самогон стал, как лечебный эликсир - никакого похмеля. С утра встаёшь, как младенец. Скока ни выпей - ни башка не гудит, ни сушняк не мучит.

Александра от этой железяки было уже не оторвать. Чего он только с ней не делал - крутил-вертел, стучал по ней молотком, пилил ножовкой по металлу.

"Ну всё, транклюкатор хренов, держись! Сейчас я тебя транквилизировать буду".

Со злости уже дошёл до того, что зажал в тиски и начал пилить болгаркой, но ничего у него не получилось, даже алмазный круг её не брал.

"Что же это за бандурина такая? Какой странный металл, ни одной царапины не осталось. Хм!"

На следующий день рано по утру все собрались в лес по грибы. Много раз уговаривали Александра, но тот на отрез отказался. Всё чего-то вычислял, чертил какие-то таблицы и графики.

- Какие грибы? Отстаньте все от меня, не до пустяков мне. Скажи, батя, а в каком примерно году это было? Ну, когда дед твой на чего-то нажал, и она открылась.

- А хрен ё знат. Мне тады лет шесть-семь было, не больше. Брось ты эту железяку, айда с нами. Мож, ты и на рыбалку завре не пойдёшь? Заберу тады у тебя эту хреновину, спрячу - не найдёшь, - грозился отец, но Саня его уже не слышал...

"... Ровно шестьдесят четыре пупырышка и столько же ямочек по всей поверхности на этом курином яйце, - несколько раз пересчитал студент. - А что, если здесь использована двоичная система счисления?"

Сидя на крыльце, приняв пупырышки за единицу, он стал нажимать с верхнего, спускаясь вниз, нажимая на соседние ямки, обозначающие, по его мнению, ноли. Сверху, на самом кончике этого яйца, была ещё маленькая кнопка в виде квадратика. Саша предположил, что она выполняет функцию точки для разделения цифрового текста. Он набирал по несколько раз, на-

чиная и сверху, и снизу, и в разные стороны, но ничего у него не получалось. Чтобы не повторяться, для чистоты эксперимента стал всё строго заносить в таблицу, предварительно изобразив поверхность этого странного предмета на листке бумаги, зарисовав и проставив номера каждого пупырышка и ямки.

"Если мой прадед случайно угадал шифр, то код должен быть коротким, не более трёх-четырёх символов, - набирал он номера годов, когда отцу было примерно семь лет. - А чего я историю-то набираю? Ну-ка, попробую набрать сегодняшнюю дату", - стал он набирать цифры в двоичной системе, отделяя точками год, месяц и число.

Внутри гравицапы что-то стало двигаться, шуршать, и наконец её стенки открылись. Внутри из середины раскрывшегося яйца начало что-то светиться перламутровым светом, как огромная жемчужина, из самого верха которой бил тонкий луч, уходя высоко, до самого неба. Саша самопроизвольно начал вдруг креститься и бубнить себе под нос какую-то непонятную молитву, придумывая на ходу свои собственные слова для неё, через каждое слово, как заклинание, повторяя: "Господи, помилуй!"

Не отрывая глаз от жемчужины, ему мысленно представлялись короткие видеоролики, быстро сменяющие друг друга. Вот взлетает самолёт, рейсом Оттава - Нью-Йорк. На табло показано время вылета - 05.30 GMT. После отрыва от земли самолёт взрывается в воздухе. Эту картину заменяет следующая, не менее ужасная - время 09.32 МСК, у рейсового автобуса Алушта - Судак, едущего по горному серпантину с двадцати двумя пассажирами, вдруг отваливается переднее правое колесо, и он падает в пропасть.

Саша секунд на десять оторвал глаза от этой жемчужины, и стенки гравицапы сразу быстро закрылись.

"Это что такое было?" - тупо уставился он на железяку, ничего не понимая. Посмотрел на часы, время было только девять утра. Во рту у него всё пересохло от волнения. - Может, это яйцо хочет перечислить мне все катастрофы, которые произойдут сегодня в мире?"

Он вспомнил, как по телевизору недавно показывали страшную авиакатастрофу. Быстро набрал на гравицапе дату этого крушения. Яйцо заставило Сашу мысленно увидеть картину аварии. Перламутровая жемчужина вещала о том, как 18 мая самолет Boeing 737 компании Global Air разбился при вылете из аэропорта Гаваны. На борту лайнера находились сто тринадцать человек, все погибли.

Саша не мог поверить в такое чудо. Ещё и ещё раз открывал он стенки гравицапы, заглядывал в завтрашний день, потом в послезавтрашний. Набрал дату через два дня на третий, гравицапа уже не открывалась. Он набирал даты из прошлого, но железяка открывалась только при наборе кода с датой текущего года.

"Ага, значит, она может заглядывать в будущее! Жаль только, что всего на два дня, - вернулась к нему способность соображать. - Господи Боже! Это что же получается? Наша жизнь уже кем-то запланирована?! Но этого же не может быть. Но вот же, факт налицо, - он ещё несколько раз набирал даты и время, и ему снова мысленно представлялись картинки из будущего. - А ну-ка, покажи, где сейчас находятся мои родители? - впервые задал он

мысленно специальный вопрос жемчужине и сразу также мысленно увидел брата с матерью, выходящих из леса с полными корзинами грибов. За ними, прихрамывая, опираясь на палку, плёлся отец. - Вот это фокус! Ну, спасибо! Возвращаются уже. Значит, скоро дома будут. А ещё чего-нибудь можешь показать? Где, например, можно здесь неподалёку клад какой-нибудь откопать?" - спросил он наобум, без всякой надежды.

Гравицапа показала карту местности, где в пятнадцати километрах от их дома на берегу речки Красногорки остался полуразрушенный кирпичный фундамент от старой церкви. Раньше здесь стояло село Мокрушино. При закладке на каждом углу бывшей церкви прихожане бросали под фундамент монеты. На карте был даже нарисован чёткий план, на котором стрелочками было указано, где нужно копать.

Только успел он выключить гравицапу и спрятать свои зарисовки на бумаге, как к дому подошли грибники.

- Ба-а! Сколько вы грибов-то набрали?! Всего-то за два часа, - сыграл он на лице удивлённую восторженность.

- Всего полчаса собирали, остальное время на ходьбу ушло, - хвастался отец. - Зря с нами не пошёл, мы грибные места знаем. Я токма одне белые да подосиновики брал.

- А гадюк сколько - ужас! - продолжил рассказ Володя. - Батя двух убил, и я одну прутом заporол.

- И я пару видела, но убивать не стала. Пусть живут, оне тожа твари Божьи.

- Фу-у, а жарыща-то! В лесу духота, рубаху хоть выжимай. Ну, а ты как, разобрался со своей железякой? - кряхтя, снимая резиновые сапоги, спросил отец.

- Не-а, ни в какую не поддаётся гравицапа эдакая. Но ты её, пап, всё равно храни. Может быть, я когда-нибудь и разберусь с ней. Если не я, так Володя или наши дети.

- Ну, дык и забери её себе. Мне-то она зачем? - предложил отец.

- А самогонку тогда чем очищать будешь?

- Ну дык я её токма для вас с Вовкой и выгнал. Из меня таперечи какой пивец? Рюмку выпью, и сразу в сон клонит, - улыбался отец, лукаво подмигивая матери. - Я своё море спирта давно выпил.

Мать нажарила картошки с грибами, позвала всех за стол, выставила литровую бутылку самогона. Вовка сразу схватился за неё.

- погоди, Володь! Давай лучше вечером выпьем, - предложил младший. - Хочу попросить тебя отвезти нас с отцом в одно место. Если честно, я специально для этого и приехал. Пап, ты знаешь, где тут раньше село Мокрушино стояло? Рядом где-то, километров пятнадцать отсюда, на берегу Красногорки?

- Чё-то слышал, не помню. А чё тама тако?

- Да я у себя в Москве в архивах библиотеки однажды копался и случайно наткнулся на план этого села. Там ещё при Екатерине Второй, в 1786 году церковь построили. Где-то раньше читал, что в те времена существовал обычай - все прихожане бросали деньги в углы фундамента будущего хра-

ма при закладке. Вот, а спустя столетие, ещё задолго до революции, каждый год по весне это село затапливало разливом реки, жители вынуждены были уезжать в другие места. С годами село полностью умерло. Брошенные дома, которые люди из соседних деревень не растащили по брёвнышкам и досочкам, давно сгнили, сравнялись с землёй. От деревянной церкви остался один полуразрушенный кирпичный фундамент. Может, съездим, посмотрим, что там вообще осталось, а?

- Чё, прямо сейчас ехать хочешь, что ли? - недовольно спросил брат. - Мы ведь устали, сколько километров на ногах накрутили. Давай хоть пару часиков отдохнём.

- Да чего тут ехать-то, рядом совсем. Ну, разреши тогда мне твою машину взять...

- А вот и останки этой церкви. Не хочешь ли, Володь, миллионером стать? - хитро улыбался младший брат. - Здесь зарыт настоящий клад, даже не знаю, на сколько миллионов. Село было крупное, несколько мануфактур работало. Нам бы лишние деньжата не помешали. А? Чего думаете?

- Дык по закону надоть сперва разрешение владельца этой земли получить. К тому же, двадцать пять процентов получает тот, кто нашёл, и стока же будет иметь хозяин земли, а остальное всё государству отходит.

- Погоди, а ты уверен, что здесь на самом деле чё-то есть? Может, это совсем не то место, о котором ты в своей библиотеке надывал, - оглядывая фронт работы, неодобрительно отозвался старший брат.

- Нет, не уверен. Вот давай и проверим. Тебе что, лень метр земли откопать? Ты, наверное, за баранкой своей Волжанки за пару-тройку часов сможешь больше заработать, - с некоторой ехидцей поддел брата Саня. - А кто может быть владельцем этой земли, бать?

- Дык в район надь ехать, тама у них, в местном правительстве спрашивать.

- Нехрен ни у кого спрашивать, - взял своё слово Володя. - Ночью сюда приедем, клад откопаем, следы заметём - и никто ничего никогда не узнает. Пока будем бегать да разрешения всякие спрашивать, здесь успеют всё без нас выкопать. Тем более, по закону нам за самовольное выкапывание клада никакого уголовного наказания всё равно не будет. Могут только отнять всё, что нарыли.

- Ну? И чего тады ночи дожидаса? Здеся в округе на десять вёрст вокруг ни единой души нету...

До вечера успели откопать два угла. Земля попалась мягкая, камней мало. Откопали семьдесят четыре монеты, из них четыре петровских золотых червонца, восемь пятирублёвок, тоже золотых, серебра около двух десятков, а остальное медью. Ямы закопали обратно, землю хорошенько разровняли и утрамбовали...

- Это только половина, и в двух других углах примерно по столько же будет, - подводили некоторые итоги кладокопатели, сидя за столом на кухне.

- Ну, за такой успех не грех и рюмашку пропустить, - улыбался отец. -

Куды бы тока теперя сбыть всё это богасьво, вот в чём заковыка.

- Никакой заковыки, - закусив солёной капусткой, уверенно ответил Володя. - Торопиться не будем. Пятак червонцев можно и у нас в городе махом продать. Если в Москве такой червонец примерно полтора ляма стоит, то здесь за один лимон с руками-ногами возьмут. Нам деньги прямо сейчас нужны. Хоть сколько-то, а то у меня отгулы завтра кончатся, за свой счёт гулять не дадут. Придётся увольняться, наверное, а жить на что-то надо.

- А я вот что думаю, - заговорил Саня, внимательно выслушав старших. - Деньги, конечно, нужны прямо сейчас. Нам прежде всего нужно как можно быстрее выкопать полностью весь клад и замести следы. Потом я предлагаю тебе, Володя, на проданные несколько золотых червонцев купить в нашей деревне дом с участком. Не знаешь, мам, никто здесь дом не продаёт?

- Дык полно. У нас многие в город перебираюца. Вона Жибаревы младшие в конце нашей улице продают. Сами в городе квартиру в ипотеку взяли. Дом хороший, со двором, баня в огороде. Полтора мильёна просят, - сообщила мать. - А зачем Вовке дом-то покупать? Пусть у нас живёт, места всем хватит.

- Нам нужно официально застолбить этот клад, - продолжал объяснять своё предложение Александр. - Закопаем все найденные монеты в огороде его купленного дома, а весной, при перекопке, Вовка, будто бы случайно, найдёт при свидетелях большой клад. Повезло, дескать, брательнику, счастье привалило. Пятьдесят процентов стоимости клада, конечно, уйдёт государству, но нам и остального вполне хватит. Зато никто у нас этот клад уже не отнимет и бегать продавать по одной монетке нужды не будет.

- Ну уж нет! Извините, я делиться с государством не хочу, - запротестовал сразу старший брат. - С какой стати? Это ж какие деньжищи терять, с ума сойти!

- погоди, подумай сначала! Санька дело говорит. А если при продаже золота тебя за руку схватят? Ладно, если просто всё отберут, а могут и посадить, - рассудил отец. - Мы вона, с матерью вдвоём на двадцать две тыщи в месяц живём - и ничего, с голоду не пухнем. Куды тебе стока денег, солить, что ли?

- Не понимаете вы ничего, - подумав немного, махнул на всех рукой старший сын. - Это же совсем другая перспектива, новая жизнь начнётся. Думаете, мне охота всю жизнь баранку крутить, перебиваясь с гроша на копейку? Будут деньги, смогу тоже на кого-нибудь выучиться. И в мои двадцать девять ещё не поздно. Только везде и всюду учёба платной стала, а где денег взять?

- Ладно! Вы простите меня, пожалуйста, - заговорил вдруг Александр совсем другим тоном, наливая всем в рюмки. - Хотел сначала сам всё обдумать, полностью исследовать, разобраться во всём. Давайте выпьем за нашего прадеда, Тихона Васильевича, царство ему небесное. На этот клад мне указала та самая гравицапа - железяка, которую он с Первой мировой привёз. Открыл я её сегодня.

Все посмотрели на Сашу, как на инопланетянина.

- Как? Я целый месяц её в прошлом году из рук не выпускал, - удивился Вовка.

- Дык и я за жисть-то раз двести к ней приступалась, - сообщила мать. - И чё, как она открываца-та?

- Пока я не так много узнал о ней, но вам обязательно нужно знать главное - она действительно какая-то волшебная. В волшебство никогда не верил, всегда считал, что любые чудеса можно как-то объяснить наукой, но здесь я в полном ступоре, ничего понять не могу. Может быть, эта штукавина попала к нам ещё с прошлой эры, до рождения Христа. Ясно пока только одно - эта гравицапа имеет чисто земное происхождение и создана людьми, цивилизация которых была не менее развита, чем наша. Во-первых, сам материал. Это всё же металл, потому что поверхность у неё холодная, да и сама штукавина по весу весьма тяжёленькая. А главное, ток проводит, специально проверял. Но что это за металл? Сегодня такого ни в природе, ни в искусственно созданном виде нигде нет. Очень прочный, не магнитит, ни электро, ни газовая сварка его не берёт, алмазным диском не пилится. Во-вторых, чем питается? Допустим, на открывание срабатывает какая-то пружина, а дальше уже нужен какой-то источник энергии - батарейка, аккумулятор или ещё чего. Но как эти источники могут работать так долго?

Вот смотрите! Видите, на её поверхности есть пупырышки и ямки, которые я условно принял за единицы и ноли. Открывается набором кода по двоичной системе счисления, а для этого нужно всего лишь набрать год. Для точности можно добавить ещё месяц, число и время. Тогда гравицапа, я уже так её прозвал, раскрывается, и четыре стенки её опускаются вниз, словно лепестки цветка, а в центре начинает светиться перламутровым цветом что-то похожее на крупную жемчужину.

Александр подробно рассказал о своих экспериментах. Родственники тихо и внимательно слушали, глядя на гравицапу, будто впервые её увидели.

- ... Что самое удивительное, она может показать любое событие, происходящее на Земле в любой точке и в любое точное время в настоящем и будущем, но не дальше, чем на двое суток вперёд в текущем году. То есть, мы можем узнать, что, где и когда произойдёт то или иное событие, начиная от сегодня и до послезавтра. Вот такие чудеса! До сих пор поверить не могу. Когда разобрался, как она открывается, поэкспериментировал с датами, а потом попросил показать, где вы находитесь. И представляете - показала. Вы как раз из леса выходили, напротив старой лесопилки. Мама с Вовкой впереди, а батя с палкой сзади хромал. У тебя что, пап, нога болит?

- Да! Коленкой о дерево зашиб, кады за второй гадюкой погнался. Да сейчас уже ничего, зажило. Ну, а как ты про клад-то узнал?

- Просто спросил первое, что на ум пришло. Не может ли она показать, где поблизости можно какой-нибудь клад откопать.

- Ох, ну и гомнюк же ты, братец! Заставил нас землю копать, - заворчал сразу Володя. - Не мог, что ли, чего-нибудь полегче у неё спросить?

- А ты что, сильно переломился, что ли? Да на тебе ещё пахать и пахать можно. А как насчёт того, что ты сегодня миллионером стал? Говорю же, я только начал изучать её возможности. Вы уже к дому подходили, а у меня

ничего лучшего на ум не пришло. Ну предложи что-то лучше, раз ты такой умный.

- Ладно вам ссорица, - вступился сразу отец. - Ещё чего не хватало? Вы же братья родные.

- Ладно, Санёк, извиняй! И спасибо тебе огромное, что в долю взял. Мне деньги сейчас во как нужны.

- Добро! А сейчас давайте я научу вас ей пользоваться. Будем вместе думать, как её лучше использовать.

- Ой, давай лучше завтра с утра. Устал, как собака, после этой копки. Давайте лучше ещё выпьем, да я спать завалюсь...

- ... Из этого можно сделать только один вывод - нами кто-то управляет! - сидя за столом на кухне, рассуждал вслух Александр. - Жизнь каждого человека кем-то уже запрограммирована. Чем иначе объяснить, что с помощью этой вещицы мы можем заглядывать в будущее? Пусть хоть и на два дня всего. Если есть само будущее, если мы можем ещё и понаблюдать за событиями, проходящими в нём, то от нас самих уже ничего не зависит. Хочешь - не хочешь, а у каждого судьба уже кем-то предрешена - ничего не изменить, как ни пытайся. Но почему можно заглядывать в будущее только на два дня? Вам не кажется это странным?

- Чё ты тут расфилософствовался? Тоже мне, ещё один Мендельштамп выискался, - поднялся из-за стола старший брат. - Лучше подумай, куда золотые монеты сбывать будем. Ладно, пошёл я спать. Утро вечера мудренее...

На следующий день с утра Володя отвёз отца с Сашей в бывшее село Мокрушино, продолжать копать клад, а сам, взяв для образца один золотой червонец, поехал в город, чтобы разведать, где эти червонцы можно продать. Уже к обеду Саша с отцом откопали полностью весь клад и закопали ямы. Володя приехал, когда они уже утрамбовывали землю.

- Ну чё? Как у вас тут дела? Много накопили? А я договорился на послезавтра сразу с двумя клиентами, с обоими по миллиону двести за штуку, - радовался Вовка, чуть не танцуя. - Ну дела! И всё благодаря тебе, Санёк!

- Не мне, а прадеду нашему. Это только первая проба. С этой гравицапой мы теперь такие дела сможем проворачивать, у меня даже фантазии не хватает. На вот тебе, держи ещё мешок с миллионами. Здесь тоже больше полусотни монет, одних петровский червонцев шесть штук.

- Охренеть! Поехали домой скорей, напьюсь сейчас с радости. Надо же, ещё позавчера утром не знал, на что ботинки купить...

До ужина по несколько раз пересчитывали, сколько всего у них золотых червонцев и пятирублёвок, сколько серебряных рублей и полтинников, медных пятиалтынников. Всё пересчитали, вплоть до полушки. После ужина Александр сел учить родственников пользоваться гравицапой. Долго по несколько раз объяснял двоичную систему счёта, но никто её толком так и не понял. Вовка с отцом уже порядочно захмелели, а мать вникать даже не со-

биралась.

- Нахрена нам твоя арифметика? Ты смог эту железяку открыть, вот ты и будешь из неё пользу для всех нас вытаскивать, - пришли они к единому общему мнению.

Даже открыв гравипапу, направляя луч в окно, никто из них не мог ничего мысленно увидеть ни в настоящем, ни в будущем.

- Ну, как же вы не видите? Надо всего лишь внимательно, не отрывая взгляда смотреть на жемчужину и мысленно задавать ей нужные вопросы, - в двадцатый раз объяснял всем Александр. - Если оторвёте взгляд на десять секунд, штуковина закроется. Во сколько ты послезавтра с первым клиентом встречаешься? Сейчас посмотрим, как у тебя там всё гладко пройдёт.

Саня набрал дату и время, гравипапа открылась, и все снова уставились на жемчужину...

- Ну что, видели чего-нибудь? - с надеждой спросил Александр.

- Да нихрена не работают эта твоя гравипапа, - возмутился отец. - У меня ажно башка разболелась от напрягу. Все мозги себе сломал, а ничё так и не увидел.

- Вот и я тоже, - подтвердил Володя. - Как это у тебя получается чего-то видеть? Ну и чего она тебе показала?

- Странно! И напрягаться совсем не надо, просто смотри на яйцо, да и всё. Короче, с первым клиентом не встречайся ни в коем случае - обманет. Их там на встречу трое придёт. Вот тот косматый с бородкой покажет тебе деньги в барсетке, ты отдашь ему четыре червонца, а он сразу убежит. Ты дёрнешься догонять, а эти двое тебя свалят с ног и тоже разбегутся. Ни денег, ни червонцев - вот так-то! Давай теперь на встречу со вторым посмотрим...

- Ну как? Опять ничего не увидели? Ну вот этот твой толстый клиент с усами - совсем другое дело, честным окажется. Можешь смело с ним встречаться. Он предложит и дальнейшее сотрудничество, только ты ему ничего не обещаешь, ладно? Лучше вообще не рассказывай про наш клад. Скажешь, мол, от деда в наследство вот только эти шесть штук остались.

- Чё ты меня учишь? Я что по-твоему, совсем идиот? - обиделся брат...

Через два дня, ближе к вечеру, Володя приехал с деньгами.

- Ну всё, давайте делить теперь, - вытащил он из сумки пачки новеньких хрустящих банкнот. - Каждому получается по два ляма четыреста. Думаю, никто не в обиде.

- Куды стока? Нам с матерью и половину мильёна до конца жизни хватит, - замахал на него руками отец. - Пару молодых поросят к весне купим да с десятков цыплят. Ну, рази холодильник ишо новый, а то этот только тарахтит, как трактор, а не морозит. Себе берите, вы молодые, вам нужнее.

- Мне тоже столько не нужно, - возразил Александр. - Одного лимона за глаза хватит. Себе бери, Володь! Тебе ещё дом покупать у Жибаревых, ремонт там, мебель и прочее. Жену с дочкой сюда пропишешь, купишь себе какую-нибудь жёлтенькую "Рено", возьмёшь лицензию и будешь заниматься частным извозом. Свобода - нечего на какого-то дядю на убитой "Волге"

горбатиться. Глядишь, и у родителей всегда надёжный помощник под боком будет. А с этой гравицапой мы ещё ого-го сколько кладов откопаем, дай институт закончить. Только давайте договоримся о нашей волшебной железяке никому не рассказывать. Пусть это до поры до времени будет тайной только между нами четверыми...

Через два дня Александр уехал в Москву. Родственники настояли, чтобы он забрал гравицапу с собой.

- Ты один умеешь ей пользоваться, вот и забирай. Экспериментировать, разбирайся, изучай, а потом и нам всё расскажешь, - настояли они единодушно.

"Деньги, деньги, деньги! Кругом и всюду одни деньги. Кажется, весь мир окончательно сошёл с ума, никто уже ни о чём другом думать не может" - негодовал Александр поздним вечером, лёжа на диване в своей трёхкомнатной квартире на Соколе, которую купил этой весной.

Учёбу почти совсем забросил, большую часть времени посвящал спекуляциям на Московской бирже. По возвращении из деревни, уволился с работы и сразу записался на платные курсы трейдеров. Занимался и акциями, и валютой, и всем, чем только можно было спекулировать. Надобность в изучении рынка отпадала. С помощью гравицапы, заглядывая в завтрашний день, он в первый же месяц заработал огромные деньги. Вошёл в азарт, заболел этим делом так, что порой забывал про сон, прогуливал занятия в институте. Вскоре стал играть уже и на всемирно известных, на NYSE, NASDAQ, Токийской, Лондонской и Шанхайской фондовых биржах. Деньги текли рекой, он их даже не считал. Практически не расставался со своей гравицапой. Она стала уже его вторым Я, мог разговаривать с ней на полном серьёзе, как с родным человеком. Направлял луч в окно - для других людей, находящихся в полутора метрах от гравицапы, этот луч был невидим - задавал ей самые разные вопросы.

"А кто тебя создал? А как ты устроена? А почему ты можешь заглядывать в будущее только на два дня?"

Но на такие вопросы гравицапа ответов ему не давала, сразу закрывала свой панцирь. Александр уже давно понял, что общаться мысленными представлениями с ней может только тот, кто её открыл. "Вот, оказывается, почему ни Володя, ни батя с матерью не могли ничего увидеть".

Во время игр на биржах, гравицапа, словно лучший друг, сама начала давать ему советы, что и когда покупать, а что продавать, предлагая самые выгодные варианты, имеющиеся на данный момент...

Как-то осенью после зачёта он пришёл домой весь разбитый. Аппетит пропал, лёг спать, даже не поужинав. Но уснуть не получалось, его лихорадило и мандражировало так, что он даже испугался.

"Господи, как бы концы не откинуть. Чё это со мной? Заразу какую-то подхватил, что ли?"

Померил температуру и удивился - к тридцати девяти подскочила.

"Первый час ночи. Скорую, разве, вызвать или уж промучиться как-нибудь?"

Он уже и о спекуляциях на биржах забыл, двое суток в свои шесть ноутбуков не заглядывал. Вспомнил о гравицапе, кое-как встал, открыл её, боясь прогореть на биржах, и успокоившись, что всё у него там нормально, задал ей вопрос, даже не надеясь получить ответ. "Не знаешь, чего у меня?" Та тут же ответила: "Грипп подхватил. Смотри на меня две минуты внимательно, не моргая. Начинаю процесс исцеления!"

Саша смотрел на светящуюся жемчужину, словно заколдованный. Через пару минут резко почувствовал облегчение, а вскоре болезнь полностью улетучилась, как и не бывало. И мысли о смерти прекратились, и сразу понял, что такое настоящее счастье. Заснул с гравицапой на груди. Проснувшись утром, сразу открыл и слегка коснулся жемчужины губами, вроде как, поцеловал. Уж очень ему хотелось хоть как-то выразить благодарность за своё исцеление. Сразу мысленно увидел образ улыбающейся мамы. Только она, самая родная в мире женщина, могла так по доброму ласково улыбаться. Жемчужина показалась ему живой, словно имела биологическое начало. Даже температура в тот момент у неё была, как у человека. Как потом выяснилось, она могла исцелять и других людей. Для этого нужно было всего лишь смотреть на жемчужину и думать о больном, представляя его образ...

"Нет, она явно земного происхождения, это баз всякого сомнения, - рассуждал Александр перед сном. - Как же действует её система исцеления, интересно? Эффект плацебо, может быть? Я слепо верю, что гравицапа меня вылечит, происходит внушение моему сознанию или подсознанию. Моя иммунная система, полностью подчиняясь мозгу, начинает активно бороться с инфекцией и сразу побеждает болезнь. Может быть, может быть! А как она черпает информацию из космоса? Откуда там вообще взяться информации? Луч - это антенна для связи. Для связи с кем?"

Где-то раньше он слышал гипотезу о существовании вселенского разума. Это что-то вроде скопления и хранения мыслей и знаний всех разумных существ, как умерших, так и ныне живущих на всех обитаемых планетах, на волну которых можно мысленно настроиться и черпать оттуда нужную информацию.

"Предсказание будущего, особенного такого близкого, всего за двое суток, можно теоретически представить, как единственно правильный вывод после тщательнейших наблюдений и глубочайших анализов за какими-либо процессами и событиями, - пытался он хоть как-то объяснить сам процесс этого волшебства исключительно самому себе. - Элементарный пример - любой взрослый человек, живущий в северном полушарии, путём простейших наблюдений и анализов способен сделать вывод, что летом будет тепло, а зимой холодно. Едет поезд, например. Зная точное время отправления, прикинув время в пути, любой может элементарно предвидеть будущее, вычислив время прибытия поезда. Допустим, что вдруг произойдёт крушение этого поезда. Как это узнать? Может быть, вселенский разум как раз имеет информацию, что где-то на пути у железного полотна дороги есть какой-то дефект,

и в определённый момент времени в будущем этот рельс сможет выдержать нагрузку только первых двух вагонов, а потом произойдёт неизбежное крушение поезда. Вот почему всегда находятся люди, в последний момент отказавшиеся от поездки на каком-либо транспорте, с которым обязательно произойдёт несчастный случай? Как они могут предчувствовать эту беду? Может быть, их подсознание как-то самопроизвольно настраивается в резонанс с космическим разумом? - никак не мог заснуть Саша, ворочаясь с боку на бок, развивая различные предположения и догадки, - Помню, в этой гипотезе ещё утверждалось, будто все научные открытия были сделаны учёными именно благодаря их способности настраиваться на нужную волну космического разума. Так, например, Менделеев, постоянно думая о своей таблице, однажды уснул, а проснувшись, сразу записал в неё все недостающие элементы. Просто настроился на нужную волну - и всё. Может, это и есть подтверждение такой гипотезы? Всё может быть! Ох, даже думать о таких вещах страшно".

Тем не менее он всё чаще стал задумываться над такими вопросами.

"Двоичную систему счисления придумали ещё до нашей эры, но чисто для теории. Только сравнительно недавно при стремительном развитии цифровой техники она стала незаменимой практически. Сколько времени гравицапа пролежала в том музее, пока её не выкрал оттуда мой прадед в 1916 году? Даже неизвестно, открывал ли её вообще кто-либо из людей нашей цивилизации, кроме деда, да и то по чистой случайности. Хозяину этой диковины предоставляется всего два дня, чтобы заглянуть в будущее. Увидев там ошибочный путь, ему даётся возможность за это время успеть вернуться в исходную точку, чтобы всё исправить. Она предупреждает о всех трагических случаях на Земле, которые могут случиться в ближайшее время. Мол, на тебе, хозяин, информацию, и торопись, ведь для устранения катастрофы у тебя осталось всего два дня. Вполне может быть, что такие гравицапы были у каждого человека из той далёкой цивилизации. Какой же я дурак, побежал сразу деньги делать. Набивал ими свой кошелёк, вместо того, чтобы предупреждать людей о грядущей опасности"...

После отъезда из деревни, Александру в Москву стал часто названивать брат Володя.

- Как ты там? Денег не надо? А то приезжай, я продал кое-чего, приличная сумма получилась, - позвонил он как-то в середине осени.

- Заткнись! - грубо оборвал его младший брат. - У тебя башка-то есть на плечах? Такие вопросы не по телефону. Не надо мне ничего, забирай всё себе.

- Чё разорался-то сразу, бешеный? Приезжай к нам на Новогодние праздники! Мы с Тamarой решили расписаться, приглашаем на свадьбу.

- Вот это радостная весть. Спасибо, обязательно приеду! Как там мама с папой живы, здоровы?

- Нормально! Батя, правда, сильно захворал, второй день с постели не встаёт. Простудился, видать, но держится молодцом. Моя Тamarка его прямо на дому лечит, она же фельдшер у меня.

Вспомнив своё счастливое исцеление, Саша сразу бросился к гравицапе.

- Вовка, ты сейчас дома? Хочешь фокус? Не успеешь до бати добежать, как он полностью выздоровеет. Передавай ему привет от той безделушки, что ему досталась в наследство от деда Тихона...

Как и обещал, Александр приехал к родителям на праздники после зимней сессии. К этому времени его старший брат, Володя, всей семьёй уже полностью перебрался в собственный дом. Седьмого января они с Тamarой официально расписались, так как до этого жили гражданским браком. Володя удочерил пятилетнюю Надюшку. Сыграли небольшую свадьбу, на которую приехали только мать и младшая сестра Тамары - Ольга, студентка пятого курса мединститута. Владимир только на свадьбе впервые увидел и познакомился со своей тётшей. Между Александром и Ольгой сразу успели зародиться некоторые чувства, которые заметили все родственники. После отъезда сына, у Сашиных родителей появился повод для мечтаний о будущих внуках...

"Деньги, деньги, деньги! Как же это всё надоело, - ворочался он, лёжа на диване, постоянно задумываясь о будущем. - Всё, хватит с меня! Не для такого же пустяка досталось мне это волшебное чудо".

Порвав окончательно со всеми биржами, у него насчиталась огромнейшая сумма, как в рублях, так и в долларах, евро и прочей валюте.

"Хотя, а чего тут удивляться? Любой на моём месте сразу бы одурел от радости и бросился за добычей денег. Оно и понятно, срабатывает инстинкт самосохранения, не позволяющий упустить возможность обеспечить себе и своему потомству будущее с условиями наибольшего благоприятствования. А дальше-то что? Не солить же мне в самом деле эти деньги, как батя выражается. Возможности гравицапы я уже, наверное, все изучил. Но что я могу? Мир даже с этой волшебной палочкой не переделаешь. Закон жизни - естественный отбор в природе отменить невозможно. Всегда будет выживать сильный и погибать слабый. Как, впрочем, и природный закон борьбы и единства противоположностей - добро будет всегда рядом со злом. При этом у каждого была, есть и будет своя судьба, предначертанная свыше, и никуда от этого не денешься. "На каждого Пушкина всегда найдётся свой Дантес", - как сказал кто-то из писателей. Да, но хоть сколько-то судьбоносных трагедий я смогу предотвратить. Или, по крайней мере, отсрочить..."

Рассовав все деньги по ячейкам в разных банках, он сел в свою новенькую "Инфинити" и поехал к родителям, прихватив самое главное своё богатство - волшебную гравицапу.

- Вот, Саня, твоя последняя доля от продажи нашего клада - ровно восемь лямов! - с довольной физиономией сунул Володя брату увесистый пакет в руки. - И ничего закапывать в огороде не потребовалось, всё под чистую распродал. Выдумал, тоже мне, государству половину отдавать!

- Не нужно мне, Володь, себе оставь! Забери, говорю! Достало всё, видеть уже не хочу никаких денег. Бать, а пойдёте завтра с утра в лес за грибами, а?

- Каки щас грибы, что ты? Через месяц, не раньше. Совсем в своей Москве нюх потерял, что ли? Вот на рыбалку погём. Готовьтесь тады, я вас обоих на рассвете разбужу. Куды пойдём, на Волгу аль на озеро?

- Извините, но без меня. Мне завтра с утра Ольгу встречать, она на летний отдых к нам приезжает. Получает аккредитацию и осенью собирается поступать в ординатуру, - сообщил старший сын. - Вот чокнутая - век живи, век учись, а всё равно душой помрёт!

- Оля? - удивился Саша такой новости. - Слушай, а давай я её встречу. А вы с батей вдвоём на рыбалку рванёте, а?..

В конце лета состоялась грандиозная свадьба - гуляла вся деревня. Накануне Александр пригнал сюда три фуры с грузом молодых поросят, коз, гусят, утят, цыплят, комбикормом и прочим добром. Каждая семья деревни, в которой насчитывалось почти сотня дворов, получила в подарок от молодожёнов хороший приплод домашнего скота.

Уже через год в деревню стали приезжать люди целыми толпами со всех краёв и областей. Деревня расширилась до села. На деньги неизвестных спонсоров была построена каменная церковь, заработала частная животноводческая ферма и птицефабрика. Слухи уже докатились до зарубежья. Оказывается, здесь объявилась молодая ясновидящая Ольга - новая вторая Ванга, имеющая способность не только полностью исцелять больных, но и предсказывать двухдневное будущее, предупреждать о возможных катастрофах, бедствиях, всевозможных несчастных случаях и даже сообщать людям, как их можно избежать. За день вылечивала около сорока больных, кроме нуждающихся в хирургии. Причём делала это абсолютно бесплатно. (Хотя муж её старшей сестры, назначенный администратором этого благотворительного дома, оказывается, втихаря всё-таки брал небольшую мзду с каждого очередника)...

- Санёк, не хошь ли завре со мной по грибы сходить? - обратился как-то отец к младшему сыну. - Аль тебя жинка не пущат?

- Что это? Она уже давно без моей помощи колдует. Рад бы, но завтра не смогу, - счастливо улыбаясь, ответил Александр. - Она у меня вот-вот рожать начнёт, дома две акушерки уже наготове сидят. Готовься, батя, скоро внук у тебя будет - колдуниска маленький.

© Николай Виноградов, 2021

ВИКТОР КНЕЙБ
г. Шпайер, Германия

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

Продолжение. Начало в номере 5-6

Глава 1.6 «Амина»

Прошло ещё десять лет, Амина выросла и стала сильной и самостоятельной девушкой. Таких как она, в селении уже было более десятка человек. Помимо основной воинской службы, у них были и другие, чисто гражданские обязанности, связанные с тяжёлой физической работой. Ну и конечно же, самым любимым для них занятием была охота. Но к этому делу они относились уже совершенно по-другому и действовали здесь несколько иные законы.

У охотников имелся свой, жёсткий моральный кодекс чести.

Нельзя было убивать молодых и беременных зверей, это считалось большим грехом и знаком слабости и малодушия. То есть, они охраняли не только своё племя в этом лесу, но и всю живность, давая тем самым последним достичь зрелого возраста и произвести потомство.

В племени произошли значительные перемены. С каждым днём рос и укреплялся авторитет женщины. Да и как этому не быть, если основную часть взрослого населения составляли только они. Ну а та, небольшая часть мужчин, быстро смирилась с этим и была весьма довольна своим положением. Уж слишком много дел было у них. Да и какой резон что-либо менять в этих отношениях. Оно так бы и оставалось на долгие годы. Но тут, как говорится, природа стремится к равновесию, и то что было у одних женщин, очень часто хотелось иметь и другим. Начались интриги, а злые сплетни довели до того, что часть мужчин не выдержала и сбежала, а другая... А другой почти не осталось. Это ещё больше подорвало репутацию мужчин и мнения женщин о них стало постепенно приобретать негативный характер. Их стали обвинять

во всех бедах и неудачах. Имя мужчины стало именем нарицательным. Ну, ладно там взрослые, но от этого страдали и дети.

Рождение мальчика стали считать проклятием на всю семью. Но не убивать же младенцев, и поэтому уже чуть позже, дабы хоть как-то уберечь мужской пол от окончательного истребления, более догадливые матери стали одевать малышей в девичьи наряды.

Все мужские обязанности отныне полностью легли на хрупкие плечи женщин. И в первую очередь это касалось охоты и охраны владений. Ну а тех мужчин, которые остались, стали охранять ещё строже и без особой надобности не отпускать их слишком далеко от дома.

А жизнь продолжалась и требовала своё.

Близлежащие поселения, по-прежнему, страдали от набегов как своих так и чужих. Если первые только забирали всех способных держать оружие, то последние просто убивали их, как потенциальных врагов или угоняли их в рабство, как очень дешёвую, но весьма эффективную рабочую силу.

И только их долину, «Долину злых духов», все по-прежнему обходили стороной. А там налаживалась своя жизнь. Попасть на эту поляну можно было либо с моря, либо пробираясь по одиночке по крутым и опасным тропам и глухим лесным зарослям. Это делало многочисленные отряды захватчиков беспомощными и легко уязвимыми, что позволяло храбрым «Хаунчам» без особых потерь уничтожать непрошенных гостей. Да и тех, кто пытался пробраться к этому месту со стороны моря, ждала та же участь, но не сразу, а немного позже, лишь стоило им только сделать несколько шагов по лесу.

Но всё это пришло потом, намного позже. А в начале они просто прятались. Ведь было их всего несколько женщин и детей. О мужчинах тогда и вообще речи быть не могло.

Но духи были милостливы и с нею всегда был рядом он - её Рамон. И ещё их дочь Амина – их радость и гордость. Она была очень смыслёной девочкой и каждый день радовала их своей силой, смекалкой и выносливостью.

А время, ох уж это время... Как быстро прошли те дни её детства. Она, как и её мама, стала лидером в группе молодых девушек. Да и по силе не было среди них ей равных. Прошло ещё немного времени и уже в её облике стали проявляться первые черты женщины. Но в своём характере, как она сама полагала, была и останется на веки «Хаунчей».

Однажды в их селении появился раненый, но довольно-таки молодой и красивый парень из долины. Добивать его не стали, а просто притащили, как военный трофей, в свой лагерь. Старейшины поначалу возмутились, но, немного подумав, решили оставить его в живых при одном условии, что при малейшей попытке к бегству он будет убит. Поняв всё это, он смирился и успел даже влюбиться в одну из молодых красавиц. А спустя ещё некоторое время у них появился ребёнок и они обратились в совет старейшин с просьбой признать их как мужа и жену.

Совет старейшин, в который входили самых мудрые и опытные в боевых искусствах женщины, решил принять их предложение, и признать их му-

жем и женой, но при этом с одной весьма существенной поправкой к старым правилам: «Муж является личной собственностью жены, и при первом же признаке неповиновения её воле, она имеет полное право лишить его жизни». Все остальные заповеди семейной жизни, оставались прежними.

Это событие отметили небольшим празднеством. При появлении первой звезды на небе, развели небольшой костёр, на углях которого потом жарили мясо и рыбу. Впервые в их племени в этот день все могли есть столько, сколько позволяли их не сильно избалованные пищей желудки. Для совсем молодых это был действительно праздник, а для девушек постарше только повод для зависти. Но дисциплина прежде всего и ничего ты тут не поделаешь. А чуть позже, на окраине посёлка, новоиспечённым молодожёнам, построили небольшой домик.

Всё это ещё в большей степени распалило недовольство среди молодых девушек. Хотя, если присмотреться к этому событию повнимательнее, то тут следует добавить и ещё одну немаловажную деталь - молодая женщина получившая в этот день мужа, была дочкой старейшины рода и идти против этой, ещё достаточно сильной физически и властной по натуре, женщины никто не решился. Но почти каждая решила для себя, что при первой же возможности, тоже пойдёт на подобное отступление от бессердечного закона общины: «Никаких чужаков-мужчин, иначе смерть».

В поселении воцарилась весьма напряжённая обстановка. В воздухе запахло скандалом, который не долго заставил себя ждать. Спустя месяц, двое совсем недавно посвящённых «Хаунчей» приволокли ещё одного слегка подраненного молодого человека. Но к своему несчастью, так и не смогли договориться о том, кому будет принадлежать добыча. Кончилось это самой обыкновенной дракой, до первой крови. Чтобы привести к более благополучному исходу этот спор, совет старейшин постановил убить пленника и привести в исполнение этот приговор должны были сами же виновницы этого скандала.

Зрелище было жутким и не каждый смог досмотреть его до конца. Это было ужасно, вначале его привязанного к столбу избивали плётками, а потом с остервенением изрубили на мелкие кусочки. Женщины настолько обезумели от своих действий, что уже и сами не воспринимали реально свои поступки. Им казалось, что они убивают не пленника, а свою первую так и не состоявшуюся любовь. И в то же время они мстили друг дружке за то, что другая так и не решила уступить ей их общую добычу. А ведь буквально только вчера, они были так близки и доверительны друг к дружке, что, ни на минуту не задумываясь, готовы отдать свою жизнь лишь бы спасти другую.

Амина, прекрасно понимала, что всё это добром не кончится, и что надо как можно скорее решить эту непростую задачу. Решений могло быть много, но ни одно не нравилось ей. Проще всего было сбежать с мужем в другие края и этим самым создать себе самой новые проблемы или... О втором варианте она старалась не думать. Чтобы навести хоть какую то ясность в этом деле, она решила для начала посоветоваться со своей матерью, которая до сих пор имела большой авторитет. Не откладывая на более поздний срок, она отправилась к ней в гости.

Шамила, имя которой означало «Мудрейшая и говорящая с духами

предков», узнав о причине столь раннего визита, попросила дочку придти к ней на следующий день. С наступлением сумерек, она разожгла небольшой костёр у своего дома и всю ночь просидела у него, нашептывая и напевая свои заунывные песни. Это монотонное завывание и постукивание в бубен, словно густой туман, глухими звуками расплывался по всему селению. В эту ночь никто не рискнул выйти на улицу, боясь встретить кого-нибудь из духов их племени и тем самым вызвать у него немилость к своей судьбе.

Наутро вся измученная и усталая Шамила постучала в дом Амины и едва та открыла дверь, произнесла только одну фразу:

- Где твой муж?

- Как где? Дома. Нет постой, только что ушёл за водой.

- В какую сторону?

- Как в какую? Как обычно в эту, – она показала в сторону реки и тут же замолчала. Совсем недалеко от дома, на земле, в луже крови лежал он.

- Нет! Только не это, – прокричала она и быстро побежала к нему. Но было уже поздно. Он был уже мёртв.

Дико озираясь по сторонам и прижимая к своей груди его окровавленную голову, она глядела по сторонам и истошно кричала:

- Где ты? Выходи. Я тебе своими руками оторву голову.

Но вокруг не было ни души, и тот кто это сделал, прекрасно понимал, с кем мог бы иметь дело.

- О боги! За что? За что вы меня так наказываете. Как же я теперь буду жить без него?

Просидев ещё некоторое время в немом оцепенении, она бросила взгляд на свою ногу, к которой были привязаны ножны с ножом и тут же лихорадочно выхватила его и занесла над своей грудью.

Она решила уйти из жизни вслед за ним, но всё никак не решалась сделать этот последний и роковой шаг.

- Амина! Остановись, не делай этого, – закричала испуганно Шамила.

- Мама, не подходи ко мне. Меня теперь никто не остановит, потому что мне без него не жить.

В этот миг из дома раздался испуганный плач ребёнка.

- Я прошу тебя, не ради меня, а ради твоей дочери, не делай этого, иначе ты покроешь пятном позора, не только себя, но и её, и весь наш род до седьмого колена.

Амина, нерешительно посмотрев на мать, а потом на тело мужа, потом на лезвие ножа, вдруг испуганно отшвырнула его прочь и с диким воплем упала на ещё теплое тело мужа.

Его не похоронили, как это делали обычно с обычными жителями селения. Его сожгли на костре, дабы его прах развеялся по всему миру и смог утешить разгневанных духов древних предков.

Весь месяц всё селение проходило в траурном молчании. Искать виновников смерти не стали, это было и так всем ясно. Посчитали, что довольно жертв, они и так уже в достаточной степени сильно себя наказали.

Прошёл ровно год. Подобных попыток притащить живую добычу в селение больше не повторилось, но зато случилось нечто другое. У одной из

молодых Хаунчей стал вдруг расти живот. Как позже выяснилось, она не стала тащить свою добычу в селение, а спрятала его для начала в лесу, а потом и ещё того лучше - отпустила к своим, взяв с него клятвенное обещание никому об этой встрече не рассказывать. Это было ещё более безрассудно и опасно. Но у неё не оставалось другого выбора. И она решила пойти на крайние меры, а если всё же кто-то решит забрать его жизнь, то сначала должен убить её. Она будет бороться за него до последней капли крови.

Как же это всё было глупо и неосторожно с её стороны. Да и потом, для того чтобы привести этот приговор в исполнение, надо его ещё найти и притащить в селение. Был конечно и другой вариант, просто напросто взять и поубивать всех жителей близлежащих поселений. Этот вариант был ещё более абсурднее и тем более нереальнее, чем первый. С какой это стати они пойдут войной на весь оставшийся мир. Они только - только начали нормально жить.

А время шло всё дальше и дальше и ему было абсолютно безразлично, кто чем живёт и о чём мечтает.

Вот уже и внучке Шамилы, отпраздновали день имени и нарекли её «Яричей» - то есть яростной и непокорной. Ясное дело, будучи ребёнком ей позволяли всё. Как-никак внучка Шамилы, да и её мама, за её твёрдый характер и нестигаемую волю к достижению целей, имела высший титул в их селении - титул «вседержавной и многочтимой», дающей ей неограниченную власть над всеми жителями поселения.

Глава 1.7 «Чёрное облако»

При всей кажущейся простоте, идея организовать новое общество или исходя из устоев тех времён - создать племя без мужчин, оказалось не такой уж и простой задачей. Ибо, как и в других делах, в данном случае возникал законный вопрос:

«Почему? Зачем и с какой целью это надо делать?»

Ведь, им так хорошо жилось рядом с сильной и умной половиной человечества - так как они, мужчины, и только они, могли всюду и всегда, по достоинству, оценить все добродетельные качества женщин. Они и только они, всегда, их любили и боготворили. И делали ради них всё. Но было ли это всегда так и всегда ли столь честно и справедливо? Иначе откуда и по какой причине эти множества племён с женским самоуправлением? Откуда пришли к ним подобные мысли, о том, что они сами смогут, очень даже здорово, прожить без мужского соучастия или сочувствия.

Стоит возникнуть какой либо идее, как тут же появляются единомышленники, последователи и помощники в реализации подобных проектов.

Все мы прекрасно знаем, что в истории развития человеческого общества имели и по сей день имеют место подобные формирования, где либо женщины бросали мужчин, либо мужчины, уходили в глухие и трудно доступные места. Там обустраивались и обживались и назывались подобные поселения одним общепринятым словом – Монастырь. И это считалось, и по сей день считается, вполне нормальным явлением, ибо их жители ни на что

не претендовали и вели весьма скромный и кроткий образ жизни.

Хотя, были и другие, с некоторыми отклонениями в вопросах о правах на землю. Ясное дело, что и в вопросах морали и норм жизни, они тоже весьма сильно отличались от жителей монастырей. Примером тому отважные Амазонки. Об их успехах в боевых операциях и даже о сотрудничестве с местными царями можно найти множество статей. Но почему-то до сих пор никто не догадался придать подобным поселениям статус Монастыря, а их лидеров или вождей причислить к лику святых.

Племя Хаунчей не было столь многочисленным и воинственным, как другие, и ставило перед собой другие, более мирные цели и задачи: «Оградить себя и своих близких от посягательства чужих племён.»

Они просто хотели тихо и мирно жить дальше, в своём изолированном от большого мира обществе. Ясное дело, что можно обмануть своих близких, в конце концов, самого себя, но обмануть или перехитрить природу невозможно. Она строго и неуклонно требовала выполнения своих законов и за непослушание наказывала очень больно и жестоко.

И если бы только это. Помимо своих внутренних проблем, им надо было решать и внешние или как ещё говорят, внешнеполитические.

И одна из них, неумолимо и безжалостно надвигалась на них со стороны моря, в виде двух военных кораблей, оснащённых пушками, и наверняка ещё внутри каждой затаилось не менее сотни солдат, готовых в любой момент принять участие в сухопутных военных действиях. Положение казалось безвыходным. Всё, что до этого с таким трудом создавалось и умножалось в их племени, могло за один день пойти прахом. И тогда не станет больше ни тех традиций, ни жизненных укладов, которые как молодые побеги только, только начинали набирать свою силу.

С подобными проблемами они ещё не сталкивались и, соответственно, готовых или хотя бы мало-мальски эффективных предложений ни у кого не было. Но, как говорится, оставалась ещё одна надежда, одна маленькая зацепочка, которая как и раньше выручала их в самые трудные времена. И это была Шамила - старая, сгорбившаяся женщина, память которой с каждым днём становилась всё слабее и слабее. И на эту женщину, теперь с надеждой и трепетом в душе, смотрел весь совет старейшин. Ибо только она одна сможет и должна спасти их и в этот раз.

Можно ли поверить в подобные чудеса? Тем более, ждать чего-то сверхестественного и разумного от этой разбитой годами старухи, которая уже и свою родную дочь узнавала с трудом. Хотя, кто её знает. Много ещё было в ней странного и, что удивительно, могла иногда припомнить такие мелкие детали из прожитых лет, что даже те, кто был намного моложе, поражались её проницательности.

- Позовите ту, глазастую! – прошамкала Шамила и опять погрузилась в свои, известные лишь ей, воспоминания.

Через несколько минут перед ними стояла, тяжело дыша от быстрого бега, Кийя, прижимая к груди свою походную сумочку.

Амина одним лишь движением руки дала понять ей, что она может подойти поближе к сидящей в полузабытьи Шамиле.

- Я здесь, о многочтимая Шамила – тихо проговорила она. Но та, казалось, будто бы и не слышала её. Кийя, бросив робкий взгляд на Амину и получив её одобрителный кивок, повторила ещё раз, но уже немного громче

- Я здесь. Что вы хотели знать, о многочтимая Шамила? – и добавила уже в третий раз, но намного громче, так, как обычно обращаются к пожилым, слегка глуховатым людям. - Вы меня слышите?

- Да слышу, слышу. Чего раскричалась то? – вдруг неожиданно резко ответила Шамила. - Ты мне вот что скажи, что за корабли ты там видела? Торговые или военные?

- А мне почему знать? Я такие вижу впервые. Большие, с мачтами и парусами.

- А парусов много?

- Много. Целых три ряда и по высоте штуки 3 или 4.

- А пушки на них были?

- Пушки? Это такие железные болвашки, которые извергают огонь?

- Да, они самые.

- Нет, не видела.

- Однако странно. А маленькие окошки видела?

- А окошки видела, причём в два или три ряда. И ещё из них выглядывали маленькие колечки.

- Глупая девчонка. Это и есть те самые пушки, которые извергают огонь. Значит духи не соврали и к нам идёт большая беда.

Шамила тяжело вздохнула и опять погрузилась в свои мысли.

Кийя осталась стоять дальше и ещё раз вопросительно посмотрела на Амину, ожидая тем самым её разрешения удалиться. Она утвердительно кивнула головой и показала рукой в том направлении, откуда только что прибежала Кийя.

И Кийя, прижав к груди свою походную сумочку собралась уже уходить, но тут же резко остановилась и более громко обратилась к Шамиле.

- Неужели ничего нельзя предпринять против этих варваров и твои духи вот так запросто позволят им уничтожить наше селение?

Это была неслыханная дерзость с её стороны и она могла очень быстро лишиться только что приобретённого титула «Хаунчи». Но какая-то невидимая сила толкнула её на этот шаг.

- Можно, – вдруг неожиданно ясно и чётко проговорила Шамила и, улыбнувшись, добавила. - Остановить их может только молния или ураган. Но, увы, как видишь, - она подняла глаза к небу, – мы так долго и упорно молили наших духов о хорошей погоде ради этого праздника, что теперь даже и это стало невозможным. У нас совсем нет времени.

В голове Кийи пробежали картины одна ужаснее другой.

Нет. Она не видела разрушений их селения. Она видела эти корабли, горящие под ударами молний и идущие ко дну. А ведь там тоже были люди, живые люди. И на данный момент они ещё ничего плохого им не сделали. Первая картина сменилась другой, ещё более ужасной. По морю шли волны высотой с дом и с бешеной силой обрушивались на эти, ставшие вдруг маленькими и беззащитными, судёнышки. И опять там были люди, в панике

прыгающие за борт.

Неужели здесь нет другого, более мирного решения? К примеру взять тот же ветер, который мог подуть со стороны берега и угнать их с этого места? Тогда было бы всё очень здорово и они уплыли бы к другому месту.

- Достопочтимая Шамила, а нельзя ли придумать что-то другое, более спокойное? Попросить твоих духов нагнать ветер в их паруса, да с такой силой, чтобы они ни в жизни не смогли пристать к нашему берегу.

- Ишь, какая умная. Ветер ей подавай. А если они уберут паруса и станут на якорь и будут ждать дальше? Как тогда прикажешь поступать? Тут только один выход. Их надо топить в море, всех до единого, и чем быстрее, тем лучше. И сделать это могут только духи небесные.

После этих слов, Кийе стало как то не по себе, и она опять увидела эту ужасную картину, идущие ко дну корабли, тонущих и зовущих о помощи людей. На какой-то миг, как ей показалось, её сердце пронзила страшная боль. И ещё ей показалась, что среди этих тонущих, есть один, который может сыграть очень важную роль в её жизни.

Нет. Нет. Только не это. Этого не может быть. Но как ни странно, чем сильнее она старалась отогнать от себя эту мысль, тем всё яснее и отчётливее осознавала, что так оно и есть.

А Шамила тем временем, закрыв глаза, начала что-то бормотать и причитать.

Бедное сердечко Кийи, тем временем билось и трепеталось, как пойманная в клетке птичка.

Что делать, что делать?

Надо его спасать, ну и других тоже.

Пусть себе уходят туда, откуда пришли.

Но как это сделать? Как?

Она прижала к груди свою походную сумочку и почти так же как это делала Шамила, стала тихонько бормотать: «Пусть будет шторм, но только чуть-чуть».

В этот момент вдруг вздохнул лес, точнее сказать, зашумели деревья от внезапного порыва ветра, ну прямо точно также, как перед грозой. Он так неожиданно и резко рванул воздух, но потом так же неожиданно и странно затих.

- Пусть будет гроза, но только чуть-чуть.

В этот же момент с моря повеяло холодным ветром и небо над ними стало покрываться, тёмными и даже чёрными тучами. Эта картина может быть и не показалась всем странной, если бы не одна деталь. В период летних дождей, если и надвигались грозовые тучи, то они закрывали сразу всё небо, да и молнии сверкали совсем по-другому и в основном они слетали с небес на землю. А здесь столь неожиданно появившиеся тучи, закрывали только небольшую часть, и что ещё интересно, молнии сверкали тоже, но очень маленькие и короткие и они к тому же не слетали на землю, а временами освещали нижнюю часть густых облаков. От этих быстрых вспышек света, нижняя часть становилась на миг белой и тут же погружалась в нерпоглядную тьму. Но дождя пока ещё не было.

Кийя открыла глаза и с ужасом взглянула на погодные явления.

- Нет. Нет! Этого не может быть, этого не должно быть!

Пусть они лучше уйдут, а он останется – уже почти шёпотом закончила она. А потом испуганно посмотрела сначала на Шамилу, а потом на Амину.

- Ну что стоишь? – крикнула на неё Амина. - Иди на свой пост и не мешай Шамиле общаться с духами.

Второй раз говорить не пришлось и Кийя, резко повернувшись, побежала обратно. И чем дальше она уходила от дома Шамилы, тем всё светлее становились эти жуткие облака. Дойдя до конца поляны, она остановилась и оглянулась назад, посмотрев в начале на дома, а потом на небо. Всё стало таким же, каким и было до её выхода из леса. Кругом воцарилась всё та же тихая, спокойная погода. На небе ни облачка, ни тёмного, ни серого, ни даже белоснежно-пушистого. Лишь только где-то там вдали, за линией горизонта виднелись их слабые очертания.

Придя на свой пост, она с недоумением стала наблюдать за всеми событиями, происходящими на тех двух кораблях. Они приблизились настолько близко, что ей не стоило особого труда, более детально разглядеть их. За всё то время, пока она бегала к Шамиле, они вошли в бухту и встали на якорь. Теперь уже и остальным Хаунчам было намного проще следить за всеми событиями, происходящими там.

А там, к их великому удивлению и недоумению, происходили странные вещи. По палубе одного из кораблей бегали матросы, размахивали руками, показывая в их сторону и что-то кричали друг на друга, потом на короткое время исчезали и возвращались вновь, держа в руках какие то мешки и сундуки. Всё это казалось уж очень странным. По идее, они должны готовиться к боевым действиям, но почему-то вместо боевого вооружения носились по палубе с этими странными вещами, не имеющими к предстоящим военным действиям никакого отношения.

На другом же корабле постепенно вырисовывалась совершенно противоположная картина. Там никто не бежал и не суетился, а всего лишь несколько человек, стоя у борта, что-то кричали своим соседям. Похоже, что на одном из кораблей начался бунт. Матросы спешно спускали лодки на воду, и вместо того чтобы грести к берегу, плыли к другому судну.

- Ничего не понимаю,- пробормотала про себя Кийя.

- Чего не понимаешь? – в тот же миг одёрнула её раздражённая Ярича. – Они что, готовятся к нападению?

- Да нет же. В том то и дело, что нет. Они перебираются с одного корабля на другой.

В этот момент над первым кораблём взвилось лёгкое облачко дыма и чуть позже до них донёсся лёгкий хлопок пистолетного выстрела. Сердечко Кийи ёкнуло ещё раз. Она повернула голову опять в сторону первого корабля и с ужасом увидела, как несколько матросов, размахивая руками, точнее сказать кулаками, били кого-то. По всей видимости, это был офицер, пытавший остановить бунтарей на корабле. Но что самое странное было для неё в этот момент, так это её личные ощущения, ибо с каждым взмахом кулака, и последующим за ним ударом, ей становилось всё больнее и больнее.

- Уйдите, уйдите и оставьте его в покое, – не сдержав своих эмоций, прокричала она.

И в этот же миг они, как по команде, остановились и испуганно оглядевшись вокруг, поспешили к последней спасательной шлюпке, спускаемой на воду. Прошло ещё какое-то время и один из кораблей, подняв якорь, развернулся и стал медленно удаляться к линии горизонта. А ещё чуть позже, там, где раньше их было два, остался стоять только один, без единого человека на борту.

Вроде бы и всё. Можно идти и обрадовать Амину, сказать что неприятель покинул их бухту. Правда до полной радости не хватало ещё одной детали. И эта деталь был ещё один корабль, непонятно зачем и с какой целью оставленный в их бухте. Корабль, на палубе которого не осталось ни единой живой души. Хотя, кто-то всё же лежал, но был ли он живой или мёртвый, сказать трудно. Скорее всего, ещё живой, потому что бедное сердечко Кийи до сих пор не могло успокоиться и избавиться от этого назойливого ощущения боли и страха. Она тяжело вздохнула и, повернувшись к Яриче, сказала, что главная опасность миновала и она может спокойно идти к вседержавной Амине и доложить ей сложившуюся обстановку.

- Ну, а как же этот? – с недоверием спросила Ярича.

- А этот? А на этом почти никого нет. Почти.

И только тут Ярича заметила, как сильно изменилась в лице Кийя. На неё было просто жалко смотреть, ну прямо чисто покойница.

- Что с тобой? С тобой всё в порядке? Вид у тебя не совсем боевой, а ещё Хаунчей стала. Нам с тобою радоваться надо, такая беда нас миновала, а она сидит тут, как на кладбище. Знаешь что, я пожалуй останусь с тобой, а с этой весточкой отправлю этих двух. Ну чего тут расселись, бегом к вседержавной Амине и передайте ей, что один ушёл.

А Кийя тем временем опять повернулась в сторону одинокого стоящего корабля и стала тихо бормотать себе что-то под нос. Прислушавшись к ней повнимательнее, Ярича поняла, о чём или точнее сказать, о ком та вела речь.

- Ну, миленький, ну вставай же. Ну, рано тебе ещё умирать.

Эти слова, словно нож в сердце, с болью отозвались в душе Яричи, ибо в этот момент, она вспомнила свою маму и лежащего в луже крови отца. Эту картину она запомнила очень чётко, несмотря на то, что ей тогда было всего навсего три или четыре годика. Как потом говорили, это сделал кто-то из своих «Хаунчей». Были у них свои «мастера» по метанию камней при помощи пращи. Близко подойти побоялись и всё-же не отступились. Почти у самого дома... Вот она женская зависть и коварство. А ведь, её родители уже собирались покинуть это селение. Ан, нет. Не всегда дорога ведёт туда, куда нам бы хотелось попасть. Она прислонилась к плечу Кийи и тихонько заплакала, а потом вместе с ней стала также причитать:

«Ну, миленький, ну вставай же. Ты мне так нужен».

Неизвестно сколько бы ещё времени они просидели вот так рядышком, если бы не Кийя, неожиданно вздрогнув, прошептала:

- Он встал. Он встал. Слышишь, он встал. Он жив, он не умер.

От этих слов пришлось теперь вздрогнуть Яриче.

Глава 1.8 «Наследница Шамилы»

Можно долго и упорно гадать о том, что же на самом деле произошло там в бухте. А надо ли это? Всему своё время и оно, и только оно, это самое «Время», придёт в своё время и всё расставит по своим местам. Надо только научиться ждать и не пытаться его опередить. Наши юные Хаунчи, может и не знали об этом, но они прекрасно понимали, что теперь это самое «Время» играет на них, или за них.

Всю последующую историю которая произошла на кораблях, Кийя и Арича узнают потом, немного позже. Но если бы они могли тогда знать истинное положение вещей, то может быть и сейчас не было бы всего этого и всё решилось бы намного проще. Но в каждом событии заложен свой, определяющий их дальнейшую судьбу, смысл, свой закон «Времени».

Ну а тогда, в тот столь знаменательный для Кийи день, они сидели в своём укрытии и ждали дальнейших действий на корабле. Нетерпеливая и менее опытная Кийя, всё порывалась выскочить из укрытия и побежать к берегу моря, в надежде хоть как-то ускорить развязку. Но Ярича держала её крепко за руку и постоянно твердила:

- Надо подождать ещё. А может это ловушка или ещё какая-либо хитрость чужеземцев.

- Да там же никого нет, разве что только этот избитый до полусмерти молодой человек.

- И когда ты успела это заметить? Ведь, его почти не было видно.

- Ну, как бы это тебе сказать, - смущённо пробормотала Кийя, - если честно я и сама не знаю. Просто почувствовала и всё.

- Вы помотрите на неё, ну прямо вторая Шамила.

А в селении в это время царило заметное оживление. Люди бегали от дома к дому и делились впечатлениями последнего часа.

Эти, хоть и краткосрочные природные аномалии, в виде резких порывов ветра и чёрной грозовой тучи, в которых успели промелькнуть парочку молний, не остались без их внимания. О причине их столь загадочного появления и не менее загадочного исчезновения они даже и думать не собирались, ибо тут итак всё было ясно и однозначно. Даже и гадать не надо. Виновником всего этого тут же сделали «Горных Духов» и, конечно же, Шамилу, которой всё же удалось, хоть на короткий миг, вытащить их из своего логова.

Авторитет её возрос до самых небес и теперь уже никто не сомневался, что она напрямую связана с Богами или же с теми самыми Горными духами, обитающими когда-то здесь. Тем более, что весь совет старейшин был готов подтвердить этот факт, ведь всё это, точнее сказать её "общение с духами", происходило у них на глазах. Значит, и те погодные явления были творениями её духа. И никому в голову даже не пришла идея попытаться истолковать это всё как-то иначе. Да они даже и не пытались, ибо если не верить своим глазам и ушам, то чему тогда можно вообще верить?

Хотя, как это ни странно было, среди них всё же нашёлся один человек,

у которого сложилась иная точка зрения. И это была Амина. Вседержавная и справедливая дочь Шамилы. Она не стала отрицать заслуг своей матери, а просто промолчала, решив для начала разобраться самой и хоть как-то определиться с очень важным вопросом: «Что или кто, на самом деле, смог вызвать эти, столь кратковременные аномальные проявления природы?» А может и правда в этих местах обитают те самые «Злые духи»? «Но почему тогда только сегодня проявилось их влияние? А может она просто их не замечала ранее?»

Вопросы, вопросы.

У неё уже был некоторый опыт с подобными вещами, когда скоропалительные выводы, вместо пользы приносили ещё больший вред.

Выслушав сообщение, переданное ей от её дочери, она предложила всем разойтись, но быть всегда наготове, по первому сигналу собраться здесь. От её пытливого взора, не ускользнуло весьма странное поведение Кийи. Тут же вспомнились и её новые, совсем недавно появившиеся способности видеть то, чего не могли видеть другие. Мало того, эти способности она могла передавать рядом стоящим, не всем правда, а только...

О-о! Не всем, а только тем, к кому она прикасалась рукой. Да и те резкие изменения в погоде, совпадали в большей степени с движениями Кийи, нежели с бессвязным бормотанием Шамилы.

Ну, и как же теперь быть с Шамилой?

Оглядевшись ещё раз кругом, она предложила своей матери пойти в дом. Уж очень много любопытных глаз появилось вблизи их дома. Всем нетерпелось ещё раз посмотреть на Шамилу и у многих находились вдруг срочные дела, ведущие если не на прямую, то мимо их дома. Людей как будто подменили. Если раньше они могли равнодушно пройти мимо неё, ну что ещё интересного можно ожидать от этой дряхлой старухи, то теперь при одном только её взляде, со страхом опускали глаза и тут же становились на колени, прося её о прощении всех их грехов.

Ну, а что же Шамила?

Она и сама была удивлена подобными вещами. Скорее всего, чисто по привычке, она пыталась в мыслях обратиться к ним за помощью. Но, как ни странно, когда ты тысячи раз будешь это делать и в ответ получать только тишину, а в тысяча первый вдруг произойдёт чудо, то невольно и сам поверишь в свои сверхъестественные способности. А нужно ли всё это ей самой? Будь она хотя бы на десяток лет помоложе - то, да. Тогда подобный авторитет ей очень бы пригодился, а сейчас.

Сейчас ей хотелось только одно, тишины и спокойствия и ещё просто так посидеть у дома и погреться в тёплых лучах утреннего солнца. Но дочка не хотела этого понимать и потащила её в дом. Ну а там, столь грозная и могущественная Шамила превратилась опять в старую женщину, с беспомощным ожиданием глядящую на свою дочь. Амина пыталась хоть что-то ещё узнать от матери и задавала один вопрос за другим, но увы, она и так уже потратила слишком много времени и сил, сидя там под навесом со всеми. И теперь ей хотелось только одно, немного поспать, хотя день только начинался. Весь жизненный уклад Шамилы стал похож на короткие перебежки. Час, максимум полтора активные, два-три - отдых в полудрёме.

Поняв всю безнадёжность узнать от матери что либо ещё, Амина уложила её в кровать и вышла из дома. Увидев неподалёку несколько оживлённо бесе-

дующих Хаунчей, она подозвала парочку из них и велела охранять дом и никого сюда не пускать, и если хоть кто-то попытается всё же побеспокоить Шамилу, то тут же отправится к их праотцам.

Последнюю фразу можно было и не говорить, ибо это был приказ, исполнять которые их научили бесприкословно.

Если с мамой стало всё как-то относительно ясно, то оставалась ещё одна персона, с которой она должна сейчас же переговорить. Не долго думая, взяв с собой её любимые воинские принадлежности, копьё и лук со стрелами, она заспешила в сторону надзирательного пункта.

Девочки, по-прежнему, наблюдали за кораблём и чуть было не прозевали появление Амины.

- Ну, и как тут у вас? Что нового? - как можно мягче спросила она.

Кийя молча взглянула на Аричу, давая тем самым понять, что отвечать, согласно её статусу, должна та. Но Арича, толкнув в бок Кийю, ответила, что пусть лучше она всё расскажет - она знает и видела больше.

- А чего тут рассказывать? Вон он, этот корабль, стоит целёхонький и почти пустой.

Немного подумав, Кийя решила не говорить о своих чувствах и ощущениях, ведь это были только её личные дела. В этот момент они услышали слегка приглушенный всплеск воды. Как будто с корабля что-то сбросили. Все разом повернули головы в сторону бухты. Рядом с кораблём плавала бочка, похоже что пустая. Приглядевшись повнимательнее, Кийя заметила, что к ней была ещё привязана верёвка, второй конец которой оставался на корабле. Проследив за её направлением, она резко отпрянула назад.

- Ой! Там ещё один человек.

По палубе корабля разматывая верёвку, действительно шёл ещё один, но для неё совершенно незнакомый человек. Первой не выдержала Амина и спросила

- А чего это они бочку сбросили? У них что лодок нет?

- Похоже, что нет. Они с ними переправились на другое судно.

- Ну, а тогда бочку зачем сбросили, - спросила теперь Ярича, - тоже мне морячки, они наверняка и плавать не умеют.

- Как зачем? - тихо проговорила Кийя. - Для воды. Ой!

В этот момент на палубе появилось ещё двое. Один из них был Он, с забинтованной головой и тащил на себе третьего.

- Битый не битого везёт, - невнятно пробормотала она и слегка улыбнулась. Что-то здесь не так. Похоже, что третий был очень болен.

Может морская лихорадка или ещё что-то в этом роде. Но если это так, то тогда зачем они тащат его с собой?

А первый, тем временем, опять скрылся в трюме корабля, но в этот раз быстро вернулся, неся в руках ещё один пустой бочонок, намного меньше первого. Судя по тому, как легко он его нёс и этот был пустым.

- Но зачем им второй бочонок? - опять пробормотала Кийя.

Ответ не заставил себя долго ждать. Первый взяв ещё один кусочек верёвки, но уже немного тоньше, обмотал крест на крест бочонок, сделав тем самым из него ещё одно вспомогательное плавсредство. Отдав это в руки второго, он обнял их за плечи. Некоторое время они постояли рядом, по всей видимости о чём-то договаривались. Первый, ещё раз проверив прочность уз-

лов, подошёл к борту и прыгнул в воду. Как оказалось, что плавать он всё-же умеет. Быстро добравшись до бочки плавающей на привязи у корабля, он помахал рукой остальным. Далее следовал осторожный спуск на воду третьего, а за ним спустился и "он", тот самый, с перебинтованной головой. На одном месте его белой повязки, виднелось красное пятно, что ещё раз неприятной болью отозвалось в сердце испуганной Кийи.

Глава 1.9 «Закон Равновесия»

- Ну что? Добьём их сразу в воде, чтобы потом не мучаться с погребением, – снимая с плеч свой лук, хладнокровно спросила Амина.

- Нет! Не надо! Я прошу вас о вседержавная Амина, – воскликнула слегка дрожащим и испуганным голосом Кийя.

- А чего это ты так распереживалась? Ты что-то знаешь и скрываешь от нас? – уже с некоторым холодком спросила Амина.

- Да ничего я не знаю, и скрывать мне от вас нечего и незачем. Просто мне показалось, если вы убьёте хотя бы одного из них, вы навсегда разрушите счастье вашей дочери.

При всей её молодости, Кийя оказалась ещё и хорошим дипломатом. Попросив не делать этого шага ради её «чувств», она навряд ли смогла добиться подобного успеха. А здесь она не ошиблась, кто же не будет желать счастья своим деткам. Её фраза сработала мгновенно.

- Вот даже как! – теперь уже с удивлением проговорила Амина. - И как это или чем я смогу разрушить счастье моей дочери?

- А тем, что вы нарушите закон равновесия времени.

Тут уже не выдержала Ярича и прошипела как можно тише, ибо прекрасно понимала, что лишний шум им сейчас ни к чему. Вот и получилось, что вместо львиного рычания, она должна была выражать свои чувства шипением змеи.

- Опять ты со своим законами. Что-то я не припомню такого среди всех законов, которые мы должны знать и соблюдать со всей строгостью военного времени. Интересно и о чём в этот раз пойдёт речь?

Амина вопросительно взглянула на дочь. Похоже, что она пропустила что-то важное, о чём без неё могли говорить эти двое.

- Но вы же сами нас учили, о вседержавная Амина, что всякому плоду своё время. Время цвести, время расти и время созреть. Если мы ломаем Ветку на дереве жизни, то мы не сможем увидеть его цветка. Если же мы сорвём цветок, чтобы сделать его украшением нашей жизни, то этого хватит всего лишь на день. Ибо аромат и красота цветов не долговечны. Если мы, всё-же дождёмся появления плода, но не дадим ему созреть окончательно, то узнаем только форму плода. К тому же, это будет несправедливо в отношении к Земле Матушке, давшей нам всем одинаковое право жить и размножаться. Любое растение дающее плоды, для того и живёт, чтобы служить пищей другим. Оно платит дань другим, своей мякотью, за то чтобы и у него была возможность, через зрелое семя, продолжить свой род. И если на каком либо этапе жизни, мы прервём эту цепочку, то нарушим или точнее сказать пре-

рвём и свою единую цепочку, удерживающую жизнь в равновесии. Всё в природе взаимосвязано, нарушая закон для одних, мы рано или поздно и сами подставим себя под удар.

- Ишь ты, какая умная, нашла чем удивить. Что касается растений и их плодов, мы и сами всё прекрасно понимаем. Но как нам быть с этими? Эти то не приплыли сюда, чтобы цветочки нюхать, а скорее всего чтобы загубить их на корню, и я постараюсь сделать всё, от меня зависящее, чтобы восприпятствовать этому и не пустить чужеземцев в наши края, – глядя в глаза Кийи, поговорила Амина.

- Но, ведь, они же ещё ничего злого для нас не сделали, – с отчаянием проговорила Кийя.

Она стала осознавать, что если и дальше будет возражать «вседержавной», то тут даже и такой веский аргумент как «счастье дочери» уже не поможет. Потому что судьба всего племени, была для Амины превыше всех личных интересов.

- Ну что-ж, пока это ещё в Вашей власти сделать свой выбор, от которого будет зависеть не только их, но и наша судьба. Вам решать «о вседержавная и многотимая» кому жить дальше, а кому нет. Кого тут же под корень, а кого и ... - тяжело вздохнув, проговорила Кийя. Похоже на то, что она проиграла.

- Выходит, по твоему, что то, что мы видим сейчас там, у берега моря - это и есть незрелые плоды?

- Нет. Это даже и не цветы, а только что проклюнувшиеся почки. Если честно, то я и сама не знаю, почему я так говорю, просто... – и тут она замолчала.

- Чего просто? – спросила Амина и тут же посмотрела в ту же сторону, куда был направлен взгляд Кийи.

- Мама, они приближаются к берегу. Что будем делать? – прошептала Ярича.

- Как что? Ждать когда раскроются эти почки, - теперь уже более спокойным голосом ответила Амина.

Мешать, а тем более разрушать счастье своей дочери ей, всё же, не хотелось. Но и просто так без дела сидеть и ждать дальнейшего развития событий было не в её правилах. Пока что положение находилось под её контролем, но надолго ли? А посему, надо быть начеку и случись чего, успеть первой нанести удар противнику. Она ещё раз внимательно огляделась по сторонам, пытаясь по некоторым, знакомым ей с детства признакам определить направление и силу ветра. Знать это было очень важно, если цель находится достаточно далеко и хочешь поразить цель с первого раза, то надо учитывать всё.

Как это было здорово, что они в более ранний период тренировались здесь в стрельбе из лука и успели «пристреляться» к некоторым участкам и определить ту самую границу или так называемую зону недосягаемости.

А те трое мореплавателей, между тем, доплыли до берега и уже втроем стали выбираться из воды. Теперь уже первый был в середине и старательно поддерживал двух других. Пройдя по сухому метров десять, он посадил их на землю и оглядевшись по сторонам, вернулся к плавающим в воде бочкам.

Как оказалось, оружие у них всё же было. Освободив привязанные к бочке небольшой меч и щит, он тут же заспешил обратно. К его поясному ремню был привязан небольшой кожаный мешочек.

- Наверное с золотыми монетами, - ухмыльнувшись, решила Амина.

- Ну что-ж, придёт время и мы посмотрим, что за монетки он там прячет, ну а пока, - она достала стрелу и приготовилась к стрельбе. К счастью этих непрошенных гостей, они находились ещё в зоне недосягаемости, но ведь просто так они не будут там сидеть, кто-то же должен пойти дальше. Скорее всего, этот первый, с мечом и щитом. "И не таких укладывали", - всё ещё продолжала размышлять про себя Амина.

И действительно, о чём-то переговорив с другими, он стал осторожно приближаться к лесу, при этом изредка поглядывая по сторонам. Но, чем ближе он подходил, тем медленнее становились его шаги, и дойдя до первой, известной только Хаунчам отметки, остановился. Посмотрел ещё раз на небо, где в далёкой голубой вышине летал кругами беркут.

- Ну, давай же, шагай. Чего стал как камень, - бормотала Амина и слегка натянула тетиву лука. В этот момент кто-то потянул её за руку.

Это была её дочь, Ярича.

- Мама, ты чего? Хочешь его убить? - опять прошипела она.

- Да нет же, только укажу ему на его место, - в том же тоне ответила она.

А тот, глубоко вздохнув, сделал несколько шагов вперёд и в тот же момент у его ног вонзилась стрела. Он внимательно оглядел её, потом взглянул ещё раз на лес и сделал несколько шагов в сторону.

- Странно. Чего это он? - теперь уже почти в один голос прошипели мама с дочкой. Что касается Кийи, то её взгляд был устремлён в сторону двух других, и казалось что она совсем потеряла интерес к происходящим на берегу событиям.

А первый, достав свой меч, начертил перед собой небольшой круг и тут же воткнул его в самую серединку. Ответ не заставил себя долго ждать. Тут же рядом с мечом вонзилась ещё одна стрела. Он оглядел её и уже намного быстрее сделал ещё несколько шагов в сторону и опять начертив круг уже кончиком щита, положил его в середину круга. Теперь уже с некоторым запозданием и в это место, и довольно точно, упала третья стрела.

Амина тем временем доставала четвёртую стрелу из колчана. Эти действия пришельца пришлись ей не по душе, и она начинала потихоньку нервничать и делать ошибки. Но когда она была готова поразить очередную цель, его уже не было на месте, а он быстро бежал в сторону леса, делая при этом иногда резкие рывки в сторону.

Хитрец. Смог же всё-таки обмануть её. Добежал. И где он теперь?

Она стояла с луком, готовая в любую секунду пустить смертоносную стрелу, но увы. В лесу, среди деревьев, это оружие оказалось не столь эффективным, как на открытой местности. Поняв свою оплошность, она тут же бросила лук и нагнулась за копьём. В этот момент, за её спиной раздался подозрительный шорох, она тут же обернулась туда и, услышав только одно «М-м-м», обернулась обратно.

Завернув до боли руку дочери за спину и приставив к горлу её же нож, по-видимому, успел вытащить из ножен Яричи, он, тяжело дыша, смотрел на Амину. Прижав ещё ближе к горлу нож, взглядом показал ей на копьё, а потом на землю. Амина осторожно положила его на землю и показала свои свободные руки. Следующий его взгляд указал на нож, торчащий из ножен, привязанных к ноге. Он же ещё сильнее прижал нож к горлу, да так, что успел слегка порезать кожу, давая этим самым понять, что с ним шутки плохи. Амина достала нож из ножен и повинувшись его взгляду выбросила его в сторону.

Неизвестно, чем бы всё это могло кончиться, если бы не Кийя. Она осторожно вышла из-за спины Амины, держа в руке тот самый кожаный мешочек, теперь уже наполненный водой и осторожно протянула его чужеземцу.

Повернувшись к Амине сказала:

- Он только хотел набрать воды.

Тело Яричи, крепко зажатой в руках этого человека, вдруг обмякло и она стала потихоньку опускаться на землю. Теперь уже испугался он и, отбросив нож в сторону, осторожно выпустил её из своих «нежных» объятий, выхватил мешок с водой, побежал в сторону моря.

Преследовать чужеземца не было смысла, тем более он всё равно далеко не сможет уйти. Амина испугавшись за свою дочь, подскочила к ней и удерживая её за плечи спросила:

- Что с тобой? Ты ранена, тебе плохо?

А та сидела с закрытыми глазами и молчала. Страшные подозрения, словно молнии, заметались в голове Амины. Может, она не успела заметить, как этот негодяй воткнул нож в спину дочери, иначе почему так странно она вдруг обмякла.

- Что с тобой доченька? Тебе плохо? – ещё раз озабочено спросила она и взглянула ей в лицо. Странно, но никаких признаков, говорящих о боли, на нём не было. Наоборот, оно излучало спокойствие и какую-то давно забытую детскую радость.

Глава 1.10 «Цветы жизни»

Амина слегка встряхнула дочку за плечи.

- Ну, что с тобой? Да открой ты глаза, в конце концов.

Ярича вздрогнула и открыв глаза, стала озираться по сторонам.

- Где он, мама?

- Не бойся, он убежал. Но просто так живым он отсюда не уйдёт.

Ещё не совсем до конца понимая смысла сказанного Аминой, она продолжала:

- А почему он убежал? А куда?

Подобного ответа она вообще не ожидала.

- Да что с тобой, доченька? С тобой всё в порядке?

- Ну что ты мама. Со мной всё в порядке. А где он? Он ведь ещё вернётся?

- Пусть только попробует, я ему тут же голову оторву.

- За что, мама. Не надо. Мне с ним было так хорошо.
- Что-о-о! С ножом у горла, тебе с ним было хорошо?
- Да? Разве в руках у него был нож? А я ещё удивилась тому, какая рука у него колючая, а это, оказывается, был нож. Но ведь он бежал без ножа... И только тут Ярича окончательно проснулась или, как говорят, вышла из своего шокового состояния, и посмотрела на свою ногу с ножнами, где должен был находиться её нож. Его там не было.

- М-да - озабоченно проговорила она.

Улыбка постепенно исчезала с её лица, но ненадолго. Она сделала глубокий вдох и опять улыбнулась. Потом осторожно понюхала свою руку, которую так сильно удерживала его рука и улыбнулась ещё раз.

- У него был такой интересный и знакомый мне с детства запах.

- Ещё скажи что от него пахло ландышами или ещё какими другими цветоч...ками?

При последнем слове Амина слегка запнулась и замолчала.

«Ну вот и цветочки появились. Откуда она могла это знать?»

Она осторожно повернула голову в сторону Кийи, а потом перевела взгляд в сторону моря, где находились эти чужеземцы. Неужели...

Но продолжить эту мысль она так и не решилась. Вполне возможно, что ей это только показалось или оказалось чистым совпадением. Так же как и ветер и чёрные тучи. К чему это всё? К добру или к беде? Что ждёт их дальше?

Чтобы как-то отвлечь себя от подобных мыслей, она снова обратилась с вопросом к дочке.

- О каком тут запахе ты говоришь? Обычный вонючий мужик.

- Да нет, что ты, мама. Ну, какой же он вонючий. Он очень даже приятный, ну почти такой же, как и у отца.

От этих слов взрогнуло сердце Амины. Все свои последующие вдовьи годы она изо всех сил старалась забыть об этом. Забыть о своей первой и последней любви. Но разве можно такое забыть? Днём ещё ладно, бесконечные дела и заботы, но ночью. Ночью, когда она оставалась сама с собою наедине. Забыть там, где все окружающие её предметы говорили о нём. И даже сама постель, ещё долго удерживала в себе его запах.

Не зря же говорят, что сильнее всего мы можем запомнить то, что имеет свой запах. Можно забыть многое, и имена и лица и даже дорогих и близких тебе когда-то людей. Но стоит лишь только почуять знакомый запах, и ты вспомнишь всё. Ибо память на запахи заложена в каждом из нас в её первозданном, зверином инстинкте. Идя на охоту, возвращался с добычей только тот, у кого было сильное обоняние.

Правда много позже, когда в человеческое общество пришла цивилизация, этот, изначально очень важный дар природы, утерял свою значимость.

Воспоминания юности, как вспышка света, промелькнули в её голове. Могла ли она тогда знать, что всё так печально закончится. Конечно же, нет. Она даже и подобных мыслей не допускала, что в один прекрасный день, у

неё появится желание, «обабиться», как это делали многие женщины из их племени. Они не желали быть воительницами, глупые создания. Они хотели рожать детей, иметь свою семью и навсегда быть поработёнными этими «воинскими и ленивыми» мужиками. Другое дело она. Молодая, сильная, выносливая и гордая. Она ни за что в жизни не согласилась бы променять свою свободу на эту рабскую жизнь.

Ну, что в этом хорошего, каждый день одно и то же. Ладно если бы один или два ребёнка, но ведь у некоторых было и поболее. И эту ораву надо было каждый день чем-то кормить. А они, как настоящие вампиры, всё требовали, требовали и требовали. Да ладно там уж дети, но был и ещё один, самый большой и главный ребёнок, который возвращался вечером домой и, делая усталый вид, тоже требовал. И что они имели за всё, за это? Да ничего, ну разве что чуть-чуть ласки. Глупые и наивные создания эти женщины.

Нет, она не такая. Она знает чего хочет и может достигнуть. И ей действительно удалось многого достигнуть. Во-первых, она стала предводительницей отряда Хаунчей и могла сама решать, без посторонней помощи, что будет делать и куда пойдёт на следующий день. Был уже не далёк и тот день, когда она сможет занять пост своей матери и станет самым главным человеком в их племени. День, когда все соплеменницы будут подходить к ней с поклоном и называть её с полным правом тем именем, которое выбрала для неё мама – «Вседержавная и многочтимая». И она стала ею. Но ведь могла и не стать. А всё это из-за одной маленькой оплошности.

Всю свою сознательную «девичью» жизнь, находясь в отряде «Хаунчей», они обучались только одному виду боевой тактики, тактике ведения дальнего боя. Поражать противника на расстоянии, не приближаясь к нему ближе двадцати шагов, при этом всегда оставаясь в укрытии и не показывая себя другим. В этом был залог их успеха.

Но увы, в тот день всё пошло не так.

Поначалу он ни чем не отличался от других. Ранним утром они отправились на боевое патрулирование прилегающей местности, точно так же, как и делали это каждый день. Кого-то оставляли сидеть в засаде, а кто-то осторожно обходил границы их владений.

Но уже на выходе из селения, им встретила одна из женщин их племени с большим животом, которая в скором должна была родить. Нехорошая примета. Потом был мальчик, переодетый в девочку. Ну, что ты скажешь, глупые бабы, понапридумывали маскировку. Да как ты их ни одевай, их запах ничем не спрячешь. Тоже мне «цветочки» жизни. При слове «цветочки», она невольно вздрогнула. А ведь тогда, об этом она даже и не задумывалась, тогда это было всё так просто. И если бы не эта Кийя, она бы и сейчас не стала напрасно тратить время на эти бестолковые рассуждения.

Целый день в округе было тихо. Только дикие звери иногда нарушали тишину леса, и уже подходило время, когда уставшее за день солнце, собиравшись отправиться на покой, как откуда ни возьмись появился этот. Красивый такой и ладно скроенный молодой человек. Он шёл в сторону их владений и совсем не собирался возвращаться обратно.

Глупый мальчишка, неужели он не знал, что он рискует своей голо-

вой, направляясь в эти края. А он всё шёл и шёл, и даже не думал останавливаться. Ну, если мозгов нет, то придётся их подправить. Не долго думая, она достала свою пращу и вложила туда камень. Тратить стрелы на такого «красавчика» стало жалко, да и зачем? Она и так уложит его на землю одним взмахом руки. Бедняжка, он даже и не подозревает об опасности. Выбрав место поудобнее, она стала раскручивать своё оружие и в тот самый момент, когда была готова выпустить этот камень, из близлежащих кустов вылетела птица. По-видимому и она сидела до этого тихо в кустах и, так же как и этот, не замечала притаившихся неподалёку Хаунчей.

Полетевший камень, так бы и пролетел мимо головы, если бы не ветка. Отлетев от неё, он попал по ноге. Удар был уже не на столько опасным, но ещё достаточно сильным, чтобы на время лишить его способности передвигаться. Он пытался убежать, но увы, как подбитый оленёнок, сделал парочку шагов и упал на землю, скрючившись от боли.

Полдела сделано. Увы, не совсем так, как хотелось, но что есть, то есть. Оставлять его здесь живым, было запрещено законами Хаунчей. Теперь придётся своими руками доводить до конца. Выхватив нож, она без всяких раздумий кинулась вслед за ним, чтобы как можно скорее исправить эту оплошность. В тот момент, ей было всё равно, кого она сейчас лишит жизни, подбитого оленёнка или человека, ибо на неё смотрели ещё парочку любопытных глаз. Они уже предвкушали всю сладость поражения этой выскомерной, своенравной и порой чрезмерно жестокой предводительницы их отряда. И поделом ей. А то, видите ли, возомнила из себя невесть какое совершенство силы, ловкости и отваги. А тут такой промах.

Но самой Амине в этот момент было безразлично, что о ней думают её «боевые подруги». Главный судья в её жизни была она сама. И этот самый судья требовал от неё только одного - довести дело до логического завершения и тем самым соблюсти все законы и правила Хаунчей.

Она слишком увлеклась погоней и не заметила торчащей из земли и слегка присыпанной листьями коряги. Приготовившись к прыжку на свою жертву, она споткнулась и вместо прыжка полетела к его ногам, потеряв при этом нож. Ну что-ж, не беда. Придётся так, своими руками.

Но увы. Она, как все Хаунчи свободно владела многими видами оружия, но рукопашному бою их никто не обучал, и это было её окончательным провалом. Вместо нападающей, она превратилась в жертву. Тем более, что это был не жалкий оленёнок, а достаточно крепкий орешек.

Не разобравшись толком, кто на него нападает, он успел увернуться от летящего на него тела Амины. Поначалу он решил, что это лесные разбойники, желающие завладеть его кошельком. Но положив нападающего на обе лопатки и собираясь нанести крепкий удар в челюсть, от удивления замер. Ибо понял, что это была женщина, а бить женщин не было в его правилах.

Неизвестно, чем могло бы это кончиться, если бы не подоспевшие на помощь «Хаунчи». Удар по голове, деревянной дубинкой сделал своё дело и он мешком упал на её тело. И именно в этот момент, она впервые почувствовала этот странный и новый для неё запах. Запах мужского тела. Одна из Хаунчей, взяв по крепче в руки своё копьё, уже собиралась продырявить ему

спину, но из опасений повредить Амину, стала ждать дальнейших действий.

А он лежал и не двигался, весь ещё такой тёплый и даже горячий, и где-то там в глубине грудной клетки, еле слышно билось его сердце. Такого с ней ещё ни разу не случалось. Её душа и воля разделились на две части. Одна требовала немедленно скинуть с себя этот груз и довести дело до конца, а другая... Это было что-то новое для неё. И это новое, становилось всё больше и сильнее. Оно требовало защитить его, сохранить ему жизнь, дабы дать ему возможность сделать то, для чего их создала природа. На какой-то миг, ей стало жалко и его, и себя. Желание быть сильной и беспощадной вдруг улетучилось. Ей захотелось просто нежности, любви и ласки. Хотя бы самую малость.

Всё её женское нутро взбунтовалось против этого беззакония. Они же не звери, в конце-то концов. Они же тоже люди и созданы не для того, чтобы убивать себе подобных. Иначе, зачем тогда жить?

Осторожно высвободившись от почти безжизненного тела, Амина перевернула его на спину и тут же приложила ухо к груди. Где-то там, на большой глубине, билось его сердечко, так слабо и тихо. И тут она испугалась. А что будет, если оно остановится и он умрёт. Нет, только не это. А рядом стояли ещё двое, готовые в любой момент применить своё смертоносное оружие.

- Дайте воды! – прокричала Амина.

Удивлённо переглянувшись между собой, одна из них, протянула ей свой кожаный мешок, служащий им сосудом для хранения воды.

- Что это с ней? – тихо спросила одна другую. Такой Амину ещё никто не видал.

А Амина, столь грозная и воинственная, была само воплощение Ангела милосердия. Она слегка намочив руку, протёрла ему лицо, потом опять прислонилась головой к груди и облегчённо вздохнула. Его сердечко билось по-прежнему, но уже более обнадеживающе и сильнее. Повернув голову в сторону своих спутниц, он вдруг угрожающим тоном произнесла: «Не трогайте его, он мой».

Удивлённые подобной реакцией своей предводительницы, они переглянулись между собой и приняли уже более мирный вид.

Ну, а дальше, всё было намного проще и без особых осложнений.

Они притащили его в селение. Точнее сказать, тащила его Амина. Но при этом ему, на всякий случай, связали руки и ноги, дабы не смог убежать. Его появление поначалу пытались держать в тайне. Но разве можно такое удержать. Тем более там, где уместна была поговорка: «Что знают двое – знает весь мир».

С этих пор Амина сильно изменилась. Стала мягче и добрее, а те, с таким трудом наработанные правила и законы Хаунчей, с каждым днём стали терять свою силу и влияние на умы молодых девушек.

Да, Амина очень сильно изменилась, хотя её мать смотрела на всё это совсем иначе. Она вновь увидела в ней ту самую маленькую и избалованную властью девочку, получившую очень интересную игрушку, делиться с которой она ни с кем не собиралась и была готова любому перегрызть глотку, кто хоть слово скажет против её мужчины. Да и никто особенно и не возражал,

скорее всего наоборот, каждый в тайне надеялся, что отныне всё пойдёт по-другому. У всех появилась надежда, что законы Хаунчей будут пересмотрены и все заживут, нормальной человеческой жизнью.

Но, увы, хоть и говорят, что ломать не строить, сломать изначальные устои оказалось не так уж и просто. А запущенный однажды бумеранг воинствующей силы, вернулся и ударил в самое сердце. Амина выдержала этот удар, но уже никогда больше не помышляла о подобном. Она стала такой же, как и была раньше. Жизнь в поселении вернулась в прежнее русло. Суровые законы Хаунчей остались без изменений.

И всё-же, сказать что всё осталось по-прежнему, значит сказать неправду, ибо всё в этом мире постоянно меняется. С каждым годом мы становимся старше, набираемся опыта и новых знаний, что делает нашу жизнь ещё краше и богаче, а может и наоборот. Здесь всё зависит от того, чего мы от неё ждём. Это почти как на вокзале. Будем ждать скорый электропоезд – придёт скорый. Будем ждать товарный – придёт товарный, с углём, который нам же, ещё и разгружать придётся.

Выбор остаётся всегда за нами. Подобный выбор стоял теперь и перед Аминой. Она всем своим материнским нутром чувствовала грядущие изменения в её жизни, и не только в её, но и в жизни её дочери - её единственным и самым дорогим сокровищем, дарящим огрубевшему сердцу цель и смысл дальнейшего существования. Арича была для неё самый драгоценный цветок.

Она стояла перед выбором, оставить дочь себе, как когда-то мечтала оставить лишь себе мужа. Сделать это, как ей показалось, было проще простого. Надо только как можно скорее стереть с лица земли этих чужеземцев. Но ведь тогда, там в засаде, она думала почти также и также была уверена в своём успехе. Или всё-же не спешить с окончательными выводами, а дать цветку доцвести и принести плод. Плод который может оказаться ещё слаще и приятнее, чем сам цветок.

Как видите, история с племенем Хаунчей да и с Солнечным дождём, точнее сказать с одной из капель этого дождя, ещё не закончена, а только начи-нает набирать свой цвет. И о том, что ждёт всех дальше я постараюсь рассказать в следующей книге.

© Виктор Кнейб, 2021

Сатирико-фантастический роман

ДЖОНАТАН СВИФТ

*Джонатан Свифт
(30.11.1667 — 19.10.1745) —
англо-ирландский писатель-
сатирик, публицист, философ,
поэт и общественный деятель,
англиканский священник.*

*Наиболее известен как
автор сатирико-фантастиче-
ского романа «Путешествия
Гулливера», в котором
остроумно высмеял
человеческие и
общественные пороки.*

*В 1731 году, Свифт
написал поэму «Стихи на
смерть доктора Свифта»,
содержащую своеобразный
автопортрет:*

Поставил автор цель благую —
Лечить испорченность людскую.
Мошенников и плутов всех
Хлестал его жестокий смех...
Сдержи перо он и язык,
Он в жизни многого б достиг.
Но он не помышлял о власти,
Богатство не считал за счастье...
Согласен я, декана ум
Сатиры полон и угрюм;
Но не искал он нежной лиры:
Наш век достоин лишь сатиры.
Всем людям мнил он дать урок
Казня не имя, но порок.
И одного кого-то высечь
Не думал он, касаясь тысяч.

**«ПУТЕШЕСТВИЯ
В НЕКОТОРЫЕ ОТДАЛЁННЫЕ СТРАНЫ МИРА
В ЧЕТЫРЁХ ЧАСТЯХ:
СОЧИНЕНИЕ ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА,
СНАЧАЛА ХИРУРГА,
А ЗАТЕМ КАПИТАНА НЕСКОЛЬКИХ КОРАБЛЕЙ»**

ГЛАВА V

Различные приключения автора. Казнь преступника.

Автор показывает свое искусство в мореплавании

Жизнь моя была бы довольно счастливой в этой стране, если бы маленький рост не подвергал меня разным смешным и досадным случайностям, о которых я позволю себе рассказать читателям. Глюмдальклич часто выносила меня в меньшем ящике в дворцовый сад и иногда вынимала оттуда и держала на руке или спускала на землю прогуляться. Я вспоминаю, как однажды, еще в то время, когда карлик жил при дворе, он пошел в сад следом за нами. Моя нянюшка спустила меня — землю возле карликовых яблонь, где остановился также и он. И тут меня дернуло блеснуть своим остроумием и сделать глупый намек на то, что деревья являются такими же карликами, как и он (тамошний язык выражал это так же хорошо, как и наш). В отместку злой шут, уловив момент, когда я проходил под одной из яблонь, встряхнул ее прямо над моей головой, вследствие чего с десятков яблок, величиной в бристольский бочонок каждое, посыпалось вокруг меня, причем одно из них угодило мне в спину, когда я нагнулся, сшибло меня с ног, и я плашмя растянулся на земле, но не ушибся, и по моей просьбе карлик был прощен, тем более что я сам вызвал его на шалость.

В другой раз Глюмдальклич, оставив меня одного на зеленой лужайке, отлучилась куда-то со своей гувернанткой. Тем временем внезапно разразился такой страшный град, что я немедленно был повален им на землю, и, когда я упал, градины стали преобильно стегать меня по всему телу, точно теннисные мячи. Кое-как на четвереньках мне удалось доползти до края грядки с тимьяном и найти там убежище, уткнувшись лицом в землю, но я был так исколочен, что пролежал в постели десять дней. В этом нет ничего удивительного, потому что природа соблюдает здесь точное соответствие во всех своих явлениях, и каждая градина почти в тысячу восемьсот раз больше, чем у нас в Европе; я могу утверждать это на основании опыта, потому что из любопытства взвешивал тамошние градины и измерял их.

В том же саду со мной случилось другое, более опасное приключение. Однажды моя нянюшка, оставив меня в безопасном, по ее предположению, месте (о чем я часто просил ее, чтобы иметь возможность на свободе предаваться своим размышлениям) и не взяв с собой моего ящика, чтобы не утруждать себя его переноской, ушла с гувернанткой и другими знакомыми дамами в другую часть сада, откуда не могла слышать моего голоса. Во время ее отсутствия небольшой белый спаниель, принадлежавший одному из садовников, забравшись случайно в сад, пробежал недалеко от места, где я лежал. Почувяв меня, собака устремилась ко мне, схватила меня в пасть и принесла к хозяину, подле которого осторожно положила меня на землю, виляя хвостом. По счастливой случайности, она была так хорошо выдрессирована, что принесла меня в зубах, не только не повредив моего тела, но даже не порвав платья. Бедный садовник, хорошо знавший меня и чувствовавший ко мне большое расположение, страшно перепугался. Он осторожно поднял меня обеими руками и спросил, как я себя чувствую; но от неожиданности у меня захватило дух, и я не мог выговорить ни слова. Спустя несколько минут я пришел в себя, и садовник отнес меня невредимым к моей нянюшке, которая в это время возвратилась, и, не найдя меня на прежнем

месте, а также не получая ответа на зов, была в смертельном испуге. Она сильно выбранила садовника за собаку. Но мы умолчали об этом случае — она из боязни гнева королевы, а я, по правде говоря, из нежелания разглашать при дворе историю, в которой я играл не очень завидную роль.

После этого случая Глюмдальклич твердо решила ни на минуту не выпускать меня из виду, когда мы выходили из дому. Я давно боялся такого решения и потому скрывал от нее некоторые незначительные приключения, случавшиеся со мной в ее отсутствие. Раз коршун, паривший над садом, ринулся на меня, и если бы я не вытащил храбро тесак и, обороняясь им, не убежал под густой шпалерник, он, наверное, унес бы меня в своих когтях. В другой раз, взобравшись на вершину кротовины, я провалился по шею в нору, через которую крот выбрасывал землю; чтобы объяснить, почему у меня испорчено платье, я выдумал какую-то небылицу, которую не стоит повторять. Точно так же, гуляя раз в одиночестве и вспоминая мою бедную Англию, я споткнулся о раковину улитки и сломал себе голень правой ноги.

Не могу определить, удовольствие или унижение испытывал я во время этих одиноких прогулок, когда даже самые маленькие птицы не выказывали никакого страха в моем присутствии, но прыгали на расстоянии ярда от меня, отыскивая червяков и букашек с таким равнодушием и спокойствием, точно вблизи никого не было. Помню, раз дрозд настолько обнаглел, что клювом выхватил у меня из рук кусок пирога, который Глюмдальклич дала мне на завтрак. Когда я пытался поймать какую-нибудь птицу, она смело поворачивалась ко мне и норовила клюнуть в пальцы, а затем как ни в чем не бывало продолжала охотиться за червяками или улитками. Но однажды я взял толстую дубинку и так ловко запустил ею изо всей силы в коноплянку, что она повалилась замертво; тогда, схватив ее за шею обеими руками, я с торжеством побежал с ней к нянюшке. Между тем птица, которая была только оглушена, оправилась и начала наносить мне крыльями такие удары по голове и телу (хотя я держал ее вытянутыми руками и она не могла достать меня своими когтями), что раз двадцать я едва не выпустил ее. Но на выручку подоспел слуга, который свернул птице шею. На следующий день, по приказанию королевы, мне подали эту коноплянку на обед. Насколько могу припомнить, она показалась мне более крупной, чем наш лебедь.

Часто фрейлины приглашали Глюмдальклич в свои комнаты и просили ее принести меня с собой ради удовольствия посмотреть и потрогать меня. Часто они раздевали меня донага и голого клали себе на грудь, что мне было очень противно, потому что, говоря правду, их кожа издавала весьма неприятный запах. Я упоминаю здесь об этом обстоятельстве вовсе не с намерением опорочить этих прелестных дам, к которым я питаю всяческое почтение; просто мне кажется, что мои чувства, в соответствии с моим маленьким ростом, были более изощренны и нет никаких оснований думать, чтобы эти distinguished особы были менее приятны своим поклонникам или друг другу, чем особы того же ранга у нас в Англии. Наконец, я нахожу, что их природный запах гораздо сноснее тех духов, которые они обыкновенно употребляют и от которых мне всегда бывало дурно. Я никогда не забуду, как однажды в жаркую погоду, после того как я долго занимался физической работой, один мой близкий друг лилипут позволил себе пожаловаться на исходящий от меня резкий запах, хотя я так же мало страдаю этим недостатком, как и большинство представителей

моего пола, и полагаю, что чувствительность лилипута была столь же тонкой по отношению ко мне, как моя по отношению к этим великанам. Но я не могу при этом не отдать должного моей повелительнице королеве и Глюмдальклич, моей нянюшке, тело которых было так же душисто, как тело самой деликатной английской леди.

Неприятнее всего у этих фрейлин (когда моя нянюшка приносила меня к ним) было слишком уж бесцеремонное их обращение со мной, словно я был существом, не имеющим никакого значения. Они раздевались донага, меняли сорочки в моем присутствии, когда я находился на туалетном столе перед их обнаженными телами; но я уверяю, что это зрелище совсем не соблазняло меня и не вызывало во мне никаких других чувств, кроме отвращения и гадливости; когда я смотрел с близкого расстояния, кожа их казалась страшно грубой и неровной, разноцветной и покрытой родимыми пятнами величиной с тарелку, а волосы, которыми она была усеяна, имели вид толстых бечевки; обойду молчанием остальные части их тела. Точно так же они нисколько не стеснялись выливать при мне то, что было ими выпито в количестве, по крайней мере, двух бочек, в сосуд, вмещавший не менее трех тонн. Самая красивая из этих фрейлин, веселая шаловливая девушка шестнадцати лет, иногда сажала меня верхом на один из своих сосков и заставляла совершать по своему телу другие экскурсии, но читатель разрешит мне не входить в дальнейшие подробности. Это до такой степени было неприятно мне, что я попросил Глюмдальклич придумать какое-нибудь извинение, чтобы не видеться больше с этой девицей.

Однажды молодой джентльмен, племянник гувернантки моей нянюшки, пригласил дам посмотреть смертную казнь. Приговоренный был убийца близкого друга этого джентльмена. Глюмдальклич от природы была очень сострадательна, и ее едва убедили принять участие в компании; что касается меня, то хотя я питал отвращение к такого рода зрелищам, но любопытство соблазнило меня посмотреть вещь, которая, по моим предположениям, должна была быть необыкновенной. Преступник был привязан к стулу на специально воздвигнутом эшафоте; он был обезглавлен ударом меча длиной в сорок футов. Кровь брызнула из вен и артерий такой обильной и высокой струей, что с ней не мог бы сравниться большой версальский фонтан, и голова, падая на помост эшафота, так стукнула, что я привскочил, несмотря на то что находился на расстоянии, по крайней мере, английской полумили от места казни.

Королева, часто слышавшая мои рассказы о морских путешествиях и пользовавшаяся каждым удобным случаем, чтобы доставить мне развлечение, когда видела меня печальным, спросила однажды, умею ли я обращаться с парусами или с веслами и не будет ли полезно для моего здоровья позаниматься немного греблей. Я отвечал, что то и другое я умею в совершенстве, потому что хотя по профессии своей я хирург, или корабельный врач, но в критические минуты мне приходилось исполнять обязанности простого матроса. Правда, я не видел, каким образом желание королевы могло быть исполнено в этой стране, где самая маленькая лодка по своим размерам равнялась нашему первоклассному военному кораблю; с другой стороны, судно, которым я был бы в силах управлять, не выдержало бы напора воды ни одной здешней реки. Тогда ее величество сказала, что ее столяр сделает лодку, если я буду руководить его работой, и что она прикажет устроить бассейн для катания в этой лодке. Столяр, весьма искусный мастер, в десять дней соорудил по моим указаниям игрушеч-

ную лодку со всеми снастями, которая могла свободно выдержать восемь европейцев. Когда лодка была окончена, королева пришла в такой восторг, что тотчас же понесла показать ее королю. Последний приказал пустить ее для испытания в лохань с водой, но по недостатку места я не мог действовать там веслами. Однако королева еще раньше составила другой проект. Она приказала столяру сделать деревянное корыто в триста футов длины, пятьдесят ширины и восемь глубины. Это корыто, хорошо просмоленное для предохранения от течи, было поставлено на полу у стены одной из комнат дворца. На дне его находился кран для спуска воды, когда она начинала застаиваться, и двое слуг легко могли в полчаса снова наполнить его водой. В нем я часто занимался греблей как для собственного развлечения, так и для удовольствия королевы и ее фрейлин, которых очень забавляли мое искусство и ловкость. Иногда я ставил парус, и тогда моя работа ограничивалась управлением им, дамы же производили ветер своими веерами, когда же они уставали, то на мой парус дули пажы, между тем как я с настоящим искусством моряка держал лодку то на штирборте, то на бакборте. После катания Глюмдальклич уносила лодку в свою комнату и вешала ее на гвоздь для просушки.

Раз во время этих упражнений случилось происшествие, которое едва не стоило мне жизни. Когда паж опустил лодку в корыто, гувернантка Глюмдальклич любезно подняла меня, чтобы посадить в лодку. Но я проскользнул у нее между пальцами и непременно упал бы на пол с высоты сорока футов, если бы, по счастливой случайности, меня не задержала большая булавка в корсаже этой любезной дамы. Головка булавки прошла между рубашкой и поясом моих штанов, и, таким образом, я повис в воздухе, пока Глюмдальклич не прибежала ко мне на помощь.

В другой раз слуга, на обязанности которого лежало наполнять мое корыто каждые три дня свежей водой, по небрежности не доглядел, как вылил из ведра вместе с водой громадную лягушку. Когда меня сажали в лодку, лягушка притаилась; но едва увидев место, на которое можно было сесть, она вскарабкалась в лодку и так сильно накренила ее на одну сторону, что я должен был налечь всею тяжестью тела на противоположный борт, чтобы не дать лодке опрокинуться. Очутившись в лодке, лягушка стала прыгать взад и вперед над моей головой, обдавая мое лицо и платье своей вонючей слизью. Благодаря огромным своим размерам и нескладности она казалась мне самым безобразным животным, какое можно себе представить. Тем не менее я просил Глюмдальклич предоставить мне самому разделаться с ней.

После нескольких тумачеслов я наконец заставил ее выскочить из лодки.

Но величайшая опасность, какой только я подвергался в этом королевстве, исходила от обезьяны, принадлежавшей одному из служащих королевской кухни. Ушедши куда-то по делу или в гости, Глюмдальклич заперла меня в своей комнате. Погода стояла жаркая, и потому окно комнаты было открыто, точно так же как окна и дверь моего большого ящика, в котором я любил проводить время, так как он был обширен и удобен. Я сидел спокойно за столом и предавался размышлениям, как вдруг услышал, что кто-то проник через окно в комнату Глюмдальклич и стал прыгать по ней из конца в конец. Несмотря на сильный испуг, я все же рискнул, не трогаясь с места, взглянуть, что там происходит.

Я увидел обезьяну: она резвилась и скакала взад и вперед, пока не наткнулась на мой ящик, который стала рассматривать с большим любопытством и удовольствием, заглядывая во все окна и в дверь. Я забился в дальний угол своей комнаты, то есть ящика, но взор обезьяны, исследовавший его содержимое, привел меня в такой ужас, что я потерял способность соображать и не догадался спрятаться под кровать, хотя легко мог это сделать. Между тем обезьяна, с гримасами и дикими воплями осматривавшая мою комнату, в заключение обнаружила меня; тогда, просунув в дверь лапу, как кошка, играющая с мышью, она, — хотя я часто перебегал с места на место, чтобы ускользнуть от чудовища, — изловчилась, схватила меня за полу кафтана (сшитого из местного шелка, очень толстого и прочного) и вытащила наружу. Она взяла меня в верхнюю правую лапу и стала держать так, как кормилица держит ребенка, которому собирается дать грудь; у нас в Европе я сам наблюдал, как обезьяны берут таким образом котят. Когда я попытался сопротивляться, она так сильно сжала меня, что я счел более благоразумным покориться. По всей вероятности, она приняла меня за детеныша своей породы, потому что часто нежно гладила меня по лицу свободной лапой. Шум отворяемой двери прервал эти нежности; обезьяна мгновенно бросилась в окно, через которое она проникла в комнату, а оттуда на трех лапах, держа меня в четвертой, полезла по водосточным трубам на крышу соседней постройки. Я услышал крик Глюмдальклич в ту минуту, когда обезьяна уносила меня. Бедная девочка едва не помешалась; весь дворец был поднят на ноги, слуги побежали за лестницами; сотни людей видели со двора, как обезьяна уселась на самом коньке крыши: одной лапой она держала меня, как ребенка, а другой набивала мой рот яствами, которые вынимала из защечных мешков, и угощала тумачами, когда я отказывался от этой пищи. Стоявшая внизу челядь покатывалась со смеху, глядя на эту картину; и мне кажется, что людей этих нельзя строго осуждать, так как зрелище бесспорно было очень забавно для всех, кроме меня. Некоторые стали швырять камнями, надеясь прогнать таким образом обезьяну с крыши, но дворцовая полиция строго запретила это, так как иначе мне, вероятно, размозжили бы голову.

Были приставлены лестницы, и по ним поднялось несколько человек; увидя себя окруженной и сообразив, что на трех лапах ей не удрать, обезьяна бросила меня на конек крыши и дала тягу. Я остался на высоте трехсот ярдов от земли, ожидая каждую минуту, что меня сдует ветер или что вследствие головокружения я сам упаду и кубарем скачусь с конька до края крыши; но тут один бравый парень, слуга моей нянюшки, взобрался на крышу, положил меня в карман своих штанов и благополучно спустился вниз.

Я почти задохнулся от дряни, которой обезьяна набила мой рот; но моя милая нянюшка извлекла ее оттуда небольшой иглой, после чего меня вырвало, и я почувствовал большое облегчение. Однако я так ослабел и так был помят объятиями этого мерзкого животного, что пятнадцать дней пролежал в постели. Король, королева и все придворные каждый день осведомлялись о моем здоровье, и ее величество несколько раз навещала меня во время болезни. Обезьяну убили, и был отдан приказ не держать во дворце подобных животных.

Когда, по выздоровлении, я явился к королю благодарить его за оказанные мне милости, его величество изволил много шутить над моим приключением и спрашивал, какие мысли мне приходили в голову, когда я был в лапах обезьяны, как мне понравились ее кушанье и ее способ угощения; подействовал

ли свежий воздух на мой аппетит. Его величеству угодно было также знать, что я стал бы делать при подобной оказии у себя на родине. На эти вопросы я отвечал его величеству, что в Европе нет обезьян, кроме тех, которые как диковинки привозятся из чужих стран и которые так малы, что я бы справился с целой дюжиной их, если бы они осмелились на меня напасть. Что же касается чудовища, с которым мне недавно пришлось иметь дело (обезьяна в самом деле величиной была со слона), то, не отними у меня страх способности владеть тесаком (произнося эти слова, я стал в воинственную позу и ухватился за рукоятку своего тесака), я, может быть, нанес бы этому страшилищу, когда оно просунуло лапу в мою комнату, такую рану, что оно радо было бы как можно скорее убраться от меня. Все это я сказал твердым тоном, как человек, ревниво заботящийся о том, чтобы не возникло никаких сомнений насчет его храбрости. И все же речь моя вызвала лишь громкий смех придворных, от которого они не могли удержаться, несмотря на все почтение к его величеству. Это навело меня на грустные мысли о тщете попыток добиться уважения к себе со стороны людей, стоящих неизмеримо выше нас. Однако поведение, подобное моему, я очень часто наблюдал по приезду в Англию, где какой-нибудь ничтожный и презренный плут, не имея за собой ни благородного происхождения, ни личных заслуг, ни ума, ни здравого смысла, осмеливается иногда напускать на себя важный вид и ставить себя на одну ногу с величайшими людьми в государстве.

Каждый день я давал при дворе повод для веселого смеха; и даже Глюмдальклич, несмотря на свою нежную привязанность ко мне, не упускала случая рассказать королеве о моих выходках, когда считала, что они способны будут позабавить ее величество. Однажды девочке нездоровилось, и она была взята гувернанткой на загородную прогулку, миль за тридцать от дворца, подышать чистым воздухом. Карета остановилась у тропинки, пересекавшей поле; Глюмдальклич поставила мой дорожный ящик на землю, и я отправился прогуляться. На пути лежала куча коровьего помета, и мне вздумалось испытать свою ловкость и попробовать перескочить через эту кучу. Я разбежался, но, к несчастью, сделал слишком короткий прыжок и оказался в самой середине кучи, по колени в помете. Немало труда стоило мне выбраться оттуда, после чего один из лакеев тщательно вытер своим носовым платком мое перепачканное платье, а Глюмдальклич больше не выпускала меня из ящика до возвращения домой. Королева немедленно была извещена об этом приключении, а лакеи разнесли его по всему дворцу, так что в течение нескольких дней я был предметом общих насмешек.

ГЛАВА VI

Различные выдумки автора для развлечения короля и королевы. Он показывает свои музыкальные способности. Король интересуется общественным строем Европы, который автор излагает ему. Замечания короля по этому поводу

Обыкновенно раз или два в неделю я присутствовал при утреннем туалете короля и часто видел, как его бреет цирюльник, что сначала наводило на меня ужас, так как его бритва была почти в два раза длиннее нашей косы. Следуя обычаям страны, его величество брился только два раза в неделю. Однажды я попросил у цирюльника дать мне помылки или мыльную пену и вытащил от-

туда около сорока или пятидесяти самых толстых волос. Затем, раздобыв тоненькую щепочку, я обстрогал ее в виде спинки гребешка, просверлив в ней на равных расстояниях, с помощью самой тонкой иголки, какую можно было достать у Глюмдальклич, ряд отверстий. В отверстия я вставил волосы, обрезав и оскоблив их на концах моим перочинным ножом так искусно, что получился довольно сносный гребень. Эта обновка оказалась очень кстати, потому что на моем гребне зубцы пообломались, а здесь не было такого искусного мастера, который мог бы сделать мне новый. Это навело меня на мысль устроить одно развлечение, которому я посвятил много часов моего досуга. Я попросил камеристку королевы сохранять для меня вычески волос ее величества. Через некоторое время у меня набралось их довольно много. Тогда, посоветовавшись с моим приятелем столяром, получившим приказание исполнять все мои маленькие заказы, я поручил ему сделать под моим наблюдением два стула такой же величины, как те, что стояли у меня в спальне, и просверлить в них тонким шилом отверстия вокруг тех частей, которые предназначались для сиденья и спинки. В эти отверстия я впледел самые крепкие волосы, какие мне удалось набрать, как это делается в плетеных английских стульях. Окончив работу, я подарил стулья королеве, которая поставила их в своем будуаре, показывая всем как редкость; они действительно вызывали удивление всех, кто их видел. Королева изъявила желание, чтобы я сел на один из этих стульев, но я наотрез отказался ей повиноваться, заявив, что я лучше соглашусь претерпеть тысячу смертей, чем помещу низкую часть моего тела на драгоценные волосы, украшавшие когда-то голову ее величества. Из этих волос я сделал также небольшой изящный кошелек (я всегда отличался склонностью мастерить разные вещицы) длиной около пяти футов, с вензелем ее величества, вытканым золотыми буквами; с согласия королевы я подарил его Глюмдальклич. Но, говоря правду, этот кошелек годился скорее на показ, чем для практического употребления, так как он не мог выдерживать тяжести больших монет; поэтому она клала туда только безделушки, которые так нравятся девочкам.

Король любил музыку, и при дворе часто давались концерты, на которые иногда приносили и меня и помещали в ящике на столе; однако звуки инструментов были так оглушительны, что я с трудом различал мотив. Я уверен, что все барабанщики и трубачи королевской армии, заиграв разом под вашим ухом, не произвели бы такого эффекта. Во время концерта я старался устраиваться подальше от исполнителей, запирали в ящике окна, двери, задергивал гардины и портьеры; только при этих условиях я находил их музыку не лишенной приятности.

В молодости я научился немного играть на шпинете. В комнате Глюмдальклич стоял такой же инструмент; два раза в неделю к ней приходил учитель давать уроки. Я называю этот инструмент шпинетом по его некоторому сходству с последним и, главное, потому, что играют на нем точно так же, как и на шпинете. Мне пришла в голову мысль развлечь короля и королеву исполнением английских мелодий на этом инструменте. Но предприятие это оказалось необыкновенно трудным, так как инструмент имел в длину до шестидесяти футов и каждая его клавиша была шириной в фут, так что, растянув обе руки, я не мог захватить больше пяти клавиш, причем для нажатия клавиши требовался основательный удар кулаком по ней, что стоило бы мне большого труда и дало бы ничтожные результаты. Придуманный мной выход был таков: я приготовил

две круглые палки величиной в обыкновенную дубинку, один конец у них был толще другого; я обтянул толстые концы мышьиной кожей, чтобы при ударах по клавишам не испортить их и не осложнять игру посторонними звуками. Перед спинетом была поставлена скамья на четыре фута ниже клавиатуры, куда под-
няли меня. Я бегал по этой скамье взад и вперед со всей доступной для меня быстротой, ударяя палками по нужным клавишам, и таким образом ухитрился сыграть жигу, к величайшему удовольствию их величеств. Но это было самое изнурительное физическое упражнение, какое мне случалось когда-либо проделывать; и все же я ударял не более чем по шестнадцати клавишам и не мог, следовательно, играть на басах и на дискантах одновременно, как делают другие артисты, что, разумеется, сильно вредило моему исполнению.

Король, который, как я уже заметил, был монарх весьма тонкого ума, часто приказывал приносить меня в ящике к нему в кабинет и ставить на письменный стол. Затем он предлагал мне взять из ящика стул и сажал меня на расстоянии трех ярдов от себя на бюро, почти на уровне своего лица. В таком положении мне часто случалось беседовать с ним. Однажды я осмелился заметить его величеству, что презрение, выражаемое им к Европе и всему остальному миру, не согласуется с высокими качествами его благородного ума; что умственные способности не возрастают пропорционально размерам тела, а, напротив, в нашей стране наблюдается, что самые высокие люди обыкновенно в наименьшей степени наделены ими; что среди животных пчелы и муравьи пользуются славой более изобретательных, искусных и смысленных, чем многие крупные породы, и что каким бы ничтожным я ни казался в глазах короля, все же я надеюсь, что рано или поздно мне представится случай оказать его величеству какую-нибудь важную услугу. Король слушал меня внимательно и после этих бесед стал гораздо лучшего мнения обо мне, чем прежде. Он просил меня сообщить ему возможно более точные сведения об английском правительстве, ибо, как бы ни были государи привязаны к обычаям своей страны (такое заключение о других монархах он сделал на основании прежних бесед со мной), он был бы рад услышать что-нибудь, что заслуживало бы подражания.

Сам вообрази, любезный читатель, как страстно желал я обладать тогда красноречием Демосфена или Цицерона, которое дало бы мне возможность прославить дорогое мне отечество в стиле, равняющемся его достоинствам и его величию.

Я начал свою речь с сообщения его величеству, что наше государство состоит из двух островов, образующих три могущественных королевства под властью одного монарха; к ним нужно еще прибавить наши колонии в Америке. Я долго распространялся о плодородии нашей почвы и умеренности нашего климата. Потом я подробно рассказал об устройстве нашего парламента, в состав которого входит славный корпус, называемый палатой пэров, лиц самого знатного происхождения, владеющих древнейшими и обширнейшими вотчинами. Я описал ту необыкновенную заботливость, с какой всегда относились к их воспитанию в искусствах и военном деле, чтобы подготовить их к положению при-
рожденных советников короля и королевства, способных принимать участие в законодательстве; быть членами верховного суда, решения которого не подлежат обжалованию; благодаря своей храбрости, отменному поведению и преданности всегда готовых первыми выступить на защиту своего монарха и отечества. Я сказал, что эти люди являются украшением и оплотом королевства, достойны-

ми наследниками своих знаменитых предков, почести которых были наградой за их доблесть, неизменно наследуемую потомками до настоящего времени; что в состав этого высокого собрания входит некоторое количество духовных особ, носящих сан епископов, особой обязанностью которых являются забота о религии и наблюдение за теми, кто научает ее истинам народ; что эти духовные особы отыскиваются и избираются королем и его мудрейшими советниками из среды духовенства всей нации как наиболее отличившиеся святостью своей жизни и глубиной своей учености; что они действительно являются духовными отцами духовенства и своего народа.

Другую часть парламента, — продолжал я, — образует собрание, называемое палатой общин, членами которой бывают перворазрядные джентльмены, свободно избираемые из числа этого сословия самим народом, за их великие способности и любовь к своей стране, представлять мудрость всей нации. Таким образом, обе эти палаты являются самым величественным собранием в Европе, коему вместе с королем поручено все законодательство.

Затем я перешел к описанию судебных палат, руководимых судьями, этими почтенными мудрецами и толкователями законов, для разрешения тяжб, наказания порока и ограждения невинности. Я упомянул о бережливом управлении нашими финансами и о храбрых подвигах нашей армии как на суше, так и на море. Я назвал число нашего населения, подсчитав, сколько миллионов может быть у нас в каждой религиозной секте и в каждой политической партии. Я не умолчал также об играх и увеселениях англичан и вообще ни о какой подробности, если она могла, по моему мнению, служить к возвеличению моего отечества. И я закончил все кратким историческим обзором событий в Англии за последнее столетие.

Этот разговор продолжался в течение пяти аудиенций, из которых каждая заняла несколько часов. Король слушал меня очень внимательно, часто записывая то, что я говорил, и те вопросы, которые он собирался задать мне.

Когда я окончил свое длинное повествование, его величество в шестой аудиенции, справясь со своими заметками, высказал целый ряд сомнений, недоумений и возражений по поводу каждого из моих утверждений. Он спросил, какие методы применяются для телесного и духовного развития знатного юношества и в какого рода занятиях проводит оно обыкновенно первую и наиболее переимчивую часть своей жизни? Какой порядок пополнения этого собрания в случае угасания какого-нибудь знатного рода? Какие качества требуются от тех, кто впервые возводится в звание лорда: не случается ли иногда, что эти назначения бывают обусловлены прихотью монарха, деньгами, предложенными придворной даме или первому министру, или желанием усилить партию, противную общественным интересам? Насколько основательно эти лорды знают законы своей страны и позволяет ли им это знание решать в качестве высшей инстанции дела своих сограждан? Действительно ли эти лорды всегда так чужды корыстолюбия, партийности и других недостатков, что на них не может действовать подкуп, лесть и тому подобное? Действительно ли духовные лорды, о которых я говорил, возводятся в этот сан только благодаря их глубокому знанию религиозных доктрин и благодаря их святой жизни? Неужели никогда не угождали они мирским интересам, будучи простыми священниками, и нет среди них растленных капелланов какого-нибудь вельможи, мнениям которого они продолжают раболепно следовать и после того, как получили доступ в это собрание?

Затем король пожелал узнать, какая система практикуется при выборах тех депутатов, которых я назвал членами палаты общин: разве не случается, что чужой человек, с туго набитым кошельком, оказывает давление на избирателей, склоняя их голосовать за него вместо их помещика или наиболее достойного дворянина в околотке? Почему эти люди так страстно стремятся попасть в упомянутое собрание, если пребывание в нем, по моим словам, сопряжено с большим беспокойством и издержками, приводящими часто к разорению семьи, и не оплачивается ни жалованьем, ни пенсией? Такая жертва требует от человека столько добродетели и гражданственности, что его величество выразил сомнение, всегда ли она является искренней. И он желал узнать, нет ли у этих ревнителей каких-нибудь видов вознаградить себя за понесенные ими тягости и беспокойства путем принесения в жертву общественного блага намерениям слабого и порочного монарха вкупе с его развращенными министрами. Он задал мне еще множество вопросов и выпытывал все подробности, касающиеся этой темы, высказав целый ряд критических замечаний и возражений, повторять которые я считаю неудобным и неблагоприятным. По поводу моего описания наших судебных палат его величеству было угодно получить разъяснения относительно нескольких пунктов. И я мог наилучшим образом удовлетворить его желание, так как когда-то был почти разорен продолжительным процессом в верховном суде, несмотря на то, что процесс был мной выигран с присуждением мне судебных издержек. Король спросил, сколько нужно времени для определения, кто прав и кто виноват, и каких это требует расходов? Могут ли адвокаты и стряпчие выступать в судах ходатаями по делам заведомо несправедливым, в явное нарушение чужого права? Оказывает ли какое-нибудь давление на чашу весов правосудия принадлежность к религиозным сектам и политическим партиям? Получили ли упомянутые мной адвокаты широкое юридическое образование, или же они знакомы только с местными, провинциальными и национальными обычаями? Принимают ли какое-нибудь участие эти адвокаты, а равно и судьи, в составлении тех законов, толкование и комментирование которых предоставлено их усмотрению? Не случалось ли когда-нибудь, чтобы одни и те же лица защищали такое дело, против которого в другое время они возражали, ссылаясь на прецеденты для доказательства противоположных мнений? Богатую или бедную корпорацию составляют эти люди? Получают ли они за свои советы и ведение тяжбы денежное вознаграждение? В частности, допускаются ли они в качестве членов в нижнюю палату?

Затем король обратился к нашим финансам. Ему казалось, что мне изменила память, когда я называл цифры доходов и расходов, так как я определил первые в пять или шесть миллионов в год, между тем как расходы, по моим словам, превышают иногда означенную цифру больше чем вдвое. Заметки, сделанные королем по этому поводу, были особенно тщательны, потому что, по его словам, он надеялся извлечь для себя пользу из знакомства с ведением наших финансов и не мог ошибиться в своих выкладках. Но раз мои цифры были правильны, то король недоумевал, каким образом государство может расточать свое состояние, как частный человек. Он спрашивал, кто наши кредиторы и где мы находим деньги для платежа долгов. Он был поражен, слушая мои рассказы о столь обременительных и затяжных войнах, и вывел заключение, что мы — или народ сварливый, или же окружены дурными соседями и что наши генералы, наверное, богаче королей. Он спрашивал, что за дела могут быть у нас

за пределами наших островов, кроме торговли, дипломатических сношений и защиты берегов с помощью нашего флота. Особенно поразило короля то обстоятельство, что нам, свободному народу, необходима наемная регулярная армия в мирное время. Ведь если у нас существует самоуправление, осуществляемое wybranными нами депутатами, то — недоумевал король — кого же нам бояться и с кем воевать? И он спросил меня: разве не лучше может быть защищен дом каждого из граждан его хозяином с детьми и домочадцами, чем полдюжиной случайно завербованных на улице за небольшое жалованье мошенников, которые могут получить в сто раз больше, перерезав горло охраняемым лицам?

Король много смеялся над моей странной арифметикой (как угодно было ему выразиться), по которой я определил численность нашего народонаселения, сложив количество последователей существующих у нас религиозных сект и политических партий. Он не понимал, почему того, кто исповедует мнения, пагубные для общества, принуждают изменить их, но не принуждают держать их при себе. И если требование перемены убеждений является правительственной тиранией, то дозволение открыто исповедовать мнения пагубные служит выражением слабости; в самом деле, можно не запрещать человеку держать яд в своем доме, но нельзя позволять ему продавать этот яд как лекарство.

Король обратил внимание, что в числе развлечений, которым предается наша знать и наше дворянство, я назвал азартные игры. Ему хотелось знать, в каком возрасте начинают играть и до каких лет практикуется это занятие; сколько времени отнимает оно; не приводит ли иногда увлечение им к потере состояния; не случается ли, кроме того, что порочные и низкие люди, изучив все тонкости этого искусства, игрой наживают большие богатства и держат подчас в зависимости от себя людей весьма знатных и что в то же время последние, находясь постоянно в презренной компании, отвлекаются от совершенствования своего разума и бывают вынуждены благодаря своим проигрышам изучать все искусство ловкого мошенничества и применять его на практике.

Мой краткий исторический очерк нашей страны за последнее столетие поверг короля в крайнее изумление. Он объявил, что, по его мнению, эта история есть не что иное, как куча заговоров, смут, убийств, избиений, революций и высылки, являющихся худшим результатом жадности, партийности, лицемерия, вероломства, жестокости, бешенства, безумия, ненависти, зависти, сластолюбия, злобы и честолюбия.

В следующей аудиенции его величество взял на себя труд вкратце резюмировать все, о чем я говорил; он сравнивал свои вопросы с моими ответами; потом, взяв меня в руки и тихо лаская, обратился ко мне со следующими словами, которых я никогда не забуду, как не забуду и тона, каким они были сказаны: "Мой маленький друг Грильдриг, вы произнесли удивительнейший панегирик вашему отечеству; вы ясно доказали, что невежество, леность и порок являются подчас единственными качествами, присущими законодателю; что законы лучше всего объясняются, истолковываются и применяются на практике теми, кто более всего заинтересован и способен извращать, запутывать и обходить их. В ваших учреждениях я усматриваю черты, которые в своей основе, может быть, и терпимы, но они наполовину истреблены, а в остальной своей части совершенно замараны и осквернены. Из сказанного вами не видно, чтобы для занятия у вас высокого положения требовалось обладание какими-нибудь достоинствами; еще менее видно, чтобы люди жаловались высокими званиями на основа-

нии их добродетелей, чтобы духовенство получало повышение за свое благочестие или ученость, военные — за свою храбрость и благородное поведение, судьи — за свою неподкупность, сенаторы — за любовь к отечеству и государственные советники — за свою мудрость. Что касается вас самого (продолжал король), прошедшего большую часть жизни в путешествиях, то я расположен думать, что до сих пор вам удалось избежать многих пороков вашей страны. Но факты, отмеченные мной в вашем рассказе, а также ответы, которые мне с таким трудом удалось выжать и вытянуть из вас, не могут не привести меня к заключению, что большинство ваших соотечественников есть порода маленьких отвратительных гадов, самых зловредных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности.

ГЛАВА VII

Любовь автора к своему отечеству. Он делает весьма выгодное предложение королю, но король его отвергает. Великое невежество короля в делах политики. Несовершенство и ограниченность знаний этого народа. Его законы, военное дело и партия

Лишь моя крайняя любовь к истине помешала мне утаить эту часть моей истории. Напрасно было выказывать свое негодование, потому что, кроме смеха, оно ничего не могло возбудить; и мне пришлось спокойно и терпеливо выслушивать это оскорбительное третирование моего благородного и горячо любимого отечества. Я искренне сожалею, что на мою долю выпала такая роль, как сожалел бы, вероятно, любой из моих читателей; но монарх этот был так любознателен и с такой жадностью стремился выведать малейшие подробности, что ни моя благодарность, ни благовоспитанность не позволяли отказать ему в посильном удовлетворении его любопытства. Однако же — да будет разрешено мне заметить в мое оправдание — я очень искусно обошел многие вопросы короля и каждому пункту придал гораздо более благоприятное освещение, чем то было совместимо с требованиями строгой истины. Таким образом, в свой рассказ я всегда вносил похвальное пристрастие к своему отечеству, которое Дионисий Галикарнасский столь справедливо рекомендует всем историкам; мне хотелось скрыть слабости и уродливые явления в жизни моей родины и выставить в самом благоприятном свете ее красоту и добродетель. Таково было мое чистосердечное старание во время моих многочисленных бесед с этим могущественным монархом, к сожалению, однако, не увенчавшееся успехом.

Но нельзя быть слишком требовательным к королю, который совершенно отрезан от остального мира и вследствие этого находится в полном неведении нравов и обычаев других народов. Такое неведение всегда порождает известную узость мысли и множество предрассудков, которых мы, подобно другим просвещенным европейцам, совершенно чужды. И, разумеется, было бы нелепо предлагать в качестве образца для всего человечества понятия добродетели и порока, принадлежащие столь далекому монарху.

Для подтверждения сказанного, а также чтобы показать прискорбные последствия ограниченного образования, упомяну здесь о происшествии, которое покажется невероятным. В надежде снискать еще большее благоволение короля я рассказал ему об изобретении три или четыре столетия тому назад некоего порошка, обладающего свойством мгновенно воспламеняться в каком угодно

огромном количестве от малейшей искры и разлетаться в воздухе, производя при этом шум и сотрясение, подобные грому. Я сказал, что определенное количество этого порошка, будучи забито в полую медную или жестяную трубу, выбрасывает, смотря по величине трубы, железный или свинцовый шар с такой силой и быстротой, что ничто не может устоять против его удара; что наиболее крупные из пущенных таким образом шаров не только уничтожают целые шеренги солдат, но разрушают до основания самые крепкие стены, пускают ко дну громадные корабли с тысячами людей, а скованные цепью вместе рассекают мачты и снасти, крошат на куски сотни человеческих тел и сеют кругом опустошение; что часто мы начинаем этим порошком большие полые железные шары и особыми орудиями пускаем их в осаждаемые города, где они взрывают мостовые, разносят на куски дома, зажигают их, разбрасывая во все стороны осколки, которые проламывают череп каждому, кто случится вблизи; что мне в совершенстве известны составные части этого порошка, которые стоят недорого и встречаются повсюду; что я знаю, как их нужно смешивать, и могу научить мастеров изготавливать металлические трубы, согласуя их калибр с остальными предметами в королевстве его величества, причем самые большие не будут превышать ста футов в длину, и что, наконец, двадцать или тридцать таких труб, заряженных соответствующим количеством пороха и соответствующими ядрами, в несколько часов разрушат крепостные стены самого большого города в его владениях и обратят в развалины всю столицу, если бы население ее вздумало сопротивляться его неограниченной власти. Я скромно предложил его величеству эту маленькую услугу в знак благодарности за многие его милости и покровительство.

Выслушав описание этих разрушительных орудий и мое предложение, король пришел в ужас. Он был поражен, как может такое бессильное и ничтожное насекомое, каким был я (это его собственное выражение), не только питать столь бесчеловечные мысли, но и до того свыкнуться с ними, чтобы совершенно равнодушно рисовать сцены кровопролития и опустошения как самые обыкновенные действия этих разрушительных машин, изобретателем которых, сказал он, был, должно быть, какой-то злобный гений, враг рода человеческого. Он заявил, что, хотя ничто не доставляет ему такого удовольствия, как открытия в области искусства и природы, тем не менее он скорее согласится потерять половину своего королевства, чем быть посвященным в тайну подобного изобретения, и советует мне, если я дорожу своей жизнью, никогда больше о нем не упоминать.

Странное действие узких принципов и ограниченного кругозора! Этот монарх, обладающий всеми качествами, обеспечивающими любовь, почтение и уважение, одаренный большими способностями, громадным умом, глубокой ученостью и удивительным талантом управлять, почти обожаемый подданными, — вследствие чрезмерной ненужной щепетильности, совершенно непонятной нам, европейцам, упустил из рук средство, которое сделало бы его властелином жизни, свободы и имущества своего народа. Говоря так, я не имею ни малейшего намерения умалить какую-нибудь из многочисленных добродетелей этого превосходного короля, хотя я отлично сознаю, что мой рассказ сильно уронит его в мнении читателя-англичанина; но я утверждаю, что подобный недостаток является следствием невежества этого народа, у которого политика до сих пор не возведена на степень науки, какую сделали ее более утонченные

умы Европы. Я очень хорошо помню, как однажды в разговоре с королем мое замечание насчет того, что у нас написаны тысячи книг об искусстве управления, вызвало у него (в противоположность моим ожиданиям) самое нелестное мнение о наших умственных способностях. Он заявил, что ненавидит и презирает всякую тайну, утонченность и интригу как у государей, так и у министров. Он не мог понять, что я разумею под словами "государственная тайна", если дело не касается неприятеля или враждебной нации. Все искусство управления он ограничивает самыми тесными рамками и требует для него только здравого смысла, разумности, справедливости, кротости, быстрого решения уголовных и гражданских дел и еще нескольких очевидных для каждого качеств, которые не стоят того, чтобы на них останавливаться. По его мнению, всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все политики, взятые вместе.

Знания этого народа очень недостаточны; они ограничиваются моралью, историей, поэзией и математикой, но в этих областях, нужно отдать справедливость, ими достигнуто большое совершенство. Что касается математики, то она имеет здесь чисто прикладной характер и направлена на улучшение земледелия и разных отраслей техники, так что у нас она получила бы невысокую оценку. А относительно идей, сущностей, абстракций и трансценденталий мне так и не удалось внедрить в их головы ни малейшего представления.

В этой стране не дозволяется формулировать ни один закон при помощи числа слов, превышающего число букв алфавита, а в нем их насчитывают всего двадцать две; но лишь очень немногие законы достигают даже этой длины. Все они выражены в самых ясных и простых терминах, и эти люди не отличаются такой изворотливостью ума, чтобы открывать в законе несколько смыслов; писать комментарий к какому-либо закону считается большим преступлением. Что касается гражданского и уголовного судопроизводства, то прецедентов в этих областях у них так мало, что они не могут похвастаться особым искусством по этой части.

Искусство книгопечатания у них, как и у китайцев, существует с незапамятных времен. Но библиотеки их не очень велики. Так, например, королевская, считающаяся самой значительной, заключает в себе не более тысячи томов, помещенных в галерею длиною в сто двадцать футов, откуда мне было дозволено брать любую книгу. Столяр королевы смастерил в одной из комнат Глюмдальклич деревянный станок, вышиною в двадцать пять футов, по форме похожий на стоячую лестницу, каждая ступенька которой имела пятьдесят футов длины. Он составлял передвижной ряд ярусов, и нижний конец помещался на расстоянии десяти футов от стены комнаты. Книга, которую я желал читать, приставлялась к стене; я взбирался на самую верхнюю ступень лестницы и, повернув лицо к книге, начинал чтение с верха страницы, передвигаясь вдоль нее слева направо на расстояние восьми или десяти шагов, смотря по длине строки; до тех пор, пока строки не опускались ниже уровня моих глаз; тогда я спускался на следующую ступеньку, пока постепенно не доходил до конца страницы, после чего поднимался снова и прочитывал таким же образом другую страницу; листы книги я переворачивал обеими руками, что было нетрудно делать, так как каждый из них по толщине и плотности не превосходил нашего картона, и в книге самого большого формата имел длину всего от восемнадцати до двадцати футов.

Их слог отличается ясностью, мужественностью и гладкостью, без малейшей цветистости, ибо более всего они стараются избегать нагромождения ненужных слов и разнообразия выражений. Я прочитал много их книг, особенно исторического и нравственного содержания. Между прочим, мне доставил большое удовольствие маленький старинный трактат, который всегда лежал в спальне Глюмдальклич и принадлежал ее гувернантке, почтенной пожилой даме, много читавшей на моральные и религиозные темы. Книга повествует о слабости человеческого рода и не пользуется большим уважением, исключая женщин и простого народа. Однако мне было любопытно узнать, что мог сказать местный писатель на подобную тему. Он повторяет обычные рассуждения европейских моралистов, показывая, каким слабым презренным и беспомощным животным является по своей природе человек; как он не способен защищаться от климатических условий и ярости диких животных; как эти животные превосходят его — одни своей силой, другие быстротой, третьи предусмотрительностью, четвертые трудолюбием. Он доказывает, что в последние упадочные столетия природа вырождается и может производить только каких-то недоносков сравнительно с людьми, которые жили в древние времена. По его мнению, есть большое основание думать, что не только человеческая порода была первоначально крупнее, но что в прежние времена существовали также великаны, о чем свидетельствуют история и предания и что подтверждается огромными костями и черепами, случайно откапываемыми в различных частях королевства, по своим размерам значительно превосходящими нынешних измельчавших людей. Он утверждает, что сами законы природы необходимо требуют, чтобы вначале мы были крупнее ростом и сильнее, менее подвержены гибели от незначительной случайности — упавшей с крыши черепицы, камня, брошенного рукой мальчика, ручейка, в котором мы тонем. Из этих рассуждений автор извлекает несколько нравственных правил, полезных для повседневной жизни, которые незачем здесь повторять. Прочитав эту книгу, я невольно задумался над вопросом, почему у людей так распространена страсть произносить поучения на нравственные темы, а также досадовать и сетовать на свои слабости, обнаруживающиеся при борьбе со стихиями. Мне кажется, тщательное исследование вопроса может доказать всю необоснованность подобных жалоб как у нас, так и у этого народа.

Что касается военного дела, то туземцы гордятся численностью королевской армии, которая состоит из ста семидесяти шести тысяч пехоты и тридцати двух тысяч кавалерии, если можно назвать армией корпус, составленный в городах из купцов, а в деревнях из фермеров, под командой больших вельмож или мелкого дворянства, не получающих ни жалованья, ни другого вознаграждения. Но армия эта достаточно хорошо делает свои упражнения и отличается прекрасной дисциплиной, что, впрочем, не удивительно, ибо как может быть иначе там, где каждый фермер находится под командой своего помещика, а каждый горожанин под командой первых людей в городе, и где эти начальники избираются баллотировкой, как в Венеции.

Мне часто приходилось видеть военные упражнения столичного ополчения на большом поле в двадцать квадратных миль, недалеко от города. Хотя в сборе было не более двадцати пяти тысяч пехоты и шести тысяч кавалерии, но я ни за что не мог бы сосчитать их — такое громадное пространство занимала армия. Каждый кавалерист, сидя на лошади, представлял собой колонну вышиною около ста футов. Я видел, как весь этот кавалерийский корпус по команде

разом обнажал сабли и размахивал ими в воздухе. Никакое воображение не может придумать ничего более грандиозного и поразительного! Казалось, будто десять тысяч молний разом вспыхивали со всех сторон небесного свода.

Мне было любопытно узнать, каким образом этот государь, владения которого нигде не граничат с другим государством, пришел к мысли организовать армию и обучить свой народ военной дисциплине. Вот что я узнал по этому поводу как из рассказов, так и из чтения исторических сочинений. В течение нескольких столетий эта страна страдала той же болезнью, которой подвержены многие другие государства: дворянство часто боролось за власть, народ — за свободу, а король — за абсолютное господство. Силы эти, хотя и счастливо умеряемые законами королевства, по временам выходили из равновесия и не раз затевали гражданскую войну. Последняя из таких войн благополучно окончилась при деде ныне царствующего монарха и привела все партии к соглашению и взаимным уступкам. Тогда с общего согласия было сформировано ополчение, которое всегда стоит на страже порядка.

ГЛАВА VIII

Король и королева предпринимают путешествие к границам государства. Автор сопровождает их. Подробный рассказ о том, каким образом автор оставляет страну. Он возвращается в Англию

У меня всегда было предчувствие, что рано или поздно я возвращу себе свободу, хотя я не мог ни предугадать, каким способом, ни придумать никакого проекта, который имел бы малейшие шансы на успех. Корабль, на котором я прибыл сюда, был первый, показавшийся у этих берегов, и король отдал строжайшее повеление, на случай, если появится другой такой же корабль, притащить его к берегу и доставить со всем экипажем на телеге в Лорбрульгруд. Король имел сильное желание достать мне женщину моего роста, от которой у меня могли бы быть дети. Однако, мне кажется, я скорее согласился бы умереть, чем принять на себя позор оставить потомство, которое содержалось бы в клетках, как прирученные канарейки, и со временем, может быть, продавалось бы как диковинка для развлечения знатных лиц. Правда, обращались со мной очень ласково: я был любимцем могущественного короля и королевы, предметом внимания всего двора, но в этом обращении было нечто оскорбительное для моего человеческого достоинства. Я никогда не мог забыть оставленную на родине семью. Я чувствовал потребность находиться среди людей, с которыми мог бы общаться как равный с равными и ходить по улицам и полям, не опасаясь быть растоптанным, подобно лягушке или щенку. Однако мое освобождение произошло раньше, чем я ожидал, и не совсем обыкновенным образом. Я добросовестно расскажу все обстоятельства этого удивительного происшествия.

Уже два года я находился в этой стране. В начале третьего мы с Глюмдалклич сопровождали короля и королеву в их путешествии к южному побережью королевства. Меня, по обыкновению, возили в дорожном ящике, который, как я уже описывал, был очень удобной комнатой шириною в двенадцать футов. В этой комнате, при помощи шелковых веревок, я велел прикрепить к четырем углам потолка гамак, который ослаблял силу толчков, когда слуга, верхом на лошади, держал меня перед собой, согласно изъявленному мной иногда желанию. Часто в дороге я засыпал в этом гамаке. В крыше моего ящика, прямо

над гамаком, было устроено столяром, по моей просьбе, отверстие величиною в квадратный фут для доступа свежего воздуха в жаркую погоду во время моего сна; я мог по желанию открывать и закрывать это отверстие при помощи доски, двигавшейся в желобках.

Когда мы достигли цели нашего путешествия, король решил провести несколько дней во дворце близ Фленфласника, города, расположенного в восемнадцати английских милях от морского берега. Глюмдальклич и я были сильно утомлены; я схватил небольшой насморк, а бедная девочка так сильно заболела, что вынуждена была оставаться в своей комнате. Мне очень хотелось видеть океан — единственное место, которое могло служить театром моего бегства, если бы ему суждено было когда-нибудь осуществиться. Я притворился более больным, чем был на самом деле, и просил отпустить меня подышать свежим морским воздухом с пажом, которого очень любил и которому меня доверяли уже несколько раз. Никогда не забуду, с какой неохотой Глюмдальклич согласилась на эту прогулку и сколько наставлений дала она пажу заботливо беречь меня; она была вся в слезах, как будто предчувствуя, что должно было произойти. Мальчик нес меня в ящике около получаса по направлению к скалистому морскому берегу. Здесь я велел ему поставить ящик и, открыв одно из окон, начал с тоской смотреть на воды океана. Я чувствовал себя нехорошо и сказал пажу, что хочу вздремнуть в гамаке, надеясь, что сон принесет мне облегчение. Я лег, и паж плотно закрыл окно, чтобы мне не надуло. Я скоро заснул, и все мои предположения сводятся к тому, что паж, думая, что во время сна со мной не может случиться ничего опасного, направился к скалам искать птичьих гнезда; ибо и раньше мне случалось наблюдать из моего окна, как он находил эти гнезда в расщелинах скал и доставал оттуда яйца. Как бы то ни было, но я внезапно проснулся от резкого толчка, точно кто-то с силой дернул за кольцо, прикрепленное к крышке моего ящика, чтобы удобнее было носить его. Я чувствовал, как мой ящик поднялся высоко в воздух и затем понесся со страшной скоростью. Первый толчок едва не выбросил меня из гамака, но потом движение стало более плавным. Я не сколько раз принимался кричать во всю глотку, но без всякой пользы. Я смотрел в окна и видел только облака и небо. Над головой я слышал шум, похожий на всплески крыльев, и мало-помалу начал сознавать опасность моего положения: должно быть, орел, захватив клювом кольцо моего ящика, понес его с намерением бросить о скалу, как черепаху в панцире, и затем извлечь из-под обломков мое тело и пожрать его: смышленность и чутье этой птицы дают ей возможность выследить добычу на большом расстоянии, хотя бы она была скрыта лучше, чем я, огражденный досками толщиной в два дюйма.

Спустя некоторое время я заметил, что шум усилился, а взмахи крыльев участились, и что мой ящик закачался из стороны в сторону, как вывеска на столбе в ветреный день. Я услышал несколько ударов или тумачков, нанесенных, по моему предположению, орлу (ибо я был уверен, что именно орел держал в клюве кольцо моего ящика); затем вдруг я почувствовал, что падаю отвесно вниз около минуты, но с такой невероятной скоростью, что у меня захватило дух. Мое падение было остановлено страшным всплеском, который отдался в моих ушах сильнее, чем шум Ниагарского водопада. После этого я в продолжение минуты был во мраке, затем мой ящик начал подниматься, и в верхнюю часть окон я увидел свет. Тогда я понял, что упал в море. Благодаря тяжести

моего тела, а также различным вещам и железным пластинам, которыми ящик был скреплен для прочности по всем четырем углам сверху и снизу, он погрузился в воду на пять футов. Я предполагал и предполагаю теперь, что на орла, летевшего с ящиком, напали два или три соперника, надеясь поделиться добычей, и что во время битвы орел выпустил меня из клюва. Железные пластины, укрепленные на дне ящика (самые тяжелые из всех), помогли ему сохранить во время падения равновесие и не дали разбиться о поверхность воды. Все скрепы были тесно пригнаны; двери отворялись не на петлях, а поднимались и опускались, как подъемные окна. Словом, моя комната была закрыта так плотно, что воды туда проникло очень немного. С трудом выйдя из гамака, я отважился отодвинуть в крышке упомянутую выше доску, чтобы впустить свежего воздуха, от недостатка которого я почти задохнулся.

Как часто возникало у меня тогда желание быть с моей милой Глюмдальклич, от которой один только час так отдалил меня! По совести говорю, что среди собственных несчастий я не мог удержаться от слез при мысли о моей бедной нянюшке, о горе, которое причинит ей эта потеря, о неудовольствии королевы и о крушении ее надежд. Вряд ли многим путешественникам выпадало на долю такое трудное и отчаянное положение, в каком находился я в это время, ежеминутно ожидая, что мой ящик разобьется или, в лучшем случае, будет опрокинут первым же порывом ветра и первой же волной. Стоило только разбиться хотя бы одному оконному стеклу, и мне грозила бы неминуемая смерть; между тем эти стекла были защищены только железными решетками, поставленными снаружи в ограждение от дорожных случайностей. Заметив, что вода начинает просачиваться сквозь щели, хотя они были незначительны, я как мог законопатил их. Я был не в силах поднять крышу моего ящика, что непременно сделал бы и взобрался бы наверх; там я мог, по крайней мере, протянуть несколько часов дольше, чем сидя взаперти в этом, если можно так сказать, трюме. Но если бы даже мне удалось избежать опасности в продолжение одного или двух дней, то затем чего я мог ожидать, кроме смерти от голода и холода? В таком состоянии я пробыл около четырех часов, каждую минуту ожидая и даже желая гибели.

Я уже говорил читателю, что к глухой стороне моего ящика были прикреплены две прочные скобы, в которые слуга, возивший меня на лошади, продевал кожаный ремень и пристегивал его к своему поясу. Находясь в этом неутешительном положении, я вдруг услышал, или мне только почудилось, что по этой стороне ящика что-то царапается; скоро после этого мне показалось, что ящик тащат или буксируют по морю, так как по временам я чувствовал как бы дерганье, от которого волны подымались до самых верхушек моих окон, погружая меня в темноту. Это поселило во мне слабую надежду на освобождение, хотя я не мог понять, откуда могла прийти помощь. Я решился отвинтить один из моих стульев, прикрепленных к полу, и с большими усилиями снова привинтил его под подвижной доской, которую незадолго перед тем отодвинул. Взобравшись на этот стул и приблизив, насколько возможно, свой рот к отверстию, я стал громко звать на помощь на всех известных мне языках. Потом я привязал платок к палке, которая всегда была со мной, и, просунув ее в отверстие, стал махать платком с целью привлечь внимание лодки или корабля, если бы таковые находились поблизости, и дать знать матросам, что в ящике заключен несчастный смертный.

Но все это, казалось, не приводило ни к каким результатам; однако же я

ясно ощущал, что моя комната все подвигается вперед. Спустя час или более сторона ящика, где находились скобы, толкнулась о что-то твердое. Я испугался, не скала ли это, и почувствовал, что ящик качается больше, чем прежде. Я ясно расслышал на крыше моей комнаты шум, словно был брошен канат, затем он заскрипел, как если бы его продевали в кольцо. После этого я почувствовал, что в несколько приемов меня подняли фута на три выше, чем я был прежде. Я снова выставил палку с платком и начал призывать на помощь, пока не охрип. В ответ я услышал громкие восклицания, повторившиеся три раза, которые привели меня в неописуемый восторг, понятный только тому, кто сам испытал его. Затем я услышал топот ног над моей головой, и кто-то громко закричал мне в отверстие по-английски: "Если есть кто-нибудь там внизу, пусть говорит". Я отвечал, что я англичанин, вовлеченный злою судьбою в величайшие бедствия, какие постигали когда-нибудь разумное существо, и заклинал всем, что может тронуть сердце, освободить меня из моей темницы. На это голос сказал, что я в безопасности, так как мой ящик привязан к кораблю и немедленно явится плотник, который пропилит в крыше отверстие, достаточно широкое, чтобы вытащить меня. Я отвечал, что в этом нет надобности и даром будет потрачено много времени; гораздо проще кому-нибудь из экипажа просунуть палец в кольцо ящика, вынуть его из воды и поставить в каюте капитана. Услышав мои нелепые слова, некоторые матросы подумали, что имеют дело с сумасшедшим, другие смеялись. И в самом деле, я совершенно упустил из виду, что нахожусь теперь среди людей одинакового со мной роста и силы. Явился плотник и в несколько минут пропилил дыру в четыре квадратных фута, затем спустил небольшую лестницу, по которой я вышел наверх, после чего был взят на корабль в состоянии крайней слабости.

Изумленные матросы задавали мне тысячи вопросов, на которые я не имел расположения отвечать. В свою очередь, и я был приведен в замешательство при виде стольких пигмеев, потому что такими казались эти люди моим глазам, привыкшим долгое время смотреть только на предметы чудовищной величины. Но капитан, мистер Томас Вилькоккс, достойный и почтенный шропширец, заметив, что я готов упасть в обморок, отвел меня в свою каюту, дал укрепляющего лекарства и уложил в свою постель, советуя мне немного отдохнуть, что действительно было мне крайне необходимо. Прежде чем заснуть, я сообщил капитану, что в моем ящике находится ценная мебель, которую было бы жаль потерять; что там есть прекрасный гамак, походная постель, два стула, стол и комод, что комната вся увешана или, лучше сказать, обита шелком и бумажными тканями и что если капитан прикажет кому-нибудь из матросов принести в каюту ящик, то я открою его и покажу ему все мои богатства. Услышав этот вздор, капитан подумал, что я в бреду, однако (я полагаю, чтобы успокоить меня) обещал распорядиться исполнить мое желание. Затем он вышел на палубу и велел нескольким матросам спуститься в мой ящик, откуда они вытащили (как я узнал потом) все мои вещи и содрали обивку, причем стулья, комод и постель, привинченные к полу, были сильно испорчены, так как матросы по неведению стали их вырывать. Они сняли некоторые доски для корабельных нужд и, взяв все, что обратило на себя их внимание, бросили остов ящика в море; получив теперь много повреждений в полу и стенках, он быстро наполнился водой и пошел ко дну. Я был очень доволен, что мне не пришлось присутствовать при этом разрушении, так как уверен, что оно бы очень расстроило меня, приведя

мне на память пережитое, которое я предпочел бы забыть.

Я проспал несколько часов, но беспокойно, так как мне все время снились только что покинутые мной места и опасности, которых мне удалось избежать. Все же, проснувшись, я почувствовал, что силы мои восстановились. Было около восьми часов вечера, и капитан, полагавший, что я долго уже голодаю, приказал немедленно подать ужин. Он гостеприимно угощал меня, заметив, что взгляд мой не безумен и речь не бессвязна. Когда мы остались одни, он попросил меня рассказать о моих приключениях и сообщить, какие обстоятельства бросили меня в этом чудовищном деревянном сундуке на волю ветра и волн. Он сказал, что около полудня заметил его в зрительную трубу и сначала принял его за парус. Так как курс капитана лежал недалеко, то он решил к нему направиться в надежде купить немного сухарей, в которых у него чувствовался недостаток. Подойдя ближе и убедившись в своей ошибке, он послал шлюпку узнать, в чем дело. Матросы в испуге воротились назад, клятвенно уверяя, что видели плавучий дом. Посмеявшись над их глупостью, капитан сам спустился в шлюпку, приказав матросам взять с собою два прочных каната. Так как море было спокойно, то он несколько раз объехал вокруг ящика и заметил в нем окна с железными решетками. Затем он обнаружил две скобы на одной стороне, которая была вся дощатая, без отверстий для пропуска света. Капитан приказал подплыть к этой стороне и, привязав канат к одной скобе, велел матросам тащить мой сундук (как он его называл) на буксире к кораблю. Когда его притащили, капитан приказал привязать другой канат к кольцу, прикрепленному на крыше, и на блоках поднять ящик; но, несмотря на участие всей команды, меня удалось поднять только на два или на три фута. Капитан сказал, что они видели мою палку с платком, просунутую в дыру, и решили, что в ящике заключены какие-то несчастные. Я спросил капитана, не видел ли он или кто-нибудь из экипажа на небе громадных птиц, перед тем как меня заметили с корабля. На это он ответил, что когда он обсуждал событие с матросами во время моего сна, то один из матросов сообщил, что видел трех орлов, летевших по направлению к северу, но они не показались ему больше обыкновенных; последнее обстоятельство, я полагаю, объясняется большой высотой, на которой летели птицы. Капитан не мог понять, почему я задаю такой вопрос. Затем я спросил его, далеко ли мы находимся от земли. На это он ответил, что, по самым точным вычислениям, мы находимся от берега на расстоянии не менее ста лиг. Я сказал капитану, что он больше чем на половину ошибается, так как я упал в море спустя каких-нибудь два часа, после того как покинул страну, в которой жил. После моего замечания капитан снова стал думать, что мозги мои не в порядке, на что он мне намекнул и посоветовал отправиться спать в каюту, которая для меня приготовлена. Я уверил капитана, что благодаря его любезному приему и прекрасному обществу я совершенно восстановил свои силы и что ум мой ясен как никогда. Тогда он принял серьезный вид и, попросив позволения говорить со мной откровенно, спросил, не повредился ли мой рассудок оттого, что на совести у меня лежит тяжкое преступление, в наказание за которое я и был посажен, по повелению какого-нибудь государя, в этот сундук: ведь существует же в некоторых странах обычай сажать больших преступников без пищи в дырявые суда и пускать эти суда в море; хотя он очень бранит себя за то, что принял на корабль такого преступника, однако дает слово доставить меня в целости в первый же порт. Он добавил, что подозрения его сильно укрепили нелепости, ко-

торые я говорил сначала матросам, а потом и ему по поводу моей комнаты, или сундука, мои беспокойные взгляды и странное поведение за ужином.

Я просил капитана терпеливо выслушать рассказ о моих приключениях, которые я добросовестно изложил, начиная с последнего отъезда из Англии и до той минуты, когда он заметил мой ящик. И так как истина всегда находит доступ в рассудительный ум, то этот достойный и почтенный джентльмен, обладавший большим здравым смыслом и не лишенный образования, был скоро убежден в моей искренности и правдивости. Однако, желая еще более подтвердить все сказанное мною, я попросил капитана приказать принести мой комод, ключ от которого был у меня в кармане (ибо он уже сообщил мне, каким образом матросы распорядились с моей комнатой). Я открыл комод в присутствии капитана и показал ему небольшую коллекцию редкостей, собранных мною в стране, которую я покинул таким странным образом. Там был гребень, который я смастерил из волос королевской бороды, и другой, сделанный из того же материала, но вместо дерева на его спинку я употребил обрезок ногтя с большого пальца ее величества. Там была коллекция иголок и булавок длиною от фута до полуярда; несколько вычесок из волос королевы; золотое кольцо, которое королева однажды любезно подарила, сняв его с мизинца и надев мне на шею как ожерелье. Я просил капитана принять кольцо в благодарность за оказанные им мне услуги, но он наотрез отказался. Я показал ему также мозоль, которую собственными руками срезал с пальца на ноге одной фрейлины; эта мозоль, величиною с кентское яблоко, была так тверда, что по возвращении в Англию я вырезал из нее кубок и оправил в серебро. Наконец, я попросил его рассмотреть штаны из мышиной кожи, которые были тогда на мне.

Я едва убедил капитана принять от меня в подарок хотя бы зуб одного лакея, заметив, что он с большим любопытством рассматривает этот зуб, видимо, очень поразивший его воображение. Капитан принял подарок с благодарностью, которой не заслуживала такая безделица. Зуб этот по ошибке был выдернут неопытным хирургом у одного из лакеев Глюмдальклич, страдавшего зубной болью, но оказался совершенно здоровым. Вычистив его, я спрятал как диковину себе в комод. Он был около фута в длину и четыре дюйма в диаметре.

Капитан остался очень доволен моим безыскусственным рассказом и выразил надежду, что по возвращении в Англию я окажу услугу всему свету, изложив его на бумаге и сделав достоянием гласности. На это я ответил, что, по моему мнению, книжный рынок и без того перегружен книга ми путешествий; что в настоящее время нет ничего, что показалось бы нашему читателю необыкновенным, и это заставляет меня подозревать, что многие авторы менее заботятся об истине, чем об удовлетворении своего тщеславия и своей корысти, и ищут только развлечь невежественных читателей; что моя история будет повествовать только о самых обыкновенных событиях и читатель не найдет в ней красочных описаний диковинных растений, деревьев, птиц и животных или же варварских обычаев и идолопоклонства дикарей, которыми так изобилуют многие путешествия. Во всяком случае, я поблагодарил капитана за его доброе мнение и обещал подумать об этом.

Капитан очень удивлялся, почему я так громко говорю, и спросил меня, не были ли туги на ухо король или королева той страны, где я жил. Я ответил, что это следствие привычки, приобретенной за последние два года, и что меня, в свою очередь, удивляют голоса капитана и всего экипажа, которые мне кажут-

ся шепотом, хотя я слышу их совершенно ясно. Чтобы разговаривать с моими великанами, необходимо было говорить так, как говорят на улице с человеком, стоящим на вершине колокольни, за исключением тех случаев, когда меня ставили на стол или брали на руки. Я сообщил ему также и мое другое наблюдение: когда я вошел на корабль и вокруг собрались все матросы, они показались мне самыми ничтожными по своим размерам существами, каких только я когда-либо видел. И в самом деле, с тех пор, как судьба забросила меня во владения этого короля, глаза мои до того привыкли к предметам чудовищной величины, что я не мог смотреть на себя в зеркало, так как сравнение порождало во мне очень неприятные мысли о моем ничтожестве. Тогда капитан сказал, что, наблюдая меня за ужином, он заметил, что я с большим удивлением рассматриваю каждый предмет и часто делаю над собой усилие, чтобы не рассмеяться; не зная, чем объяснить такую странность, он приписал ее расстройству моего рассудка. Я ответил, что его наблюдения совершенно правильны, но мог ли я держать себя иначе при виде блюда величиною в три пенса, свиного окорока, который можно было съесть в один прием, при виде чашки, напоминавшей скорлупу ореха, — и я описал ему путем таких же сравнений всю обстановку и все припасы. И хотя королева снабдила меня всем необходимым, когда я состоял на ее службе, тем не менее мои представления всегда были в соответствии с тем, что я видел кругом, причем я так же закрывал глаза на свои ничтожные размеры, как люди закрывают их на свои недостатки. Капитан отлично понял мою шутку и весело ответил мне старой английской поговоркой, что у меня глаза больше желудка, так как он не заметил у меня большого аппетита, несмотря на то что я постился в течение целого дня. И, продолжая смеяться, заявил, что заплатил бы сто фунтов за удовольствие посмотреть на мою комнату в клюве орла и в то время, как она падала в море со страшной высоты; эта поистине удивительная картина достойна описания в назидание грядущим поколениям. При этом сравнение с Фазтоном было настолько очевидно, что он не мог удержаться, чтобы не применить его ко мне, хотя я не был особенно польщен им.

Побывав в Тонкине, капитан на обратном пути в Англию занесен был на северо-восток к 44 градусов северной широты и 145 градусов долготы. Но так как спустя два дня после того, как я был взят на борт, мы встретили пассатный ветер, то долго шли к югу и, миновав Новую Голландию, взяли курс на ЗЮЗ, потом на ЮЮЗ, пока не обогнули мыс Доброй Надежды. Наше плавание было очень счастливо, но я не буду утомлять читателя его описанием. Раз или два капитан заходил в порты запастись провизией и свежей водой, но я ни разу не сходил с корабля до самого прибытия в Даунс, что произошло 5 июня 1706 года, то есть спустя девять месяцев после моего освобождения. Я предложил капитану в обеспечение платы за мой переезд все, что у меня было, но он не согласился взять ни одного фартинга. Мы дружески расстались, и я взял с него слово навещать меня в Редрифе. Затем я нанял лошадь и проводника за пять шиллингов, взятых в долг у капитана.

Наблюдая по дороге ничтожные размеры деревьев, домов, людей и домашнего скота, я все думал, что нахожусь в Лилипутии. Я боялся раздавить встречавшихся на пути прохожих и часто громко кричал, чтобы они посторонились; такая грубость с моей стороны привела к тому, что мне раз или два чуть не раскроили череп.

Когда я пришел домой, куда принужден был спрашивать дорогу, и один

из слуг отворил мне двери, я на пороге нагнулся (как гусь под воротами), чтобы не удариться головой о притолоку. Жена прибежала обнять меня, но я наклонился ниже ее колен, полагая, что иначе ей не достать моего лица. Дочь стала на колени, желая попросить у меня благословения, но я не увидел ее, пока она не поднялась, настолько я привык задирать голову и направлять глаза на высоту шестидесяти футов; затем я сделал попытку поднять ее одной рукой за талию. На слуг и на одного или двух находившихся в доме друзей я смотрел сверху вниз, как смотрит великан на пигмеев. Я заметил жене, что они, верно, вели слишком экономную жизнь, так как обе вместе с дочерью заморили себя и обратились в ничто. Короче сказать, я держал себя столь необъяснимым образом, что все составили обо мне то же мнение, какое составил капитан, увидя меня впервые, то есть решили, что я сошел с ума. Я упоминаю здесь об этом только для того, чтобы показать, как велика сила привычки и предубеждения.

Скоро все недоразумения между мной, семьей и друзьями уладились, но жена торжественно заявила, что больше я никогда не увижу моря. Однако же моя злая судьба распорядилась иначе, и даже жена не могла удержать меня, как скоро узнает об этом читатель. Этим я оканчиваю вторую часть моих злосчастных путешествий.

Конец второй части. Продолжение следует

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Литературный журнал "АВТОГРАФ" приглашает к сотрудничеству
Авторов, пишущих поэзию и прозу в следующих жанрах:

**беллетристика,
драматургия,
детективы,
приключения,
фантастика,
фэнтези,
сказки,
мистика,
триллер.**

А также, раздел журнала **"ЮНЫЙ ЛИТЕРАТОР"** ожидает литературные произведения и рисунки юных Авторы - тех, кому еще не исполнилось 16 лет.

К публикации принимаются литературные произведения на русском языке; произведения ранее опубликованные, изданные или размещенные в сети Интернет.

В настоящее время литературный журнал «Автограф» издается в электронном формате. Авторы получают журнал в формате PDF.

Публикация в журнале бесплатная.

К печати не принимаются произведения, в тексте которых присутствует: описание жестокости, призыв к насилию, проявление национализма, пропаганда наркотиков, описание откровенно эротических сцен, наличие нецензурных выражений.

Подробнее о работе журнала Вы можете узнать на нашем сайте:

<http://lit-avtograf.com>

Со всеми вопросами, предложениями и пожеланиями Вы можете обратиться к нам по адресу электронной почты: **gr-avtograf@mail.ru**

Дорогие Друзья!

Если Вам понравился наш журнал, и Вы хотите поддержать его развитие - мы будем Вам очень благодарны!

Яндекс - кошелек: 41 00 14 87 96 48 025

Редколлегия журнала

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Я ЧТО-ТО ЧАСТО ЗАМЕЧАЮ ...

Я что-то часто замечаю,
к чьему-то, видно, торжеству,
что я рассыпанно мечтаю,
что я растрепанно живу.
Среди совсем нестрашных с виду
полужеланий,
получувств
щемит:
неужто я не выйду,
неужто я не получусь?
Меня тревожит встреч напрасность,
что и ни сердцу, ни уму,
и та не праздничность,
а праздность,
в моем гостящая дому,
и недоверье к многим книжкам,
и в настроеньях разнбой,
и подозрительное слишком
неупоение собой...

Со всем, чем раньше жил, порву я,
забуду разную беду,
на землю, теплую,
парную,
раскинув руки,
упаду.
О мой ровесник,
друг мой верный!
Моя судьба —
в твоей судьбе.

Давай же будем откровенны
и скажем правду о себе.
Тревоги наши вместе сложим,
себе расскажем и другим,
какими быть уже не можем,
какими быть уже хотим.
Жалеть не будем об утрате,
самодовольсиво разлюбя.
Завязывается
характер
с тревоги первой за себя.

